ТРЕЗВОМЫСЛИЕ

СБОРНИК ТВОРЕНИЙ РУССКИХ ПОДВИЖНИКОВ
БЛАГОЧЕСТИЯ ОБ ОСНОВАХ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
И МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

ТОМ II

ТРЕЗВОМЫСЛИЕ

СБОРНИК ТВОРЕНИЙ
РУССКИХ ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ
ОБ ОСНОВАХ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
И МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II

НОВО-ТИХВИНСКИЙ
ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
г. Екатеринбург

Паломник
МОСКВА
2009 по Р.Х.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВИКЕНТИЯ,
АРХИЕПИСКОПА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО
И ВЕРХОТУРСКОГО

Предлагаемый вниманию читателей сборник творений русских подвижников благочестия XV—XIX столетий подробно раскрывает святоотеческое учение об умном делании и монашестве. Книга содержит как теоретические сведения об основах духовной жизни, так и практические рекомендации, необходимые для опытного прохождения духовного делания.

Для настоящего издания сестрами переводческой группы Ново-Тихвинского женского монастыря выполнены переводы с церковнославянского языка тех аскетических творений преподобных Паисия Величковского, Василия Поляномерульского, Нила Сорского и Зосимы Верховского, которые в своем большинстве почти не публиковались на русском языке.

В конце второго тома приводятся краткие сведения о святых отцах, чьи творения вошли в настоящий сборник.

Составитель настоящей книги искренне благодарит М. А. Жгун, О. А. Родионова, А. П. Власюка за предоставление текстов ранее не изданных творений преподобного Паисия Величковского, кандидата филологических наук А. А. Плетневу за консультации при переводах с церковнославянского языка, а также сотрудников РГБ и лично доктора исторических наук И. В. Левочкина, заведующего сектором рукописных книг НИОР РГБ, за помощь в поиске рукописного наследия преподобного Зосимы Верховского.

© Схиигумен Авраам (Рейдман), составление, предисловие, 2009
© Ново-Тихвинский женский монастырь, 2009
© Ново-Тихвинский женский монастырь, перевод сочинений, отмеченных в содержании знаком *, 2009

ISBN 987-5-94512-089-1
ISBN 987-5-94512-091-4 (т. 2)

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ ИЕРЕЮ ДИМИТРИЮ*

Авраамовым делам подражателю, заповедей Божиих усердному делателю, моему вседражайшему другу, господину отцу Димитрию-иерею — о Господе радоваться!

О имени Господа нашего Иисуса Христа (ведь подобает, как сказал святой Иоанн Лествичник, от Бога начать слово к Божию угоднику) задумал я тебе, вседражайшему моему другу, истинному рабу Христову, призвав Его Божественную благодать в помощь немощи ума моего — ведь без Него, по неложному Его слову, не можем творить ничего (см. Ин. 15, 5), — хотя бы малое нечто написать кратчайшим моим словом об общем житии и треблаженном послушании, которое для общего жития, лучше же сказать, и для всего монашества есть корень и основание; полагаю, что такое мое к тебе письмо более всего будет благоприятно для вселюбезной мне и всесвященной твоей души, которая имеет в себе даже и доныне неугасимый, вверженный Богом огонь любви к монашескому житию и хранит его богоугодно.

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 238–256.

Знай, всевозлюбленный мой друг, что Дух Святой через святых отцов всё монашеское житие определил и установил разделить на три чина: на отшельническое уединенное пребывание, на совместное жительство с одним или двумя братьями и на общее житие.

Отшельническое житие таково: кто-либо вдали от людей в пустыне пребывает один и во всем, что касается его души, а также пищи, одежды и прочих телесных потребностей, на одного лишь Бога надежду имеет, в бранях своих и немощах душевных и телесных только Его одного имея помощником и утешением, всякого утешения этого мира чуждаясь и сторонясь ради любви Божией.

Жительство с одним или двумя состоит в следующем: старец, искусный в Святом Писании, пребывает на безмолвии и имеет одного ученика или двух, живущих вместе с ним в послушании и повиновении ему душой и телом.

Общее же житие, которое, согласно святому Василию Великому, начинается (по примеру жизни Господа с учениками) не менее чем с двенадцати братьев и затем, насколько Бог помогает, возрастает и становится многолюдным собранием, состоящим из людей одного или, что чаще бывает, многих народов, — заключается в следующем: все собравшиеся вместе во имя Христово братья имеют единую душу, единое сердце, единую мысль и единое произволение служить Христу деланием Божественных Его заповедей и друг друга тяготы носить, повинуясь друг другу в любви Божией, они имеют для этого отцом своим и наставником настоятеля обители, искусного в разумении Божественного Писания, словом и делом наставляющего, и во всем ему, как Самому Господу, повинуются с крайним и совершенным отсечением и умерщвлением своей воли и рассуждения, то есть заповедям его и учению, если таковые согласны будут с заповедями Божиими и учением отцов, нисколько не сопротивляясь, но всеусердно стараясь повеленное им исполнять со страхом Божиим, верой и любовью. Всё необходимое для удовлетворения телесных потребностей имея общее, своего

собственного имущества движимого и недвижимого совершенно не должны они иметь ни в каком виде (ср.: Деян. 2, 44; 4, 32).

Во всех этих трех чинах, как установленных Духом Святым, многие из святых отцов в совершенстве угодили Богу и дарованиями духовными просияли, как солнце. И о всех этих трех чинах и устроениях монашеского жития святые отцы приводят свидетельства из Божественного Писания.

О первом чине, то есть об уединенном житии, они, с одной стороны, рассуждая о высоте такого жительства, которое приличествует одним совершенным и бесстрастным и тем, кто чудесно по смотрению Божиему призван к такому житию, с другой же — рассматривая присущую нам, новоначальным и страстным, немощь и многоразличные обольщения вражеские, последующие за самочинным житием, приводят свидетельство из Писания: «Горе одному! Если впадет в уныние, или сон, или разленение, или отчаяние, нет среди людей того, кто восставил бы его» (см. Еккл. 4, 10).

Жительство с одним или двумя святые отцы хвалят, называя его прехвальным ангельским пребыванием и царским путем, и приводят из Писания свидетельство Господне: «Идеже еста два или трие собрани о имени Моем, тамо есмь посреде их» (Мф. 18, 20).

Об общем же житии приводят свидетельство из Святого Писания: «Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132, 1).

Поскольку монашеское житие распределено так на три чина, преподобный Иоанн Лествичник исходящим из мира в монашество преподает совет не уклоняться ни направо, ни налево, но царским путем идти (см. Чис. 20, 17), то есть не отходить в пустыню, поскольку уединенное пустынное житие ангельской крепости требует. И новоначальный, а в особенности побеждаемый такими душевными страстями, как гнев, ярость, тщеславие, зависть,

самомнение и прочие, даже и следа такого пустынного жительства, сказал Иоанн Лествичник, да не дерзает видеть, чтобы исступлением ума не пострадать, и в общежитие да не дерзает входить — не потому, что оно неполезно (ибо что полезнее такого жития, хваля которое, святой Василий Великий говорит, что недостает его словам силы для похвалы высоты и величия такого жития), но потому, что оно великого требует терпения.

Советует же святой ходить царским путем, то есть иметь пребывание с одним или двумя, поскольку такое житие является удобнейшим для многих, как не требующее столь великого терпения, какое нужно в общежитии, и как жительство немного более отрадное. Ведь повиноваться во всем одному своему отцу или еще живущему с ним брату не столь удивительно и меньшего терпения требует.

В общежитии же с многочисленной братией не только отцу своему, но и всем братьям, и самым последним повиноваться, и терпеть от них досаждение, бесчестие, поругание и всякий вид искушения, и иметь себя прахом и пеплом под ногами у всех, и, как раб купленный, служить всем со смиренномудрием и страхом Божиим, и претерпевать с разумом постоянную последнюю нищету, присущую общему житию, и скудость потребного для тела в пище и одежде — это дело великого, крайнего и страдальческого терпения; и претерпевающие до конца в таком богоугодном общежитии столь великой награды в будущем блаженстве сподобляются от Подвигоположника Христа Бога нашего, что умом человеческим того постигнуть и словом выразить невозможно.

И потому, по рассуждению святых отцов, два эти чина монашеского жития, то есть пребывание с одним или двумя и общее житие, предлагаются исходящим из мира в монашество на выбор, в каком кто пожелает, отрекшись от мира, служить Христу: в первом ли, как отраднейшем по сказанному, или во втором, страстотерпческом, общежитии, дабы и сугубый венец, по слову Лествичника, от Бога в день праведного по делам воздаяния получить.

Третий же чин, то есть пустыню, святые отцы отнюдь не повелевают и не советуют избирать себе для жительства исходящим из мира новоначальным по той причине, что пустынное житие они уподобляют Христову на Кресте распятию, а общее житие — страстям Христовым, которые Он ради нашего спасения прежде Креста претерпел.

Ведь как Христос, Спаситель наш и Подвигоположник нашего спасения, Который во всем Самим Собой, пречистым Своим в мире житием образ и начертание нам представил для благоугождения Ему, не прежде претерпел на Кресте распятие, а затем пречистые Свои страсти, но прежде — страсти, а затем — Крест, так и хотящему угодить Богу в иночестве необходимо, как повелевают святые отцы, по примеру Господа начинать житие свое с общего жительства, которое соответствует страстям Христовым, и страдать в нем вместе со Христом при совершенном отсечении своей воли и рассуждения; бесчестие же, поругание, укоризну и всякий вид искушения с великой и неизреченной радостью претерпевать, пока не станет непорочным в смирении. А именно должен он все эти искушения с великой и неизреченной радостью претерпевать и, как пития небесного, желать их на всякий час, искушающих же его должен почитать как великих своих благодетелей и ходатаев своего спасения, себя имея под ногами всех, подобно праху и пеплу, от всей души считая себя недостойным жить с ними и на чье-либо лицо взирать.

И от такого долговременного и глубокого своего смирения, которое в общем житии он стяжал с помощью царицы добродетелей — треблаженного послушания, возгорается в блаженной душе его пламень неизреченной любви Божией, и не может он более, по святому Арсению, быть с Богом и с людьми; и такой по совету отцов может уйти в пустыню, которая соответствует распятию Христову на Кресте, — для того чтобы совершенно уже умертвить себя для этого мира, а со Христом распяться. Именно такому искусному

истинному воину Христову, прежде обучившемуся посреди множества Христовых воинов умело бороться с невидимыми врагами своими духовным оружием, а затем вышедшему на единоборство, Бог помогает одержать над врагами преславную победу; и Он венчает такого неизреченными Своими Божественными дарованиями, как совершенного Своего угодника и страдальца, должным образом подвизающегося. И для такого пустыня бывает умножением Божественной любви, поскольку сподобляется он весь быть в Боге и Бог бывает в нем.

После того как всё это так чудно Духом Святым через святых отцов установлено и устроено, если кто, уйдя из мира в монашество и презрев такое законоположение Духа Святого, вместо того чтобы предать себя в общежитии в святое и блаженное, по слову, то есть по разуму, писания, послушание (через которое он смог бы благодатью Христовой стяжать истинное смирение, а через него избавиться от своих страстей, в особенности же душевных), из кичливого усердия устремится в пустыню, будучи страстным и немощным душой и неискусным в подвиге духовном, и изберет для себя житие безмолвное и уединенное, желая, вместо того чтобы подражать страстям Христовым в общежитии, сразу же ранее времени на Крест Христов взойти удалением в пустыню, на такого гнев Божий приходит за его презорство, и он, как неискусный воин, не научившийся в общежитии искусству мысленной брани и не умеющий еще даже оружия духовного в руках держать, но дерзнувший отлучиться из стана искусных воинов Христовых на единоборство, чтобы наедине бороться с врагами своими — бесами, вместо победы, по Божиему попущению за его презорство, терпит поражение, падает перед врагами своими и вскоре бывает ими умерщвлен. Ибо, говорят отцы, это дело сильных и совершенных — наедине с бесами бороться и меч, который есть слово Божие (см. Еф. 6, 17), против них извлекать. Дерзкий же такой и презорливый, прежде времени устремившийся в пустыню,

вместо пшеницы пожнет терние и вместо спасения обретет погибель. Почему? Потому что он становится презрителем и разрушителем такого Богом преподанного чина, который, как сказано прежде, Христос Бог наш Своим пренепорочным и пречистым во плоти житием для нас установил; и вместо того чтобы страдать со Христом в общежитии, он дерзнул по гордыне своей на Крест Его взойти, избрав для себя прежде общежития пустыню. И такой не пустынник, но самочинник, и житие такого не пустыня и уединенное безмолвное пребывание, но самочиние. И за таким самочинным житием обычно не последует никакого блага, но только одна прелесть диавольская, и от такого самочинного и бесчинного жительства и пребывания и в древние времена и в нынешние многое множество иноков погибли, будучи прельщены диаволом, сойдя с ума и различными и страшными способами себя умертвив. От такой прелести да избавит всех нас Христос Спаситель наш Своей благодатью.

Что же скажу и что возглашу о земном небе — общем житии — и о древе жизни, насажденном в нем Богом, — треблаженном послушании, к которому немощные и новоначальные прибегают, не смея прежде времени наедине бороться с врагами своими, и, вкушая от бессмертного плода этого древа, крайним и страстотерпческим отсечением своей воли и рассуждения избегают смерти и всякой прелести диавольской, которые преследуют самочинников.

Ограда и покров для такого жительства — Дух Пресвятой; и такое житие — пристанище тихое и необуреваемое для всех хотящих избавиться от треволнения этого суетного мира. Оно — корабль, благоуправляемый Духом Святым, безопасно переправляющий тех, которые вошли в него и такому благому управлению без сомнения повинуются, к пристани Царствия Небесного через соленое море этой жизни, не боящийся мысленного потопа страстей. Оно — общая врачебница и верное

врачевание для всех одержимых душевными и телесными страстями и поистине хотящих от них исцелиться. Оно — законное обучение мысленной брани против мысленного врага для воинов Христовых, хотящих одержать над ним преславную и душеспасительную победу, и для них оружие на него непобедимое есть Сам Пресвятой и Поклоняемый Дух.

Общее житие и святое в нем послушание сам Христос Спаситель наш Своим примером установил на земле для людей и предложил как образ совершеннейшего богоугождения Ему, проведя жизнь в общем житии со Своими учениками и апостолами, которые во всем повиновались Божественным Его заповедям. Ибо Он, прежде насадив на небесах у ангелов и в раю у людей корень и основание общего жития — божественное послушание, как главнейшую из всех добродетелей и Им любимейшую добродетель, затем ее же, разоренную завистью диавольской и немощью нашей, по крайнему и неизреченному Своему человеколюбию и благоутробию Сам в Себе Самом возобновил и восстановил, быв послушен Отцу Своему даже до смерти (см. Флп. 2, 8), и, послушанием Своим наше исцелив преслушание, отверз всем истинно в Него верующим и повинующимся Божественным Его заповедям двери Царствия Небесного.

Последуя этому примеру Христову, в первенствующей Церкви восемь тысяч христиан жили общежительно, не имея ничего своего, но всё имея общее, и благодаря такому житию сподобились стяжать сердце и душу единую (см. Деян. 4, 32).

В таком общежитии проводили жизнь и древние преподобные отцы по всей вселенной, в лаврах и монастырях, приняв законоположение[1], которое было записано устами Христовыми — святым Василием Великим, и просияли более солнца. Ибо ни одно иное жительство не приносит человеку преуспеяния так, как

---

[1] Имеется в виду устав святителя Василия для общежительных монастырей.

приносит общежитие с блаженным послушанием, проходимое с разумом, избавляющее его в скором времени от всех душевных и телесных страстей ради смирения, которое рождается от блаженного послушания; оно и в первообразное состояние приводит, — чтобы был человек поистине по образу и подобию Божию, как он изначала был создан; и дарованию Божию, полученному в божественном Крещении, позволяет воссиять в человеке более прочих дарований духовных, причастником которых ради благодати Божией сподобляется быть истинный послушник через истинное свое смирение, как многократно и сам он чувством душевным мысленно может ощущать.

Такое общее жительство всех братьев, собранных в нем о имени Христовом, хотя бы они и из разных народов и стран были, столь великой любовью их связывает, что все они становятся единым телом, а друг для друга — членами (см. 1 Кор. 12, 27); все вместе единую имеют главу — Христа, все горят любовью к Богу, к своему по Богу отцу и друг ко другу, все единодушно и единомысленно имеют единое намерение — усердно исполнять и соблюдать Божии заповеди, друг друга к этому поощряют, друг другу с такой мыслью повинуются, друг друга тяготы носят, друг другу бывают господами и друг другу рабами. И за такую свою истинную, духовную и единомысленную любовь становятся они подражателями жизни Господа, апостолов и ангелов, с верой и любовью повинуясь во всем отцу своему по Богу и наставнику, как Самому Богу, все тайны сердца своего ему исповедуют, ничего никогда не утаивают, слово и заповедь от него, как из уст Божиих, с уверенностью принимают; волю свою и рассуждение, противное их отцу, как скверную одежду, оплевывая и проклиная, прочь от себя отбрасывают, избегая этого, как прелести диавольской, страшась, словно геенны огненной, и Бога непрестанно молят о том, чтобы избавиться им от такой тяготы Его благодатью. И к тому прилагают они тщание, чтобы прилепиться к отцу своему, как прилепляется

дитя к матери, и следовать за ним, как овцы следуют за пастырем своим, и, как инструмент повинуется мастеру и как скот — господину своему, так повиноваться отцу своему во всем, без какого-либо своего, противного ему рассуждения. Ибо это божественное послушание, будучи корнем и основанием общего жития и всего монашества, с общим житием настолько связано и соединено, словно душа с телом, и одно без другого не существует.

Вот кратчайшая лестница к небу, одну только ступень отсечения воли имеющая, — вступив на нее, послушник быстрее восходит на небеса. Послушание есть и готовый, возводящий к Богу путь; шедший по нему до конца жизни своей право и без уклонений сподобляется стать сыном Божиим по благодати, наследником Божиим и сонаследником Христа в Царствии Его Небесном. Ведь общее житие есть небо, а послушание святое — небо небес. Потому если кто отпадет от послушания, тот бывает отвержен от Бога и неба, как определяют богоносные отцы, по словам великого Григория Синаита.

Наставниками такого общего жития и всеблаженного послушания в древние времена были великие богоносные отцы, которые сами ради чистоты душ своих и совершенного в заповедях Божиих благоугождения сподобились стать жилищем Святого Духа и, благодаря Ему, подобно солнцу сияя дарованиями духовными, пришли в крайнее бесстрастие и совершенную любовь Божию, Духом Святым руководимые; и Богом собранному своему стаду словом, и делом, и примером своего богоугодного жития они показали истинный путь к спасению, направляя к бдительному хранению заповедей Божиих. Потому и ученики их, словно на столп одушевленный и на светозарное солнце, взирали на святых своих наставников, и сами наставлялись и просвещались во всех добродетелях светом их учения и добрых дел, и к высшему богоугождению приходили, и многое, несчетное и бесчисленное, множество из них спаслось.

В нынешние же лютые времена, когда до крайности оскудело число подобных наставников — что многого плача и рыдания достойно, — если бы какие ревностные из иноков захотели в таком общежительном житии Богу угождать, то им учитель и наставник — Сам Бог и для чтения предназначенное слово тех преподобных отцов, общежительных наставников, по Божию Промыслу даже и доныне сохраненное. На это читаемое слово, как на самих тех отцов, взирая внимательно, читающие со страхом Божиим и рассуждением могут отчасти с Божией помощью и самому богоугодному житию тех отцов быть подражателями, будучи направляемы и вразумляемы отцом своим, о имени Христовом их собравшим или избранным ими единомысленно, — таким, который не от себя, но от Писания Святого и от того же учения святых отцов чад своих духовных поучает.

Ведь в древние времена многие из святых отцов, сами будучи неграмотными, поучали учеников своих от просвещения благодатью Божией. В нынешние же времена отнюдь не повелевают святые отцы кому-либо от себя братию поучать, но только от Писания Святого и от учения преподобных отцов, которые Духом Святым познав тайны и силу Писания Святого и по благодати Духа предузнав немалое оскудение здравого учения и истинных наставников среди иноков в эти последние времена, тем же Духом Святым будучи побуждаемы, написали святое свое и душеполезное учение для нашей вечной пользы и назидания, для утверждения и руководства на пути спасения. И в нынешние времена наставники монахов и сами их ученики, держась этого учения со смиренномудрием и страхом Божиим, как сами не погрешат в отношении своего спасения, так и слушающие их.

Итак, после того как все эти три чина и устроения монашеского жития, их свойства и происходящая от них польза перед твоим боголюбием представлены кратчайшим моим и скудоумным словом, я, зная твою сильную ко мне по Богу любовь и верную

дружбу, хочу и о себе, и о нашем бедном житии хотя бы кратчайшим моим словом известить, даже если ты и знаешь об этом.

Да знает твое Боголюбие, что когда вышел я из мира с неизреченной ревностью — что тебе самому небезызвестно — к тому, чтобы в монашестве усердно служить Богу (Бог знает, отец, я не лгу), то не сподобился в юности моей и в начале моего монашества даже и следа видеть чьего-либо здравого и правого рассуждения, совета и учения, согласного с учением святых отцов, о том, с какого чина мне, новоначальному и неискусному, начать свое бедное монашество и с каким образом мыслей.

Ибо когда я вначале вступил в один пустынный монастырь, где и начало монашеского образа по неизреченному благоутробию Божию удостоился получить, то не сподобился увидеть или уразуметь хоть какой-нибудь след чьего-либо здравого наставления о том, что такое послушание, и в какой силе и с каким разумом оно совершается, и какую сокровенную пользу в себе имеет и послушнику приносит. Потому что ни сам игумен, ни мой восприемник и старец никакого наставления мне об этом не преподали, ибо они постригли меня без всякого подобающего новоначальным искуса, состоящего в отсечении своей воли и рассуждения, и оставили меня жить без всякого духовного руководства. Ибо восприемный мой отец после моего пострижения одну лишь неделю прожил в обители и ушел из нее (куда — неведомо мне и до сих пор), сказав мне только следующее: «Брат, ты грамотный, как тебя Бог научит, так и живи».

Итак, оставшись никем не руководимый, как овца без пастыря, я начал скитаться повсюду, ища, где обрести для души своей пользу, покой и руководство, и не обретал до тех пор, пока не достиг тихого и небурного пристанища Святой Горы в надежде хотя бы там получить для души своей некую отраду. Но и там, когда я туда пришел, мало оказалось братьев из нашего российского народа, к тому же знающих Святое Писание, то есть грамотных.

Итак, желаемого руководства для души моей не сподобившись получить, сидел я в одной келии в мнимом уединении некоторое время и, положившись на Божий Промысл о бедной моей душе, начал читать понемногу отеческие книги, беря их у своих по Богу благодетелей, в сербской и болгарской обителях, и читал внимательно.

Тогда, поскольку Господь вразумил меня, слепого, я словно в зеркале увидел, как и каким образом подобало бы мне бедное мое монашество начинать, и уразумел, сколь великой благодати Божией я лишился по своему невежеству, не предав себя душой и телом какому-нибудь искусному отцу в послушание, ни от кого на такое святое дело не сподобившись получить наставления. И понял я, что мое бедное мнимое безмолвие — не моей меры, но жить наедине есть дело совершенных и бесстрастных, и далее был я в недоумении о том, где бы мне предать себя в послушание, о котором много раз, как дитя по умершей матери, воздыхал и плакал. Но не найдя по многим благословным причинам, где бы жить в повиновении, задумал я царским путем проходить свою жизнь с одним единомысленным и единодушным братом: вместо отца иметь нам своим наставником Бога и учение святых отцов, повиноваться и служить друг другу, иметь единую душу и единое сердце, всё к поддержанию своей жизни иметь общее, зная, что этот путь монашества засвидетельствован святыми отцами на основе Святого Писания. А поскольку Бог помог такому моему благому намерению, пришел на Святую Гору во всем единомысленный со мной брат, в общине нашей первый, который даже и доныне, по благодати Христовой, в живых пребывает, и начал жить со мной единодушно. И таким образом, по благодати Христовой, душа моя обрела отчасти некую отраду и многожеланный покой, поскольку и я, окаянный, сподобился видеть хотя бы некий след пользы от святого послушания, которое мы друг к другу имели через отсечение нашей воли, вместо отца и наставника имея учение святых отцов наших и повинуясь друг другу в любви Божией.

Но недолго я наслаждался таким житием, потому что и другие братья, приходившие из мира в иночество, видя такое наше любовное с братом совместное жительство, ревностью возревновали присоединиться к такому же житию и начали меня усердным своим молением настойчиво упрашивать принять их к себе в сожительство и ученичество. Я же долго отказывался, боясь и трепеща принять кого-либо в ученичество, считая это делом совершенных и бесстрастных, а сам будучи немощным и страстным, и не принимал их — одного четыре года, другого три, иного два, а иных иное некое продолжительное время.

Однако после, убежденный, с одной стороны, великим беспокойством, какое они мне своими мольбами причиняли, с другой — слезным молением живущего со мной брата, очень братолюбивого, начал я и нехотя принимать к себе в сожительство по одному, каждому из них по силе моей открывая на основе Святого Писания и учения святых отцов силу святого послушания. И видя, что они имеют неизреченную веру и любовь к Святому Писанию и ко мне, недостойному, а друг с другом — мир и единомыслие, весьма такому их благому произволению радовался душой и прославлял Бога, положившись на неизреченный Промысл Божий о душевном и телесном их окормлении, и принимал по одному предающих себя со всем усердием душой и телом в блаженное послушание.

И таким образом из царского пути, то есть из сожительства с одним или двумя братьями, составилось, по благодати Христовой, и наше общее житие, поскольку немало умножилось число братьев. Этому житию на Святой Горе Афонской не способствовало само то место, крайне суровое и доставляющее трудности, где даже двое или трое, живя вместе, едва могут с кровавым потом, скажу так, и с трудом удовлетворить свои телесные потребности, а тем более такое множество. Еще же боялись мы и турецких властей, чтобы не возложили они и на наше убогое общество даней, подобных тем, какие платят прочие монастыри святогорские, а это, как я уже

от многих слышал, и должно было произойти. По таким и многим иным причинам, о которых я уже и писал твоей святыне, мы боялись, как бы не произошло крайнего и последнего, многого плача и рыдания достойного разорения этого жития, немалым потом и трудом составленного. Потому, положившись на Бога вездесущего и всё исполняющего и на всяком месте Своего владычества благословляемого, переселились мы все вместе со Святой Горы в православную Молдовлахийскую землю, где в данном нам благочестивым господарем и Преосвященным митрополитом монастыре Драгомирна еще лучше, чем в Святой Горе, утвердилось по благодати Христовой это наше жительство, до того времени пока Господь этого хочет, поскольку земля эта такому жительству отчасти способствует. И собралось уже в общежитии нашем братьев, единодушно в святом послушании Господу служить пожелавших, около ста монахов, кроме мирских послушников; все они имеют единое общее благое стремление — Богу служить усердным соблюдением Его Божественных заповедей.

Во-первых, никакого собственного своего имущества братья не имеют, даже до малейшей вещи, ибо это, по святому Василию Великому, первое условие общего жития, которое и в нашем общежитии очень тщательно соблюдается, и настолько, что уже и на ум кому-либо из братии не может прийти пожелания стяжать в общежитии что-нибудь для себя, так как знают, что это путь Иуды предателя. Ибо всякий, когда принимается в наше совместное жительство, имение свое, если бы случилось кому что-либо иметь, и вещи, даже до малейшей вещицы, — всё перед ногами моими и братии полагая, предает это Господу, а вместе и самого себя душой и телом предает в святое послушание до самой смерти; иначе же никому в общество наше быть принятым невозможно.

Во-вторых, они понуждают себя не иметь даже и собственной воли и рассуждения, но строго соблюдать благоразумное послушание. Ибо это — второе условие общего жития, его корень

и основание, как уже и сказано было многократно; и это условие, по благодати Божией, насколько возможно нашей человеческой немощи в это время, и в нашем общежитии строго соблюдается. Ведь даже и невозможно никому в общество наше быть принятым, если не имеет он намерения душой и телом и всем своим произволением предать себя в святое и блаженное и Святым Писанием засвидетельствованное послушание, дабы уже впредь не творить своей воли, не держаться своего рассуждения и не руководить собой, но быть руководимым и пасомым учением преподобных отцов наших. Это учение для жизни нашей по Богу есть кормчий, наставник и руководитель к спасению, его я всем вместе и каждому в отдельности устами своими грешными предлагать дерзаю на осуждение моей окаянной души в день судный, ибо говорю и предлагаю братии совет душеполезный, а сам не творю ни единого благого дела.

Поскольку житие наше имеет такое основание, а именно нестяжание и послушание, то и все прочие общежительные уставы, о которых писать тебе подробно сейчас нет времени, в общежитии нашем по благодати Христовой соблюдаются, насколько возможно, а братья понуждают себя истинную и нелицемерную любовь Божию друг к другу стяжать. Ибо они, во-первых, возлюбив Господа и ради любви к Нему всё прекрасное и сладостное этого мира сочтя за нечистоту, оставили всё это и вслед за Господом своим, взяв крест свой, пошли; также они себя понуждают тяготы друг друга носить, сердце и душу единую иметь, друг друга к добрым делам побуждая, друг друга верой и любовью ко мне, недостойному, превзойти стараясь, как чада Божии; и я, видя их таким образом подвизающихся, радуюсь душой и со слезами прославляю Бога за то, что сподобил меня Господь видеть таких Своих рабов, и с ними жительство иметь, и лицезрением их утешаться. Ведь я, словно ангелов Божиих, видя братьев, к святому послушанию себя понуждающих, недостойным себя считаю даже и на след

их ступить, видя себя лишенным такой Божией благодати, то есть святого послушания.

Не все в нашем общежитии достигли одной меры преуспеяния, но ведь это и невозможно. Одни из братьев — каких большинство — до конца умертвили свою волю и рассуждение, во всем повинуясь мне и братии, и, словно Самому Господу, оказывают братии послушание в страхе Божием и со многим смирением, претерпевают бесчестие, поругание, укоризну и всякий вид искушения со столь великой радостью, какую испытывает кто-либо сподобившийся некой великой Божией благодати, и этого[2] всегда ненасытно желают, всегда и непрестанно себя пред Богом в тайне сердца своего укоряют и считают себя малейшими и последнейшими из всех. Другие же — опять немалые числом, — падая и вставая, согрешая и каясь, претерпевая укоризну и искушение, хотя и с трудом, но всё же понуждают себя от всей души сравняться с первыми и об этом усердно молят Бога со слезами. Иные же — немногие числом, — слабые и немощные, как младенцы, не могут еще принять твердой пищи, то есть претерпевать укоризны и искушения, нуждаются еще в том, чтобы их питали молоком милости, человеколюбия и снисхождения к немощам их до тех пор, пока не придут в духовный возраст терпения; одним благим произволением и постоянным самоукорением они скудость свою восполняют. Многократно и выше силы своей, до крови понуждают они себя претерпевать бесчестие и волю свою оставлять, то есть труд великий совершают, словно кровь пред Богом изливают, со слезами моля Бога о помощи им. И такие, хотя они и немощнейшие, однако «нуждницами» (см. Мф. 11, 12) Царствия Небесного будут сочтены пред Богом. Все они хотя и не в одной, как сказано, мере, однако все вместе понуждают себя соблюдать Божии и святоотеческие заповеди и, будучи связаны друг с другом нерушимым союзом любви Божией, ради любви Божией и своего

[2] То есть бесчестия и поругания.

спасения претерпевают постоянную скудость в телесных нуждах с великодушием и непрестанным благодарением Бога, на одного Бога возлагая надежду как о своем спасении, так и об удовлетворении телесных, к поддержанию жизни необходимых потребностей.

Представив в этом письме для тебя многожеланное, как я думаю, известие о трех устроениях монашеского жития, а вместе и о нашем многонищенском и убогом общежитии, — которое хотя и отстоит от общего жития, бывшего во дни святых отцов наших, как земля от неба, однако, насколько возможно, тем более в эти пребедные времена, с помощью благодати Божией составилось и держится, — сообщаю и о себе. По щедротам Божиим я, хотя и в немощи телесной, еще нахожусь в этой жизни. Непрестанную скорбь и болезнь душевную имею я о том, с каким лицом предстану страшному Судии на страшном Его и беспристрастном судилище и какой отчет дам о стольких душах братьев, предавших себя мне в послушание, ведь не могу даже и об одной моей окаянной душе дать ответа, видя во всем слабость свою душевную и немощь, и не могу ни в одном добром деле явить собой примера для братии, чего требует моя должность в этом жительстве. После Бога и Богородицы только на молитвы братьев, со мной живущих, возлагаю несомненную надежду на свое спасение, хотя и недостоин, и не отчаиваюсь в том, что неизреченное и непостижимое Божие милосердие изольется и на мою грешную душу; если же нет, но праведно правосудием Божиим буду осужден по моим злым делам на вечную муку, да будет благословен Бог, ибо я достоин этого за мое о Божественных Его заповедях нерадение. Только о том я всегда молю Его благоутробие, чтобы Он по милости Своей за премалейший мой труд, какой я когда-либо имел или имею об этом общежитии, собранном во имя Его Пресвятое, хотя бы той милости Своей меня удостоил, чтобы сподобился я видеть в Царствии Его Небесном — как тот богач видел Лазаря на лоне Авраамовом, — что чада мои духовные, истинные рабы и страдальцы Христовы, за свое

нынешнее маловременное злострадание в послушании насыщаются с ангелами и святыми, в послушании Ему угодившими, божественным лицезрением Его. И этого было бы мне достаточно вместо всякой награды; впрочем, их святыми молитвами надеюсь я, окаянный, и спастись, о чем и святыню твою умоляя молить за меня Бога, всесмиренно пребываю искренним твоим и спасения тебе желающим другом.

Превожделенного лицезрения тебя искренне желаю. Неизменный друг, о имени Христовом собранного братства недостойный предстоятель иеромонах Паисий.

16 мая 1766 года
Молдовлахийская общежительная обитель Драгомирна
Письмо это послано с отцами Гавриилом и Спиридоном.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ИЕРЕЮ ДИМИТРИЮ*

Всевозлюбленному моему другу, усердному делателю заповедей Христовых, благоговейнейшему во иереях отцу Димитрию — о Господе радоваться!

Благодарю Христа Бога за то, что искру огня Божественного, еще в юности твоей Им в блаженное твое сердце ввержен-ную, ты деланием прилежным душеспасительных Его заповедей соблюл неугасимой и желаешь разжечь ее в пламень совершенной к Нему любви получением, если Господь захочет, ангельского образа.

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 257–259.

Но великое у тебя к этому, любимец мой, имеется препятствие, ибо оженившийся, по Лествичнику, уподобился тому, кто имеет руки и ноги связанные, и если и захочет идти в иночество, не может. Во-вторых, ты обязался пасти паству словесных Христовых овец, которую небезопасно оставить просто так и как случится. В-третьих, привычку, приобретенную в мирской жизни за столь долгое время и превратившуюся почти в естество, еще же к жене и детям вкорененную естественную любовь, а также к миру и сущему в мире пристрастие оставить весьма нелегко. Находясь в таком положении, как сможешь от неудоборазрешимых этих уз освободиться и эти препятствия преодолеть?

Во-первых, превозлюбленный, следует тебе с данной тебе Богом помощницей иметь об этом духовный совет, поступая с ее на это дело позволения. Во-вторых, должно детей своих законно и по Богу устроить. В-третьих, что самое главное, нужно у Преосвященнейшего архипастыря, если бы Дух Святой вдохнул в святое его сердце согласие на это, испросить: тебе — на такое святое дело благословение, а для паствы твоей — после тебя искусного пастыря. «Сеяй о благословении, о благословении и пожнет» (2 Кор. 9, 6). И поскольку ты начнешь совершать дело свое по чину, будет твое стремление к монашеству по Богу крепко и непоколебимо, похвально перед Богом и людьми.

Но если бы ты и этих вышеописанных средств[3] по Божией благодати легко сподобился и от всякого препятствия избавился, то и еще должно было бы тебе с великим рассуждением пересчитывать свое душевное имение и так столп монашества начинать возводить, — да не будет твое дело, из-за безрассудного начала строительства и неоконченности его, посмешищем и поруганием, по Евангелию (см. Лк. 14, 28–29); и чаша

[3] К получению пострига.

сия со слезами, и хлеб монашества с горечью да не будут нам из-за нерассудительности в осуждение в день Судный. Ибо никто, — говорит Лествичник, — не войдет в чертог небесный с венцом, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое — отречение от мира и того, что в мире; второе — отречение от своей воли и рассуждения; третье — отречение от тщеславия, последующего за послушанием. Из них первое — удобнейшее, но для боголюбцев. Второе до смерти требует подвига и труда кровавого. Третье достигается непрестанным укорением себя. Всем же им соприсутствует невидимая Божия помощь, без которой ни одного из них исполнить невозможно.

Потому, всевожделенный, если ты при содействии помогающей тебе Божией благодати уповаешь, что сможешь, освободившись от преждеупомянутых препятствий, поистине отречься от мира и от всего, что в мире, отречься также и от воли своей и рассуждения, и предать себя в истинное по Богу и Божиим заповедям до самой смерти послушание, и отнюдь ничего из своего имущества, даже до малейшей вещи, не иметь, считать же себя меньшим и последнейшим из всех и претерпевать великодушно мысленную брань, непрестанно наносимую рабам Божиим невидимым врагом душ наших, если имеешь еще произволение до смерти любви ради Божией со сладостью претерпевать голод и жажду и скудость в потребном для тела, поругание и бесчестие и всякую тесноту и скорбь, которыми начертывается монашеское житие, — радуйся и веселись, прославляй Бога и несомненно веруй, что Бог дивными Своими судьбами твое богоугодное намерение претворит в дело. И пусть ты и в одиннадцатый час жизни своей сподобишься в ангельском образе Богу послужить, однако не усомнись, ибо равную с первыми, от юности своей до старости в иночестве Богу служившими, от всещедрой Божией десницы получишь мзду на Небесах — неизреченные, боголюбцам

уготованные блага, сподобиться которых тебе о Христе Иисусе Господе нашем богомольчески желая являюсь зрения превожделенного лица твоего искренний желатель и неизменный друг, о имени Христовом собранного братства недостойный предстоятель иеромонах Паисий.

18 марта 1772 г.
Общежительная Молдовлахийская обитель Драгомирна
Послано с отцом Спиридоном.

ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ В МОНАШЕСКИЙ ЧИН*

Как должны иноки всегда воевать против трех врагов

Как воины этого мира, сходясь для битвы, облагают себя всяким оружием, чтобы быть страшными для врагов своих, и мужественно ополчаются против них, так и Христовы воины должны себя облагать всяким оружием духовным, когда собираются выйти на брань против невидимых врагов. Как написано, «несть наша брань к плоти и крови, но к началом и властем и миродержителем» (Еф. 6, 12) темным, к трем сильным врагам — телу, миру и диаволу. Да услышим яснее в Евангелии от Матфея в главах 10 и 16, как сказал Господь Своим ученикам: «Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин. Иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин. Иже не приимет креста своего, и в след

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Преподобный Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 238–246.

Мене не[4] грядет несть Мене достоин» (Мф. 10, 37–38). «Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, душу же свою отщетит, или что даст человек измену за душу свою?» (Мф. 16, 25–26).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О ежедневной брани и о том, как иноки должны ополчаться против этих трех врагов и побеждать их

В святом Евангелии Господь явно указал трех врагов, воюющих против нашей души. Первый, наилютейший враг — диавол, против которого Господь повелевает взять крест. Второй враг — тело наше со свойственным ему, — ему противиться Он повелел отвержением отца, матери, сына и дочери. Третий враг — мир; об этом Он сказал: «Аще приобрящет мир весь, кая польза ему?» (см. Мф. 16, 26).

Против трех врагов иноки должны воевать и на них ополчаться всегда, когда бегут на ристалище этого мира (см. 1 Кор. 9, 24). Зрители этой брани — как Бог и ангелы Его, так и диавол и его ангелы. Место брани — расстояние между праведными и грешными. Конь — тело. Всадник и ездок — душа, начальник воинства — ум. Оружие воинов Христовых — вера, как щит непреоборимый. Терпение — как шлем крепкий. Молитва прилежная — как меч. Смирение нелицемерное — как лук и стрелы. Такого оружия весьма боится диавол.

Полки же сатаны и начальники его воинства: первый полк — гордыня, лакомство, нечистота, убийство, тщеславие, ярость, гнев. Диавол над ними начальствует и грехом, как стрелой, поражает душу. Второй полк сатанинской силы — злоба этого мира,

---

[4] Так у преподобного Паисия.

ибо он воюет обольщением и сладостью временной и разнообразными красотами. Потом же и само наше тело воздвигает брань свою на душу объедением, пьянством и вожделением блуда, леностью и прочими страстями греховными. Действительно, весьма трудная у нас брань против первого врага: у видимого естества с невидимым. «Аще не Господь помощник нам будет» (см. Пс. 93, 17) против такого врага, мы не сможем его победить. Но и прочих без помощи Божией мы не одолеем.

Первая ступень к брани и ополчению против этого мира — когда мы удаляемся от него, оставляя его сладострастие и обольстительное мечтание о его красотах, тленном богатстве, временном веселии, и принимаем Христов образ добровольной нищеты, дабы нищетой нашей прославить богатство Того, Кто, будучи богат, обнищал ради нас, чтобы мы обогатились Его нищетой (см. 2 Кор. 8, 9) и приблизились к Богу. Ибо «мир весь во зле лежит» (1 Ин. 5, 19), и всё, что в мире, — прельщающая очи наши похоть плотская и гордость житейская (см. 1 Ин. 2, 16).

Поэтому апостол сказал: «Не любите ни мира сего, ни того, что в мире (см. 1 Ин. 2, 15), ибо если кто хочет другом быть для мира, становится врагом Божиим» (Иак. 4, 4). А потому бегите от этого мира, как Лот от сожжения Содома на гору безмолвного жития Сигор, как Израиль из Египта. Спешите из тьмы греха в землю обетованную, к богоугодному житию, чистому и безгрешному. От вавилонского рабства бегите к синайской свободе. Отвергните мир и пребывающее в нем обольщение, устранитесь от него странствием невозвратным. И так победишь полки первого врага, и победой твоей возвеселишь Небо, и печаль доставишь демонам. Если же он одолеет вас и возьмет в плен души ваши, тогда, даже если и всего мира богатство и красоту приобретете, не будет от этого никакой пользы. Ибо никакими вещами не выкупишь из плена души твоей — или какой выкуп дашь за нее (см. Мф. 16, 26)?

Силу же первой крепости тела преодолеешь, если разлучишься с родственниками своими — отцом, матерью, женой, детьми, братом и сестрой, — ибо они остаются в мирском земном служении, как мертвецы (ср.: Мф. 8, 21–22; Лк. 9, 59–60). Ты же спешишь к служению Божию и отходишь от земного мудрования к небесному, туда, где Христос царствует во веки. Разлучиться же подобает не вообще со всеми родными, но только с теми, которые препятствуют твоему спасению и мудрствуют о земном, говоря: «Женись, сын, и собирай богатство в мире, трудись ради имущества, приобрети села, насади виноградники, собери множество рабов — и веселись среди этого во все дни жизни твоей, ибо ты наследник дома нашего». Подобает бежать от тех родителей и разлучаться с такими, которые вместо света показывают тьму и вместо жизни смерть. Если же родители наши советуют нам благое и приводят нас к Богу и к служению Ему, таких родителей следует крепко любить и почитать за святых и воле и совету их усердно следовать.

Вновь одолеешь тело и разоришь силу его второй крепости, если удержишься от сладкого многоядения и безмерного питья, — тогда постом убьешь вожделение греха и уморишь блудную плотскую похоть. Так же преодолеешь и иные страсти или прилоги греховные: леность разрушишь бодростью, желание блуда — целомудрием чистоты, ибо таковыми стрелами тело воюет против нашей души. «Плоть бо похотствует на дух, дух же на плоть и тако друг другу противятся» (Гал. 5, 17). Ибо и самое тело наше по своей природе враг нам, поскольку похотями греха своего воюет с душой. Но оно, напротив, и друг, потому что помогает душе в добром. Телом, с Божией помощью, могу поститься, проливать слезы, преклонять колена, творить милостыню — этого нагой душой, без тела, мы сделать не можем. И еще тело хранит душу от гордости, ибо душа — сущность высокого рода, как Божий образ, и поэтому высокоумием

возносится. Если же обратит взор на тело, тогда смиряет свое высокоумие и уразумевает, что тело берет начало из грязи, а человек — прах.

Потому святой Григорий сказал о соединении и отчуждении души и тела: враг милостивый и друг-наветчик. Ибо если человек воззрит на дольний мир — тело, тогда бывает временным, смертным, наследником огня и тьмы. Напротив, если обратит разумное око к горнему миру, тогда будет великим, вечным, бессмертным и света небесного наследником. Поэтому и вас, как рабов Христовых, молю: не будьте пленниками дольнего мира — тела и смерти, но переходите к горнему миру и пределу бессмертному, чтобы явиться наследниками его света.

И если победите первые полки врагов ваших, тогда сможете с легкостью ополчиться и против самого диавола, миродержителя, князя тьмы, властей его темных и сил противных и поразить их воинство. Только примите всеоружие Божие, чтобы смогли вы им отразить и погасить разжженные стрелы лукавого (см. Еф. 6, 13 и 16). Ибо трояким оружием — верой, терпением и молитвой — разрушается и легко прогоняется вся брань диавола и силы его: гордыня — смирением, тщеславие — отречением от самого себя, блудодеяние — чистотой.

В особенности же крестом поразишь и преодолеешь этих трех врагов твоих, когда примешь крест твоего терпения и на нем умертвишь свое тело, распявшись миру, и умрешь для греховной жизни. И, как мертвый труп, не будешь смотреть на грех и прикасаться к нему. Тогда твоя победа явится, как луна во время полнолуния, в сиянии вечной славы, и ангелы Божии, радуясь, выйдут навстречу тебе, и Царь вечной славы Христос примет победоносца Своего, и прославит его пред собранием пресветлых ангелов Своих, пред патриархами, пророками и апостолами, и к лику этих праведников причислит, и в Царствии Своем Небесном место дарует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О начале иноческом и о том, что значит быть иноком

Инок есть исполнитель всех заповедей Христовых, совершенство христианства, бездна смирения, столп терпения, непрестанное памятование смерти, неоскудевающий источник слез, сокровище чистоты, осмеятель всего тленного, попратель всего приятного и соблазнительного в этом мире, добровольное самоумерщвление. Он — повседневный мученик и понудитель своего естества, богоприятная жертва, присногорящий светильник премудрости духовной, ум просвещенный, созерцатель всего видимого и невидимого, скоро восходящие моления, богомыслие, сердце чистое, неумолкающие уста хвалы Божией, жилище Святой Троицы, зрелище для ангелов и людей, устрашение для бесов.

Назван он иноком потому, что имеет иное жительство, не телесное, но духовное, у него иное делание, иной век, иная пища, иные одеяние и работа. Называется и черноризцем по черной и плачевной одежде; называется и монахом, или уединенным, беспечальным, — один с Единым Богом должен иметь общение.

Иноческой жизни законоположники и учители: первый — Мелхиседек, священник Бога Вышнего, живший без жены, без сродников в пустыне (см. Евр. 7, 1 и 3). Второй — Илия чудный, живший без жены в пустыне Хоривской. Третий — Иоанн Креститель, живший в пустыне Иорданской без жены, без всякого имущества, не вкушавший мяса и не пивший вина, носивший одежду плача — власяницу. О законе и древности чина иноческого ясно засвидетельствуем, что он Самим Господом нашим Иисусом Христом узаконен и утвержден. Ибо Сам Господь жил без жены в девстве, житием чистым, в бедности и нестяжании. Также и апостолы Его, оставив отца и мать, жену и детей и всё, что в мире, пошли вслед за Христом.

Потому иноки следуют христову учению и совету и подражают житию апостольскому. Ибо они оставляют всё, что есть приятного и соблазнительного в мире, гордость житейскую и вожделение

всего сладостного. Оставляют женитьбу, веселье, покой телесный и богатство временное, сами же идут вслед за Христом, взяв крест свой: добровольное терпение, убожество и девство, — скитаясь в пустынях и горах. Вместо светлых домов — темные пещеры, вертепы и пропасти земли (см. Евр. 11, 38). Вместо жены и детей — в пустынях звери земные и птицы небесные. Вместо светлых одежд и сладкой пищи и пития — власяница, худая одежда, голод и немного воды для утоления жажды. Вместо хмеля и веселья — плач, воздыхание и пролитие слез. Ложе их — земля, а покров — небо. Всё это — их вольный крест повседневного терпения. Ради того иноки возненавидели житейскую суету, не связывают себя житейскими куплями (см. 2 Тим. 2, 4), женой, детьми и домами. Богатством они себя не отягощают, чтобы удобнее послужить Господу и угодить Ему, и потому избирают для себя лучшее блаженство. Ведь всякий женатый заботится о том, как угодить жене, также и жена — мужу, а неженатый заботится, как угодить Богу своему (см. 1 Кор. 7, 32–33) и Ему верно послужить. К тому же знают они и то, что с женой жить — это по естеству, так живут и звери, и язычники. А жить без жены, в девстве и чистоте, — это выше естества, ибо есть дело ангельское и житие святых угодников Божиих, которые всегда служат Господу.

Как и апостол говорит, «если кто постится и молитву творит, такой да отлучится от жены на время» (ср.: 1 Кор. 7, 5). Но иноки всегда пребывают в посте и молитве до самой смерти, потому и жен не имеют. Да и в Ветхом законе повелено, чтобы приступающие служить Господу отлучались от жен (ср.: Исх. 19, 15). Иноки всегда работают Богу, всегда предстоят на службе Его, потому отлучаются они от жен до самой смерти и так в чистоте служат Ему как верные рабы Его.

Хотя еретики и уничижают иноков за то, что они якобы гнушаются брака и пищи, и приводят против них слово апостольское:

«Ясно сказал Дух, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая учениям бесовским, запрещая жениться и употреблять в пищу то, что Бог сотворил» (см. 1 Тим. 4, 1 и 3), однако так апостол пророчествовал о разных еретиках, которые будут после апостолов: о манихеях, маркионитах, евионитах и евтихианах богомерзких. Те, которые назывались манихеями, признавали двух разных богов: одного бога на небе — доброго, а другого на земле — злого миродержителя. И в таком виде, превратно понимая апостольское слово, свою проклятую ересь распространили, гнушались пищи, приготовленной на земле. Потому не есть мяса и не пить вина — это не презрение, а вид воздержания.

И еще с самого начала, от создания мира, до потопа мяса не ели и вина не пили. И в законе Моисеевом назореи вина не пили (ср.: Чис. 6, 3) и всяких овощей и мяса, так же как и мяса свиного, не ели (ср.: Лев. 11, 7; Втор. 14, 8). Также и Даниил с тремя отроками гнушались мясной пищи царя Навуходоносора. Моисей, Илия и Сам Господь постились, не вкушая мяса и не употребляя вина сорок дней и ночей. Святой же Иоанн Креститель во все дни жизни своей мяса не ел и вина не пил. И неужели он держался бесовского учения? Скажи мне, еретик! Ты, ныне укоряющий постников! Но знает вся вселенная, что они были исполнены Духа Святого, поскольку воздерживались от хорошего мяса, вина и жены.

То же самое говорят древние богословы и о Матфее-евангелисте, и об Иакове Алфееве: они мяса не ели и вина не пили во все дни жизни своей. Они не гнушались тем, что создано Богом, но воздерживались и постом убивали греховные страсти в теле своем. Ибо пост есть дело страшное для демонов, а для Бога любимое и дар честнейший, как свидетельствует пятое правило Никейского Собора.

Чин же и закон иноческий для тех, кто истинно поклоняется Богу (см. Ин. 4, 23), и постников установили апостолы

по вознесении Господнем, как пишет евангелист Лука в деяниях: «У множества же уверовавших в Иерусалиме было одно сердце и одна душа. Ибо они, продавая имения свои, всё имели общим» (см. Деян. 4, 32), кроме жен. Вот и Анания с женой Сапфирой солгали в цене и умерли, поскольку не сделали деньги общими, утаив из цены. Поэтому апостолы, клятвой закляв и обещанием обязав неких верных из народа юношей, умолили их и научили жить без жен, в чистоте, добровольной нищете и послушании, оставаясь в том до самой смерти. Тогда многие последовали их совету и благосклонно приняли это честно́е дело. И так апостолы узаконили чин иноческий, постригая головы оных юношей в Кенхреях на иноческое безбрачное и чистое житие. Это же сделал и святой Павел, когда постриг четырех мужей и Акилу с Прискиллой (см. Деян. 21, 23–26 и Деян. 18, 18).

Постригшиеся же назывались не иноками, но рабами Божиими, о чем свидетельствует Дионисий Ареопагит, восьмой ученик святого апостола Павла, в письме к одному монаху Димофилу, называя его рабом Божиим и невольником, совершенно отсекшим свою волю и предавшим всего себя воле Божией. И как раб не свободен у господина своего, так и инок никогда не бывает праздным в служении Богу, но беспрестанно служит Ему день и ночь — хвалением, благодарением, молением, пением, бдением, пощением и богомыслием. Вот истинные дела раба Господня. Вся добродетель христианского совершенства и всех заповедей и совершенств Божиих в иноческом житии заключается в добровольном убожестве, чистоте, послушании. Господь же наш Иисус Христос — зеркало всякой добродетели и ее учитель, свет совершенства, источник чистоты. Ибо Сам Он родился от Пречистой Девы и Сам жил в девстве и чистоте до самой смерти вольной. И когда висел на Кресте, поручил Пречистую Деву, Матерь Свою, ученику и девственнику. Сам возлюбил добровольное убожество: богатый Бог родился в убогих яслях, от убогой Девы, убого

пожил Он в мире и не имел где главу приклонить (см. Мф. 8, 20). Убогим и нагим умер на Кресте Тот, Кто одевается «светом яко ризою» (Пс. 103, 2). В послушании Он провел жизнь от рождения своего, «послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2, 8).

И с тех пор послушание в славной Церкви Христовой узаконено Самим Богом. Иноки дают обет перед Богом и с клятвой обязуются хранить эти три добродетели христианского совершенства: чистоту и девство истинное, убожество добровольное и послушание нелицемерное, а также исполнять прочие добродетели, которые от этих трех, как от главнейших, рождаются.

Иноческое житие разделяется на три части, или три чина: первый — общежительные иноки, второй — скитские и третий — уединенные пустынножители. Встречается между ними и четвертый, называемый «упадлый». Это — самовольники, по-разбойнически живущие; каждый из них свое имущество имеет и по влечениям своей воли поступает. Они живут без всякого чина и закона, лицемерят, а не иночествуют, как сказал Кассиан. Иноки же, живущие по чину, должны украшать себя всякою добродетелью: смирением, целомудрием, терпением, любовью, постом и молитвой.

Потому молю иночествующих: не будьте рабами лености и гнусности, но, в страхе и трепете соделывая спасение свое (Флп. 2, 12), ум украшайте богомыслием, ибо это дело истинно честно́е и свойственно истинно иночествующим. Не дремание и сны любите, но молитву прилежную устами вашими творите. Не тленных благ временного века ищите, но вечных благ будущего. Если это исполнишь, тогда будешь истинным рабом Божиим. А Господь твой говорит: «Где Я, там и слуга Мой со Мной воцарится во славе Царствия Моего» (см. Ин. 12, 26). Этого Царствия и всех нас сподоби, Христе Боже наш, да там Тебя хвалим вместе с Отцом и Духом Святым ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

УСТАВ*[5]

Преосвященнейший, Богом избранный и поставленный архипастырь и вы, боголюбивейшие архиереи, которых Бог поставил пасти́ Церковь Свою в этой православной христианской Молдовлахийской земле! Я, последнейший раб Преосвященств Ваших, стоя перед священнолепными лицами Преосвященств Ваших и всего собора и желая рассказать в этом кратчайшем и неразумном слове о себе, последнейшем, о том, как все братья собрались о имени Христовом ко мне и друг ко другу, и о нашей жизни, молю Преосвященство Ваше долготерпеливо выслушать мой рассказ, подражая благоутробию и долготерпению Божию, снисходя данной Вам Богом премудростью к грубости моей, человека простого и невежественного.

В юности моей я имел большую ревность и любовь к иноческому житию и, оставив мир и всё, что в мире, принял начало иноческого образа в моем отечестве — Малой России. Затем почувствовал ревность к странствованию, чтобы с бо́льшим удобством служить Богу. Оставив свое отечество, я пришел на знаменитую Святую Афонскую Гору и поселился под монастырем Пантократор в некой каливе на безмолвии, где и мантию сподобился принять.

Когда я находился там некоторое время, один брат-румын из Немула, по ревности Божией пришедший на Святую Гору, начал понуждать меня своими усиленными просьбами принять его в ученичество, но я, видя немощь и неразумие души моей, много раз отказывался. Однако потом, с одной стороны, видя, как он

---

* Перевод выполнен по тексту: Устав старца Паисия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://paisius-niamets.orthodoxy.ru/. 16.01.2003.

[5] Устав был составлен преподобным Паисием после его переселения с братством в Драгомирнский монастырь и представлен на рассмотрение и утверждение Молдавскому митрополиту и его Синоду.

прилежно молит меня принять его, а с другой стороны, рассуждая, что Святое Писание не одобряет того, чтобы страстный жил сам по себе, и запрещает ему это, я решил с тем братом, как единомысленным и единодушным, избрать средний путь иноческой жизни, то есть жизнь с одним или двумя братьями, поскольку этот путь и Святым Писанием, и богодухновенными отцами утвержден и похвален. Поэтому, презрев свою немощь и неразумие, возложив на Бога всю надежду на свое и брата исправление, предложив Писание Святое как незаблуждающегося наставника ко спасению себе и брату моему, я дерзнул его принять, открывая ему из Святого Писания, что не подобает иметь собственного имущества, даже малейшей вещи, исполнять свою волю или последовать своему рассуждению, но до́лжно со страхом Божиим по силе своей совершать послушание душой и телом. Повинуясь этому учению, брат со всем усердием исполнял его самым делом.

Когда я жил единодушно с этим братом такой жизнью, начали и другие братья сильно меня беспокоить своей мольбой принять их в послушание. Но я долго отказывался, боясь взять на себя такое бремя попечения о душах братьев, которое принадлежит одним бесстрастным. Видя же их прилежную мольбу принять их в послушание, сокрушался сердцем и сожалел о них, не зная, что сделать. Потому, не имея возможности избавиться от их прилежной мольбы, я начал принимать тех братьев по одному в послушание.

По причине умножения числа братьев мы перешли из той каливы в скит святого Константина. Когда же там собралось двенадцать братьев, я начал рассуждать, что наше житие из среднего пути (то есть пребывания с одним или двумя братьями) из-за умножения братии меняется на общее житие, которое, по определению святого Василия Великого, должно начинаться не меньше чем с двенадцати братьев. Поскольку в маленьком скитке святого Константина мы не помещались, то иждивением христолюбцев,

а в большей степени трудами братьев мы заново от самого основания построили более просторный скит святого пророка Илии, чтобы там разместиться, и думали только при таком числе братьев жизнь свою завершить. Но когда закончилась постройка скита и мы увидели, что еще больше начало увеличиваться в этом скиту число братьев, приходивших из мира, из этих стран и из моего отечества, на Святую Гору и имевших ревность к такому житию, так что за несколько лет число братьев увеличилось до пятидесяти (поскольку я никоим образом не мог избавиться от их мольбы принять их в послушание), я начал рассуждать, что Святая Гора, как место хотя и святое, но очень суровое, не посодействует еще большему утверждению такого единодушного и единомысленного о имени Христовом собрания братьев, но из-за крайних нужд, без удовлетворения которых невозможно состояться общему житию, приведет его со временем к разорению. Потому я решил переселиться со всеми братьями в эту богохранимую православную землю ради большего утверждения нашего общего жития. Этот помысл я много раз открывал Святейшему Патриарху кир[6] Серафиму, который, сожалея о нашем уходе, захотел было утвердить наше житие в одной святогорской обители, называемой Симонопетра. Однако и это благое намерение Его Святейшества Бог «имиже весть судьбами» не исполнил, так что мы понесли и немалые убытки, поскольку, будучи ни в чем не повинны, были принуждены заимодавцами той обители уплатить до семисот левов.

Рассуждая обо всем этом и боясь, как бы не произошло крайнего разорения нашего жития, которое с Божией помощью, благодаря немалым трудам и потам, достигло такого единодушного совместного друг с другом пребывания, мы устроили совет и все вместе единомысленно и единодушно решили перейти со Святой

---

[6] Кир — сокращение греческого слова κύριος (киpиос), что значит «господин». Уважительное обращение.

Горы в эту православную и богохранимую христианскую землю, чтобы поискать для нашей жизни подходящее место. Приняв это решение, мы вышли со Святой Горы и пришли в эту богохранимую землю, возложив всю свою надежду об устроении нашего жительства на общего Промыслителя и Создателя всех Бога, Который по величайшему Своему и неизреченному милосердию вдохнул благодать Свою в сердца благочестивого и христолюбивого, крестоносного и подражающего Христу в милости господаря нашего, воеводы Иоанна Григория Иоанновича, и нашего Преосвященнейшего Великого Господина кир Гавриила, архиепископа и митрополита этой богохранимой земли, и они, Богу уподобляясь в своем милосердии, дали нам для нашего общего жития прекрасный монастырь Драгомирну, выстроенный блаженной памяти Преосвященным архиепископом и митрополитом Сочавским кир Анастасием Кримковичем.

Мы относим это событие прежде всего к особому, неизреченному Промыслу Божию о нашем общем житии, а также к христоподражательному милосердию благочестивейшего воеводы и Преосвященного митрополита, которые послужили такому Промыслу и воле Божественной, и почитаем это великим для себя чудом. Ибо кто из нас мог надеяться, что нам, бедным, нищим и странникам, не имевшим, где главу приклонить, будет дано такое место и такой прекрасный монастырь со всеми своими угодьями, подходящий для нашего общежития, и более того, что он еще и будет избавлен, освобожден навеки от всех обычных даней, что благочестивый господарь утвердил жалованной грамотой своего величества.

Слава Единому Триипостасному Богу, даровавшему Свой Троицкий монастырь нашему общежитию через благочестивейшего воеводу и Преосвященнейшего митрополита. Благодарим и благочестивейшего, христолюбивейшего и премилостивейшего господаря нашего, воеводу Иоанна Григория Иоанновича, за эту оказанную

нам превысочайшую милость его величества, за которую мы должны до последнего издыхания молить великого в милости Бога о его величестве, да подаст ему, управляющему Богом врученной ему державой, по милости и правде Своей, согласно Своей Божественной воле в настоящей жизни мир, здравие, долгоденствие, победу над видимыми и невидимыми врагами, а в будущем блаженстве за мудрое и верное управление Богом врученной ему державой да сподобит получить вместе с благочестивой госпожой нашей Еленой Домной, боголюбивыми своими чадами и всем богопрославленным родом венец Царства Небесного, какой имеют благочестивые цари, Богу угодившие.

Благодарим и Преосвященнейшего нашего архиепископа и митрополита, Великого Господина кир Гавриила с боголюбивыми епископами за их величайшую, явленную нам милость, за которую в наших непрестанных слабосильных молитвах желаем, чтобы они, Богом врученное им стадо словесных Христовых овец напитав на лугу Божественных Его учений, сподобились в будущем блаженстве от Пастыреначальника (см. 1 Пет. 5, 4), Великого Архиерея, прошедшего небеса (см. Евр. 4, 14), Христа, Сына Божия, вместе со всеми пастырями и учителями Святой Церкви получить блага, уготованные любящим (см. 1 Кор. 2, 9) Бога нашего, «в няже желают Ангели приникнути» (1 Пет. 1, 12). Благодарим еще и благородных господ бояр за их милости и всех благодетелей этой святой обители, молясь Богу, да воздаст Он им Своим милосердным воздаянием и в настоящей, и в будущей жизни временными и вечными благами за такое их благодеяние нам и этой обители.

Предложив Вашему Преосвященству такой мой краткий, невежества исполненный рассказ о начале нашего общего жития и о причине нашего выхода из Святой Горы в эту богохранимую землю, мы, кроме того, поблагодарили по силе нашей за богоподражательную милость нашего благочестивейшего и христолюбивейшего

господаря, воеводу Иоанна Григория Иоанновича, и нашего Преосвященнейшего Великого Господина кир Гавриила, Богом поставленного архиепископа и митрополита этой православной земли, сверх нашей надежды с любовью страннолюбиво нас принявших и прекрасную обитель для нашего общего жития даровавших. Кроме того, поблагодарили боголюбивых епископов этой богохранимой земли и благородных бояр, которые словом и делом помогли нам в нашей крайней нужде и оказывают всякое благодеяние и вспомоществование святой обители нашей. Теперь приступаем к слову о том, какой общежительный чин по уставу богоносных отцов это общее житие должно, насколько возможно, соблюдать и хранить, не преступая и не изменяя его. А поскольку Бог сподобил нас по превысочайшей милости благочестивейшего государя нашего и Преосвященнейшего Господина нашего митрополита наследовать такую обитель, которая, как мы слышим, с тем намерением и создана блаженной памяти кир Анастасием, архиепископом и митрополитом Сочавским, чтобы в ней житие по всему было общее, согласно Писанию (см. Пс. 132, 1; Деян. 2, 44), а не особое, то мы крайне возжелали сохранить чин, преподанный им для общего жития, как чин нашего отца и ктитора. Но, прилежно поискав тот чин повсюду и среди подаренных ктитором книг (из которых небольшое число находится в монастыре), мы его не нашли, поэтому, возложив надежду на Бога и по Бозе на молитвы Преосвященств Ваших и нашего блаженного ктитора, исследовав также смысл Священного Писания и общежительные Богом преподанные уставы святого Василия Великого и прочих святых и духоносных отцов, хотим, по завершении этого исследования, предложить Вашему Преосвященству и всему Богом собранному и избранному духовному собору чин, который приличествует общему житию, необходим для спасения и может соблюдаться в это последнее время. И если в этом, написанном нами общежительном чине что-либо окажется угодно Богу и согласно со Священным Писанием,

то молим Преосвященств Ваших и весь духовный освященный собор утвердить этот чин данной Вам Богом властью, чтобы он соблюдался ненарушимо. Если же что-либо окажется Богу и Священному Писанию противно, то молим Вас, как овцы — пастырей наших, духом кротости исправить (см. Гал. 6, 1) наше невежество по данной Вам Богом духовной премудрости и на пажить богоугодного общежительного чина нас направить.

Итак, сначала мы хотим рассказать Преосвященству Вашему и всему освященному собору не о том чине, который хотим ныне в нашем общежитии установить как новый и прежде не бывший, но о том, который прежде, еще на Святой Горе, в нашем житии установился и по благодати Божией и по вашим многое могущим молитвам, насколько возможно немощи нашей, ненарушимо соблюдается.

1. Первый устав и чин нашего общежития, который и при малом, и при многом числе братьев мы тщательно соблюдали и до сих пор по благодати Божией соблюдаем, состоит в следующем. Ни одному брату никоим образом никакого движимого и недвижимого имущества, до малейшей вещи, не иметь и ничего не называть своим, но всё посылаемое Богом для устроения общего жития иметь общее. Ради же благочиния настоятель, усматривая нужду каждого брата в пище, одежде и прочих необходимых вещах, должен как отец, по Бозе заботящийся о своих духовных чадах, снабжать их, подавая каждому необходимое в соответствии с его потребностями, чтобы и необходимое каждый брат получал по послушанию и с отвержением своей воли, а не по самочинному выбору.

Этот чин и устав мы по благодати Христовой приняли как корень и основание нашего общего жития, точно зная, что от этого в живущих сообща братьях произрастает искренняя любовь к Богу и ближнему, кротость, смирение, мир, единомыслие и отсечение во всем своей воли. И послушание такие братья могут

проходить не ради какого-то временного стяжания, не ради славы, чести и телесного упокоения и не по иному какому-либо человеческому соображению, но только ради своего спасения. И потому в них может быть «сердце и душа едина» (Деян. 4, 32), а мирская гордыня, ненависть к ближнему, зависть, вражда, злопамятство и прочее зло не имеют, где главу приклонить, среди братьев, удаляющихся от обладания особым имуществом. Ибо из-за собственности в общем житии рождается всякая злоба, всякое преступление заповедей Божиих, а дерзающий иметь в общем житии некое, пусть и малейшее, собственное стяжание бывает, по Великому Василию, вторым Иудой, оказавшись предателем истины, как Иуда — Господа. Видя из богодухновенных писаний богоносных отцов, что такое зло и вред душевный происходят в общем житии из-за обладания особым имуществом, я весьма ужасался в душе, как бы такой душетленный недуг не укоренился когда-нибудь в нашем общем житии и не привел бы его в совершенное запустение. Потому я больше всего прилежно заботился о том, чтобы всякому брату, вступающему в общее житие и предающему себя в послушание, особо объяснять на основе Священного Писания, что никоим образом никакого собственного имущества он не должен иметь до последнего своего издыхания. Все братья, единодушно повинуясь этому учению, с великой тщательностью ему следуют, так что ни одному из них никогда не приходит на ум приобретать что-либо для себя лично и все довольствуются посылаемым от Бога и необходимым для поддержания жизни.

2. Второй чин, который мы по благодати Христовой установили для этого общего жития и который, как думаем, всё монашеское житие возвышает, заключается в следующем. Всем братьям, единомысленно и единодушно ради имени Христова собравшимся в этом общежитии, должно прежде всего и более всего стяжать, по слову отцов, послушание, как путь, неуклонно ведущий в Царство Небесное. Всякую свою волю, рассуждение

и самочиние оплевав и отбросив, должно со всем усердием стараться творить и исполнять волю, суждение и заповеди своего отца, если они будут согласны со смыслом Священного Писания, и по силе своей, душой и телом и всем своим благим произволением до смерти послужить со страхом Божиим и смиренномудрием братии, как Самому Господу, а не людям.

3. Настоятель, точно зная, что за души братьев он будет истязан в день страшного второго Христова пришествия, должен всеприлежно исследовать Священное Писание и учение духовных отцов, и без их свидетельства не следует ему от себя ни учение братии предлагать, ни заповеди преподавать или что-либо устанавливать, но он должен согласно смыслу Священного Писания и учению святых отцов часто поучать и наставлять братию, открывать волю Божию и по разуму заповедей Христовых назначать братьям монастырские послушания, боясь и трепеща предлагать им что-либо от себя, а не по разуму Писания, точно зная, что Писание Святое и учение святых отцов как для него самого, так и для братии есть наставник и верный проводник ко спасению. Настоятель, являя собой всему собору образ смиренномудрия и во всем согласного и единомысленного союза духовной любви, должен всякое дело начинать и творить не сам по себе, без совета, но собирая искуснейших в духовном рассуждении братьев и по совету с ними, исследуя и Писание, да не будет что-либо противно Богу, Божественным заповедям и Писанию, — так следует начинать и творить многие важнейшие дела. Если же появится какое-нибудь необходимое дело, о котором и перед всем собором должно объявить, тогда подобает, собрав весь собор, с ведома всего собора и общего рассмотрения начинать и творить такое дело. Так между братьями может быть постоянный мир, единомыслие и нерушимый союз любви духовной.

4. Правило соборное Святой Восточной Церкви: вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы и Божественную литургию,

а также всенощные бдения с чтениями на все Господские, Богородичные и великих святых праздники, а на меньшие праздники — полиелей и славословие тоже с чтениями и весь прочий церковный чин и последование по соборному Уставу, как мы привыкли на Святой Горе Афонской, должно совершать в этой обители нашей во всем без какого-либо отступления, без опущения, без всякой спешки, в свое время. Ктиторов и благодетелей святой обители неукоснительно должно поминать на богослужении по чину и Уставу Святой Церкви, как живых, так и преставившихся. Начальник и все братья, каждый по своему чину, должны всегда быть на соборном церковном правиле в мантиях, рясах и клобуках, и никогда никто не должен от этого отступать, кроме как по благословной причине, например из-за недуга или по необходимому послушанию. Если же кого из братьев не окажется на церковном правиле, настоятелю должно в трапезной при всей братии расспросить его об этом, и, если он не представит благословной причины, настоятель при своем обычном духовном словесном наставлении должен дать такому брату соответствующую епитимию — делать поклоны всю трапезу или не вкушать в тот день.

5. Настоятель и вся братия должны каждый день собираться в трапезную и все вместе вкушать во славу Божию посылаемые Богом, общие для всех пищу и питие, не порочащие иноческий обет, строго храня общий Устав Святой Церкви о разрешении и неразрешении[7]. На трапезе братья должны сидеть по своему чину в мантиях, рясах и клобуках, вкушать пищу с великим и крайним молчанием и страхом Божиим, внимая чтению, которое в трапезной должно быть каждый день непременно, из житий святых, из отеческих и поучительных книг по Уставу Церковному. А во все воскресные дни в течение всего года, в Господские

[7] Имеется в виду разрешение и неразрешение определенной пищи.

великие праздники, в дни празднуемых святых, а если возможно, что еще лучше, то и каждый день непременно должна быть Панагия[8]. Весь чин трапезы в нашем общежитии должен совершаться по обычаю святогорскому, и никоим образом по келиям никогда да не будет позволено есть ни настоятелю, ни братьям, кроме как при недуге или по крайней старости, и все да вкушают одну общую пищу. Если же у кого из братьев будет больной желудок и он не сможет вкушать общую пищу, такому, по учению святых отцов и по рассуждению настоятеля, должно давать пищу, полезную ему при такой его крайней нужде, однако и ее он должен принимать вместе со всеми братьями в трапезной, а не в келии.

6. В келиях братья должны пребывать по преданию святых отцов со страхом Божиим, всякому подвигу предпочитая умную молитву — как любовь Божию и источник добродетелей, — в сердце умом художно совершаемую, как учат о ней многие богоносные отцы: святой Иоанн Златоуст, святой Симеон, митрополит Солунский, святой Каллист, Патриарх Цареградский, святой Исихий Иерусалимский, святой Симеон Новый Богослов, святой Иоанн Лествичник, святой Максим Исповедник, святой Григорий Синаит, Петр Дамаскин, святой Нил Синайский и святой Диадох, епископ Фотикийский, — все они, а также и другие богоносные святые отцы учат этому духовному деланию, то есть умной молитве. И большее время нужно уделять ей, а после нее заниматься пением псалмов и умеренным чтением Ветхого и Нового Завета, поучительных и святоотеческих книг. Память же о смерти, о грехах своих, о Страшном Суде Божием, о муке вечной, о Царстве Небесном и самоукорение должен всякий по силе своей иметь всегда, как в келии, так и на всяком месте, при всяком деле, и в назначенном ему настоятелем рукоделии или

---

[8] Подразумевается особое чинопоследование, совершаемое в монастырях после литургии во время трапезы, — чин о Панагии.

ремесле упражняться, праздным же в келии не сидеть, ибо праздность научает инока всякому злу, а от безвременных выходов из келии и неполезных бесед необходимо убегать и отвращаться, как от смертоносного яда.

7. Настоятель ради испытания в смиренномудрии, истинном послушании и отсечении во всем своей воли и рассуждения (что есть лестница, возводящая послушников в Царство Небесное) должен на определенное время направлять братьев в поварню, пекарню, келарскую и трапезную и, проще сказать, на все послушания внутри монастыря, не употребляя на таких послушаниях монастырских работников. А братья, взирая на подвигоположника и совершителя веры Иисуса (см. Евр. 12, 2), Который показал Собой образ послушания и истинного смирения, когда умыл ноги ученикам, не должны отказываться и от самого последнего, как им кажется, послушания, веруя, что оно исходатайствует Царство Небесное, если они со смиренномудрием и страхом Божиим послужат братьям не как людям, но как Самому Богу. Работников же монастырских настоятель должен определять на такие дела, которые братьям без рассеяния ума, без выхода из монастыря и без оставления безмолвия исполнять невозможно.

8. Настоятель сам должен ко всем братьям, как к своим близким о Господе духовным чадам, иметь равную любовь и также должен весьма тщательно следить, чтобы и братья друг к другу имели в равной мере истинную и нелицемерную духовную любовь как признак ученичества Христова. Исключительную же любовь и особую в общине дружбу, как причину подозрений и зависти и разорительницу истинной любви, он должен всячески стараться из общины искоренять. Все немощи и падения своих немощных чад следует ему по-отечески долготерпеливо сносить с надеждой на их исправление и истинное покаяние и немощных исправлять духом кротости, всегда наставляя словом на полезное, а не удалять их из общины из-за их немощи душевной, в особенности

же если от нее не происходит вреда прочим. Самочинно же живущих, следующих своей воле и рассуждению, отвергших благое иго послушания и таким своим лукавым примером приносящих вред обществу никак не должно терпеть, но после достаточного духовного словесного наставления и поучения (наедине, при двух или трех братьях и перед собором) пребывающих в том же или еще худшем устроении и не желающих исправиться следует, хотя и со многими слезами, сожалением и болью душевной, изгонять и отсекать от общего тела братства, как члены, поврежденные губительным недугом, чтобы и прочие от такого душетленного недуга не повредились. А образумившихся и обратившихся к истинному покаянию он должен принимать с радостью, как чадолюбивый отец, и всякую милость и сострадание им оказывать и согрешения их прощать, со всеми братьями об их обращении духовно веселясь.

9. Для управления вотчинами и монастырскими работниками настоятель должен иметь опытного во всем брата, способного без преступления заповедей Божиих и без разорения своей души хорошо управлять этими делами, чтобы сам настоятель, будучи свободен от всего, мог с бóльшим удобством заниматься духовным попечением о душевном спасении братьев и о всяком церковном и общежительном благочинии. Также и в духовном попечении о братьях настоятель должен иметь себе помощника, опытного в разуме духовном брата, и на время своей отлучки ради общемонастырской потребности должен оставлять его с братьями вместо себя ради благочиния и духовного руководства братьями. Настоятель, желая куда-либо отлучиться по общемонастырской надобности и на некоторое время там задержаться, должен собрать весь собор братьев в церковь и, облобызав святые иконы и взяв у иерея молитву о путешествии, объявить всему собору о своем намерении и смиренно молить весь братский собор, чтобы он молился о нем Богу, дабы ему здраво и благополучно к ним

возвратиться, и, таким образом у всех братьев испросив прощения и преподав всем свое благословение, отправляться в путь. Возвратившись же с Божией помощью из путешествия, не тотчас идти в келию, но, собрав всех братьев, сначала идти в церковь и, пред всем собором воздав должное благодарение Богу за то, что он был сохранен в пути по молитвам братьев, поблагодарить и братьев за их молитвы, рассказать о милости Божией, оказанной ему для общей пользы братства, ради которой он отлучался, и тогда идти в свою келию.

О ПРИНЯТИИ БРАТЬЕВ В ИНОЧЕСТВО, О БОЛЬНИЦЕ, О СТРАННОПРИИМНИЦЕ, О РЕМЕСЛАХ

10. Когда брат Богом приводится из мира в иночество, настоятель должен прежде всего наедине испытать его совесть и в достаточной степени открыть такому брату на основе Писания сущность иноческого общего жития и по Бозе послушания, до смерти отсечения и умерщвления своей воли и рассуждения и если увидит в нем истинное, а не притворное желание иночества и ревность божественную, тогда и перед всем собором братьев, вновь ему открыв сущность общего жития иноческого и послушания, принять этого брата в общее житие и послушание и не тотчас в иночество постригать, но после того как продержит его в искусе в мирской одежде установленное правилами время: иного три года, а иного шесть месяцев, смотря по плоду послушания. После этого постригать в иночество — иного в рясу, а иного и в мантию — и присоединять к братии. Если же, продержав его в искусе установленное время, истинного во всем повиновения и отсечения воли в нем не увидит, такого и после трехлетнего искуса никак не постригать, но отпускать в мир, чтобы не было общему житию от таких самочинников смущения.

11. Если случится, что брат, приходящий из мира в иночество, и некое имущество принесет в монастырь, настоятель должен хранить такое имущество в общей монастырской кладовой и не растрачивать его до пострига этого брата в иночество, после же пострига может его расходовать на общие нужды монастыря и братьев. Если же находящийся в искусе прежде пострига пожалеет о своем уходе из мира и захочет из обители возвратиться в мир или уйти в иную обитель, такого должно отпустить, отдав ему в целости всё имущество, принесенное им в обитель, чтобы не было ни обители, ни такому брату из-за этого смущения.

12. В обители непременно должна быть устроена больница ради братьев, страдающих различными болезнями, чтобы о заболевшем было особое попечение и он имел пищу, питье и всякий покой. В ней настоятель должен поставить брата опытного, который мог бы с рассуждением духовным послужить больным и, если бы такой нашелся, имел по крайней мере некоторый опыт врачебного искусства. С рассуждением служа больным, он должен каждому из них подавать подходящую пищу, полезную при их недуге, и питье и во всем доставлять им покой, со страхом Божиим служа им как Самому Господу, чтобы и служащий имел награду от Господа, сказавшего: «Был болен, и вы посетили Меня» (Мф. 25, 36), и больные, во всем находя для себя надлежащий покой, благодарили Бога и получили от Него награду за то, что терпят недуг с благодарением.

13. Должно настоятелю заботиться о том, чтобы в монастыре были различные ремесла, а в особенности те, без которых невозможно устроиться человеческому житию, и распределять их среди братии, а неумеющих обучать, дабы благодаря тому, что сами братья занимаются такими ремеслами ради общей пользы, всё общество братьев могло без смятения удовлетворять свои необходимые нужды и избегать неуместного выхода в мир ради этих потребностей и следующего за этим выходом душевного вреда.

14. Должно, чтобы были устроены две странноприимницы: одна внутри монастыря, для приходящих в обитель честных духовных и мирских лиц, другая же вне монастыря, чтобы приходящие в обитель находили и себе — внутри монастыря, и скоту своему — вне монастыря надлежащий покой и служение. И на эту службу настоятель должен ставить опытных братьев, способных с рассуждением духовным послужить странникам, чтобы и сами они награды от Бога за разумное свое служение странникам сподобились, и вся община, видя, как странники принимают подобающее им угощение и служение, пребывала без смятения и какого-либо беспокойства. Должен настоятель как к духовной своей братии духовную по Бозе любовь иметь, так и ко всем приходящим в обитель нищим, больным, не имеющим, где главу приклонить, по заповедям Божиим ту же любовь показывать, принимать с любовью иного в странноприимнице, иного в больнице, по силе своей о телесных их потребностях иметь попечение и, по возможностям обители снабдив их необходимым на дорогу, с миром отпускать.

Все эти и прочие общежительные уставы святых отцов как во Святой Афонской Горе мы по силе нашей хранили, так и здесь, насколько возможно, благодатью Христовой в нашем житии они сохраняются, только еще готовых странноприимниц для приема приходящих в обитель, а также и достаточного числа келий для упокоения братьев не имеем и в великой тесноте пребываем и поэтому всесовершенного чина, какой должен соблюдаться в общем житии, еще не можем иметь. Но по мере возможности, поскольку руку помощи Господь нам подает, благодатью Христовой его придерживаемся, до тех пор пока и эту нужду нашу Господь неизреченным Своим Промыслом не исполнит (как и прочее потребное для поддержания жития нашего Он для нас устраивает), так чтобы всякий брат после трудов церковного правила и различных послушаний,

ради умного делания и телесного подвига, а также и покоя имел свою отдельную келейку как тихое и небурное пристанище, — отчего в братии может быть лучшее духовное устроение и преуспеяние, да и во всяком деле может быть установлено лучшее благочиние.

Этот чин и устроение нашего общежития, хотя и не со всеми подробностями, чтобы не обеспокоить благоразумие Ваше нашим неразумием, мы показали Преосвященству Вашему и всему богоизбранному собору и, если есть воля Божия и служит что-либо для пользы душевной, молим и Преосвященств Ваших со всем богоизбранным собором вашей богоданной властью и грамотой это утвердить. Если же это несогласно с Писанием и противно спасению душ, тогда пусть будет то, что угодно Богу и согласно со Священным Писанием.

15. При этом молим еще Преосвященств Ваших и весь духовный собор о том, чтобы женскому полу вход в обитель Вашей богоданной властью был возбранен, кроме случаев общего для христиан бедствия, которое бывает во время войны и раздоров. Также молим, чтобы и скит, еще прежде монастыря созданный всеблаженным нашим ктитором в честь трех святых: Еноха, Илии и Иоанна Богослова, никогда никоим образом от монастыря отлучен и отделен не был; а в скит на жительство настоятелем и всем собором да будут определены и да поселятся из послушания, оставив свою волю, братья, исправно соблюдающие чин и уставы общежительные, и да получают они всё необходимое для поддержания жизни от общины; странствующим же каким-либо инокам и имеющим свое особое имущество жить там никоим образом да не будет позволено, чтобы от этого не было собору общего смущения. Братья же, направленные собором жить там по послушанию, должны и правило церковное по уставу, и Божественную литургию ради поминовения ктиторов и благодетелей всегда совершать.

16. Еще молим Преосвященнейшего нашего Великого Господина, архиепископа и митрополита, чтобы он, если Бог изволит, когда придет весна, своей богоданной властью повелел работникам монастырским переселиться на монастырский метох[9] и чтобы туда, по благословению Его Преосвященства, к церкви, с помощью Божией созданной, ради живущих на метохе людей и работников монастырских был определен мирской иерей, который прислушивался бы к их христианским нуждам и послужил спасению их душ, дабы монастырь не испытывал какого-либо об этом беспокойства и у всего собора братьев в монастыре и в скиту устроилось тихое и безмолвное житие.

17. И еще я, последнейший, со всем своим собором молю Преосвященного нашего Великого Господина, архиепископа и митрополита, боголюбивых епископов и весь освященный собор о том, чтобы в нашем общежитии этот чин был утвержден крепко и непоколебимо и чтобы после смерти одного настоятеля — другого со стороны на должность настоятеля не присылали. Но, по согласному, единомысленному избранию всего собора, по совету умирающего настоятеля и по благословению Преосвященного митрополита, должен быть избран из общества братьев и поставлен[10] такой брат, который в разуме духовном, в знании Священного Писания и общежительных уставов, а также в послушании и отсечении своей воли и рассуждения, в любви, кротости, смирении и во всех добродетелях превосходит остальную братию, может сам словом и делом подать пример для пользы братьев, почтен саном священства и, поскольку из трех народов общество наше состоит, хорошо знает три языка: греческий, славянский и молдавский — или по крайней мере, ради необходимости два: молдавский и славянский, чтобы всё

---

[9] От греческого μετόχι — монастырское подворье, село, принадлежащее монастырю.

[10] Имеется в виду: поставлен в настоятели.

общество братьев в духовных нуждах всегда у него находило готовое духовное врачевание. Если такой начальник избран общим решением всего собора из того же общежительного собора и поставлен по благословению Преосвященного митрополита, тогда всё общежительное о Господе собрание и житие братьев может по благодати Христовой пребывать неразоримым и благоуправляемым, как корабль, умело управляемый искусным кормчим. Если же со стороны, а не из собора братьев будет поставлен какой-нибудь начальник, который не стяжал на деле совершенной нищеты, послушания, отсечения своей воли и рассуждения, не претерпел укоризн и бесчестия в общем житии, не знает сути Писания и общежительных уставов, а еще и свое особое имущество имеет и принял начальствование не с тем намерением, чтобы положить душу за братьев (см. Ин. 15, 13), но с тем, чтобы только себя упокоить и имущество свое приумножить, то как такой может стадо словесных Христовых овец хорошо и усердно пасти на пажити слова Божия и заповедей Божественных и верно управлять кораблем общего жития, когда сам еще не был никем по Бозе управляем? Да и собор братский, добровольно ради своего спасения для общего о Господе жительства собравшийся, как такому наставнику покорится? И если бы когда-нибудь так произошло, что насильно, без соборного избрания был бы поставлен начальник над братией, то это не привело бы ни к чему иному, как к полному и совершенному рассеянию братства и разорению общего жития.

Поэтому мы и вновь молим Преосвященство Ваше утвердить Вашей богоданной властью то, чтобы начальник избирался из собора братьев, а не со стороны был присылаем, ибо не знаем иного более серьезного повода для запустения общего жития, кроме этого. Разве только в том случае, если во всем собрании братьев не окажется ни одного такого брата, который мог бы и словом, и делом, и примером быть для братии наставником ко

спасению, а в другом месте был бы такой отец, который знал бы суть Священного Писания и общежительных уставов, приобрел совершенное нестяжание, умерщвление своей воли и рассуждения в повиновении духовному отцу своему в общем житии и мог, по слову Писания, хорошо пасти стадо Христово (см. 1 Пет. 5, 2). Но и такой отец в случае столь крайней нужды да будет поставлен начальником над братией только с добровольного произволения всего собора, с благословения Преосвященнейшего митрополита, и прежде всего пусть он по самой совести христианской и иноческой перед всем собором даст обещание Богу никоим образом до самой смерти никакого своего движимого имущества в общем житии не иметь и не приобретать, но вместе с братией все от Бога посылаемые для устроения общего жития нужные вещи иметь общие. Если такой начальник таковым образом над общежительной братией поставлен будет, то веруем, что по благодати Христовой также не будет запустения общего жития.

Поэтому мы думаем, что и блаженной памяти ктитор священной этой обители, установивший в ней общее житие, для того так повелел и страшными клятвами подтвердил запрет поставлять игумена в эту обитель из иного монастыря, чтобы не произошло, как мы думаем, запустения общего жития. Поэтому молим Преосвященств Ваших: такое наше смиренное моление и блаженного ктитора законоположение утвердите богоданной Вашей властью, чтобы это твердо и непоколебимо держалось в нашем общежитии, дабы и само это общее житие благодатью Христовой и многое могущими Вашими молитвами постоянно пребывало целым и неразоримым.

18. И еще вновь молим Преосвященств Ваших и весь духовный освященный собор: богоданной Вашей властью утвердите и то, чтобы монастырь этот ни у кого никогда не был в подчинении (о чем мы и страшную клятву блаженной памяти ктитора этой святой обители нашли), поскольку и от этого произойдет

полное разорение общего жития. А если монастырь не находится ни у кого в подчинении, то и общее в нем братское житие может по благодати Христовой пребывать неразоримым и непоколебимым.

Этот чин нашего общего жития и смиренное о наших нуждах моление предложив в кратчайшем виде Преосвященству Вашему и всему освященному собору, полагаемся на богодухновенное Преосвященства Вашего и всего освященного собора духовное рассуждение, которое Дух Святой, всегда при собрании православных архиереев и прочих духовных лиц невидимо присутствующий, вам вдохнет; и как повелите соблюдать чин в общежитии нашем: или соблюдать этот, который мы соблюдали доныне и соблюдаем (хотя мы и не обо всем написали и объявили Боголюбию Вашему, но только о том, что сочли самым нужным), или как вы повелите и как более всего угодно Богу и необходимо для спасения, — так пусть и будет. Или если сверх того чина, которого мы придерживаемся до нынешнего времени, Вашим Боголюбием будет что-то установлено и добавлено, то мы, как от Бога, это принимаем и лобызаем, повинуясь во всем, словно овцы, от Бога поставленным пастырям нашим, и остаемся Преосвященства Вашего и всего освященного духовного собора благопокорными послушниками.

Последнейший из иеромонахов
Паисий со всей о Христе братией

ПИСЬМО ОТЦАМ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКОЙ ОБИТЕЛИ*

Пречестным о Господе отцам Поляномерульской обители Рождества Пресвятой Богородицы — о Господе радоваться!

Святые и богоносные отцы наши в писаниях своих святых завещают, что не подобает братьям, в некотором числе собравшимся о имени Христовом, жить без настоятеля, но непременно должны братья иметь одного опытного в рассуждении духовном, которому они отдали бы всю свою волю и во всем повиновались, как Самому Господу.

Исполняя это, блаженной памяти, преставившийся общий отец наш[11] не оставил стадо свое, Богом утвержденное, по смерти своей без пастыря, но, отходя ко Господу, поставил на место свое всечестного отца Феодосия, могущего направить и наставить души братьев на путь спасения. Бог же премилосердный, судьбы Которого непостижимы, любя раба Своего[12], посетил его, как чадо Свое любимое, ради большего воздаяния такой болезнью телесной, что ему и из келии выйти трудно, как сообщил он в письме своем. Его святыня, видя, что из-за такой тяжкой болезни совсем не может более нести управления обителью и всей братией, а также последуя желанию блаженной памяти покойного отца нашего, поставил на место свое всечестного отца Алексия. Узнав о поставлении его, я весьма возрадовался душой и благодарил Всемогущего Господа, что такого мужа явил Он рабам Своим. И думаю, что это не иначе совершилось, как только благодатью Пресвятого Духа, осенившей сердце всечестного

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 234–238.

[11] Преподобный Василий Поляномерульский.

[12] То есть отца Феодосия.

старца отца Феодосия и приведшей всё общество братьев в единомыслие, чтобы по общему доброму изволению избрали они себе настоятелем этого достойного мужа, отца Алексия, относительно которого душа моя убеждена, что он силен будет, по дарованному ему Богом духовному разуму, наставлять и пасти души братьев на пажити спасения.

Что же до того, отцы святые и братья возлюбленные, что вы, зная смиренный нрав и крайнее незлобие отца Алексия, с детства ему Богом дарованные, также и трудом снисканные, и неопытность его в управлении, сомневаетесь в том, сможет ли он из-за этого управлять обителью и братией, и просите у меня в этом совета и помощи, — об этом да возвестит вам Господь. Ибо если хотите меня послушать и совету моему во всем повиноваться, как обещаете, то преподаю вам такой по Богу совет: никого иного не желайте избрать на настоятельство, кроме отца Алексия, он да будет вам по Богу наставником и отцом, ему повинуйтесь, как Самому Господу, и из уст его, как из уст Божиих, принимайте слово на пользу душ ваших. Ведь сами рассудите, кому более приличествует управление душами братьев, как не такому духовному мужу? Во-первых, он один из старейших учеников блаженной памяти покойного отца нашего, пострижен и духовно усыновлен им в вашей обители, сподоблен священства и опытный духовник. Во-вторых, что важнее всего, он стяжал любовь к Богу и ближнему, имеет правый разум и здравое рассуждение, житием добродетельным всем приносит пользу.

Не сомневайтесь же из-за смирения и незлобия его, ибо это корень и основание всякого настоятеля, как пишут святые отцы: «Да будет настоятель с братьями смирен, кроток, незлобив, тих, способен с легкостью всякие укоризны сам первый перенести, если бы они случились от кого-либо по навету противника, чтобы мог он и братьям подать собой образ терпения

и целомудренного жития». Не сомневайтесь из-за того, что он по видимости не может хорошо знать управления: силен Бог устроить это через иных братьев. Самое же нужное для общего спасения — уметь хорошо благоустраивать души братьев по заповедям Господним и учению святых отцов. Не надо сомневаться из-за того, что он немощен телом, тогда как здрав духом, здрав в рассуждении духовном. Потому, отцы пречестные и братья о Господе возлюбленные, мысленно к ногам всех вас припадая, со слезами молю: не презирайте моего совета, хотя я и недостоин, но примите Богом дарованного вам пастыря и наставника, всечестного отца Алексия, и не желайте больше никого иного до конца жизни его. Хотя бы и сам он не хотел настоятельства и отказывался от начальства, со всяческим смирением умоляйте его и против его желания; зная слабость здоровья его, не требуйте от него трудов телесных выше его силы, но покойте во всем, чтобы прежде времени не истощил он силу здравия телесного и братия не лишилась пользы. Довольно для него сидеть больше в келии, храня свое здоровье, и читать книги душеполезные, чтобы мог вовремя подать братии подобающий совет, здравый и душеспасительный.

Также и во внешнем управлении хозяйством не презирайте его, как плохо знающего, но во всяком начинании, на всякое дело всегда благословение и совет от него принимайте со всяческим смирением и извещением его о деле, хотя бы и казалось какому-нибудь брату в том или ином деле, что не нужно спрашивать отца, так как брат и сам знает и может. Ибо это от врага. От Бога же и от святых отцов то, чтобы во всяком деле, хотя бы и очень опытен был брат, прежде спрашивать настоятеля и не принуждать его к согласию, но оставить всё на его рассуждение и волю, ибо подобает брату совершенно смирить свой помысл и, словно крайнему невежде, подойти к отцу и спросить, есть ли на это позволение его и благословение, и так по воле его

начать дело. Тогда Бог, видя смирение и истинное послушание брата (без смирения же нет и послушания), вразумит Духом Своим Святым сердце настоятеля дать ответ и совет полезный, а послушнику поможет невидимой Своей благодатью в начатом деле. Если же настоятель добровольно ответит: «Делай как знаешь», тогда со страхом Божиим, полагаясь на молитвы его, должно начать, как Бог вразумит. Исполнив же послушание, внутри или вне обители, или возвратившись из отлучки, должно вновь прийти к отцу и, исповедав до тонкостей всё сделанное, припасть к ногам его, прося прощения за то, в чем согрешил в святом послушании, ибо нисколько ни в чем не согрешать свойственно одним лишь ангелам.

Также друг перед другом должно смиряться, и друг друга предпочитать, и иметь любовь по Богу между собой — и да будет у вас по благодати Христовой одна душа и одно сердце.

Если услышу и узнаю о таком вашем устроении, возрадуюсь и прославлю Бога Преблагого, и буду молить Господа, да подаст Он вам по Своей неисчислимой милости крепость и силу для сохранения в совершенстве Божественных Его заповедей, и буду всячески, сколько есть сил, помогать вам в душевных и телесных нуждах и обитель вашу, по общему вашему желанию, считать словно своей.

Для управления же экономического посылаю ныне отцу Алексию двух братьев: отца Матфея и отца Дионисия, которые, надеюсь, будут великой помощью для всей святой обители.

Предложив это любви вашей с надеждой на богоугодное ваше преуспеяние в исполнении заповедей Господних, остаюсь здравия и спасения вам желающий иеромонах Паисий, старец Драгомирнский.

ПИСЬМО НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ АРЗАМАССКОЙ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ОБЩИНЫ*

Пречестной госпоже Марии[13] с богособранными сестрами — о Господе радоваться!

Христос, истинный Бог наш, говорит: «Огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся?» (Лк. 12, 49). Приняв от Него этот огнь Божественный, ввержен-ный на землю сердец их, святые апостолы и ученики Господни тотчас пламенем любви к Нему возгорелись, оставили мир и всё, что в мире, и, придя к Нему, как к Господу и Учителю своему и истинному Наставнику на путь спасения, предали себя душой и телом в истинное послушание и отсечение своей воли и разумения до последнего своего издыхания и с великой и неисповедимой радостью сказали Ему: «Се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом» (Мф. 19, 27). Имея всегда этот Божественный огнь в сердцах своих и во всем последуя Божественной воле Господа и Учителя своего, они чисто и непорочно, как зеницу ока сохранили послушание до конца жизни своей, утвердив его терпением бесчисленных искушений и многообразных смертей и пролитием крови своей, которую пролили до последней капли за веру свою и любовь ко Христу Богу, чтобы сохранить свое послушание Ему как жертву чистую и непорочную до смерти. Приняв этот Божественный огнь любви Божией, святые мученики с неизреченной радостью претерпели многие и различные мучения и прелютейшие смерти за Христа Бога и приняли от Него венец Его Божественной славы в Царствии Небесном.

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 259–268.

[13] Письмо адресовано Марии Петровне Протасьевой, настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины.

Приняв этот Божественный огнь, все преподобные и богоносные отцы наши бежали от мира и всего, что в мире, и одни из них, пребыв в общежитии в совершенном послушании и отсечении своей воли до последнего издыхания, мученический венец из десницы Господней приняли; другие же, подвизаясь «в пустынех и в горах и в вертепах и в пропастех земных» (см. Евр. 11, 38), тесным и узким путем ходили, всегда мертвость Господа Иисуса в теле своем нося (см. 2 Кор. 4, 10), Христу сраспинаясь, пребывая в голоде, и жажде, и всяком злострадании, в молитве непрестанной, и молениях, и слезах; проводили они жизнь в последней нищете, подражая Христу и святым апостолам, и евангельские заповеди сохраняли как зеницу ока, чисто и непорочно, и сподобились Царствия Небесного. И что много говорить? Приняв этот Божественный огнь благодати Божией, все святые, истинные рабы Христовы, всякого чина и звания и на всяком месте владычества Его (см. Пс. 102, 22), получили спасение, ибо всеприлежно сохранили душеспасительные евангельские заповеди, без исполнения которых одной только православной верой спастись невозможно.

Приняв от благости его этот огнь божественной любви Христовой, по действию благодати его вверженный в землю твоего сердца, благодаря прилежному и внимательному прочтению некой душеполезной книги, ты тотчас возненавидела мир и всё, что в нем, и возымела намерение, оставив мир, в бессупружном житии день и ночь безмолвно служить Богу. Родитель же твой, узнав о намерении твоем, хотя и покушался всячески от него отвратить и воздвигал на тебя многоразличные гонения, желая угасить огонь ревности Божией в душе твоей, но ты, при содействии благодати Божией, всё это победила своим терпением. Так что и сам родитель твой, не имея более надежды удерживать тебя в миру и видя твердое намерение твое служить Богу, оставив мир, — отпустил тебя в монастырь, находящийся

в Костроме. Пребывая здесь в течение четырех лет, ты сподобилась, побуждаемая на то благодатью Божией, прочесть множество отеческих книг, от чтения которых получила такую душевную пользу, что пожелала общего жительства и просила у Христа Спасителя подать тебе истинного наставника. И давала такое обещание, что если обретешь совершенного наставника, то, по учению Василия Великого, святого Иоанна Лествичника и святого Симеона Нового Богослова, предашь себя ему в совершенное, душой и телом, послушание, всё свое желание и волю возненавидев и отвергнув, и будешь в общем житии всем на попрание (см. 1 Кор. 4, 13).

Исполняя такое твое желание и о нем прошение, как во всем благое и благоугодное, Христос сердцеведец дал тебе истинного ко спасению наставника, покойного блаженной памяти отца Феодора, услышав о котором ездила ты к нему на Соловецкий остров и которого Господь возвратил в общежительный его монастырь. А поскольку он имел и другой общежительный монастырь, женский, в расстоянии ста верст от его мужского, то ты и переехала из Костромы в Арзамас, из прежнего штатного монастыря в общежительный. И там пребывала со святыми сестрами у вышеназванного святого мужа в совершенном послушании, по Божественному Писанию и Преданию и учению святых отцов наших, и в отсечении во всем своей воли и разумения, принимая от него учение, словно из уст Божиих, и повинуясь ему во всем не как человеку, но как самому Христу Богу, со всеми сестрами исповедуя ему, как самому Богу, тайны сердца своего, когда приезжал он из своей обители для посещения вас, и принимая от него во всем, вплоть до малейшей вещи, наставление духовное.

За три года пребывания твоего в обители в таком послушании возлюбил тебя по Богу отец и наставник твой, также и все сестры тебя возлюбили. И захотел духовный твой отец

за святое послушание вручить тебе сестер святых на твое о них попечение. Ты же вовсе этого не искала и не хотела, но, зная силу святого и божественного послушания и то, что послушание — жизнь, а преслушание — смерть, и нехотя подклонила выю твою под благое иго Христова послушания и приняла на себя легкое бремя Христово — попечение о спасении душ сестер святых, собравшихся во имя Христово и добровольно себя предавших тебе в святое послушание. Приняв же эту тяготу, ты имела верную надежду на то, что не ты, а духовный твой отец и тобой, и всеми сестрами управляет и на нем, а не на тебе лежит вся тягота управления душами святого собора. И потому ты проходила святое послушание с неисповедимой радостью, повинуясь во всем святому отцу как Самому Богу.

И когда ты прожила после получения начальства два года, по Божию попущению нашли на тебя различные душевные искушения и многообразные душевные немощи, и умаление веры и любви к отцу твоему духовному, и прочее, все подробности чего мне излагаешь. После того как в таком многоразличном разорении душевном прожила ты два года, духовный отец твой и учитель преставился от временной жизни к вечной. И тогда отверзлись у тебя душевные очи и начала ты познавать тщету душевную и то, какого по Богу наставника ты лишилась. Вспоминая последовавшее искушению разорение твоей души, плачешь и рыдаешь, и едва не приходишь в отчаяние от сильной скорби и печали твоего сердца, и пишешь мне, и просишь, и молишь со многими слезами, чтобы я написал тебе что-нибудь в духовное утешение.

Не презирая твоего об этом моления, — хотя я художеству писать к кому-либо совсем не обучен и в нем неискусен — пишу твоей честности и молю и советую о прошедшем искушении и немощи души твоей не скорбеть выше меры и не отчаиваться, но с несомненной надеждой на милосердие Божие полагать

пред Богом истинное начало истинного покаяния в прошедших немощах и от всего сердца и от всей души каяться и прощения у благости Его просить. Он же, как благой и человеколюбивый Бог, радующийся о истинном твоем покаянии, подобно тому как всех грешников покаявшихся простил, простит и тебе все согрешения твои, без всякого сомнения.

Приходит мне, честная госпожа, на мысль и то, что Христос Спаситель, истинный Бог наш, когда намеревался вручить вселенную святым своим первоверховным ученикам и апостолам Петру и Павлу, чтобы они проповедовали в ней Его благовествование и наставляли на истинное богопознание и хранение Его заповедей уверовавших в Него от их проповеди, попустил по Божественным и непостижимым Своим судьбам Петру отречься от Него трижды, а Павлу гнать и разрушать Церковь Божию, чтобы стали они милостивыми к согрешающим и удобнее прощали согрешения кающихся. После же истинного покаяния Петра и чудесного обращения к вере во Христа Павла, оба этих святых апостола, поскольку на себе самих познали немощь человеческого естества, были, подобно Христу Господу, премилосерднейшими к согрешающим и истинно кающимся. И как сами тяготы всех на себе носили, так и всех к тому побуждают, говоря: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 2).

Не таким ли образом по недоведомым судьбам Христос Спаситель попустил и на тебя найти вышеупомянутым душевным искушениям и немощам, чтобы ты, по прошествии долгого времени вполне увидев, как в зеркале, немощь души твоей и слабость естества человеческого, научилась носить немощи немощных и была удобопреклонна к милованию согрешающих по немощи и кающихся и исправляла таких «духом кротости» (см. Гал. 6, 1). Поэтому, каясь перед Богом, прославляй его непостижимый Промысл, дивно устраивающий спасение

боящихся Его и кающихся. А поскольку, всечестная госпожа, от чтения книг отеческих ты желанием возжелала обрести истинного наставника, который наставил бы тебя на путь спасения, и поскольку, с Божией помощью обретя такого, ты пребывала у него в истинном послушании и сестер святых держишь в таком же послушании, и самым делом и опытом познала плоды и благословенного послушания, и проклятого преслушания, то надлежит мне и о святом послушании немного написать твоей честности.

Божественное послушание — вещь столь нужная для истинного богоугождения, что без него вовсе невозможно благоугодить Богу. Поэтому пресвятое послушание было насаждено Богом в трех местах: на небесах, в раю и на земле. На небесах — среди Сил Небесных, в раю — у первозданных людей, на земле же — среди святых учеников и апостолов Господних. И в этих трех местах явился плод преблагословенного послушания и плод треклятого преслушания.

На небесах все Силы Небесные, по доброму своему произволению сохранив послушание Богу, сподобились, Духом Святым просвещаемые, вечного в Нем пребывания. Диавол же, принадлежа к ангельскому чину, по самовластному своему произволению отпал от послушания и, возгордившись, низвержен был с неба со всеми отступившими силами того же ангельского чина, которые послушались добровольно нечестивого его совета и, лишившись света Божественного, по воле своей навечно стали тьмой, врагами Бога и спасения правоверных христиан. Вот и на небе явился плод и послушания и преслушания.

В раю первозданные люди, пока пребывали в истинном послушании Богу, наслаждались ви́дением Бога и многообразных даров Пресвятого Духа; когда же они произвольно послушались совета диавольского и, отпав от послушания и возгордившись, захотели быть равными Богу, тогда, услышав от Него осуждение

на смерть, были изгнаны из рая и стали повинны в смерти всего рода человеческого. И если бы Сын Божий Своим послушанием до смерти Богу и Отцу не разорил преслушания Адама, то совсем не осталось бы роду человеческому иной надежды на спасение от смерти и вечной погибели. Вот и в раю среди первозданных показался плод послушания и преслушания.

На земле же Христос, Сын Божий, сошедший с небес, чтобы творить не Свою волю, но волю пославшего Его Отца (см. Ин. 6, 38), которому послушен был до смерти, смерти же крестной (см. Флп. 2, 8), насадил Свое Божественное послушание в святых Своих учениках и апостолах. Те, которые пребыли в нем даже до смерти, сподобились своей проповедью всю вселенную привести к богопознанию и ныне с Христом, Господом своим и Учителем, царствуют на небесах. А треклятейший Иуда, который отпал от послушания и вместо того, чтобы слушаться Господа, во всем послушался диавола, — придя в отчаяние, удавился и погиб навечно душой и телом. Вот и на земле явился плод послушания и преслушания.

Это божественное послушание, насажденное Самим Христом Господом в святых Его учениках, перешло к святому, ангельскому монашескому чину, в котором многие в святом послушании просияли, как солнце, и совершенно Богу угодили. Да и весь монашеский чин основан на святом послушании. И в древние времена отцы или пребывали в общежитиях, или шли царским путем, то есть жили вдвоем или втроем, а если и в пустынях пребывали, то житие свое по большей части начинали в послушании и тем по благодати Божией избегали прелести бесовской. А самочинно начинавшим монашеское житие много раз случалось впадать в многообразную бесовскую прелесть, от которой да избавит нас Господь Своей благодатью.

Божественное послушание еще и потому имеет великую похвалу, что, по учению святого Иоанна Лествичника и прочих

святых отцов, оно — мать основанию всех заповедей евангельских, то есть любви, которая достигается послушанием, как и Господь сказал: «Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите» (Ин. 14, 15), и еще: «Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя» (Ин. 14, 21), и еще: «Не любяй Мя словес Моих не соблюдает» (Ин. 14, 24). Соблюдение же заповедей Христовых и слов Его есть не что иное, как только совершенное послушание Христу Господу. Послушание божественное — столь великая пред Богом добродетель, что, по согласному учению многих святых, истинные послушники, пребывшие в истинном послушании до конца своей жизни, венец мученический получают от Христа Бога, поскольку отсечение пред настоятелем во всем своей воли и разумения вменится им в день праведного воздаяния по делам нашим в мысленное и самопроизвольное пролитие крови за имя Христово.

В таком божественном, святом и треблаженном послушании, честная госпожа, содержа собор сестер святых, во имя Христово собранных, наставляй их на путь спасения не иначе, как по истинному разуму Божественного Писания, как передали и учат преподобные и богоносные отцы наши. Укрепляемая помощью Божией, саму себя представляй им в образец всякого благого дела прилежным исполнением заповедей евангельских, любовью к Богу и ближнему, кротостью и смирением, преглубочайшим всегда и ко всем миром Христовым, материнским к ним милосердием, терпением и долготерпением, молением со слезами, утешением и побуждением на всякое дело благое, нося с любовью Божией все тяготы их и немощи, горя к ним любовью Божией, как к сестрам и ученицам Христовым, прилежно наставляя их на истинное во всем Богу послушание и на отсечение, а вернее, умерщвление своей противящейся воли, на отречение от составления своего мнения и рассуждения. Себя же в тайне сердца твоего и души твоей считай

пред Богом за прах и пепел, худшей и грешнейшей более всех людей. Постарайся преподать собой образ святым сестрам: и соблюдением заповедей святых отцов, и трудами телесными по силе твоей, если сможешь, стоянием на правиле церковном, поклонами великими и малыми. Еще же и правило келейное, установленное святыми отцами, совершай со страхом Божиим в молитвах, псалмопении и чтении. Также прилежно и с великим вниманием и исследованием прочитывай в книгах отеческих о молитве, одним умом в сердце совершаемой, она есть самый истинный, более всего приятный Богу подвиг монашеский. И если с Божией помощью стяжешь о ней истинное разумение из учения святых отцов, то и понудь себя на делание ее, призывая на помощь Бога, и великую от нее обретешь пользу для души твоей. Понудь себя никого не осуждать, ибо один праведный Судия — Христос Господь, Который воздаст каждому по делам его, но только себя осуждай, и не будешь осуждена во время страшного второго Его пришествия. Всякому согрешающему пред тобой отпускай от сердца согрешения, чтобы и Отец Небесный отпустил тебе согрешения твои (см. Мф. 6, 14). И что более скажу? Ко всем заповедям евангельским от всей души твоей всегда себя понуждай, всю же надежду на спасение души твоей полагай без всякого сомнения в одном милосердии Божием. За бывшие прежде по попущению Божию немощи твои и согрешения душевные да простит тебя Бог по благодати Своей и человеколюбию и да благословит Он тебя и в этом веке и в будущем.

Писать же мне — со всяким дерзновением пиши, и Господа ради молю тебя подробно написать мне, недостойному, о вашем общежитии и чине церковном и трапезном, о пропитании вашем и всем устройстве вашей жизни. Господь же наш Иисус Христос, истинный Бог наш, сказавший: «Идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту Есмь посреде их» (Мф. 18, 20),

по молитвам Пресвятой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых да будет посреди вас, собравшихся во имя Его пресвятое, во веки. Аминь.

Пречестности твоей со всеми святыми, во имя Христово собравшимися сестрами в заповедях евангельских совершенного преуспеяния всеусердно желаю. Недостойный богомолец, Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей архимандрит Паисий.

ПОСЛАНИЕ К ИГУМЕНУ СКИТА ЦЫБУКАН ФЕОДОСИЮ*

Всечестнейшему из отцов Феодосию, скита Цыбукан игумену, с возлюбленными чадами — о Господе радоваться!

Благодарю Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, хранящего здоровье святыни вашей для пользы и назидания братьев Господних, которых Дух Святой нерушимым союзом любви к святыне вашей привязал.

И весьма возрадовался я духом, ощутив в писании вашем благоухание смиренномудрия вашей боголюбезной души, ибо по благодати Божией ты можешь и словом и делом показать боговрученному тебе стаду словесных Божиих овец безошибочный путь к спасению, по данному тебе от Бога такому дарованию. И на пажити Божественных заповедей можешь их пасти, давая в питие упокоевающую и в живот

---

*Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Преподобный Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 266–267.

вечный текущую воду словес Божиих (см. Ин. 4, 14) — правого и истинного, по силе Писания, духовного рассуждения. Подвигоположнику истинного и совершенного послушания — Христу Господу (см. Рим. 5, 19; Флп. 2, 8; Евр. 5, 7–9) подражая, желаешь, самого себя предав, по слову апостола (см. 2 Кор. 10, 5; Рим. 6, 16; Рим. 6, 22), в послушание, в нем и жизнь свою завершить. И о том ты сильно скорбишь, что такого неуклонного и верного пути к спасению лишился.

Видя, боголюбезный, в блаженной твоей душе такое твое богоугодное намерение, — явственное знамение основания всех добродетелей, то есть смиренномудрия, без которого никто не сможет спастись, — я сильно радуюсь душой, поскольку им ты и себя, и следующих за тобой, при содействии благодати Божией, спасешь.

Потому увещеваю тебя, блаженный, не сильно об этом скорбеть и не изнемогать душой, будто бы ты лишен послушания, ибо может Господь и произволение благое в дело вменять; ведь не из-за презрения ты этого лишаешься, но из-за любви Божией к братии, ради общей ее пользы, что более всех добродетелей приятно Христу Богу, положившему за нас душу Свою (см. Мф. 20, 28; Мк. 10, 45; Ин. 10, 11; Ин. 10, 15). Только постарайся, укрепляемый благодатью Божией, истинным твоим на заповеди Божии наставлением вверившиеся тебе души представить Христу Богу чистыми и непорочными жертвами, достойными мысленного жертвенника, через всесовершенное умерщвление воли своей и рассуждения. И не только мзды послушания за твое благое к нему произволение не будешь лишен, но и сугубый венец за истинное на путь Божий чад Божиих наставление от Христа Бога восприимешь (см. 1 Пет. 5, 4), как положивший душу свою за други своя (см. Ин. 15, 13; 1 Ин. 3, 16).

СЛОВО К ПРЕПОДОБНЕЙШЕМУ ГОСПОДИНУ ОТЦУ ФЕОДОСИЮ, АРХИМАНДРИТУ ПУСТЫНИ СОФРОНИЕВОЙ*

О любви своей к нему. И о том, чтобы не искать чести и богатства. И какую любовь отеческую подобает иметь настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании в обители. О том, чтобы иметь время для чтения отеческих книг и молитвы в келии. О книгах отеческих, переведенных с греческого языка. И еще о некоем хулителе умной молитвы.

Писание святыни вашей, посланное ко мне, недостойному, через честных отцов, монахов Климента и Иоанникия, я с радостью получил и прославил Бога за здоровье ваше и богоугодное пребывание, и написанное ко мне после внимательного прочтения уразумел.

Прежде всего вы сообщаете мне о вашем невыразимом страдании и печали, случившихся по следующей причине: некоторые, не внимая своему спасению, сильным своим лжесловесием настолько будто бы смутили душу мою и настроили сердце мое против вас, искреннюю любовь ко мне имеющих, что совсем разорвали союз любви с моей стороны. И сообщаете мне подробно, какое попечение об освобождении братьев наших вы

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Преподобный Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 267–290. Значительная часть этого же послания в другой редакции опубликована в издании: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 211–234. По этой публикации, не менее авторитетной, мы приводим в подстрочных примечаниях те фрагменты послания, в которых преподобный Паисий подробно описывает свою переводческую деятельность и которые отсутствуют в рукописи, взятой нами за основу.

имели и какой подавали им об этом совет, который воистину помог бы им получить освобождение, если бы они ему последовали. Но поскольку они, поверив своему мнению, отринули ваше о них попечение, потому и подверглись заточению.

Отец святой, поверьте мне, не только это ваше известие, но и непрестанная ваша ко мне любовь удостоверяют меня в том, что вы в случившемся с братьями нашими отнюдь неповинны. И они о святыне вашей никоим образом не упоминают, когда пишут письма свои, но плачут и рыдают и от всего сердца и от всей души пред Богом и предо мной исповедуют, что во всем случившемся они сами повинны за свое непослушание мне. Ибо они в какой-то мере насиловали волю мою.

Ибо Афанасию — мать престарелая, а Феофану — отец престарелый писали и слезно молили, чтобы они потрудились их посетить и к монашескому житию привести. Братья, показав мне их письма, со многими слезами долгое время просили у меня позволения пойти к своим родителям и исполнить на деле их прошение. Я со многими слезами увещевал их оставить такое намерение и на всемогущий Промысл Божий возложить это дело. Однако спустя некоторое время, снизойдя к прилежному их прошению, я позволил им пойти, послав с ними брата Амвросия ради духовного наставления. Преподавая же им благословение на путь, я со слезами сказал: «Более уже, возлюбленные мои братья, в настоящей жизни мы друг с другом не увидимся, разве только Бог всемогущий явит чудо, да сподоблюсь я, окаянный, еще узреть вас в этой маловременной жизни». И в самом деле Бог попустил мне это претерпеть за мое недостоинство и лишиться лицезрения превозлюбленных чад моих духовных. И они, вспоминая об этом и плача, сами на себя, а не на кого-то иного вину возлагают и со многим смиренномудрием, великодушием и благодарением претерпевают это попущенное им по неисповедимым судьбам Божиим искушение.

Один некто на словах сообщил мне о братьях наших то же, что и вы в письме своем мне о них возвещаете: как будто бы они жаловались ему, что от вас претерпели то, что претерпели. Но поскольку в их письмах я этого не нашел, потому такому его сообщению отнюдь не поверил и счел это сообщение за некие праздные слова. Потому и святыню вашу молю: не имейте обо мне такого мнения, будто бы я союз любви с вами совсем разорвал, — да не попустит преблагой Бог мне, окаянному, такое претерпеть. Ведь хотя любви к Богу и ближнему по своему нерадению я отнюдь не стяжал, но знаю и твердо верую, что без любви к Богу и ближнему одной православной верой спастись совершенно невозможно, ибо «вера без дел», по Писанию, «мертва есть» (Иак. 2, 20 и 26). Я должен, если хотя бы малейшую надежду на спасение хочу иметь, с помощью Божией понуждать себя к ней по крайней мере отчасти и ни по какой причине не нарушать любви к ближнему, поэтому и к святыне вашей я должен по заповеди Божией (см. Мф. 22, 39; Мк. 12, 31; Лк. 10, 27) иметь постоянную и никогда не нарушаемую любовь.

Ради большего уверения святыни вашей, по любви Божией представляю вам залог моей душевной любви, какую я прежде к вам имел и ныне имею, о чем знает один Бог. Когда святыня твоя еще в скиту Цыбуканском пребывала, я имел о вас в душе моей такое извещение, что в эти последние дни Бог по благодати Своей явил подобного мужа (то есть святыню твою), который хотящих спастись может и словом и делом наставить на истинный путь спасения. Когда же святыня твоя возымела намерение перейти в монастырь Должешти и об этом просила у меня совета, я отнюдь вам не советовал это делать, боясь всесовершенного вашего душевного и телесного разорения, и сказал вам, что если вы это сделаете, то пойдете в тот монастырь с неизреченной радостью, а оттуда выйдете с неизреченной скорбью, что на самом деле с вами и случилось. После этого вы возымели

намерение взять монастырь Берзунец, пришли ко мне в монастырь Драгомирну и прилежно молили меня написать прошение ктиторам, чтобы они дали вам тот монастырь. И по доброму своему произволению, по совести христианской святыня твоя дала обет пред Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, взяв в свидетели Пресвятую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, что во всем по Бозе будет советоваться со мной и без моего совета ничего не станет начинать и творить, но будет иметь со мной в управлении братьями духовное единомыслие и единодушие и во всем последует правому разуму Священного Писания и учения святых отцов наших.

Я, окаянный, услышав такой обет святыни твоей, данный добровольно пред Христом Богом, возрадовался радостью неизреченной, надеясь, что этот обет ваш пребудет навсегда ненарушимым. И по прилежному моему у тех лиц прошению и дан был вам для постоянного пребывания тот монастырь, в который святыня ваша с братией и переселились всерадостно, и там вы некоторое время по обету вашему советовались со мной. Но спустя немногое время вы совершенно прекратили иметь со мной духовный совет, преступив данное пред Христом Богом свое обещание. И с того времени как бы естественным стало в душе моей о святыне вашей такое убеждение, что святыня твоя уже и до смерти моей не примет от меня совета духовного и житие ваше не будет управляемо по воле Божией, поскольку начали вы во всем следовать своей воле и рассуждению, а не учению святых отцов и начали с тех пор управлять братией странным и необычным управлением.

Во время опасности вы стали защищать себя оружием, а не обращением к всесильной помощи Божией. Во время нападения неприятелей вы не пришли с братией и со всем движимым монастырским имуществом ко мне в Драгомирну (где пробыли бы непродолжительное время и снова возвратились бы с радостью в свою обитель), но, не сообщив мне ни на словах, ни в письме,

вышли из этой земли и потерпели немалое и душевное и телесное разорение. Затем опять по ходатайству моему вам был дан в Молдавской земле монастырь Снагов для постоянного вашего в нем пребывания, — переселившись в него, вы таким образом братией управляли, что ужас нападает на меня и при одном воспоминании. Ибо, вместо того чтобы отеческим милосердием, любовью, кротостью, смирением, терпением и долготерпением и благостью исправлять согрешающих братьев, ваша святыня стремилась исправлять их суровостью, жестокостью, немилостивыми и бесчеловечными побоями, узами, темницами и прочими подобающими гражданской власти, а не монашескому чину наказаниями. В монашеский чин постригали вы несвоевременно и в диаконскую и священническую степени возводили не по возрасту, — и то и другое творили вопреки священным правилам Святой Церкви. И хотя блаженные и вечно достойные памяти старцы наши и по Богу духовные отцы и наставники спасения нашего, Василий и Михаил, и прочие ревнители и истинные последователи слова Божия и учения книг отеческих во все дни жизни своей бегали и удалялись от скверного прибытка, святыня ваша, напротив, всей душой и с ненасытным желанием устремляется к стяжанию серебра и имущества.

Во всем этом святыню вашу, когда вы из Снагова приезжали ко мне в Драгомирну, я нелицемерно со всяким дерзновением по должности моей обличал духовно, но ничего не достиг. Ибо хотя святыня твоя после обличения моего, Бога призывая в свидетели, и обещала во всем исправиться, но обещание то было дано из одного лишь притворства, а не по самой истине христианской. Обещанию этому я отнюдь не поверил, но счел его за ложь и не только в душе моей тайно держал неверие мое, но и в лицо святыне твоей сказал, что я такому твоему обещанию нисколько не верю. И в этом я не ошибся. Потому что, воистину, не только никакого исправления не последовало за моим любовным обличением твоей

святыни, но ты еще и в худшем преуспел. Ибо по прошествии некоторого времени дошел до меня слух, что святыня твоя всякие способы употребляет и обращается к славным и могущественным лицам для того, чтобы взять первенствующий в Молдавской земле преславный и пребогатый монастырь Тисман. И настолько этот слух поразил мою душу язвой печали и сожаления о святыне твоей, что от нестерпимого страдания и печали сердца моего начал я о вас помышлять следующее.

Святыня твоя по неистовому желанию тщетной славы и по ненасытной и сребролюбивой страсти к собиранию денег, не исследуя уже более ни разума Божественного Писания, ни учения святых отцов, но, упомянутыми страстями помрачив и смежив душевное око, без всякого рассуждения слепо ввергает себя и следующих за тобой в пропасть крайнего и окончательного твоего и братии твоей душевного и телесного разорения. И бурю нестерпимых бед и искушений, ненависти и зависти и восстания со стороны всех ты сам на себя добровольно воздвигаешь, нисколько не рассуждая, какой конец за этим делом последует. И от великого о вас сожаления я и братьям некоторым, единодушным со мной, многократно говорил, что диавол проклятый, завидующий спасению рабов Божиих, изобрел во вред отцу Феодосию эту козни, при помощи которой не только душу его, но и жительство всего его собора окончательно разорит и по Божию попущению воздвигнет на него такие страшные гонения, что и с земель этих совсем истребит их жительство. Что на самом деле и последовало. Потом возникли и некоторые другие причины полного разорения жительства вашего, как вы мне сообщили.

Первопричина же разорения жительства вашего в здешних странах заключается в том, что вы начали столь великое дело без совета. Потому что если бы у святыни вашей по благословной причине — из-за вреда, который претерпевали вы в Снагове от воздуха, — и возникла необходимая нужда просить для жительства

своего другие обители и вы, зная свою меру, искали бы обители, подобные Снагову, то сердцеведец Господь, видя вашу нужду, вложил бы в сердце властям дать вам со всякой радостью такую обитель для пребывания вашего. А так как вы, меру свою превосходя, искали первенствующей обители, последовало то, что последовало.

По переселении же вашем отсюда в свое отечество, в той обители (которую вы уподобляете Святой Горе Афонской), которая дана вам богоуправляемой властью, вы воистину могли бы с братией проводить жизнь в крайнем безмолвии, бегая и удаляясь от всех попечений и молвы этого мира, если бы у святыни вашей была истинная ревность Божия к спасению. Но по крайней мере теперь управляет ли святыня ваша братией с кротостью, смирением и отеческим милосердием, чтобы окаянная моя душа, слыша это, могла бы получить хотя малейшую отраду и некое извещение о том, что святыня ваша управляет братией по воле Божией и по разуму святого Евангелия? Но увы мне, увы мне! Поистине даже и теперь не сподобляюсь я хотя бы отчасти услышать эту многожеланную мне весть, но слышу только всё противоположное. Потому что многие ваши братья, уйдя от вас, по совести мне сообщают, что из-за безмерной жестокости вашей не могут у вас жить, ибо не удостаиваются они вас любить, как отца своего премилосердного, но боятся и трепещут, как некоего страшного и прежестокого мирского властелина. Ужасаются они и наказаний ваших, не иноческому чину, но мирской власти подобающих: уз, цепей, мрачных затворов, грозных и меру терпения превосходящих наглых укоризн и прочих подобных жестоких наказаний. А потому, убежав от вас на свободу, они считают, что убежали от некоего страшного пленения и порабощения, и возвратиться к вам не смеют, хотя и много я их увещеваю. Ведь если бы вы всегда управляли ими с кротостью, смирением и отеческим милосердием, то они после ухода своего от вас

вновь с неизреченной радостью возвращались бы к вам, как к своему прелюбимейшему и чадолюбивому отцу. А так как они не имеют ни малейшей надежды на милосердное ваше управление ими, то, как овцы без пастыря, в чужой стране пребывают не без печали душевной.

Отец Феодосий, если бы вы по истинной ревности Божией стремились к безмолвию, то могли бы с братией в обители вашей при помощи благодати Божией упражняться в совершенном безмолвии, удалении от всех попечений этого мира, келейном пребывании в трезвении и внимании умном и в непрестанном призывании Господа Иисуса, то есть в священной и сотворяющей богом молитве, умом в сердце совершаемой, — словно во втором раю и пустыне Иорданской. Пищу свою и одежду имели бы от приходов монастырских, от мельниц, пасек и милостыни, по Божию Промыслу посылаемой христолюбцами, так что вы не знали бы никаких попечений этого мира.

Но где у вас такая ревность? Где такое внимание к своему спасению? Где истинное желание упражняться в непрестанной молитве? Где исходящее от всей души усердие к тому, чтобы бежать от молвы и попечений этого мира и пребывать в крайнем безмолвии? Ничего такого в святыне твоей я не вижу. Но вижу, что происходит, как полагаю, по наваждению вражескому, всё противоположное: молва и попечение, устроение скитов, а вернее сказать, хуторов, прилежное попечение о размножении различного скота, частые, без всякой необходимой причины и предолговременные ваши отъезды из обители и оставление братии, из-за чего в отсутствие настоятеля бывает такое разорение душам братьев, что выразить невозможно. Ведь если бы в душе вашей было истинное желание понуждать себя от всего сердца и души к упомянутым благим деланиям, то вы стремились бы в обители и в келии, как в гробе, пребывать безвыходно, день и ночь непрестанно заботясь о своем и братьев своих спасении. А поскольку

для святыни твоей самое любимое — частые и долговременные выходы из обители, сопряженные с немалым разорением души твоей и душ братьев, то зачем и пишете мне всуе, как малому и несмысленному отроку, о ревности вашей к безмолвию, молитве и к книгам отеческим? Я, отец святой, не на слова, но на плоды ваши взираю и от плодов по заповеди Господней (см. Мф. 7, 20) познаю, что слова ваши с плодами отнюдь не согласны, но в них одно только притворство, а не самая сущая, истинная, от внутреннего расположения душевного бывающая Божия ревность к упомянутым благим деланиям и к книгам отеческим.

Все, что я до этого места написал святыне твоей, написал не с той целью, чтобы вас осудить, да не будет этого. Ибо верую и исповедую, что один есть истинный и праведный Судия живых и мертвых (см. Деян. 10, 42) — Христос Бог наш, Который и воздаст каждому по делам его (см. Мф. 16, 27; Рим. 2, 6), и что осуждающий ближнего своего власть Христову себе присваивает. Но я с тем намерением это написал и по любви Божией со всеми подробностями, как в зеркале, святыне вашей показал, чтобы было ясно, что не я по упомянутой причине союз любви со святыней вашей с моей стороны окончательно разорвал, но святыня ваша: вы союз искренней вашей, как пишете, ко мне любви с вашей стороны всесовершенно разорвали с того времени, когда добровольно данный вами пред Богом обет советоваться со мной совсем попрали и отринули от души вашей, — и даже до нынешнего дня.

Любовь мою духовную, которую я к вам имел по Богу, когда вы еще пребывали в Цыбуканах, ту же самую имею по благодати Божией и ныне, но только в действии своем она изменилась. Тогда я вас любил как истинного раба Божия и последователя душеспасительных Его заповедей, и радовался душой, и прославлял Бога за ваше духовное преуспеяние во всех благих делах. Ныне же, после отвержения вами данного пред Богом вашего обета,

я из глубины души моей воздыхаю о вашем душевном состоянии, и плачу сердцем, и рыдаю, и всеусердно молю премилосердного Бога, дабы Он, хотящий, чтобы все спаслись и получили познание истины (см. 1 Тим. 2, 4), благодатью Своей коснулся души вашей, и подал ей во всем всесовершенное исправление, и возвратил всемогущей Своей силой в первое, и более того — в несравненно лучшее состояние и духовное во всех благих делах преуспеяние.

Вот, отец святой, по совести моей известил я твою святыню, что ту же самую по Бозе любовь всегда к вам имею, но только в действии своем, как сказал, измененную. Поэтому молю святыню твою: никогда не имейте ни малейшего сомнения в любви моей к вам, но твердо веруйте, что одну и ту же любовь к вам по Бозе всегда имею. Но поскольку святыня ваша явным знаком моего с вами примирения и любви считает пересылку книг отеческих вам для переписывания, то, следовательно, отказ присылать вам эти книги будет, по мнению вашему, знáком моей с вами вражды и нелюбви к вам. Поэтому посчитал я необходимым и об этом подробно возвестить святыне вашей, чтобы при содействии Божией благодати исчезло такое неподобающее мнение обо мне из души вашей. Ведь не из-за того, что я не примирился с вами и не имею любви к вам, как вам представляется, я до сих пор не прислал вам книг отеческих по прошению вашему для переписывания. Но потому не прислал, что труд мой как в исправлении, так и в переводе книг отеческих хотя воистину и многострадален, и велик, и многонемощную телесную и душевную силу мою несравненно превосходит, но еще хром и несовершенен, по благословной причине, о которой сказано будет ниже. Ради большей убедительности должен я святыне твоей подробно рассказать, по какой причине и с какими мыслями и намерением это дело мной было начато, — чтобы из двух сбылось одно: или святыня твоя, из моего рассказа всесовершенно уразумев это

дело, перестанет меня этим более беспокоить, или хотя бы сейчас согласится с моим советом о книгах отеческих ради общей пользы монашествующих. Но начну с самого начала.

Когда я еще пребывал на Святой Горе Афонской с малым числом братьев, то, зная достоверно из учения и заповедей богоносных отцов наших, что имеющему под своим руководством братьев не подобает наставлять и учить их по своему разуму и рассуждению, но следует наставлять по истинному и правому разуму Божественного Писания, как учат божественные отцы, учителя вселенские, а также учителя и наставники монашеского жития, просветившиеся благодатью Пресвятого Духа; зная также и свое малоумие, и боясь, и трепеща, как бы из-за своей неопытности я и сам не упал, как слепец, в яму погибели, по слову Господа (см. Лк. 6, 39), и следующих за мной в нее не ввергнул, я потому и положил непоколебимое основание истинного, непрелестного и не уводящего от истинного пути Божия наставления и для моей бедной души, и для святой братии — Божественное Писание Ветхого и Нового Заветов и истинное его по благодати Пресвятого Духа толкование, то есть учение богоносных отцов наших, вселенских учителей, и святых отцов, учителей и наставников монашеского жития, а также постановления святых Соборов и все апостольские, соборные и святоотеческие правила, которые содержит Святая Соборная и Апостольская Восточная Церковь, все ее заповеди и уставы. Всё это, как сказал, я предложил в наставление себе и братии святой, чтобы как я, так и живущая со мной братия, наставляясь от этого при содействии вразумляющей Божией благодати, не погрешили против истинного и соборного разума Святой Православной Церкви.

И прежде всего начал я прилежно, с Божией помощью, с немалым трудом и расходами приобретать книги отеческие, учащие о послушании и трезвении, внимании и молитве: то сам своей рукой их переписывал, а то и покупал на деньги, которые мы

трудом наших рук на необходимые нужды наши зарабатывали. Много раз соглашаясь претерпевать скудость в пище и одежде, мы покупали на эти деньги упомянутые книги на славянском языке и почитали их за небесное сокровище, туне нам от Бога дарованное. Читая их несколько лет с прилежанием, в весьма многих местах я находил в них невразумительные неясности, а в премногих местах не обретал отнюдь и самого грамматического смысла; и хотя многократно читал с неизреченным трудом и пытливостью, но и таким образом не обретал названного смысла. Один Бог знает, какой печали душа моя исполнялась, и, недоумевая, что делать, подумал я, что славянские отеческие книги можно хотя бы немного исправить по другим славянским книгам.

И начал я с четырех книг своей рукой переписывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, святого Филофея Синаита и святого Феодора Едесского, чтобы, сравнив между собой по крайней мере четыре, сподобиться мне увидеть грамматический смысл. Но весь этот мой труд был напрасен, потому что и в тех четырех книгах при их сопоставлении я не сподобился увидеть оного совершенного смысла[14].

Когда же я так многократно пострадал, тогда познал, что всуе тружусь в мнимом исправлении славянских книг по славянским, и начал прилежно исследовать, откуда в книгах славянских такая невразумительная неясность и недостаток грамматического смысла. И постижением немощного ума своего нашел, что тому есть две причины: первая — неискусность древних переводчиков книг с эллиногреческого на славянский язык, вторая — неискусность и нерадение неискусных переписчиков.

---

[14] *Далее в издании Оптиной пустыни:* Книгу святого Исаака Сирина я шесть недель день и ночь исправлял по другой такой же книге, которая, по свидетельству одного лица, во всем сходна с греческой; но и этот труд мой был напрасен, ибо со временем я уразумел, что мою книгу, лучшую, по той худшей испортил.

И тогда я уже совершенно отчаялся увидеть в славянских отеческих книгах правый и истинный смысл, какой содержится в тех же эллиногреческих книгах.

После многолетнего моего пребывания на Святой Горе, когда я отчасти научился говорить на греческом языке, появилось у меня всеприлежное намерение с болезнью сердца искать эллиногреческие отеческие книги в надежде исправить по ним славянские, и, поискав во многих местах и не один раз, я не мог найти. Затем пошел я в Великий лаврский скит святой Анны, и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия, и в прочие лавры и монастыри и, всюду спрашивая именитых лиц, опытных и престарелых духовников и честных иноков о книгах отеческих по именам их авторов, нигде не сподобился найти таковых, но от всех получал такой единогласный ответ: «Мы даже до сего дня не только таких книг не знаем, но и имен этих святых не слышали». Получив такой ответ, Бог знает, в какое недоумение я впал, рассуждая, что в этом святом и для тихого и безмолвного пребывания иноков Богом избранном месте, где жили многие великие и совершенные святые, не сподобился я не только обрести многожеланные мне святые книги, но даже и имен тех святых от кого-либо услышать. И потому впал я в немалую об этом печаль, однако всю мою надежду на обретение таких книг возложил на Бога и молил Его неизреченное милосердие, чтобы «имиже весть судьбами», как Всесильный и Всемогущий, сподобил меня обрести такие книги. Бог же Премилосердный, не презрев мое усердное желание приобрести книги отеческие на эллиногреческом языке, сподобил меня по Своему неизреченному Промыслу найти такие книги и некоторую часть из них приобрести следующим образом.

Однажды я шел с двумя братьями из святой Великой Лавры святого Афанасия Афонского в Великий лаврский скит святой Анны и мы пришли к превысокому холму святого пророка

Илии, который по высоте равен третьей части великого превысочайшего Святого Афона и под которым на превысоком месте со стороны моря находится скит святого Василия Великого, созданный в недавние времена иноками, пришедшими из Кесарии Каппадокийской, на пресуровейшем месте, не имеющем ни потока, ни источника текущей воды, отчего тот скит ни виноградников, ни оливковых деревьев, ни смокв, ни садов, ни иного какого-либо утешения этого мира не имеет, но одной дождевой водой удовлетворяет необходимую нужду братии. И появилось у нас желание в скит тот пойти, отчасти ради поклонения, отчасти же ради того, чтобы увидеть место, в котором до того времени мы еще не бывали.

Когда же мы пришли в тот скит и сели близ святой церкви, увидел нас один благоговейный инок, который и открыл нам, а после того как мы поклонились святым иконам в той церкви и вышли из нее, позвал нас с любовью в свою келию и вышел приготовить для нас пищу, чтобы доставить нам покой от труда пути. Взглянув на столик у окна, я увидел лежащую на нем открытую книгу, с которой он списывал другую, ибо ремеслом он был краснописец. И когда я заглянул в нее, увидел, что это была книга святого Петра Дамаскина; увидев ее, какой пренеизреченной радости духовной я преисполнился, высказать не могу, ибо показалось мне, что сподобился я увидеть на земле небесное сокровище. Когда же он возвратился в келию, я начал его расспрашивать с великой радостью и невыразимым удивлением, откуда такая книга сверх ожидания моего у святыни его оказалась? Он сказал мне, что есть у него еще и другая книга этого же святого, имеющая двадцать четыре слова по буквам алфавита. Когда же я спрашивал его, есть ли у них и прочие такие книги, он отвечал, что есть следующие: святого Антония Великого, святого Григория Синаита (но не вся), святого Филофея, святого Исихия, святого Диадоха, святого Фалассия, святого Симеона Нового Богослова «Слово о молитве»,

святого Никифора-монаха «Слово о молитве», книга святого Исаии и прочие такие книги, святого же Никиты Стифата только двадцать две главы, а целой книги, сказал он, у них нет, разве только в библиотеках больших монастырей она имеется. Когда же я спросил его о том, почему я, столь многое время с болезнью сердца искавший такие книги, не нашел их и, прилежно спрашивая многих честных лиц, даже слышать о них не сподобился, он отвечал мне: «Причина этого, по мнению моему, состоит в том, что книги эти написаны самым чистым эллиногреческим языком, который ныне, кроме ученых лиц, едва ли кто из греков хотя бы немного понимает, многие же и совсем не знают, а потому и книги эти пришли во всесовершенное почти забвение, из-за чего не сподобился ты, спрашивая о таких книгах, даже и слышать о них. Живущие же в этом скиту иноки, еще когда пребывали в стране своей, Кесарии Каппадокийской, немало о таких книгах слышали, а после того как пришли на Святую Гору, благодаря многому труду, по долгом времени и с немалыми издержками, зарабатывая своим рукоделием, за плату научились у знающих лиц не только простому, но и самому эллиногреческому языку и, найдя с Божией помощью в некоторых обителях такие книги, их переписывают, читают, получают пользу и на делание, которому учат эти книги, по силе своей себя понуждают».

Услышав это и чрезвычайно возрадовавшись радостью неизреченной об обретении такого на земле небесного сокровища, я начал прилежно молить этого краснописца, чтобы он переписал и мне любви ради Божией такие книги, обещая ему дать какую ни захочет цену за труд его. Он же, поскольку имел много работы по переписыванию, отказался и повел меня к другому краснописцу, который пребывал в том же скиту и которого я также с великим усердием о переписывании книг отеческих молил, обещая ему за труд дать тройную цену. Но он, видя немалое мое желание приобрести такие книги, любви ради Божией тройной

цены не захотел и, несмотря на то что и сам имел много работы по переписыванию, обещал мне за обычную цену, сколько сможет и сколько сил Бог подаст его руке, переписать некоторую часть этих книг. Итак, за два с небольшим года до выхода нашего со Святой Горы краснописец тот начал переписывать, сколько сил Бог подал его руке, и часть некую многожеланных мне книг переписал. Получив их со всей радостью, как дар Божий, с небес посланный нам, мы вышли со Святой Горы Афонской, чтобы в здешних странах иметь большее удобство в попечении о необходимых нуждах собора нашего.

Когда же мы вселились в святую обитель Драгомирнскую, начал я всеприлежно размышлять и заботиться о том, каким бы образом я смог или исправить отеческие славянские книги, или даже начать новый перевод их с эллиногреческих[15], и начал

---

[15] *Далее в издании Оптиной пустыни:* и встретил великое и невыразимое препятствие этому делу по некоторым благословным причинам.

Первая — переводчик книг должен быть всесторонне образованным и должен не только в совершенстве знать всё грамматическое учение, правописание и обладать всесовершенным знанием свойств обоих языков, но еще и самых высоких учений, имею в виду поэтики, риторики, философии, как и самого богословия, не перстом коснуться. Я же хотя в юности моей и пребывал четыре года в Киевских училищах, но научился там только отчасти грамматике латинского языка, ибо желание иночества не попустило мне коснуться высших учений. Но и то малое учение за столь многие годы пришло едва ли не во всесовершенное забвение, потому я боялся и трепетал перед началом столь великого дела. Вторая — моя неискусность в орфографии, то есть в правописании. Кто неискусен в правописании и дерзает писать святые книги, тот, по моему мнению, сердцем верует к праведности, устами исповедует ко спасению (Рим. 10, 10), а рукой из-за неискусности своей хулит на свое вечное осуждение, хотя при прочтении и не понимает своей хулы. И я боялся этого, будучи тогда еще неискусен в правописании, и страшился начинать это дело. Третья — для этого дела я не имел словарей, кроме одного Варина, но и тот почти всегда находился в келии брата Макария, поскольку нужен был для перевода книг на молдавский язык. А перевод книг без словарей — это то же, что дело мастера без инструментов. Четвертая — из слов эллиногреческого

это дело следующим образом[16]. Взял я себе за руководство переводные книги отеческие на молдавском языке, которые перевели с эллиногреческих, переписанных для меня на Святой Горе, на свой природный молдовлахийский язык

языка я знал едва лишь некоторую часть, да и то малейшую, и находился почти во всесовершенном неведении всего языка. Пятая — этот эллиногреческий язык, который все языки всей вселенной несравненно превосходит премудростью, красотой, глубиной, невыразимым преизобилием и богатством речений и глубину которого даже сами природные греки, хорошо образованные, лишь отчасти могут постигать, влагал в меня немалый страх: как дерзну с такого премудрейшего языка начинать мое дело исправления или перевода книг? Шестая — и самого нашего преславного славянского языка, который, как мне кажется, многие языки несравненно превосходит своей красотой, глубиной, преизобилием речений, а более всего наиближайшим уподоблением эллиногреческому языку, я знал едва некоторую часть, а несравненно бóльшую часть не знал и потому боялся начинать это дело.

Размышляя об этих и многих других причинах, а также о том, что я несвободен от бесчисленных духовных и телесных попечений о внутренних и внешних делах обители, я едва не отчаялся начать это дело, как презатруднительное. Но, видя в соборе нашем глад слова Божия (см. Ам. 8, 11), от которого души братьев вместе с моей бедной душой совсем истаивали, я возложил всю мою надежду на Господа, умудряющего слепцов (Пс. 145, 8), и по молитвам святых братьев дерзнул начать это дело, совершенно превосходящее мою меру, с таким намерением и мыслью и следующим образом.

Зная свою меру, а именно то, что по упомянутым причинам мне будет совершенно невозможно начатое мной дело исправления или нового перевода славянских отеческих книг с эллиногреческих выполнить сразу в таком совершенстве, чтобы труд мой был достоин тотчас же быть переданным братьям, пребывающим в прочих обителях, для переписывания или напечатания и чтобы впоследствии не возникало никакой нужды во вторичном их рассмотрении и исправлении, и видя как в зеркале, что не однажды, но много раз по мере приобретения словарей и усовершен-

[16] *Далее в издании Оптиной пустыни:* Видя себя лишенным как словарей, так и упомянутого необходимого для этого дела знания, взял я себе...

возлюбленные братья наши, иеромонахи Макарий и Иларион-даскал[17], искусные в переводе книг и ученые мужи. Часть из них брат Макарий перевел еще на Святой Горе Афонской, а часть — в Драгомирне, также и честной даскал отец Иларион часть некоторую из них перевел в соборе нашем. Посчитав, что их перевод, без всякого сомнения, во всем верен, начал я имеющиеся у меня книги, в древности переведенные на славянский язык с эллиногреческого, исправлять, а иные и вновь переводить, прилежно взирая и на те эллиногреческие книги, которые были переписаны для меня на Святой Горе. И перевел вновь книги следующих святых: святого Антония Великого, святого Иоанна Лествичника, святого Исихия, святого Филофея, святого Нила Синайского «О молитве», святого Исаии Отшельника главы о молитве и святого Фалассия. В древности же переведенные книги исправлял следующие: святого Диадоха, святого Макария вторую книгу, святого Исаака, святого Григория Синаита, святого Симеона Нового Богослова «Слово о молитве и внимании»,

---

ствования, хотя и малого, в понимании эллиногреческого языка, по мере познания правописания славянского языка и наблюдения за свойствами и искусным сопряжением грамматики обоих языков появится необходимая нужда вновь исправлять их с прилежным рассмотрением или мне самому, если Бог продлит мне жизнь, или после смерти моей искусным в этом деле братьям, я поэтому не из зависти, как некоторые думают, к общей пользе всех хотящих спастись иноков, но в надежде, что будут, пусть и через многое время, совершенно исправлены эти многожеланные книги, положил в душе моей, как основание непоколебимое, такой завет: пусть этот мой труд исправления или перевода отеческих книг, как во всех отношениях хромающий и несовершенный, из собора нашего никуда не исходит, пока с помощью Божией не будет исправлен и доведен до подобающего совершенства.

[17] Да́скал (по-гречески διδάσκαλος) — учитель, мастер.

святого Кассиана Римлянина «О восьми помыслах» и «Слово о рассуждении» и прочие[18].

В 1774 году пришел со Святой Горы к нам в Драгомирну, когда мы еще там пребывали, один монах-грек по имени Константий. Он принес с собой эллиногреческую книгу, переписанную его собственной рукой и имеющую в себе множество сочинений отеческих. Обнаружились же в ней некоторые сочинения, которых на славянском языке я вплоть до того времени еще не видел и которые он по прилежному моему молению переписал нам своей рукой. Но поскольку он совсем не знал грамматического

---

[18] *Далее в издании Оптиной пустыни:* крепко держась, как слепец за тын, за упомянутый перевод, и исправил на первый раз перечисленные книги.

Затем, по прошествии многого времени, когда я уже начал понемногу приходить в большее преуспеяние в этом деле, я усмотрел в исправленных мной книгах премногие погрешности из-за моей неискусности и вторично некоторые из них исправил. Потом, по прошествии еще некоторого времени, когда опять нашлись в них многие погрешности, я и в третий раз их исправил, а некоторые из них остались только в первом исправлении, поскольку за неимением времени я больше уже не мог их исправлять. Но и эти еще очень далеко отстоят от истинного исправления, потому что и в самих тех эллиногреческих, на Святой Горе переписанных книгах, которые по неискусности своей я считал не имеющими никаких погрешностей, в очень многих местах обнаружились погрешности в орфографии.

В то время, когда у меня еще не было для этого дела ни одного словаря, я заново перевел с тех же эллиногреческих книг следующие книги святых отцов: Антония Великого, Исаии Отшельника, Петра Дамаскина вторую книгу, которые из-за моей в то время наибольшей неискусности имеют в переводе столь премногие погрешности, что мне и помыслить страшно, но исправить их в совершенстве без достоверных эллиногреческих книг отнюдь невозможно. Книгу святого Феодора Студита по необходимой нужде я в это же время перевел с простого греческого языка, не сподобившись даже до настоящего времени увидеть ее на эллиногреческом языке, хотя и сильно желаю; впрочем, и этот перевод по упомянутым причинам также имеет премногие погрешности. Также и над исправлением

учения, потому из-за совершенной своей неискусности в орфографии он как в свою книгу, так и из своей в переписанное для нас привнес премногие и бесчисленные погрешности. И, воистину, нашли мы золото словес святых валяющимся в грязи неправописания, от которой даже из хорошо образованных лиц кто сможет без достоверных эллиногреческих подлинников его очистить? Из этих переписанных упомянутым Константинием книг я вновь перевел следующие: святого Марка Постника, святого Феодора Едесского и святого Никиты Стифата «Триста глав»[19]. Эти книги более всех упомянутых не только для печати,

---

книги святого Исаака Сирина в древнем славянском переводе трудился целый год, сподобившись по Божиему непостижимому Промыслу сверх ожидания моего увидеть ее в настоящей жизни напечатанной на эллиногреческом языке, и читал то по эллиногреческой, то по молдавской книге. Но горе моему столь великому труду, потому что и эта книга по тем же причинам очень далеко отстоит от совершенства, и необходимо мне, уже полумертвому, если Бог по милосердию Своему еще продлит жизнь мне, а зрению моему, хотя я почти уже слепой, дарует просвещение, вновь всеприлежно потрудиться над ее исправлением. поскольку я уже имею некоторые словари и пришел в несколько большее преуспеяние от частого занятия этим делом. Подобный труд подобало бы мне предпринять и над вторичным исправлением первой книги святого Макария Великого и первой книги святого Петра Дамаскина, потому что и они далеко отстоят от совершенства. Книгу же святого Симеона Нового Богослова я даже и не начинал исправлять, поскольку даже до нынешнего времени не сподобился увидеть эллиногреческой.

[19] *В издании Оптиной пустыни эта фраза читается иначе:* Из этих переписанных им для нас по моему прошению книг я, по упомянутой нужде, вновь перевел следующие: святого Марка Постника, святого Никиты Стифата «Триста глав». *И далее:* Некоторые части трех сотниц были переведены на славянский язык в древние времена и у нас имелись, но всей этой книги, состоящей в целом из трехсот глав, я не видел даже и доныне. А эллиногреческой книги я вплоть до того времени не имел у себя ни одной главы. Еще я перевел из них книгу святого Феодора Едесского.

но и для переписывания ныне в иной обители совершенно непригодны, пока не будут исправлены по достоверным печатным или даже рукописным подлинникам[20].

---

[20] *Далее в издании Оптиной пустыни:* Что же скажу о книге святых Каллиста, Патриарха Цареградского, и спостника его, преподобного Игнатия, Ксанфопулов, о которой свидетельствует блаженнейший Симеон, архиепископ Солунский, и которую неизреченным желанием я желал сподобиться прежде смерти моей хотя бы увидеть? Когда я начал уже совершенно в этом отчаиваться, всемогущий Промысл Божий устроил так, что я не только ее увидел, но и на славянский наш язык перевел. Впрочем, и она, скажу истину, хотя и лучшего по сравнению с другими правописания, однако во многих местах, как оказалось, имеет такие погрешности, что и сам преискуснейший переводчик таких книг с эллиногреческого на молдовлахийский язык — отец Иларион-даскал отнюдь не нашел в тех местах настоящего и истинного смысла, но по необходимой нужде перевел так, как предположил. Его мнению последовал и я в своем переводе, потому эта книга также имеет препятствие для печати и переписывания в ином месте.

О второй книге святого Каллиста, называемого Катафигиотом, что уже и говорить из-за находящихся в ней бесчисленных орфографических погрешностей? Хотя и ее я также перевел на славянский наш язык, но она имеет то же несовершенство, препятствующее подобному делу. Житие святого Григория Синаита, написанное учеником его, святейшим Каллистом, Патриархом Цареградским, честной отец схимонах Савва принес со Святой Горы общему нашему блаженной памяти отцу и старцу Василию, взяв у которого эту книгу мы и переписали ее. Несмотря на то что после долгого времени со Святой Горы и было принесено в наш собор житие этого святого на эллиногреческом языке, но и оно кроме того, что имело обычные орфографические погрешности, оказалось неполным и содержало только некоторые его части, нет в нем и описания блаженной кончины этого святого. Хотя я и перевел это житие на наш славянский язык, но и оно имеет те же недостатки.

Книгу святого Максима Исповедника «Четыреста глав о любви» мы имеем только одну, московской печати, есть и «Слово постническое в вопросах и ответах» этого же святого, переписанное мной еще в юности в нашем отечестве с бесчисленными погрешностями и опущениями из-за моего невежества; эллиногреческого же текста я не сподобился и до сего времени увидеть, хотя и сильно желаю. Славянской книги блаженнейшего Симеона Солунского, кроме эллиногреческой и валашской, в соборе нашем нет совсем. Нет у нас также и книги святого Каллиста, ученика святого Григория Синаита. Книги

Вот, как в зеркале я показал святыне твоей, каким был мой труд в исправлении отеческих славянских книг по эллиногреческим или в новом переводе последних на славянский язык. Ибо превыше силы моей был этот труд, но и еще он несовершенен по упомянутой благословной причине, по которой ныне не только для напечатания, но и для переписывания в иной обители эти книги совсем непригодны до совершенного исправления их по наидостоверным эллиногреческим подлинникам. Потому и святыне вашей прислать такие книги для переписывания или напечатания я не мог никоим образом, боясь насиловать мою христианскую и монашескую совесть и боясь вечного осуждения души моей в день Страшного Суда Божия за это дело, хромающее и несовершенное.

Святыня же ваша, если даже и доныне еще имеет хотя бы одну неугасшую искру истинной по заповеди Христовой любви ко мне, не должна мой отказ присылать вам эти книги считать знаком того, что я с вами не примирился, или враждую с вами, или будто бы позавидовал общей пользе хотящих спастись и получить пользу от таких книг, — да не попустит мне Христос Спаситель такого безумия! Иной причины отказа присылать вам такие книги, кроме упомянутой, по благодати Божией в душе моей не усматриваю. Потому молю святыню вашу: после того как вы уразумеете мое столь ясное уверение относительно причин отказа присылать вам такие книги, всякое неподобающее мнение обо мне из-за этого дела в душе вашей истребите и более меня этим не беспокойте, ибо сколько не приложите к этому труда — он будет напрасным. Ведь пока книги эти не будут

же святого Нила Сорского на эллиногреческом языке вообще не существует, она есть только на славянском, и в юности моей я переписал ее, но с бесчисленными орфографическими погрешностями, и до сих пор не имел времени их исправить, кроме того, у меня не было достойной доверия книги, какую легко можно было бы найти в наших обителях.

совершенно исправлены по истинным эллиногреческим подлинникам, по моему душевному обету из собора нашего они не выйдут.

Святыня же ваша если воистину Божию, а не притворную ревность о приобретении душеспасительных этих книг в душе своей имеет, то ничем иным не может уверить в этом душу мою, как только тем, что примет здравый мой совет о многожеланном для вас приобретении таких книг. Если хотя бы ныне от всей души вашей послушаете его, я верю Господу и не сомневаюсь, что отнюдь не обманетесь в этом столь долговременном вашем желании, но с Божией помощью, без всякого сомнения, сподобитесь увидеть, как оно и на самом деле сбудется.

Преосвященнейший кир Макарий, бывший митрополит Коринфский, еще с юного возраста стяжал столь неизреченную, по Божию действию, любовь к книгам отеческим, учащим трезвению, вниманию ума, безмолвию и молитве умной, то есть умом в сердце совершаемой, что всю жизнь свою посвятил всеприлежному их поиску и переписыванию, как трудолюбивому собственноручному (ибо он был преискусен в светских науках), так и дорогостоящему — руками краснописцев. Придя на Святую Афонскую Гору, он с неизреченным усердием и превеликим старанием во всех библиотеках великих святых обителей нашел много таких отеческих книг, каких у себя до того времени еще не имел. Сверх всего этого в библиотеке преславной и великой обители Ватопедской он нашел бесценное сокровище — книгу о соединении ума с Богом, собранную великими ревнителями в древние времена из поучений всех святых, и прочие книги о молитве, о которых мы до тех пор еще не слышали. При помощи многих преискусных краснописцев, с немалыми расходами переписав эти книги через несколько лет, он сам всеприлежно сравнил их с подлинниками, предостоверно исправил, а жития всех святых авторов этих книг поместил в начале их сочинений, после чего вышел со Святой Горы

Афонской с неизреченной радостью, словно нашел на земле небесное сокровище. Придя в преславный Асийский город Смирну, он послал в Венецию с немалой суммой, собранной от милостыни христолюбцев, тридцать шесть отеческих книг, в числе каковых была и книга святого Каллиста Второго, о которой свидетельствует святой Симеон Солунский, а сверх этого числа и великий «Патерик» Скита Египетского, для издания их печатным тиснением. Он имеет намерение через непродолжительное время передать в печать и большую книгу святого Симеона Нового Богослова, для этого совсем готовую. И по некотором времени, как меня обо всем этом недавно письменно известило одно лицо, с Божией помощью упомянутые книги из печати выйдут в свет.

Этот воистину блаженный митрополит кир Макарий[21] с давних лет имел желание напечатать такие книги с тем намерением, чтобы не пришли эти святые книги во всеконечное забвение и не были истреблены с лица земли, что чуть было уже и не произошло. Ибо сам он на деле познал, какой труд подъял, и едва ли не всю жизнь свою потратил на поиск тех книг, и, после того как с неизреченным старанием повсюду, а особенно на Святой Горе Афонской всеприлежно и всеми способами искал, едва-едва обрел такое духовное сокровище, погребенное, как в земле, в долговременном забвении и крайнем неведении, — сокровище, более всего, и даже более самого дыхания, дерзаю сказать, необходимое подвижникам монашеского чина для наставления их на мысленную брань с невидимыми духами, необходимое и для того, чтобы ревнители смогли приобретать эти печатные книги с бóльшим удобством и меньшими расходами, чем рукописные.

Это всё я заранее возвестил святыне твоей, понемногу приступая к тому, чтобы преподать вам мой совет, каким образом смогли бы и святыня ваша с братией, и мы с собором нашим сподобиться

---

[21] Макарий в переводе с греческого означает «блаженный».

приобрести истинные, без всяких погрешностей славянские отеческие книги. Знает святыня ваша, что по Божию неизреченному милосердию в последние времена Православная наша Всероссийская Церковь сподобилась принять от Православной Греческой Церкви веру святую православную и Святое Крещение. С верой же святой приняла она и Божественное Писание, и все святые церковные книги, и книги святых учителей, и отеческие в переводе с эллиногреческих, которые суть источники славянских книг, ибо от них славянские получили начало. Со временем Божественное Писание и все церковные книги по Божией благодати были исправлены по эллиногреческим текстам, как по своим источникам, отеческие же остались в древнем своем переводе и до сих пор не исправлены по своим эллиногреческим источникам, к тому же по вине неискусных переписчиков приобрели и тьмочисленные погрешности. Поэтому нужда есть необходимая, чтобы и эти книги по своим же источникам исправлены были.

Потому, отец, как я часто повторяю, если вы имеете в душе своей воистину истинную, а не притворную ревность Божию о приобретении таких книг, то послушайтесь в этом моего здравого совета, и такое послушание ваше будет истинным знаком искренней вашей ко мне любви и истинного, а не притворного желания приобрести отеческие книги. Молю вас, отец святой, Господа ради и советую вам: от всего сердца вашего и от всей души постарайтесь приобрести упомянутые источники, то есть эллиногреческие отеческие книги, ибо есть несомненная на Бога надежда, что и славянские отеческие книги, в древности с них переведенные, будут вседостоверно по ним исправлены, а иные и вновь переведены. И не щадите для приобретения этих книг не только тленного и ничтожного, маловременного и преходящего имущества, но и самой души своей. И если Бог пожелает, и мы живы будем, и время мирное будет, то в следующем году весной, избрав из собора вашего заслуживающего наибольшего

доверия брата и дав ему, откуда Промысл Божий подаст вам, не менее тысячи левов, присылайте его ко мне. А я, также избрав из собора нашего подобного ему брата, немного знающего греческий язык, пошлю его на полном вашем иждивении с братом вашим на Святую Гору, куда книги те после выхода из печати скорее привезены будут для продажи. Без всякого труда, легко купив там таких книг не меньше двух собраний или, если пожелаете, и больше, братья с Божией помощью к нам возвратятся. Оставив у нас одно собрание в знак истинной вашей по Бозе ко мне любви и ради вечной о вас памяти и вашего спасения, с другим собранием к вам всерадостно возвратятся.

Вы же, получив такие святые книги, отвезете их сами к тем богоизбранным и богодухновенным лицам, о которых мне возвещаете, что они горят Божией неизреченной любовью к таким книгам и невыразимую и превеликую имеют ревность издать их в свет печатным тиснением. Всерадостно приняв из рук ваших эти многожеланные книги, они, действием Духа Святого побуждаемые, повелят учителям, всё светское обучение эллиногреческому языку в совершенстве прошедшим и самого богословия не перстом коснувшимся, перевести их на самый чистый славянский язык, на который Божественное Писание и все церковные книги были переведены, а переведенные в древности — истинно и предостоверно по ним исправить. После нового перевода тех книг или после истинного и предостоверного исправления переведенных в древности, они исполнят душеспасительное свое желание, если позаботятся благословением своим и иждивением напечатать их ради общей пользы монашествующих (ибо монахам наиболее прилично изучение отеческих книг), чтобы все монахи, а в особенности те из них, которые суть истинные по внутреннему человеку подвижники, не только из православного отечества нашего, но и из всех православных славянского языка народов: сербов, болгар и прочих, — от чтения их сподобились получать пользу. Тогда не только

исполнилось бы столь долговременное и превожделенное желание святыни вашей приобрести такие книги, поскольку вы сподобились бы уже иметь их у себя, но и мы сами, если бы сподобились их получить, то имеющиеся у нас положили бы на доброе сохранение, а от чтения тех книг, как предостоверных, получали бы пользу, прославляя Бога.

Этот мой совет приобрести такие книги в том случае будет действителен, если окажется всеистинной та весть (которая и представляется мне достоверной), что упомянутые книги уже точно посланы в Венецию для напечатания. Тогда-то на означенную сумму, при всех расходах в оба конца пути, можно будет купить два собрания таких книг. Если же, чего Бог да не попустит, новость эта не окажется истинной, возникнет нужда книги эти переписывать на Святой Горе, что на упомянутую сумму сделать совершенно невозможно, но потребуется денег несравненно больше. Потому что необходимо будет подать святогорскому собору Карейскому, то есть всем святым святогорским монастырям, не меньше тысячи левов милостыни, чтобы все к этому делу отнеслись доброжелательно и руку помощи подали. Ведь всему миру известно, что все святые места, а вместе с ними и Святая Гора, содержатся более всего на милостыню христолюбцев, особенно же в эти бедственные времена, и без милостыни столь превеликое дело начинать стыдно и неприлично, да и невозможно. Также особо и обителям святым, трем или четырем, в которых такие книги находятся, нужно хотя бы по пятьсот левов дать милостыни, чтобы начальствующие в них со всякой радостью согласились, открыв свои библиотеки, выдать из них такие книги для переписывания. Также подобает постараться дать и переписчикам не только обычную, но и несравненно бóльшую плату за переписывание, чтобы они со всякой радостью и всеприлежным усердием стремились переписывать те книги правильно, без каких-либо погрешностей, а после переписывания сверяли их

с подлинниками и исправляли верно. Переписать же непременно подобает два собрания таких книг, чтобы одно у нас осталось, другое же было отнесено к вам. Только на само это переписывание должно потратить денег не меньше двух тысяч левов. На пропитание же на Святой Горе братьев, посланных для переписывания книг, в течение одного года или даже двух лет, а также и на расходы в оба конца пути потребуется около пятисот левов.

Итак, отец святой, если возникнет необходимая нужда переписывать упомянутые книги, благодаря которым души хотящих спастись надеются обрести вечную пользу, то святыне вашей, как имеющей ревность Божию об этом, не подобает ли и столь большое количество денег со всем усердием потратить на приобретение такого бесценного духовного сокровища? И не только это, но, если возникнет нужда, не подобает ли и душу свою положить за приобретение тех книг ради пользы ближнего? Воистину подобает. И если вы понесли столько расходов на создание каменной странноприимницы с железной кровлей, то не подобает ли понести несравненно бóльшие расходы на приобретение упомянутых книг ради вечной пользы своей и ближнего? Но поскольку ту весть о печатании упомянутых книг не считаю неистинной, но всеистинной, постольку и святыня ваша избавится от столь великих расходов на их переписывание, но следует употребить только меньшую названную сумму на их покупку, как я подробно об этом написал.

Если же и это никоим образом, хотя бы и от всей души вы захотели, святыне вашей невозможно будет сделать (или по крайней и последней, совершенной монашеской, христоподражательной вашей нищете, или и по иным некоторым благословным причинам, или по бедственности времени), то не осудит вас Господь, ибо вы имели произволение со всем усердием это сотворить, но не смогли. И если это случится, то со всем усердием молю вас не презреть Господа ради хотя бы этот, уже последний мой совет: весть о том, что посланы в Венецию для напечатания отеческие

книги на эллиногреческом языке, передайте тем лицам, о которых мне сообщаете. Они же, как мужи богодухновенные и имеющие неизреченную ревность Божию к таким книгам, после выхода их из печати могут преудобно их получить, как лица, обладающие большой властью, а после всеистиннейшего на славянский язык перевода переведенные книги издать. И тогда уже и святыня ваша, от упомянутых расходов избавившись, сможет с Божией помощью приобрести те книги с бóльшим удобством, и так на самом деле исполнится ваше превожделенное желание приобрести их.

Молю же святыню вашу: ответное мое письмо к Его Преосвященству, если Бог подаст вам силы, отвезите сами. В нем написано о причине отказа присылать святыне вашей книги, об упомянутой вести относительно отправки тех книг для напечатания и прошение к его Преосвященству, да соблаговолит он увещевать святыню твою послушать моего совета, написанного вам, — и ничего другого. Потому не сомневайтесь, сами отвезите это письмо и передайте его Преосвященству, к чьим святым стопам мысленно припав, всесмиреннейше со всем моим собором кланяюсь и лобызаю святую и благословляющую его десницу.

Извещаю духовно святыню вашу, что из-за печатного издания книг отеческих как на эллиногреческом, так и на славянском языках меня охватывает и радость, и страх. Радость, так как уже не будут преданы всеконечному забвению эти книги и ревнители смогут с бóльшим удобством приобретать их; страх же, поскольку боюсь и трепещу, чтобы, когда они не только инокам, но и всем вообще православным христианам будут предложены как продаваемая вещь, подобно прочим книгам, последствием этого не стала прелесть тех, которые самочинно, без наставления опытных, научатся по ним деланию умной молитвы, а по причине прелести — хула суетоумных на это святое и пренепорочное, премногими и великими святыми отцами засвидетельствованное дело. Что и на самом деле в дни наши случилось.

Один монах, философ суетоумный, пребывающий в Мошенских горах, увидев, что некоторые ревнители, впрочем не по разуму, этой молитвы впали в прелесть из-за их самочиния и от невежественных наставлений неискусных наставников этой молитвы, и не возложив вины на самочиние и неискусное наставление, по действию диавольскому столь сильно вооружился хулой на эту святую молитву, что и древних треклятых еретиков, Варлаама и Акиндина, хуливших эту молитву, несравненно превзошел. Ибо он, ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, столь страшные, срамные и скверные хулы устремил на эту святую молитву, на ревнителей и делателей ее, что и для слуха человека целомудренного они нестерпимы. Кроме того, на ревнителей этой молитвы он воздвиг столь великое гонение, что иные, оставив всё, в страну эту прибежали и живут в ней в пустынных местах богоугодно. Иные же, будучи скудоумными, от его развращенных словес в такое безумие пришли, что и некоторые свои отеческие книги, как мы слышали, в реке Тясмин потопили, привязав к ним кирпичи. И столь великую силу обрели его хулы, что некоторые под угрозой лишить благословения запретили читать отеческие книги. Когда же, не довольствуясь устной хулой, он умыслил ее записать, тогда по Божию наказанию ослеп на оба глаза, и такое его богоборное намерение было пресечено.

Как выше сказал, я того боюсь и трепещу, как бы не впали самочинники в прелесть, а за прелестью не последовала бы хула, за хулой же — сомнение в учении богоносных отцов наших, в котором отцы, после того как сами молитве этой по благодати Пресвятого Духа деланием и опытом научились, богомудро учат ей и подвижников, усердствующих со всяким смиренномудрием понуждать себя к ее деланию.

Книги отеческие, в особенности те, которые учат истинному послушанию, трезвению ума и безмолвию, вниманию и молитве умной, то есть умом в сердце совершаемой, приличны одному

лишь монашескому чину, а не вообще всем православным христианам. Поэтому богоносные отцы, молитве этой учащие, началом ее и основанием непоколебимым называют истинное послушание, от которого рождается истинное смирение, смирение же хранит подвизающегося в молитве от всякой прелести, возникающей у самочинников. И как возможно будет мирским людям по самочинию, за которым последует прелесть, к столь страшному и ужасному делу, то есть к такой молитве, без всякого наставления понуждать себя и избежать при этом многообразных и многоразличных обольщений вражеских, на молитву эту и подвижников ее прехитростно наводимых? Ибо столь страшно это дело, то есть молитва умная, что и истинные послушники, которые волю свою и рассуждение перед отцами своими, истинными и преискусными наставниками делания этой молитвы, не только отсекли, но и совершенно умертвили, всегда пребывают в страхе и трепете, боясь и трепеща, как бы не подвергнуться в молитве этой некой прелести, хотя они всегда хранимы Богом от нее за истинное свое смирение, которое по благодати Божией стяжали истинным своим послушанием.

Молитва эта святыми называется художеством из художеств, и кто может без художника, то есть без искусного наставника, ей научиться? Молитва эта есть меч духовный, на заклание врага Богом нам дарованный, но для неискусно действующего им есть опасность — да не обратит его на заклание самого себя. Под молитвой же этой имею в виду не просто умную, то есть не просто умом и устами совершаемую, — ибо такая молитва приличествует всякому христианину, желающему спастись, — но художно умом в сердце совершаемую и невидимо язвящую врага Божественным именем. Молитва эта, а вернее — делание сердечное, как солнце сияла только среди монахов, особенно в странах Египетских, также и в странах Иерусалимских, на горах Синайской и Нитрийской, в Палестине и в иных многих местах. И если она

где-либо и совершалась и сияла среди монахов, то и там делание молитвы этой хранилось как тайна великая и неизреченная, одному только Богу и делателям ее ведомая; мирскому же народу делание этой молитвы было совсем неведомо. Ныне же, благодаря напечатанию отеческих книг, не только монахам, но и всему христианскому народу о ней станет известно.

И потому, как я сказал, боюсь и трепещу, чтобы по упомянутой причине, то есть из-за самочинного, без наставника, начинания этой молитвы, не впали такие самочинники в некую прелесть, от которой Христос Спаситель да избавит Своей благодатью всех хотящих спастись.

Обо всем этом святыню вашу как бы ради предостережения духовно известив, остаюсь во всех заповедях Божиих совершенного вам преуспеяния желатель. Бог же любви и мира да будет с вами (см. 2 Кор. 13, 11). Аминь.

ПОСЛАНИЕ К НИКИФОРУ ФЕОТОКИ*[22]

Преподобнейшему учителю, иеромонаху кир Никифору — о Господе радоваться!

От любви, основание которой — Сам Бог (см. 1 Ин. 4, 16), от любви истинной и непритворной, ты подумал о нас, о священная мне и честна́я глава, намного больше, нежели подобало.

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Паисий (Величковский), прп. Полемические произведения, поучения, письма / сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; под общ. ред. О. А. Родионова. М., 2008.

[22] Послание преподобного Паисия является ответом иеромонаху Никифору, бывшему в то время ректором гимназии в г. Яссах, на его просьбу прислать монахов из братства преподобного Паисия для воспитания детей.

Ты счел, что много у нас таких мужей, которые вместе с грамотой могли бы и заповедям Господним, и добродетели учить детей и делом, и словом, бывая для них примером и начертанием благодаря своему честнолепному, целомудренному и трезвенному житию; которых ты и просишь, а еще больше просят их у нас на это дело христолюбцы из матери городов[23] этой земли.

Мы же, совесть нашу в свидетели перед боголюбием твоим призывая, извещаем, что нет еще и доныне у нас таких мужей, годных на это дело, каких просит обращенное к нам слово и вы.

Ибо хотя мы и сошлись о имени Христовом во врачебницу, то есть в общежитие, к истинному врачу душ и тел Христу Богу с надеждой на исцеление, но еще больны и немощны, еще от недуга нашего не исцелились, еще смердят и гниют из-за нерадения нашего душевные наши раны, еще желаемого не сподобились здравия, чтобы быть способными и иных исцелять. Мы — соль, взятая из воды, и если в воду опять будем ввержены, разольемся страстями. Кирпич внутреннего нашего человека еще огнем Духа не обожжен, чтобы мы смогли выдержать напор воды страстей и не рассыпаться. Еще не получили мы «криле, яко голубине» (Пс. 54, 7), Духа, чтобы смогли, ввергнув себя в пучину раздражений греховных, которые перед очами нашими, к пристанищу Небесному перелететь, не погрязая в страстях.

Ужасаемся и трепещем, не дерзая вступить в печь вавилонскую страстей и похотей, которую смог бы посреди народа разжечь для нас мысленный вавилонский мучитель, из-за немощи чувств наших, поскольку не сподобились мы еще росы бесстрастия, — да не будем сожжены, как и те, которые стояли вокруг печи халдейской (см. Дан. 3, 19–50). Знаем мы — о блаженный! — хотя и отчасти, что такое мир, из учения треблаженных

---

[23] Имеются в виду Яссы, столица Молдавского княжества в то время.

отцов наших: он есть (твои речи заимствую) похоть плоти, суетность приобретения и воля диавола.

Знаем мы и то из учения тех же отцов, что немощным душой монахам полезно бегство от мира и от мирских людей, от видения их, и слышания, и собеседования с ними, а тем более от сопребывания.

Мы о высоте совершенства святыни пребывающих в миру, а умом вне мира и помыслить недостойны, ибо таковых почитаем за равноангельных. Мы же, находясь вне мира, пребываем в миру, окаянные, — это исповедуем перед Богом и людьми.

Знаешь ты, богомудрый, сколь великая злоба диавола, и знаешь, что брань его мысленная простирается на всех людей, в особенности на православных христиан. Насколько же более простирается она на монахов, превышеестественной добродетелью девства и чистоты понуждающих себя во плоти подражать бесплотным. И если на пребывающих вне мира, в пустыне, страдальцев Христовых воздвигается такая лютая, постоянная и непрестанная его брань, то насколько более на пребывающих в миру монахов.

Сколь великая требуется таким крепость душевная и совершенное бесстрастие, а также крайняя к Богу любовь и вера и благодать Святого Духа, чтобы смогли они, как три отрока, посреди пламени такой лютой брани вражеской и искушений девство свое и чистоту души и тела, как храм Божий (см. 1 Кор. 3, 16), соблюсти неопалимыми. Мы же, будучи боязливыми и слабыми сердцем, от такой силу нашу превосходящей брани мысленного нашего противника, по слову учения святых отцов наших, уходим и возвращаемся в дом нашего внутреннего человека (и, сидя в нем, плачем о немощи нашей), боясь и трепеща, как бы по слабости и немощи души нашей не поддаться врагам нашим, поползнувшись в плотские похоти и страсти, и не устрашить сердца братьев наших, хотящих спастись, став соблазном и преткновением для них таким нашим душевредным примером.

Знаем, что учить детей — дело божественное и дело любви, но превосходит оно силу нашу, потому веруем, что такого делания любви от нас, немощных, Сердцеведец Господь (см. Деян. 1, 24; 15, 8) не потребует, зная немощь нашу.

Всё это кто знает так обстоятельно, как твое Богомудрие? Ведь и письмо к худости нашей ты написал как бы от лица школьных смотрителей. Потому молим твое Боголюбие помиловать немощь нашу и оставить нас плакать о грехах наших, молим также известить и смотрителей по дарованной вам Богом премудрости о неспособности нашей к такому делу. За такое благодеяние ваше, которое оказано будет душам нашим, воздаяние иметь будете в Царствии Небесном — блага, уготованные любящим Бога от Мздовоздаятеля праведного, Христа Бога нашего, Которому мы, последние, о здравии и спасении вашем молимся постоянно.

ДРУГОЕ ПОСЛАНИЕ ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СЕКУЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ, К ОТЦАМ, ОСТАВШИМСЯ В ДРАГОМИРНЕ*[24]

Братья и отцы и чада мои духовные, знаю я, что сластолюбие, любовь не по Богу, изнеженность и в особенности самолюбие, как и прочие страсти, побеждают нас всегда и настолько изменяют и придают нам иной облик, что мы начинаем взирать долу,

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Паисий (Величковский), прп. Полемические произведения, поучения, письма / сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; под общ. ред. О. А. Родионова. М., 2008.

[24] Написано преподобным Паисием после того, как он переселился с частью братии из Драгомирнского монастыря в Секульский.

на землю, становимся «плотью и кровью» (см. 1 Кор. 15, 50) и от этого совсем отчуждаемся от благого Бога. и поэтому всегда было у меня в мыслях написать хотя бы вкратце и самыми простыми словами малое поучение для поощрения вас к исполнению заповедей Божиих и сохранению заповедей святых отцов, а также для того, чтобы о Господе посоветовать вам, каким образом должно проходить поприще святого послушания и пребывать на нем, совершая дела благочестия. И до сих пор не мог написать, будучи обременен как слабостью моей телесной, так и иными многими обязанностями и попечениями, которые предстоят всегда предо мной.

Но теперь, при всей немощи и слабости, какую имею, большую помощь получая от святых ваших молитв, я три-четыре раза читал здесь в собрании отцам, которые во имя Господа собрались под ярмо святого и божественного послушания, нечто из слов святого отца нашего аввы Дорофея, объясняя отцам подробно поучения святого, которые говорят о смиренномудрии и, скажу вкратце, о делании всякой заповеди Божией и о том, каким образом совершать дела благочестия. И воскресли души многих братьев, ибо начали они всѐ сразу на деле последовать поучениям святого, а истиннее сказать — Святого и Животворящего Духа. Поэтому ныне немалую радость имею я в душе моей по случаю этого, за что ежечасно со слезами прославляю премилостивого Бога.

Правда и то, что я по обязанности, которую имею, не уклонился от того, чтобы написать и вам, прелюбезные мои братья и чада, эти простые и малые поучительные слова, поскольку долг имею как находящихся здесь[25] братьев, так и вас поучать и советом по Богу поощрять ко всякому доброму делу. Ибо хотя мы и разлучились так, что живем в этих двух святых монастырях,

---

[25] То есть в Секульском монастыре.

однако собор наш один и весь он связан теми же узами любви по Богу, как если бы мы жили все вместе неразлучно.

Узнал я и о вашей жизни, в особенности о некоторых из братьев — не обо всех говорю, — что они легко склоняются к нарушению заповедей, которые святые отцы заповедуют соблюдать и исполнять со всяким вниманием, чтобы сохранилась между нами благая благоговейность: ходят со всякой распущенностью из келии в келию, проводя время в суетных разговорах и смехе. И не только это, но они и выходят открыто к воротам святого монастыря и сидят без страха Божия праздно, и от праздности некоторые из подобных, сделавшись неблагоговейными, доходили до полной невнимательности и бесчувственности, сделавшись строптивыми, непокорными, вспыльчивыми, сердитыми, непослушными, прекословящими, ропщущими, неблагодарными и ленивыми во всяком благом Божием деле. Ибо чему иному праздность может научить, если только не всякому злу, как свидетельствуют святые отцы.

Поэтому, отцы и братья и чада мои любезные, с болью сердца моего умоляю вас: трезвитесь все те, которые впали в такие прегрешения, и положите с помощью Божией начало исправления, оплевав всякую привычку и злобный, проклятый нрав, и делайте ваши члены, как говорит апостол, рабами справедливости в святости (см. Рим. 6, 19). Примите Божественное разумение (ср.: 1 Кор. 2, 16). «Уклонитесь от зла и сотворите благо» (см. Пс. 33, 15). Любите мир и возделывайте его. Убегайте от развращенных советов, которые враг наш, диавол, изливает через неутвержденных и легкомысленных, как излил некогда в раю через змея на Еву, праматерь нашу. Ибо многие, в том числе и некоторые из наших братьев, слушая развращенные советы и последуя своей воле и мнению, не только не преуспели в какой-либо добродетели и жительстве по воле Божией, но и отпали от общего братского жительства, отреклись от обетов своих, которые дали при

постриге пред Богом и святыми ангелами, и ныне всё делают по воле своей к воспламенению вечного огня. Бог Святой по молитвам вашим да подаст им познание справедливости и исправление.

Впрочем, и сами вы познали, какое помрачение и тягость появляется в душе от презрения и несоблюдения святых заповедей и Божественного Евангелия, советов и решений, оставленных святыми отцами по просвещению от Святого Духа. Поэтому и я, недостойный, о Господе советую и повелеваю: положите отныне и впредь начало исправлению и в особенности истребляйте с помощью Божией из среды вашей празднословие, которое втайне умерщвляет души ваши, равно и хождение из келии в келию без надобности, а если возникнет надобность одному идти к другому, то и это да будет с ведома и благословения духовника. Будьте ко всем кроткими и смиренными, последуя кротости и смирению Христа, Который во время всех страданий Своих, какие Он добровольно претерпел для нашего спасения, не прогневался, не противоречил тем, кто бесчестил и поносил Его, но еще и помолился Отцу Своему Небесному о них, чтобы Он простил им эти прегрешения. Будьте покорными, скорыми на послушание, непрекословящими и помимо всего этого стяжите в сердцах ваших смиренномудрие, которым сможете угасить все огненные стрелы диавола (см. Еф. 6, 16), который, как лев, ходит, рыкая и ища вокруг, кого бы поглотить (1 Пет. 5, 8).

Всегда исповедуйте духовнику все помыслы ваши, ибо через чистое исповедание рассыплются все советы врага. И не любите сидеть в келиях ваших хотя бы один час без рукоделия и праздно, поскольку праздность, как я уже сказал, научает монаха всякому злу. Занимайтесь все деланием рук ваших и всеми общественными делами, какие повелевается делать. И сохраняйте порядок и правило Святой Церкви, тем более что есть у вас там и теплая церковь. Те, которые знают грамоту, пусть читают со вниманием книги святых отцов, поскольку благодаря книгам просвещается ум человека,

и он обретает ревность исполнять заповеди Святого Евангелия, ибо без делания заповедей Божиих, только одной нагой христианской верой спастись невозможно. Ведь, как говорит апостол, вера без добрых дел мертва (см. Иак. 2, 20), равно и дела без веры мертвы (ср.: 1 Пет. 1, 9; Рим. 1, 17; 3, 28). Потому сочетайте и то и другое, то есть веру и делание заповедей Божиих, чтобы не был отнесен и к вам тот пророческий глас, говорящий: «Народ этот близок ко Мне устами, но далек сердцем» (см. Ис. 29, 13; Мф. 15, 8; Мк. 7, 6). И в другом месте еще сказано: «Есть некоторые, которые своими устами благословляют Бога, а делами своими отрекаются от Бога» (см. Тит. 1, 16). Поэтому трезвитесь, чада, ибо наша брань не против плоти и крови, но против начал и властей тьмы (см. Еф. 6, 12). Бог, в вышних почивающий на херувимах, видя подвиг и усердие ваше, да укрепит вас Своей благодатью на исполнение святых Его заповедей и на совершение всякого благого дела.

В особенности пишу вам и о том, чтобы каждый ежедневно сохранял ненарушимо следующие заповеди (ибо так я заповедал здесь всем братьям): каждый да принесет по лохани или хотя бы по лоханочке воды в поварню и поможет хоть немного мыть посуду, и другим чем-либо да поможет, в чем будет нужда. То же самое и на пекарне — да просеет по одной или две сеялки муки и поможет месить тесто (кто покрепче телом), потому что и братьям, определенным на те послушания, следует иметь облегченье. Также всякий брат каждую неделю должен чистить трубу своей печи, и никто пусть не кладет дрова или щепки на печь или между печью и стеной, чтобы исчезло у вас всякое беспокойство о пожаре. В монастыре все должны ходить с благоговением, держа руки сложенными у пояса. По кельям никто один к другому без надобности да не ходит, а при необходимости посещение должно быть с ведома и благословения духовника, как я уже сказал. Также и сборищ, при вратах ли или в каком бы то ни было месте, и в особенности с празднословием, да не будет. Назначил

я и епитимию для тех, которые не соблюдут и не исполнят этих заповедей: они вина да не пьют.

И так как находящиеся здесь[26] приучились делать и соблюдать это с великим вниманием, то умоляю и вас, честны́е и прелюбезные чада мои, — поскольку здесь и там без различия все один собор, — чтобы и вы там со всем усердием и тщанием соблюдали и исполняли это. Как бы ни были велики и тяжки эти заповеди, но если только явите произволение, вы все, кроме больных и старых, сможете их исполнять, чтобы как там, так и здесь — везде был один порядок.

Также и церковные братья[27] — и они должны стараться последовать всему этому, поскольку могут и они найти время, тем более после церковного богослужения; и пусть знает каждый, что если кто-либо по лености или пренебрежению не будет соблюдать этого, то я дал твердое, особенное повеление отцам-распорядителям, вместо меня там поставленным, никому из таких вина не давать.

При всем этом еще умоляю вас со слезами, прелюбезные мои чада и братья, чтобы каждый пребывал в своем служении с мужеством, во всяком благоделании, дабы телесные ваши дела соединились с прочими вашими добродетелями. Потому что в том месте, где это есть и исполняется, там и Бог почивает, там сияет свет, там является мир, там сатана не имеет себе места, оттуда далеко убегают страсти. А где нет тщания об этом, там всё противоположное: вместо блага — зло, вместо света — тьма, вместо Христа — диавол.

Поэтому будь бдителен, ты, чадо мое, духовник Наркисс, бодрствуй, рассматривай сердца братьев через исповедь и наставь

---

[26] То есть братья Секульского монастыря.

[27] То есть священнослужители и братья, несущие послушания в церкви при богослужении.

их на всякое благое дело, чтобы они получили вместе со всеми и награду от подвигоположника Бога.

Благодать же Господа нашего Иисуса Христа да будет всегда с вами, всечестнейшие мои братья. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СТАРЦА ПАИСИЯ ИЗ СВЯТОГО МОНАСТЫРЯ ДРАГОМИРНА К УЧЕНИКАМ СВОИМ, КОТОРЫЕ НАХОДИЛИСЬ НА ЖАТВЕ НА ХУТОРЕ (МЕТОХЕ) НЕКШАНЫ*

Прелюбезные мои, все те, которые находитесь на святом послушании на жатве, духовные мои чада и во Христе братья и отцы, радуйтесь о Господе!

Премилостивый Бог знает, как был бы я рад прислать вам и другого иерея в помощь, для порядка. Но поверьте мне, чада мои, что тогда некому будет служить в святой церкви Божественную службу, на которую мы по Бозе все упование наше, и упование с благой вестью о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов наших, твердо по вере христианской возлагаем. Поэтому я рассудил для подкрепления вас в ваших трудах послать вам, любезные мои чада, это мое наставительное поучение.

Любезные и дорогие мои чада, страдальцы Христовы, причастники венца мученического и наследники Царствия Небесного,

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Паисий (Величковский), прп. Полемические произведения, поучения, письма / сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; под общ. ред. О. А. Родионова. М., 2008.

станьте храбро в святом послушании, станьте твердо в вере в Бога и в доверии ко мне; по словам святого апостола Павла, не ослабевайте, будьте единодушными, мирными, относитесь один к другому и ко всем с любовью и благоговением (см. Флп. 2, 2–3; 1 Фес. 3, 12; Рим. 12, 9–12). Так как враг — проклятый диавол, всегда подстерегающий нас в засаде, день и ночь ходит вокруг нас, ища и среди подвизающихся, кого поглотить (см. 1 Петр. 5, 8) и на дно ада с собой низвергнуть на веки веков, и особенно в это смутное время. Но вы, чада святого и треблаженного послушания и мои любезные чада, будьте мудры и искусны, попирайте рассуждением вашим духовным его главу, вызывающую смятение, и всю силу его лукавую; старайтесь ради Господа, сколько есть сил ваших, так же как телесно вы трудитесь, трудиться и духовно, в особенности не последовать своей воле, мнению и не сопротивляться друг другу, — такие дела Богу ненавистны, а мне и всем братьям враждебны и чужды. Остерегайтесь роптания, так как на тех, кто ропщет, нисходит гнев Божий, и земля живыми их поглощает (см. Чис. 16, 23–34). А более всего смиряйтесь, братья, и любите один другого духовной любовью, и Бог мира и любви да будет с вами (см. Флп. 4, 9); и из того все познают, что вы — ученики Христа, если истинную любовь будете иметь между собой (см. Ин. 13, 35). Так как тот, кто любит брата, во свете пребывает, а тот, кто ненавидит, — во тьме (см. 1 Ин. 2, 10–11). Остерегайтесь, братья, и зависти — сети диавольской, потому что где пребывает зависть и памятозлобие, там не бывает посещения Божественной благодати, но всё — поводы к хулению, памятозлобие диавольское и отверстая яма погибели. Удержите во время святого дела, то есть послушания, язык ваш от зла (см. Пс. 33, 14), чтобы не говорил он слов праздных, так как страшно и грозно каждый будет допрошен Господом обо всем, даже и о слове праздном, в день грозного испытания. Положите хранение устам вашим (см. Пс. 140, 3), языку и помышлениям,

если благоволите по вере христианской проводить эту жизнь, потому что уста молчаливого источают благо (см. Притч. 10, 31). Ибо кто сохраняет язык, тот сохраняет от скорбей душу свою (см. Притч. 21, 23), поскольку «смерть и живот в руце языка» (Притч. 18, 21). Этому поучает нас и Иаков, брат Божий, говоря: «Да будет всякий человек скор на слушание и медлен на разговор, ибо кто не падает языком, тот муж совершенный, могущий удержать от зла и всё тело свое» (см. Иак. 1, 19; 3, 2).

Соблюдите это, не собирайтесь на кухне, в палатке, в пекарне и во всяком месте без надобности, потому что при многословии не избежим празднословия, смеха и клеветы. Да не ходит один к другому по шалашам без благословной надобности и без благословения духовника, в особенности после повечерия, ибо это святые отцы строго запрещают.

А в особенности остерегайтесь с осмотрительностью и такой ловушки диавола — дерзости между собой, ибо эта сеть диавола, братья, люта и ужасна, может всякого монаха, и старого и молодого, вниз головой низвергнуть во все пропасти. И вы, братья старшие, в понятиях и в рассуждении более опытные, теми делами вашими, которые одобрены, покажите пример младшим, в понятиях еще неопытным, и преподайте наставление. Ибо от вас Господь требует большего. Находясь в шалашах или на работе, не оставляйте внимания, как если бы вы были в монастыре. Учитесь Божественным заповедям, то есть смирению, кротости и любви, так как Сам Господь в Евангелии говорит: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). А для того чтобы научиться смирению, полезно каждому иметь сокровенное поучение в душе своей: самому себя укорять, под ногами у всех себя иметь, прахом и пеплом себя считать. Также за трапезой, на посевах и повсюду в страхе Божием, в памяти смертной, в памятовании о муках вечных каждый сам себя да утверждает непрестанно и да

воздерживается: глазами туда и сюда пусть не смотрит, но взирает долу, и о своих грехах помышляет, и ежедневным истинным исповеданием совесть свою очищает, а различные искушения, которые приходят от немощных братьев, с радостью и благодарением претерпевает.

Одно такое вышеописанное поучение и внимание иссушает помыслы скверные, ранит страсти душевные и телесные, озаряет ум, просвещает помысл и доставляет сердцу радость. Тайное поучение и чтение есть дом души, в который не могут проникнуть и к которому не могут приступить противные силы, это столп непоколебимый, пристанище тихое, безмятежное, неподвижное, спасающее душу. Потому что много бунтуют и шумят демоны, когда монах вооружает себя тайным поучением и вместе с тем непрестанным повторением: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» — и особым чтением.

И если так будете делать, любезные мои чада, то я, услышав об этом, порадуюсь за вас ради вашего богоугодного дела, так как вы и мои, грешного, труды не презрели. Ибо как вначале я вскормил вас молоком духовным и наставлял, так и теперь наставляю не на что-либо другое, но на путь, ведущий в Царствие Небесное. И ожидаю иметь себе облегчение хотя бы в годы старости моей, при слабости здоровья моего, — ваше божественное и истинное святое послушание и, как какой-нибудь очень дорогой и многоценный жемчуг, спасение душ ваших и моей, грешника, души, и о нем ходатайствую. А вы, любезные и духовные мои сыновья, отверзите слух ваш и внимайте следующему. Не воздавайте мне противным: за добро — злом. Вместо радости не доставляйте беспокойство, вместо пшеницы чистой — плевелы, тернии и волчцы, вместо наслаждения милостью Божией в Царстве Небесном и неизреченной радости в одном месте с вами — вечные муки и невыразимые скорби из-за вашего непослушания, от которого Бог да избавит нас. Но, истинно говорю, принесите Господу Богу

жертву чистую, без порока, с благоуханием, по христианскому вашему обету, — святое послушание, выбрасывая вон скверную и вонючую жертву — оного дохлого и злосмрадного пса, то есть непослушание. Принесите труды ваши и пот кровавый как всесожжение во всем тучное, пребывание ваше под жгучим солнцем и тягости — как терпение мученическое и вас самих с душой вашей — как живое приношение, благоприятное Богу, «в воню благоухания» (см. Еф. 5, 2).

А что касается ваших добрых подвигов, вверяю вас, любезные мои чада, Господу Богу для защиты и покрова, чтобы Он защищал вас от всякого зла душевного и телесного, и покрыл от всякого смущения вражеского, и даровал вам одно такое богоугодное дело — пресвятое послушание — со страхом Божиим, по приведенному выше духовному моему поучению, основанному на Святом Евангелии и засвидетельствованному святыми, с терпением в душеспасительных подвигах совершать. Знайте, что ненавидящие Христа иудеи проповедь пророков и святых апостолов услышали и много чудес Христа Спасителя нашего видели, но им не отдали предпочтения и не согласились ходить по пути Божию, но еще — увы! — невинного Христа Бога нашего, окаянные, мучили и смерти предали. А язычники и не зная истины уверовали и нареклись блаженными сынами Божиими (см. Ин. 20, 29). Вас же да удостоит Бог как в этой маловременной жизни в душах ваших принять от Христа Спасителя мир, божественную радость, так и по прошествии этой жизни в Царствии Небесном вместе с ликами ангельскими наслаждаться вечно неизреченной радостью и сынами Божиими именоваться (см. Мф. 5, 9).

По-отечески ваш молитвенник к Богу
и усердный доброжелатель, духовный ваш отец.
21 июля 1775 года

ТОГО ЖЕ ОТВЕТ СВОИМ УЧЕНИКАМ, ОТЦАМ ДОРОФЕЮ И ГЕРОНТИЮ, НАХОДЯЩИМСЯ В БУХАРЕСТЕ, ПОСЛАННЫМ ЕГО ПРЕПОДОБИЕМ В ШКОЛУ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ. О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ЕСТЬ МЯСА*

Любезный брат Дорофей, спасайся о Господе.

Не удивляйся, любезный, что я не скоро послал ответ на твои письма, ибо ты хорошо знаешь о том, что служит мне препятствием, в особенности о дальности пути и происшествиях на границе, поскольку здесь край несвободный. Это препятствует мне исполнить желание — один Господь знает, каково оно у меня, — позаботиться о вас в нуждах ваших. Я говорю о пересылке пропитания. Невеликое было бы дело от наших виноградников послать вам нужное для пропитания, но граница — край несвободный. А если бы вы были в школе в Яссах, то было бы возможно в достаточной мере помогать вам от монастыря. Но теперь, что касается помощи вам, остается одна надежда по Бозе на отца Матфея, которого я немало и просил в написанном его святыне письме, чтобы он взял на себя труд помочь вам тем, что требуется для пропитания. Уповаю, что после этой моей просьбы помощь последует, поскольку я пообещал в письме возместить деньгами его святыне всё, что он издержит на вас. Теперь же посылаю вам малую сумму денег, ибо вы знаете нашу прежнюю скудость, но теперь еще бóльшая скудость нас постигла. Впрочем, уповаю на Бога, что мы не будем оставлены до конца.

---

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Паисий (Величковский), прп. Полемические произведения, поучения, письма / сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; под общ. ред. О. А. Родионова. М., 2008.

Вместе с тем по необходимости следует мне дать ответ на вопрос о мясоядении, которое вам советуют (то есть советуют разрешать на мясо) те, кто мечтают быть владыками. Мне же кажется, что по правому смыслу и установлению всей Святой Православной Церкви и самому ангелу не следует в этом подчиняться, а для опровержения советов тех людей и вашего утверждения достаточно сочинения о мясоядении блаженной памяти старца Василия, который сочинил его не без содействия благодати Божественного Духа. Думаю, что ты прочитал его и сам, оно исполнено многой силы и мудрости Божественной. В нем старец Василий хорошо показывает, насколько могу вспомнить, что от начала создания мира и человека не было воли Божией, истинной и совершенной, на то, чтобы люди вкушали мясо; правда и то, что не только в раю, но и до потопа мясоядения среди людей не было. А после потопа Бог всеведущий предвидел и предузнал, что люди (человечество) дойдут до такой слабости, что если им не дать свободы через благословение, они и без благословения начнут есть, поэтому Всещедрый и Всеблагой Бог, зная слабость человеческого естества, оказал снисхождение и благословил[28]. Но порядок монашеской жизни во всем, насколько возможно, изображает пребывание в раю, соответствует ему и подчиняется совершенной воле Божией. Тогда не было мясоядения — и монахам не подобает есть мяса. В раю была особенная жизнь, отличная от жизни после преступления закона, — так же и монашеская жизнь во всем, насколько возможно, по справедливости должна отличаться от мирской. В начале монашеской жизни, в то время, когда она не была еще во всем утверждена преданиями и уставами святых отцов и вообще всей Православной Церкви, имели обычай есть мясо в некоторых монастырях, особенно в тех, которые находились в больших городах, — в то время монашеская жизнь была

[28] Есть мясо.

подобна отроковице, не достигшей еще в меру возраста. А в пустынях и скитах, как и в большом Египетском Скиту, отнюдь не было обычая есть мясо. Но после того как преподобный и богоносный отец наш Савва Освященный установил, чтобы монахи отнюдь не ели мяса, это установление и все святые отцы приняли и утвердили, и его как непоколебимый и ненарушимый церковный закон и порядок все истинные монахи повсюду с великой ревностью приняли: в Иерусалиме, во всей Палестине, в Синайской горе, в Афонской Горе, в Царьграде и во всей Греции, а также в других империях, на Востоке и Западе, в Грузии и Болгарии. Впоследствии и в России с принятием святой веры оно принято и доныне всеми соблюдается, потому что нигде на трапезах не едят мяса. Это же установление и в этих двух странах[29] во всех монастырях было введено и принято, оно и доныне во многих обителях по благодати Божией соблюдается. Если бы оно было только в одной стране или только в некоторых из обителей, то кто-нибудь мог бы сказать, что это установление только местное или некой страны. А так как во всех странах православных, во всех обителях и Церквах было узаконено и во всех типиках[30] утверждено, что монахи не должны есть мяса, то кто осмелится когда-нибудь это установление Церковное нарушить? И не предоставлено чьему-либо произволу, есть мясо или не есть, но всем приличествует поступать точно так, как богоносные отцы установили для монахов в типиках Церковных. А те, которые в слабости телесной находят повод для того, чтобы позволить себе есть мясо, — они самые, да и другой кто-нибудь, могли бы узнать после тщательного испытания, что это не повод, ибо в дни постные они бывают более крепкими и здоровыми, чем в дни мясоядения (хотя и кажется им, что, не поев мяса один день, они не могут оставаться в полном

---

[29] Вероятно, преподобный Паисий имеет в виду Молдавию и Валахию.

[30] Ти́пик (от греческого τυπικόν) — устав.

здравии), и все дела свои устраивают как в дни мясоядения, так и в дни постные, а иногда в эти последние и лучше, чем в первые. Но если кто-нибудь стыдится поношения со стороны тех, которые советуют ему есть мясо и чьим советам он не последует, тогда пусть стыдится такой и честного монашеского образа, ибо одно с другим сопряжено.

Если кто-либо вступил в чин монашеский с добрым произволением, ему вменяется в обязанность всё относящееся к монашескому образу и во всяком ином месте до самого последнего своего издыхания соблюдать, не нарушая ни под каким предлогом. И это очень уместно, ибо нам следует искать славы не от людей, но от Бога (см. Ин. 5, 44) и опять следует угождать не людям, но прежде всего Богу (ср.: Гал. 1, 10), и это — самое доброе дело, при совершении которого нет ничего невозможного (см. Мк. 10, 27). Но и те, которые, как вы писали, упрекают вас, если увидят и узнают, что вы оставили порядки монашеского образа, то, полагаю, если и не открыто, однако внутри себя сильно соблазнятся; они сочтут, быть может, что вы не по божественной ревности изучаете то, что изучаете, но ради самой кратковременной пользы, чести и славы человеческой. А увидев, что вы и на деле придерживаетесь во всем правил монашеских, они сами вас похвалят и ублажат и, благодаря такому вашему порядку, получат немалую пользу. Ибо доброму делу свойственно прославлять тех, которые его любят, и оно всегда более приносит пользы, нежели соблазняет.

Кроме этого нужно сообщить и следующее: ответ на ваши вопросы касательно подобных предметов я сообщил одному только брату Онорию, которому и следует ответ этот переписать для тебя. Если бы и братья собора нашего, в который входят и те, кто живет в пустыне, узнали и услышали о подобном вопросе, то немало соблазнились бы, поскольку они считают вас ангелами Божиими, полагая, что вы, находясь там, ни в чем не уклонились от подвига вашего, какой имели прежде, как и сам ты писал в посланном мне

ответе, что Сам Бог дал тебе подобного товарища, святогорца, от которого ты немало пользы получаешь, живя вместе с ним так, как и прежде жил ты в пустыне, чему я немало радовался и за что прославлял Бога.

О! Если бы опять я услышал добрые вести о вас и этим обрадовал бы меня Спаситель, Христос истинный Бог наш, Который сохранил здоровыми и невредимыми трех прекрасных отроков в печи Вавилонской, — они питались семенами и оказались более красивы, чем те, которые во многом роскошестве изобиловали. Подобно им и вас, чада, уповающих на Промысл Его и с благодарностью принимающих всякий недостаток, да сохранит Он здоровыми и невредимыми телесно и душевно и да дарует хорошие успехи в учебе, которую вы для общей душевной пользы начали проходить.

Ответ этот сообщи и брату Геронтию.

Духовный твой отец, старец Паисий

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИЙ ПОЛАНОМЕРУЛЬСКИЙ

О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ БРАШЕН[1], ВОЗБРАНЕННЫХ МОНАХАМ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, по какой причине собраны из Священного Писания эти ответы для разрешения вопросов о воздержании от брашен, возбраненных монашескому добровольному обещанию

Много нас говорящих, а творящих мало, но никто не должен утаивать слово Божие или удаляться от него по своему нерадению, а до́лжно, исповедуя свою немощь, не скрывать Божией истины, чтобы не быть нам виновными, вместе с преступлением заповедей, и в перетолковании слова Божия, как сказал святой Максим[2]. Но поскольку и я, унылый и негодный, сподобился прочесть с прилежным усердием и несомненной верой Священное Писание Ветхого и Нового Завета, а также учительные и отеческие

---

[1] Брашно — снедь, пища.

* Перевод с церковнославянского языка выполнен по изданию: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Репр. воспр. изд. 1847 г. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001. С. 138–164.

[2] Преподобный Максим Исповедник.

книги и научиться от их многих полезных слов, добрых же дел не имею, то обличает меня слово Господне: «Врачу, изцелися сам» (Лк. 4, 23). С другой стороны, ужасает меня участь того раба, который скрыл талант и лишен всякого оправдания, не только потому, что сам был праздным и бездельным, но и в особенности потому, что не передал слова другим слушающим, как считает и божественный Максим.

Видел я, что некие из моей братии, которым при монашеском постриге я, недостойный, был наречен восприемником, во время путешествия по иным землям, бывают убеждаемы некоторыми людьми, что якобы вкушение мяса монахами — не грех и не нарушение обета. «Ибо, — говорят такие, — есть или не есть мяса — это в воле каждого, и это не закон и не правило нерушимое. Некоторые из древних отцов ели мясо, некоторые же — нет, однако это было в их воле, ибо апостол сказал: „Ядый не ядущаго да не укаряет, и не ядый ядущаго да не осуждает“ (Рим. 14, 3)» и прочее. Некие же, во всех этих словах находя оправдание своему неведению, лишенному всякого прощения, начинают легкомысленно относиться к вкушению мяса.

Объявшее меня многое недоумение об этом привело к тщательнейшему исследованию и, с Божией помощью, я нашел очень полезную древнюю историю в Чиновной книге[3] преподобного Никона Черногорца. Этот святой учитель, прочтя послание кир Петра, Патриарха Антиохийского, разрешающего употребление мяса монахам, никак не потерпел этого, но по божественной ревности, словно Финеес (см. Чис. 25, 7), пронзая это патриаршее писание мечом обличения, будто духовным копьем, объявил о прелести и выступил против порока, говоря: «Патриарх, по своей страстной воле, вверг в монашество страстное учение и привел в оправдание этому постнические правила Василия

[3] Известна также под названием «Тактикон».

Великого. Но об этом не до́лжно молчать, ибо что значит эта древность теперь, когда монахам вовсе запрещено вкушение мяса? То было в начале христианства, ныне же недействительно», и прочее, о чем после будет сказано.

В 1749 году я спрашивал об этом всеблаженнейшего Патриарха Антиохийского кир Сильвестра, при светлейшем лице Его величества господина Константина Николаевича, князя Угровлахийского. И тогда Его святительство дал худости моей благословение говорить и писать против тех, кто учит монахов вкушению мяса. Основываясь на этом, я дерзнул, хотя и лишен всякого дерзновения перед Богом, собрать из Священного Писания и из книг учителей церковных и из типиков великих монастырей, которые Святая Соборная Церковь принимает и которых придерживается, доказательства того, что ныне вовсе не подобает монахам, оглядываясь на древность, есть мясо. И не для того, чтобы обличать или осуждать других, собрал я это, но только для того, чтобы поучать братьев моих, уверяя, и укрепляя, и отводя их от такого попрания совести и боясь праведного суда и отмщения Божия, постигшего того древнего архиерея Илия из-за сыновей его Офни и Финееса (см. 1 Цар. 1–4).

Недостойный старец, Василий схимонах

ИССЛЕДОВАНИЕ
О воздержании и невкушении монахами мяса: откуда пошло этому начало?

Божественный апостол назвал всё ветхозаветное тенью будущего и умопостигаемого (см. Кол. 2, 17; Евр. 10, 1), как говорит и священнейший Григорий Богослов: «Потому и три этих города, созданные людьми израильскими в Египте: Пифон, Рамессин и Он, прообразовали три главнейшие страсти: сластолюбие,

сребролюбие и тщеславие, первую из которых, то есть сластолюбие, словно некую плату за свою работу, израильтяне вынесли с собой из Египта и из-за нее много раз, более же побуждаемые ею, пытались снова возвратиться в Египет, как показывается во второй и четвертой книгах Моисеевых, называемых Исход и Числа».

«Ибо возроптал, — говорит Писание, — весь сонм сынов Израилевых на Моисея и Аарона, говоря: „О, лучше бы мы умерли, пораженные Господом в земле Египетской, когда сидели над котлами мясными» (см. Исх. 16, 2 и 3). И еще: «И сев, плакали сыны Израилевы и говорили: „кто накормит нас мясом, ибо душа наша иссохла, ничего, кроме манны, нет пред очами нашими". И сказал Моисей: „откуда у меня мясо, чтобы дать всем этим людям, ибо они плачут предо мной, говоря: дай нам есть мяса". И повелел Бог Моисею сказать им: „очиститесь к утру, и будете есть мясо, ибо вы плакали пред Господом, говоря: кто накормит нас мясом? Как хорошо было нам в Египте! И даст вам Господь есть мяса, пока не пойдет оно из ноздрей ваших, и станет вам мерзостно"» (см. Чис. 11, 4—20).

И в исходе древних из Египта боговиднейшие отцы видят образ ухода монахов от мира и отречения от него, снедь же или пища, из семян и плодов земных приготовляемая для них, может иметь образ и совершенное подобие манны небесной. Как свыше от Бога была посылаема израильтянам манна, а не мясо, так и изначально всем людям даны были в снедь Самим Богом семена земные и плоды с деревьев, а не мясо, восхотев однажды которого и презрев небесную манну древние израильтяне умерли в пустыне: «Ибо еще, — сказано, — мясо было в зубах их, и Господь разгневался сильно на людей, и поразил Господь людей язвой весьма великой, и назвали то место „Гробы прихоти", ибо там погребли прихотливых людей» (см. Чис. 11, 33 и 34). «Чьи кости, — говорит Василий Великий, — пали в пустыне? Не взыскующих ли

мясоядения? Ибо пока они довольствовались манной, побеждали египтян и проходили сквозь море, когда же вспомнили мясо и котлы, не увидели Земли Обетованной».

Итак, находя здесь повод и причину, всем противоборствующим доброму преданию богодухновенных отцов наших о воздержании от мяса по монашескому добровольному обещанию представляем в ответ только одно: если некоторые из древних монахов и были причастны к мясоядению, то эти обычаи их так же принимал Бог, как и ветхозаконные кровавые жертвы. «Ибо явно, что изначально Бог не хотел установить им такие жертвы, но, снисходя немощи их и видя их неистовствующих и обуреваемых желанием жертв, попустил им», — сказал божественный Златоуст. Так и вкушение мяса: изначально не столько была на это воля Божия, сколько снисхождение и дело вынужденное. Потому это и отменено впоследствии богоносными отцами, что довольно и истинно будет показано ниже. Поскольку монашеское обещание ищет своего исконного бытия и бесстрастия, а не Ною явленного снисхождения, постольку до́лжно избирать пищу, данную Богом Адаму в раю, а не Ною после потопа. Ибо пища — первое свидетельство страха Божия и показывает любовь и благоговение монаха.

Вопрос: От кого монахи приняли обычай не есть мяса — ведь ему явно противился божественный апостол Павел, когда писал к Тимофею: «В последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестию, повелевающих удалятися от брашен, яже Бог сотвори в снедение верным и познавшим истину» (1 Тим. 4, 1–3)?

Ответ: Хотя и были еретики, называемые манихеи, енкратиты, евстафиане, маркиониты, сатурниане и присциллиане, которые называли нечистым мясо всех животных, вино и брак, однако нам ныне нет нужды иметь какое-либо сомнение обо всем этом, поскольку по благодати Христовой Святая Соборная

Церковь, проклиная еретическую хулу о брашнах, почитает воздержание. Подобает же обращать внимание, как диавол, усматривая, что это его оружие совсем ослабело, берется за первые свои хитрости и брань, которыми низринул первозданного из рая и исходатайствовал ему осуждение на смерть. И об этом божественный Павел писал к филиппийцам не только чернилами и пером, но более слезами своими: «Мнози, — сказал он, — ходят, ихже многащи глаголах вам, ныне же и плача глаголю: враги креста Христова, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют» (см. Флп. 3, 18 и 19) и прочее. Толкуя это, божественный Златоуст говорит: «Ничего нет столь недостойного и чуждого для христианина, как искать отрады и покоя. Владыка твой распялся, а ты пресыщаешься. Носи крест не просто, но сострадая крестным мукам Спасителя. Ибо всякий, кто друг пресыщению и здешнему упокоению, есть враг креста Христова. Плачет Павел о том, над чем смеются те, для кого, как он сказал, бог — чрево. Потому оно бог им, что они говорят: „Будем есть и пить“. Видишь ли, какое зло — пресыщение? Ибо иным бог — имение, этим же — чрево, и слава их — в сраме. И только ли о тех (об иудеях) так сказано, а находящиеся здесь избежали ли этого упрека и разве нет никого, повинного этому? Разве никто не имеет богом чрево и славой — срам? Хочу и очень хочу, чтобы ничего этого не было у нас, и хочу даже не видеть кого-нибудь виновным в сказанном, но боюсь, чтобы это не говорилось более о нас, чем о живущих тогда. Когда же кто-либо в пище и питии всю жизнь потратит на чрево, не уместно ли будет сказать и о нем, что бог ему — чрево и слава его — в сраме?»

Потому нам, монахам, наиболее подобает избегать такой дерзости и бесстрашия перед Богом, о каковых прегрешениях мало заботясь, весь род латинский и лютеранский исследует вышнее и нижнее, писания и древние истории, пронырливым духом собирая слова и оправдания постоянному употреблению

мяса, уподобляясь шершням и осам, которые, не умея собирать меда с цветов полевых или плодовых деревьев и растений, питаются мертвечиной плоти животных, правильнее же сказать, они, как жуки, рождающиеся в навозе, навозом и питаются. Вообще, каждому из нас, кому омерзителен такой нрав, нужно уподобляться пчелам, собирая из Святого Писания и житий преподобных отцов медоточные слова (как и пчелы с цветов — мед), могущие погасить похоть сластолюбивого духа и покорить нас в послушание Христу и преданию святых отцов наших, совершенно запрещающих монахам вкушение мяса.

Вопрос: Если Бог позволил праведному Ною есть мясо после потопа, ибо «всякое, — сказал Бог, — животное вам будет в пищу, и как зелень травную даю вам всё» (Быт. 9, 3), то какой будет грех или какая добродетель монахам, вкушающим или не вкушающим мяса?

Ответ: Не есть мяса до потопа было общим законом для всех людей, изначально данным Адаму Богом в раю. «Ибо вот, Я дал вам, — сказал Бог, — всякую траву семенную, сеющую семя, и всякое дерево, у которого в себе плод древесный, сеющий семя, это будет в пищу вам, и всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду, пресмыкающемуся по земле, который имеет в себе душу живую» (Быт. 1, 29 и 30).

А то, что после потопа стали вкушать мясо, представляется скорее попущением Божиим и снисхождением к невоздержанию нашему, чем законом Божиим. «Ибо после потопа, — сказал Василий Великий, — позволено Богом Ною и после него всем людям есть мясо, не как нужное естеству нашему, но как снисхождение немощи нашей. Ибо ведал Господь, что люди жестоки, и попустил наслаждение всем. И по такому попущению и прочие животные начали есть мясо без боязни, восставая друг на друга. Возможно тем, кто желает, подражая жизни райской, и ныне руководить собой и направлять самих себя к этому житию, избегая

наслаждения многими и различными яствами и употребляя в пищу плоды и семена древесные. Излишнее же, как ненужное, отвергнем, не потому что считаем это мерзким, ибо почитаем Создавшего, но как нежелательное из-за удобострастности плоти».

Удивляться же здесь должно тому, как этот божественный иерарх в одном из постнических слов своих позволяет монахам обмакивать хлеб в жидкость, в которой варился небольшой кусок мяса, и есть для некоего услаждения. Здесь же, в слове на шестоднев, он запрещает вкушение мяса, называя его пищей, возбуждающей страсти, и всем, желающим подражать упомянутому райскому житию, повелевает питаться одними семенами и плодами земными, да и сам Василий Великий имел пищей хлеб и воду, по свидетельству божественного Григория Богослова. И отсюда познается, что даже во времена этого великого учителя некоторые из монахов не полностью воздерживались от мяса, так как это еще не было запрещено.

Когда же преподобный отец наш Антоний Великий, первый пустынножитель, полностью отказался от вкушения мяса, как показывает само описание его жития, с тех пор начало распространяться среди всех монахов это доброе установление воздержания от мяса, как от пищи, которая возбуждает сладострастие и из-за которой пали кости древних израильтян в пустыне, и израильтяне не увидели Земли Обетованной. Ибо как тогда манна называлась хлебом ангельским, потому что сходила с небес, так и сейчас хлеб, а не мясо — пища ангельская, которая посылается многим святым свыше святыми ангелами.

После Великого Антония был преподобный Евфимий, после же него — Савва Освященный, имена которых положено воспоминать и в чине монашеского пострига, как установителей и исполнителей всего монашеского благочиния и обетов. Ибо они были первыми по Бозе учившими монахов воздержанию от мяса. Они видели, что древним была посылаема манна с неба, в новой же

благодати[4] многим пустынножителям посылались вместо манны хлеб, вино и елей, а не мясо, иногда через ангелов, иногда через поднебесных птиц, а иногда и невидимой рукой Божественной. И особенно через то, что в пустыне Самим Жизнодавцем Христом предлагаемы были четырем и пяти тысячам человек хлеб и рыба, а не мясо, познали они волю Божию и предпочтение закона, данного Адаму в раю, и в типиках полностью запретили монахам вкушение мяса.

Вот о чем еще здесь нужно вспомнить: в житии преподобного Павла Фивейского написано, что, когда сидел он, беседуя с Великим Антонием, прилетел ворон, неся целый хлеб, и, положив перед ними, тихо отлетел, и сказал святой Павел Великому Антонию: «Вот уже шестьдесят лет, как я получаю полхлеба, ради же твоего прихода Христос Господь удвоил подаяние рабам Своим». Подобное же этому говорит о себе и Великий Онуфрий: «Бог, увидев алкание мое, повелел святому ангелу заботиться обо мне: приносить каждый день немного хлеба».

Из жития преподобных отцов наших Симеона и Иоанна: «Ввел Иоанн некоторого мужа в свою келию, и нашли они предложенную невидимой рукой Божией трапезу, необычную в пустыне, ибо это были чистые и теплые хлебы, и рыбы превосходные, и вино доброе».

В житии преподобного Евфимия говорится: «Случилось, что пришли в обитель святого Евфимия паломники из Иерусалима, около четырехсот мужей, и старец, видя, что они голодны, сказал эконому: „Поставь этим людям еду“. Он же отвечал: „Отче, келарь не имеет хлеба, чтобы накормить хотя бы десять человек, где же мы возьмем хлебов для стольких людей?“ Святой же сказал: „Иди, и делай то, что я тебе повелеваю!“ Когда же эконом пришел в место, где хранили хлеб, он не мог отворить

---

[4] То есть во времена Нового Завета.

дверей, ибо благословение Божие наполнило это место до верха хлебами. Когда же позвали нескольких братьев и сняли двери, посыпались хлебы оттуда, такое же благословение было и на вине и елее: сосуды внезапно наполнились». Так говорится о Великом Евфимии.

Хотя и многое множество есть божественных отцов, живших как в уединении, так и в общежитии и принимавших посылаемую им от Бога пищу, кроме мяса, однако, краткости ради, невозможно здесь всё по порядку описывать. Одно только здесь мы показали, что Бог ни Сам, ни через святых ангелов или птиц небесных никогда в новой благодати не подавал рабам своим мяса, но только хлеб и рыбу, вино же и елей, которые по домостроительству вкусил и Сам Бог Слово по воскресении Своем из мертвых. Всё это уверяет нас в том, что не подобает нам, монахам, взирая на неких древних отцов, есть ныне мясо, так как Божие свидетельство о том, что нужно воздерживаться от мяса намного больше и достовернее, чем человеческое разрешение. В этом уверяя нас, Бог никогда не является посылающим рабам своим пищу мясную. Поэтому более до́лжно нам покоряться доброму преданию святых отцов, запрещающих монахам вкушение мяса, нежели тем, которые вкушают его и другим позволяют. Ибо и Сам Христос Господь, почитая закон о пище, данный в раю Адаму, насытил, как сказано, четыре тысячи мужей семью хлебами и малыми рыбами и потом пять тысяч, кроме жен и детей, пятью хлебами и двумя рыбами, хотя мог насытить их мясом птиц пернатых, как в древности непокорных евреев в пустыне. Потом же и Сам Он, по восстании Своем из гроба, являлся ученикам Своим, то одиннадцати, перед которыми ел рыбу и сотовый мед (см. Лк. 24, 42), то Симону Петру с прочими учениками на море Тивериадском, с которыми ел хлеб и рыбу печеную (см. Ин. 21, 13). Но нигде Он не является вкушающим мясо, лучше же сказать, в Священном Евангелии нигде об этом не упоминается. И видя, что евангелисты

ничего не упоминают о мясе, показывая Христа Господа вкушающим только рыбу, хлеб и мед, веруем, что это, в указание совести нашей, не что иное, как только предпочтение закона о пище, данного в раю Адаму изначально, и это пример и предписание монахам употреблять такую пищу, а не мясо. Ибо всё богомужное житие Господа на земле и подвиги Его были примером и образцом для нас, чтобы мы последовали стопам Его (см. 1 Петр. 2, 21), ибо Он сказал: «Аще кто Мне служит, Мне да последует» (Ин. 12, 26).

Вопрос: Если бы в воздержании от мяса или во вкушении его была какая-либо добродетель или грех для монахов, то неужели святые Вселенские Соборы не законоположили бы есть или не есть мяса монахам? Но если Соборы умалчивают об этом, то как можно всем узнать истину?

Ответ: Вызывает великое удивление и исполнен крайней безрассудности этот вопрос. Если и в древнем законе иное был закон Божий, иное — предание старческое, иное же — произвольное обещание всякого отдельного человека, ибо сказано: «Муж или жена, иже аще обещается зело обетом, еже очиститися чистотою Господу, да воздержится от вина и сикера, и оцта винна и оцта от сикера да не пиет, и, елика делаются от грозд винных, да не пиет, и гроздия свежаго и сухаго да не снест, во вся дни обета своего» (Чис. 6, 2 и 5) и еще: «Человек, иже аще обещает обет Господу или закленется клятвою, не осквернавит словесе своего: вся, елика изыдут из уст его, да сотворит» (Чис. 30, 3), — то почему же и в новой благодати не принимаешь ты подобного этому? Ибо когда ты отрекаешься от мира и принимаешь по доброй воле все уставы и предания монашеского жития, то не добровольное ли это обещание? Не думай же, что святые Соборы, умалчивая о воздержании монахов от мяса, дают повод монахам в их добровольных обетах презирать добрые предания богоносных отцов — да не будет этого, — ибо таким умолчанием они преимущественно утверждают эти предания. Если бы святые Соборы

считали, что воздержание монахов от мяса противно Уставу Святой Церкви, то, конечно же, запретили бы это и не приняли для Святой Церкви типики: Иерусалимский, Студийский и Афонский о качестве и количестве пищи, которыми все христиане, то есть монахи и мирские, руководствуются доныне. Если же ты соблазняешься молчанием святых Соборов, то понимай это так, что не только святые Соборы не полагают закона обещанию монашескому через правила и запрещение, но и Сам Господь наш Иисус Христос хотя и многие примеры и делания показал монашескому обещанию Богомужным Своим житием на земле, однако нигде не утверждает эти обеты угрозами и геенной, как прочие Свои священные заповеди, но что говорит? — «Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми» (Лк. 9, 23). И тому юноше сказал: «Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди вслед Мене» (Мф. 19, 21). Зачем же монахам требовать закона и зачем законополагать это святым Соборам, если добровольное монашеское обещание по Богу само есть им закон и правило? Твердость же обетов узаконена Богом еще в Ветхом Завете.

Вопрос: Но мы говорим не обо всем обете монашеском, а только об одном воздержании от мяса, которое от апостольских времен и до времени Василия Великого многие монахи вкушали без всякого осуждения. Почему же ныне это стало соблазном?

Ответ: На это уже довольно было сказано, что не только богоносные отцы отвергли вкушение монахами мяса, как пищи, удобно вызывающей страсти, но прежде всего и Сам Господь был примером и образцом этому, ибо, показывая Свое неблаговоление к вкушению мяса, никогда не посылал рабам Своим мяса, но только хлеб и елей, иногда же рыбу и вино, такую же пищу и Сам Он промыслительно вкушал после Своего Воскресения. И множеству народа повелел предложить только хлеб и рыбу, а не мясо. А в том, что некоторым из древних незазорно было вкушать

мясо, видится не что иное, как то, что еще не было определено воздержание от мяса, да и не только этого не было, но и сам чин монашеский не пришел еще в полную свою красоту и совершенство. Святой Симеон, архиепископ Солунский, сказал: «И это неудивительно, ибо самое церковное благочиние со всеми священнодействиями даже до самого Седьмого Вселенского Собора, мало-помалу принимая благочестивое предание, пришло в совершенство, а не сразу изначала всё так было. Так как кому-либо невозможно и даже не благочестиво отклонять или презирать что-либо из писанного или неписанного Церковного Предания с тем оправданием и под тем предлогом, что не всё это приняло начало и совершенство от святых апостолов, то не праведно и не богоугодно, когда кто-либо, оправдываясь первым, кажущимся несовершенным монашеским уставом и определением, вкушает чуждую монашескому образу и обету пищу из мяса».

В житии преподобного Александра, учителя обители «Неусыпающих», говорится: «Равул, градоначальник, последовал совету преподобного Александра и, встав утром, взял с собой множество домашних и друзей, и шли они по непроходимой пустыне весь день, до одиннадцатого часа[5], и увидели некоторого поселянина, ведущего нагруженный скот, на котором были хлебы чистые и теплые и иная пища — садовые и огородные плоды, и спросили его: „Откуда ты и кто послал тебя сюда?“ Он же сказал: „Господин мой послал меня к вам“. И в тот же миг стал невидим. Александр же сказал Равулу: „Примите пищу и не будьте неверующими, но верующими“ (см. Ин. 20, 27). И снова узнал преподобный, что пришли к нему некоторые из граждан, желая узнать, откуда он берет пищу для множества братьев, будучи нищим, и сказал он одному брату при тех мужах: „Пойди и приведи мужа, стоящего перед воротами с теплыми и чистыми хлебами“. Когда же вошел

[5] По нашему времени — до пяти часов вечера.

этот муж, он спросил его перед всеми: „Откуда ты пришел с этими хлебами?“ Он же отвечал: „Когда я вынимал эти хлебы из печи, некий светлый юноша властно повелел мне нести их за ним и, доведя меня до ворот этой обители, сказал отдать хлебы, сам же стал невидим“». И что скажут против этого вкушающие мясо? Не явно ли этим показано, что пища монашеская, среди которой нет мяса, посылаема Богом? И Великому Онуфрию, бывшему еще отроком, Христос Господь Своими руками дал чистый и теплый хлеб. Также и Сама Препетая Дева Богородица, любящая монашеское воздержание от мяса, беседуя с блаженным Досифеем лицом к лицу, дала ему[6] эти три заповеди, говоря: «Постись, не ешь мяса и часто молись, и избавишься от му́ки».

Вопрос: В древней Церкви многие из монахов, вкушавшие мясо, не явились ли постниками и более угодившими Богу, чем нынешние, не вкушающие мяса?

Ответ: Хорошо сказал божественный апостол: «Греха не знах, точию законом, вину же прием грех заповедию, содела во мне всяку похоть. Пришедшей бо заповеди, грех убо оживе, аз же умрох» (Рим. 7, 7 и 8, 9, 10). Также говорит и Господь: «Аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели» (Ин. 15, 22). Постники и воздержники в древней Церкви, поскольку не имели предания о качестве пищи, не были виновны в преступлении доброго и благочестивого установления богоносных отцов: Антония, Евфимия, Саввы и прочих. Ныне же монахи, дерзающие, преступая предание, есть мясо, не тем же ли судом осудятся и ответят перед Богом, как сказано об Израиле: «Еще мяса бяху в зубех их, и Господь порази их язвою великою зело, и прозвася имя месту тому гробы похотения: яко тамо погребоша людий похотевших» (Чис. 11, 33 и 34). Но и нам, слышащим это, подобает весьма бояться того, что мы, имея установленную святыми отцами

---

[6] Ученику преподобного аввы Дорофея.

монашескую пищу, как и древние — манну от Бога, гнушаемся ее, увлекаясь похотением мяса так же, как и те, чьи кости пали в пустыне. Не можем мы во всем уподобляться древней Церкви, в которой, опасаясь неверных, священники иногда совершали литургию вечером и ночью, причащая Святейших Таин вкушавших пищу в тот день, и Святое Крещение откладывали до тридцатилетнего возраста, и диаконам разрешали жениться после хиротонии, и Святейшие Тайны преподавали, влагая их всем причащающимся прямо в руки.

Если эти и многие другие древние обычаи, так же как и вкушение мяса монахами, отложены, неужели благовременно почитающим без различия всё древнее, принимать вместе с вкушением мяса и все эти оставленные обычаи? Как же нам сравниться с древними отцами, которые вкушали мясо со столь великим воздержанием и отсечением похоти, с каким мы ныне не вкушаем и неуслаждающей пищи, раболепствуя чреву, как богу, служа ему и желая приносить ему жертвы сластолюбия и невоздержания и без вкушения мяса? Если же и без мяса, скудной пищей мы задумываем совершать сластолюбивое служение чреву, то во что вменим сластолюбивый наш нрав и рабство чреву, когда попустим себе, по желанию нашему, вкушать естественную сладость мяса? Сластолюбие, появляющееся от вкушения мяса, подобно печи халдейской, семикратно разожженной, а появляющееся и помышляемое от простой пищи, равняется львиному рву, в который некогда был ввергнут Даниил. И как эта печь более ужасала и мучение в ней более устрашало, чем львы и этот ров, так намного страшнее чревослужение и сластолюбие, порабощенное вкушением мяса, нежели простой пищей. И насколько труднее было кому-либо приблизиться и посмотреть в печь, пламя которой разливалось на сорок девять локтей, и увидеть ввергнутых в нее трех отроков, чем приступить к рву со львами и Даниилом, сидящим там с ними, — настолько более непростительна

дерзость презирающих типики и уставы святых отцов и вкушающих ныне мясо, чем дерзновение древних, которые, не имея предания об этом, вкушали мясо.

Вопрос: Но не то же ли самое мясо, как и ныне, вкушали древние? И какое здесь можно найти различие?

Ответ: Мясо то же самое, но не то же рассуждение, ибо если нет предания, не бывает и преступления. Ныне же вкушение монахами мяса противоречит преданию, правильнее же сказать, противоречит закону, данному изначально Богом, и вменяется в непослушание и самочиние перед Богом. Если тот древний Иоанадав, сын Рехава, запретил всему племени своему пить вино, и сыновьям его, хранящим эту заповедь, пророк Иеремия сказал от лица Господня: «Тако рече Господь Бог Вседержитель: понеже послушаша сынове Ионадава заповеди отца своего, творити, елика заповеда им отец их: сего ради сия глаголет Господь сил: не оскудеет муж от сынов Ионадавлих, сына Рихавля, стояй пред лицем Моим вся дни земли» (Иер. 35, 18–19).

Насколько же лучше и гораздо более благоприятно было бы Богу, если бы мы, монахи, послушали святых отцов наших, заповедавших не вино, но мясо, как пищу легко разжигающую страсти, не вкушать во все дни жизни нашей! Ибо насколько блаженные отцы наши многочисленнее и выше по святости перед Богом, чем Ионадав, настолько и нам подобает по преимуществу хранить их заповеди. Где же ныне носящие на устах своих неполезную древность и разоряющие ею установленное для монахов благочестивое предание святых отцов о качестве пищи? Не уничтожают ли древнейшие сыны Ионадава их древность одной похвалой Божией им за столь великое повиновение и хранение заповеди отеческой, которая многим не только кажется малой и вменяется ими ни во что, но и наиболее презираема всеми и в древности, и ныне? Предание же богоносных отцов наших изначально было законоположено в раю, потом — в Священном Евангелии, лучше

же сказать, засвидетельствовано Богомужным житием на земле Христа Господа нашего и передано Самой Пречистой Богоматерью, а еще и подтверждаемо пищей, посылаемой от Бога множеству святых, как это уже было сказано выше. Поэтому подобает считать и называть его первейшим законом, который дан от Бога и который мы должны хранить с несомненной верой и добрым произволением от всей души, а не только изобретенным позднее преданием отеческим. Спорящим же с нами об этом и спрашивающим: кто установил это предание? — надо отвечать, что изначально сам Бог законоположил это, вкушение же мяса попущено было Богом только по одной немощи нашей, так же как и древним — приношение в жертву скота.

Поэтому вкушение мяса для мирян, а не для монахов — ни грех, ни добродетель, по простой поговорке: ни греха, ни спасения не приносит человеку, воздержание же от мяса — спасительный закон Божий и богоугодная добродетель. Первая причина святого поста — обуздание плоти и укрощение всякого бессловесного движения, что весьма нужно и полезно монахам. Вторая та, что пост делает душу легкой для молитвы и небесных размышлений. Третья та, что этим мы служим Богу и говение — это благочестие. Четвертая та, что пост — удовлетворение Бога и умилостивление Его гнева праведного. Пятая — пост есть прошение у Бога вечных и временных благ, и прочее, как сказал божественный Златоуст: «Постись, чтобы не согрешить; постись, потому что согрешил; постись, чтобы принять; постись, чтобы не потерять принятого». Хотя пост и разделяется на четыре вида, то есть на пост духовный и нравственный и на пост естественный и церковный, но монахам всё же должно всегда воздерживаться от мясоядения. Духовный пост — это удаление от грехов, нравственный же пост — умеренное употребление пищи, естественный пост — нисколько не есть, не пить до какого-либо времени, по примеру ниневитян, пост же церковный — воздержание от мяса по закону

и правилам церковным, и мирским людям должно держать этот пост четыре раза в год и в каждую среду и пятницу, по благоговению же и в понедельник, наравне с монахами. Однако слово наше не об этом посте, а о постоянном воздержании монахов от мяса, при вкушении рыбы, сыра, яиц и елея в указанное в типиках время. Если мы обещаем перед Богом хранить девство и произвольную нищету во все дни жизни нашей, что вышеестественно, то не тем ли более мы должны, по преданию святых отцов, иметь произволение к естественному воздержанию от мяса? Поскольку монашеское наше житие и обещание взыскует не иного чего-либо, а только райского бесстрастия, постольку нужно избирать и пищу, данную Богом в раю. Почему же и те пять дев названы Господом неразумными (см. Мф. 25, 1–12)? Не за то ли только, что девство, высшее всех добродетелей, сохранили, а милостыни, добродетели легчайшей и удобнейшей для всех, ибо она естественна, не обрели. Таким же образом для монахов равное безумие — исполнять высшие и труднейшие добродетели, то есть девство и добровольную нищету, и не хранить весьма легкой добродетели — воздержания от мяса.

Свет всему миру и слава монахов, особенно же Христовой Церкви, — Афонская Гора, Киев и вся Великая Россия, где в эти последние времена просияли столь великой святостью преподобные отцы, которые, покоряясь преданию древнейших святых отцов, принимали в пищу только одни семена, елей, рыбу, сыр и молоко, и ни одного из них мы не видим питающимся мясом. Их житие и воздержание подает всем мирянам ревность к постничеству и вызывает великое удивление, что в иных местах монахи вкушают мясо. И многие из монахов, обличаемые совестью, трепещут перед неизвестным судом за это.

Поэтому не подобает нам шутить нешуточными вещами и, оправдывая свое чревослужение древними повестями и историями, дерзать на мясоядение, думая, что это оставлено на волю

каждого, а не является законом Божиим и отречением нашим перед Богом и святыми Его ангелами.

Вопрос: Если, как видно, воздержание от мяса — первый закон Божий, а не одно предание святых отцов, изображенное в типиках и принятое Святой Соборной Церковью, и распространяется во всех странах православных, то есть греческих, российских, болгарских и сербских, угровлахийских и молдавских, и прочих, то откуда пошло начало этого презрения и бесстрашия в монахах?

Ответ: Начало и конец, лучше же сказать, источник многих беззаконий перед Богом в этом мире — ветхий Рим, который со времен апостольских пророчески был назван матерью блудниц и мерзостей земных, как написано в Откровении (см. Откр. 17, 3–5). Оттуда, вместе с многим другим злом, пошло начало презрению благочестивых отеческих преданий о воздержании монахов от мяса. Всеблаженнейший Патриарх Константинопольский кир Михаил Керуларий пишет против латинской ереси: «Если в Римской державе кто-либо из монашеского звания станет епископом, то он без боязни разрешает монахам есть мясо, и сам, если и малая болезнь ему приключится, ест мясо. А в общежительных монастырях все, будучи здоровыми, едят сало». Это признает и Бароний Римлянин, когда в седьмой главе описывает события 1054 лета Господня: «Михаил Керуларий, Патриарх Константинопольский, в согласии с Львом Охридским, архиепископом Болгарским, написал обличительное послание против римской церкви, перечисляя такие заблуждения латинские: литургисают на опресноках, удавленину едят, монахи их мясом питаются, и прочее». Не удивительно же, что и греческие монахи научились от латинян есть мясо. Когда римляне владели Иерусалимом восемьдесят и более лет, начиная с 1099 года и до 1186 года, и поставили в нем своего Патриарха и короля, тогда понадобилось многим сластолюбивым греческим монахам перенимать

у латинян мясоядение, особенно же когда и сам Константинополь был взят латинянами. Бароний пишет о событиях 1191 года: «Когда Вальсамон, Патриарх Антиохийский, дерзнул изложить в письме многие хулы на Папу, считая и называя его мерзким и недостойным не только поминания на святейшей литургии, но даже и имени христианского, тогда, через два года, латиняне взяли Константинополь и поставили своего Патриарха». Всё это было по попущению Божию, помощью и действием сатаны, отпущенного после тысячи лет заключения в бездне, как сказал тайновидец (см. Откр. 20, 1—3), и показавшего знамение своего нового возвращения в Рим как отступлением латинян от новоримской монархии, так и разделением Святой Соборной и Апостольской Церкви и разрешением монахам есть мясо, а мирянам пренебрегать святыми постами, хранимыми Святой Церковью с апостольских дней.

А о том, что Василий Великий в одном из постнических слов своих написал, что монахи варят в соленой воде небольшой кусок мяса и, обмакивая в этот рассол хлеб, едят, скажем, что они делали это не по сластолюбию, а для подкрепления тела, и святой написал об этом не как о законном предании, а как о тогдашнем обычае. Утверждая же и предпочитая закон, данный изначально Богом, он повелевает монахам питаться растениями и плодами земными, а не мясом, вкушение которого попущено из-за невоздержания людей после потопа, как об этом было сказано. Поэтому и богоносные отцы, усмотрев, что вкушение мяса неполезно монахам и возжигает любострастие, запретили его полностью и против этой древности изложили правила в типиках. Поэтому, взирая на всю древность, подобает нам придерживаться только того, что составляет наше спасение, а то, что не таково, — упразднять. Ибо еще в древнейшей истории написано о святом Петре, верховном апостоле: «Сказал он Клименту: „Зачем ты, не понимая моего жития и произволения, хочешь всегда быть со мной? Не видишь ли, что я

питаюсь только хлебом, и маслинами, и скудным количеством овощей?“» Такая древность полезна для понимания нашего монашеского обета. Подобное пишет Климент Александрийский о святом евангелисте Матфее во второй книге «Педагога», в первой главе: «Питался он только одними травами». Иаков же, апостол, всегда воздерживался от мяса, как пишет святой Евсевий во второй книге истории, в двадцать второй главе. Что еще сказать нам о тех христианах, которые жили недалеко от Александрии и которых наставлял святой Марк? Они принимали пищу однажды в день к вечеру, от мяса же всегда воздерживались, как пишет об этом святой Евсевий во второй книге истории, в семнадцатой главе. И святой Епифаний в книге против ересей говорит: «Много было тех, которые по своей воле всегда воздерживались от мяса». И святой Кирилл Иерусалимский в четвертом поучении катехизиса также свидетельствует о воздержании от мяса, бывшем в обыкновении у многих христиан. Также и Августин в книге о церковных обычаях, в главах тридцать первой и тридцать третьей, и Иероним в книге третьей против Иовиана, и Феодорит, и иные многие пишут в своих книгах о постоянном воздержании христиан от мяса. Если же изначально среди мирян было такое тщание и усердие в воздержании от мяса, то разве не бóльшим подобает ему ныне быть среди монахов? Да и зачем нужно много говорить? Скажем только самые слова Христовы: «Подвизайтесь войти через тесные врата, ибо пространны врата и широк путь, ведущие в погибель, и много входящих ими. И узкие врата и тесен путь, ведущий в жизнь, и мало тех, которые обретают его» (см. Мф. 7, 13–14).

А поскольку здесь во многих местах упоминается о типиках великих монастырей, составленных святыми отцами, то нужно вкратце и из них привести выдержки. Студийский типик, определяя количество и качество снедей, говорит: «Подобает знать, что после Пасхи до недели Всех святых едим вареное сочиво с елеем и зеленью, принимаем же и рыбу, и сыр, и яйца, кроме

понедельника, среды и пятницы». Типик Иерусалимский пишет: «Подобает знать, что весь год в простые дни, когда нет праздника или поста, в пятый час клеплем[7] на литургию и после отпуста входим в трапезную и едим два кушанья: одно вареное, а другое — обваренную зелень или сочиво, в постные же дни, то есть в понедельник, среду и пятницу всего года, — сухоядение[8], по преданию божественных отцов». Типик Святой Афонской Горы говорит: «Подобает знать, что от Пасхи до недели Всех святых в трапезной едим два кушанья с маслом, зелень и сочиво, сыр и рыбу, если имеем».

О Рождестве Христовом: «Если праздник Рождества Христова случится в среду или в пятницу, разрешаем: мирянам — мясо, монахам же — сыр и яйца, и едим от Рождества Христова во все дни до навечерия[9] святого Богоявления, миряне — мясо, монахи же — сыр и яйца».

Об Успении Пресвятой Богородицы: «Если этот праздник будет в среду или в пятницу, разрешаем только рыбу и вино. Если же в понедельник, мирянам разрешается мясо, и сыр, и яйца, монахам же — только рыба и вино».

Таково предание богоносных и всеблаженнейших отцов наших о воздержании от мяса, хранимое от дней апостольских одним только произволением каждого благочестивого монаха, в годы же Великого Антония и Евфимия, Саввы и Феодосия и прочих богоносных отцов собранное и утвержденное типиками и писаниями, принятое Святой Соборной Церковью и даже до нынешнего времени не изглаждаемое из книг церковных. Поэтому противники воздержания хотя и не дерзают изгладить это предание, однако имеют к этим правилам непримиримую

---

[7] Клепать — бить в било, созывая на службу или трапезу.

[8] Сухоядение — самый строгий пост, без вареной пищи.

[9] Сочельника.

вражду и ненависть и горé и долу выискивают подобные слова и древние истории для уничтожения и истребления их из монашеского чина.

Таким был и законоучитель их кир Петр, Патриарх Антиохии, о котором в книге, называемой «Тактикон», в 1033 году написано так: «Этот кир Петр был словно обоюдоострый меч: латинское нечестие по причине служения на опресноках и учения об исхождении Святого Духа от Сына совершенно отвергал, а по причине разрешения на вкушение мяса и на всё остальное принимал и оправдывал и поэтому противостоял он всеблаженнейшему Патриарху, кир Михаилу Керуларию». «И это, от начала и до этого места, избрал я из разных посланий кир Петра, — пишет преподобный Никон Черногорец, — и некоторое, как не имеющее большого вреда, я пропустил, а именно разрешение мирянам недозволенного вкушения мяса некоторого скота и зверей, каковы медведи и им подобные. А то, что он изложил весьма вредное для монашеского жительства учение о вкушении мяса по своим страстным помыслам и, отыскав фряжеские[10] отпадения, ввел учение страстное по своей страстной воле и привел постнические слова Василия Великого и житие Пахомия, об этом молчать не дóлжно. Ибо что значит такая древность ныне, когда вкушение мяса совершенно запрещено монахам? О такой древности рассуждают и армяне. Так и кир Петр писал о ней, будучи порабощен страстью, как поведал мне кир Лука, митрополит на Вирзу и мой духовный отец, ибо когда кир Петр принял поставление на патриаршество, там был и этот мой отец. Ему-то и сказал царь: „Даем вам Патриарха, но он не оставляет вкушения мяса“. Старец же дерзнул сказать при всех: „Добр владыка мой и разумен, но мы не принимаем в Антиохии Патриарха, вкушающего мясо“. Тогда кир Петр отвечал ему: „Перестань, владыка мой, не возбраняй

[10] Фряжеский — франкский или итальянский, то есть католический.

мне этого, ибо я не оставлю вкушения мяса, и святой наш царь в этом снизошел мне". Но так как старец не позволил этого, то кир Петру совершенно запретили есть мясо. Когда же они вышли все вместе из Константинополя и пришли в Антиохию, было возведение Патриарха на престол, и те, кто не ел мяса, сели с Патриархом, а те, кто ел, сели отдельно. Когда сварили мясо, то сначала принесли его к Патриарху, и он обонял запах его с наслаждением, и тогда уносили мясо к тем, кто ел его. Старец же, сидя возле Патриарха, снова запрещал ему, как и прежде перед царем, и сказал при всех: „Владыка мой, не делай этого, ибо воздвигнешь на себя большую брань". Тогда Патриарх, не вынесший этого слова, взял кусок мяса и сказал: „Замолчи, старче, чтобы я не ударил тебя им!" Старец же отвечал: „Я, Владыка мой, сказал это, видя милость твою ко мне и надеясь на нее; если же ты не велишь, то я не буду больше говорить". Патриарх же сказал: „Святой царь повелевал мне есть мясо, ты же запретил мне, и я теперь не имею никакого утешения, кроме одного обоняния мяса". Так рассказал мне это мой духовный отец Лука. Я же, убоявшись, как бы кто-либо другой не принял обмана в душу свою, изложил, прежде чем умру, на письме то, что знаю достоверно.

И еще об этом же Патриархе некоторые говорили мне, что он тайно ел мясо, и из этого я понял: то, что он писал о мясе, было вызвано страстями, так же как и снисхождение к другим вещам, к крови и удавленине, которое есть и у фрягов. Пишет он Константинопольскому Патриарху: „В греческой земле едят кровь, и даже в самом Константинополе, и ты не можешь запретить этого, как же говоришь фрягу не есть удавленины?" Но да будет известно всем, что он пишет так по своим страстным помыслам, на соблазн и преткновение многим, как говорит Писание: „Каждый увлекается и обольщается собственною похотью" (см. Иак. 1, 14). И еще Сам Господь говорит: „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, ибо и сами не входите в Царствие

Небесное, и другим возбраняете“ (см. Мф. 23, 13). И еще о принявших талант и не научивших других говорит: „Лукавый раб, подобало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, взял бы свое с прибылью“ (см. Мф. 25, 26–27). И божественный Златоуст, так понимая это, говорит: „Тебе прилично было бы говорить и учить, и принести Мне прибыль — наставление на добрые дела. Нам же, всё это видящим и слышащим, что подобает говорить или разуметь? Ибо если свет, который в нас, — тьма, то какова же тьма (см. Мф. 6, 23)? И где же слово божественного Павла, гремящее: „Если мясо соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовеки“ (см. 1 Кор. 8, 13)? И не прибавил: „Если праведно соблазняется“, но в любом случае. „И не говорю, — продолжает Златоуст, — идоложертвенное мясо, которое возбранено вкушать и по другой причине, но если и то, что в нашей власти и дозволено, соблазняет, удаляюсь от этого, и не один день, но всё время жизни моей, как сказал апостол, во веки не буду есть мяса“».

Но вот, как видим, вся Антиохийская епархия со всем освященным чином архиерейским, и иерейским, и монашеским, и мирским не желала иметь Патриарха, вкушающего мясо, и считала это соблазном себе. Однако кир Петр нисколько не обращал на это внимания, лучше же сказать, презирал имеющего Христовы уста самого апостола Павла, истолковывая писания которого, божественный Златоуст сказал в двадцать первом поучении на послание к Коринфянам: «Да услышим мы это, возлюбленные, и да не презрим соблазняющихся, и да не лишимся своего спасения! Не говори мне: „Что из того, что соблазняется брат, ведь это не возбранено“. Я же скажу тебе больше: если бы и Сам Христос позволил, но ты видишь, что кто-либо повреждается, то подожди и не пользуйся позволением». А также он говорит в двадцатом поучении на это же послание: «Всё это сказано не только им, но уместно сказать и нам, нерадящим о спасении ближнего и говорящим такие сатанинские слова: „Что мне заботы, что тот

соблазняется и этот погибает?“ Это — жестокость и крайнее бесчеловечие». Так силой и действием апостольского духа законополагает божественный Златоуст то, что дозволено и оставлено на наше произволение, но приносит многий вред и соблазн. Вкушение же мяса не дозволено монахам и не оставлено на произволение всякого. Не есть мяса — закон и установление Божие, данное прежде потопа, а после потопа, как сказано, позволено было Ною по снисхождению есть мясо. Оттого это предание и богоносными отцами отменено, и типиками подтверждено не как какое-то новое и незасвидетельствованное, но как изначальное и соединенное с бытием первозданного Адама, а прежде всего и Самому Богу более благоугодное, чем вкушение мяса. И если это истина (как оно и есть), то кто сможет монахов, черных, как эфиопы, и на соблазн миру вкушающих мясо, омыть от порока? Где ныне говорящие и пишущие, что святая царица Феофания заповедала монахам не есть мяса? Не затыкает ли им уста Бароний, бывший римлянином, который свидетельствует в описании 1054 года: „Патриарх Михаил Керуларий поносит латинян не только за то, что они служат на опресноках, но и за то, что едят удавленину и всякое нечистое, монахи же их и епископы питаются мясом, и прочее“. Блаженная царица Феофания жила в 885 году, и если в дни Святейшего Патриарха Михаила монахи, по свидетельству Барония, не ели мяса, то как же за сто шестьдесят девять лет до этого, в дни царя Льва Премудрого, хотели есть его? Тем более и кир Петр, споря с антиохийцами о мясе, не умолчал бы назвать воздержание монахов от мяса преданием женским (то есть царицы Феофании), а не святоотеческим. Но он не сказал этого, точно зная, что таковое вкушение мяса началось в Риме, как согласно пишут об этом все церковные учители, и не царицей Феофанией упразднено и прекращено, но мудрыми и святыми отцами нашими, и воздержание от мяса началось от них, правильнее же сказать, от Самого Создателя всех Бога, говорящего Адаму

и законополагающего: „Вот, Я дал вам всякую траву семенную, сеющую семя, и всякое дерево, которое имеет в себе плод семени семенного, и это будет вам в пищу“ (см. Быт. 1, 29)».

Эта книга сочинена старцем схимонахом Василием.

Выписано из «Пращицы», из Деяния Собора, созванного в Киеве против еретика Мартина, из послания Святейшего Патриарха Цареградского Луки Хрисоверга митрополиту Киевскому Константину со всем духовным чином, где между прочим он пишет так: «Армяне повелевают монахам есть мясо, но вы не слушайте этого армянского учения, ибо хотя прежде и православные монахи ели мясо, но потом святые отцы соборно запретили монахам есть мясо, а вкушающих его повелели подвергать епитимье. И вы никак не попускайте монахам вкушения мяса, но повелевайте всячески воздерживаться от него и не есть, как издревле приняли мы от отцов и вам передали». В житиях на двадцать первое число месяца июля сказано: «Достойно упомянуть и о том, что было возвещено Богом святому пророку Иезекиилю: „Если праведник, уповая на праведное свое житие, дерзнет сотворить какое-либо согрешение, и в том согрешении постигнет его кончина, и он умрет без покаяния, то уже не вспомнит Бог все прежде бывшие праведные и богоугодные его дела, но в том грехе, в котором он умрет, будет осужден. Так же и беззаконник, проведший всю жизнь свою в беззакониях, если при кончине своей покается и в покаянии постигнет его смерть, то уже не вспомнит Бог все прежние его беззакония, но будет он причислен к праведным“ (см. Иез. 3, 20; 18, 21–22)».

ПРАВИЛА
ДЛЯ ТРОИЦКОГО ОДИГИТРИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ*[1]

1. Общежитие сие состоит под главным начальством епархиального архиерея.

2. Оно состоит из сорока лиц женского пола и нескольких новоначальных.

---

* Печатается по изданию: Душеполезное чтение: год двенадцатый. М., 1871. Ноябрь. С. 98–107.

[1] Традиционно составление «Правил Троице-Одигитриевского женского общежития» на основе правил Борисо-Глебского и Спасо-Бородинского монастырей приписывается святителю Филарету Московскому. Действительно, указ Святейшего Синода предписывал составить правила для общины сестер, которую возглавляла игумения Вера (Верховская), на основании правил упомянутых монастырей. Однако в «Деле об открытии Троице-Одигитриевой общины» находится заслуживающая внимания резолюция митрополита Филарета, согласно которой составление правил поручалось игумении Вере с учетом правил, уже существующих в общине. Можно с достаточным основанием предполагать, что под ними подразумевались правила, составленные монахом Зосимой в 1822 году в городе Туринске для Свято-Николаевского монастыря. Покинув с преданными ему сестрами Туринск, отчасти и потому,

3. Управление общежитием вверяется начальнице, избираемой из сестер оного, благонравных и благонадежных, с их общего согласия и утверждаемой епархиальным архиереем.

4. Вторая по начальнице есть ее помощница, третья — казначея. В сии должности избирает начальница с согласием старших сестер и на вступление избранным в должность испрашивает благословение епархиального архиерея. Старшими сестрами признаются те, которые по довольном пребывании в общежитии, добрым житием и духовным рассуждением оказываются способными помогать начальнице в руководствовании прочих.

5. Желающая вступить в общежитие является к начальнице с законными письменными о себе видами.

что в обители стало невозможно проводить монашеское жительство по правилам святых отцов, старец Зосима основал новое общежитие в Москве. В это время, как говорится в житии преподобного Зосимы, «при трудном устройстве обители он не только не упускал из виду устройства внутреннедуховного в ученицах своих, но даже более имел о том попечения».

Митрополита Филарета в качестве автора правил Троице-Одигитриевского общежития могли указать как потому, что он принимал непосредственное участие в деле об открытии общежития, так и потому, что для официальных документов подобная формулировка была более весомой. Сам митрополит Филарет в письмах к А. Н. Муравьеву пишет о том, что уставы Борисо-Глебского Аносина, Спасо-Бородинского и Одигитриевского общежитий отличаются: «Правила общежития Борисо-Глебского сделались потом правилами общежития Бородинского, прежде нежели оно преобразовалось в монастырь, и теперь служат правилом общежития Одигитриевского. Перейдя от одного общежития к другому, они пересматривались и получали изменение или дополнение в некоторых частях». «Посылаю правила общежитий Спасо-Бородинского и Одигитриевского. Первые писаны для новоначальных, а другие для имевших уже некоторые опыты жизни по подобию монастырской».

При сопоставлении текстов трех упомянутых выше уставов видно, что Спасо-Бородинский и Борисо-Глебский не имеют между собой принципиальных отличий, а Одигитриевский устав, совпадая с ними в некоторых

6. Прием сестер бывает сперва в разряд новоначальных для испытания на год или более, смотря по качествам вступающей. По довольном испытании оказавшаяся благонадежною приемлется решительно в число сестер общежития и о сем доводится до сведения епархиального архиерея или, смотря по требованию обстоятельств, испрашивается его разрешение на принятие.

7. И после решительного принятия в число сестер, ежели которая станет нарушать правила сего общежития и вести себя несообразно духу оного и не покажет тщания ко исправлению, начальница, с согласия старших сестер, имеет право удалить оную из обители общежития, испросив на то разрешение епархиального архиерея.

официальных положениях (подчинение монастыря правящему архиерею и тому подобное), существенно отличается в изложении вопросов, касающихся духовной жизни сестер обители. Он содержит в себе такое понимание внутреннего духовного делания, которое характерно для «Поучений о послушании» преподобного Зосимы Верховского, по своему духу близок к творениям преподобного, а в некоторых пунктах почти дословно совпадает с уставом Свято-Николаевского Туринского монастыря.

Для нас правила Троице-Одигитриевой женской обители представляют значительный интерес прежде всего тем, что содержат в себе именно святоотеческое учение о монашеской жизни: они написаны на основании творений Василия Великого, Иоанна Лествичника (как известно, на основании трудов именно этих отцов старец Зосима составил устав Туринского монастыря), Каллиста и Игнатия, Симеона Нового Богослова, Иоанна Кассиана Римлянина, Григория Синаита и содержит множество ссылок на них. Именно этим объясняются характерные особенности устава, отличающие его от уставов Спасо-Бородинского и Борисо-Глебского монастырей и совпадающие с учением старца Зосимы.

Сестрам заповедуется в церкви «стараться молиться с усердием и смирением, помышляя усердную молитву грешницы у ног Спасителя и смиренную мытареву», что может служить указанием на то, что во время церковной молитвы сестры должны были молиться молитвой Иисусовой.

8. Начальница и все сестры должны во все четыре поста говеть для причащения Святых Таин, а усердствующие и живущие во внимании к себе могут и чаще, с благословения отца духовного и начальницы.

9. Церковное богослужение и молитвенное монашеское правило совершаются по Уставу Церковному.

10. По возбуждении от сна прежде утрени не начинать никакого дела, даже ничего не говорить, кроме необходимого слова, и быть на утреннем богослужении по крайней мере до исполнения шестопсалмия. После сего трудящиеся или какой благосклонною виною отзываемые могут отходить на свои дела с благословения начальницы.

Очень четко прописаны правила, относящиеся к такому монашескому деланию, как ежедневное откровение помыслов, указана его польза как для внутренней жизни, так и для назначения послушаний.

Для новопоступивших назначается определенный испытательный срок, достаточный для того, чтобы внутреннее расположение сестры и ее готовность нести тяготы монашеского пути стали известны ее духовным наставникам.

Указывается на то, что новоначальной недопустимо жить одной.

Проводящим монашеское жительство с усердием и вниманием к себе разрешалось, по благословению духовных наставников, причащаться чаще установленных обычаем четырех раз в год. (Установившаяся в XVIII в. практика причащаться четыре раза в год, в каждый из многодневных постов, или даже один раз в год, то есть в Великий пост, была обычной как для Русской Церкви, так и для других православных поместных Церквей, например для Элладской Церкви. Тем не менее эта практика противоречила учению святых отцов, говоривших о необходимости для всех православных христиан, а тем паче для монашествующих, причащаться как можно чаще, по возможности ежедневно. Это святоотеческое учение подробно изложено в труде преподобного Никодима Святогорца «Книга душеполезнейшая о непрестанном Причастии Святых Христовых Таин». Таким образом, данное установление в «Правилах» Троице-Одигитриевой обители восходит к исконной святоотеческой традиции.)

11. В церковь и на всякое правило собираются все немедленно и стоят каждая на своем месте благочинно в молчании, стараясь молиться с усердием и смирением, помышляя усердную молитву грешницы у ног Спасителя и смиренную мытареву.

12. Памятуя наставление Василия Великого в первой главе подвижнических его уставов, яко молитву всему должно предпочитать, как начальница, так и сестры должны стараться не опускать никакого церковного богослужения и никакого соборного или келейного правила, кроме вины благословной — за послушание, наложенное от начальницы, или по болезни, о которой должно быть известно начальнице. Соборное или келейное чтение священных и духовных книг также должно иметь за важнейшее упражнение Богу посвященной жизни.

13. После ужина все сестры общежития, не расходясь, должны слушать молитвы на сон грядущих, а которые

Не дозволяется принимать сестру в общежитие окончательно, до тех пор пока она не решится отдать в общее пользование всего своего имущества. (Туринский устав вообще запрещал принимать таковых, устав Троице-Одигитриевой обители разрешает держать их в разряде новоначальных.)

Предписываются очень строгие меры для исправления гневливых, вплоть до удаления их из обители при явном нежелании исправиться.

Полагалось, «в подражание некоторым святым пустынножителям», употреблять молочную пищу только в двунадесятые праздники и сплошные седмицы.

Наконец, скажем и о том, что приведенные нами черты монашеской жизни, отмеченные в уставе Троице-Одигитриевой обители, характеризовали и жизнь сестер в Туринске, как мы можем видеть из жизнеописания старца Зосимы, составленного игуменией Верой (Верховской). Это может послужить еще одним доказательством в пользу нашего заключения об авторстве устава.

(Данное исследование было проведено А. Н. Щукиной в рамках написания квалификационной работы на кафедре истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.)

не ужинали, те имеют право совершать оные в своих келиях в то же время или несколько ранее или позже. После вечерних молитв да охраняются все от всяких разговоров, кроме необходимого слова, но одним общим земным поклоном да просят друг у друга искренно прощение, помышляя каждая: «Может быть, мне ныне одр мой гроб будет», — и так да расходятся ежедневно с мирным духом ко всем, по реченному: «Солнце да не зайдет во гневе вашем».

14. Гнев имеющим не давать ни пить, ни есть до тех пор, пока примирятся; и если сие продолжится целый день, то дать только мало хлеба и воды в вечер, а которая и в три дня примириться не захочет, таковую удалить от прочих и в последний раз увещевать, чтобы смирилась и за упорство во гневе и соблазн понесла приличную епитимию. Если и за сим не смирится, то, по правилу Василия Великого, «яко неизцельно недугующую», непременно от сестер отлучить и из обители отпустить.

15. В недоуменных случаях по общежитию надлежит просить разрешения епархиального архиерея.

16. Как новоначальные для испытания своих поступков имеют старших сестер, а сии начальницу, то и самой начальнице благопотребно такое же пособие в испытании себя; и как для утверждения истинного мира и любви в общежитии нужно, чтобы в нем господствовала между всеми совершенная искренность и откровенность, с соблюдением, впрочем, порядка подчиненности, то начальница позволяет и даже требует, чтобы каждая старшая сестра открывала ей наедине помыслы свои о погрешностях самой начальницы или о своем или учениц своих на начальницу неудовольствии, но при сем как подчиненная должна говорить со смирением и готовностью признать погрешительность своего помысла, так и начальница должна слушать со смирением и готовностью признать свою погрешность; и буде она в чем обличена справедливо, то должна сознаться и просить прощения

и молитв в помощь себе ко исправлению; а если в чем несправедливо обвиняют ее, то с кротостью должна объяснить обвиняющим их ошибку, и они должны принять от нее с верою и просить прощения. (Зри пространных правил Василия Великого главу 27.)

17. Все сестры должны содержать себя в таком расположении, чтобы, услыша от начальницы назначение какого послушания или предлагаемый совет, немедленно и беспрекословно в точности исполнить, хотя бы то казалось трудным или неприятным. (Зри в конце слова Василия Великого о подвигах иноческих и в кратких правилах его главу 121, и в подвижнических его уставах главу 23.)

18. Делать рукоделие не должны сестры по своему выбору, но как кому назначит начальница, и отдавать оное в ее распоряжение. (Зри пространных правил Василия Великого главу 41.)

19. От светских людей предлагаемые на заказ работы принимать только вещей служащих на церковное или домашнее полезное и нужное употребление; а работ мирских и к роскоши относящихся отнюдь не брать, и, для избежания многих сношений с мирскими, заказы работ должна принимать только одна казначея или другая сестра по назначению начальницы.

20. Каждая сестра должна соблюдать совершенное нестяжание, то есть не иметь ничего собственного, даже и того, что носит и что имеет у себя необходимое, не признавать своим и всегда готовой быть отдать другой сестре, ежели от начальницы повелено будет, и ни одна ничего не должна у себя иметь иначе, как по благословению начальницы, и даемое посторонними, принявши по ее дозволению, полагать в общину, чтобы всё у всех почиталось общее; впрочем, одна у другой отнюдь ничего не должна брать без ведома той, у которой берет, и без благословения начальницы или своей старшей. (Зри слово Великого Василия о подвигах иноческих и в кратких его правилах главы 85, 86 и 87, и в подвижнических его уставах главу 34.)

21. Внутри келий никакого излишнего и роскошного убранства не попускать, но во всем да является простота и смирение, а посему даже и святых икон в богатых окладах в келиях не держать, но поставлять их или в церкви, или в общей молитвенной келии.

22. Одежду носить из черных тканей, приличную смиренному пустынному житию; а посему тонкое белье и всякое изысканное по светскому обычаю украшение или убеление возбранять, но токмо как в одеждах, так и в келиях наблюдать приличную чистоту и опрятность.

23. Поступившие в число сестер и полагающие твердое намерение пребыть с помощью Божиею до конца жизни в общежитии могут получать благословение и употреблять и наглавие монастырское.

24. Начальница с одною или двумя старшими сестрами должна нечаянно два раза или по крайней мере один раз в год осматривать все келии и имущество каждой сестры. Для того сие необходимо, что иная несмелая и совестливая и о том, в чем и нужду имеет, не скажет, а у иной по слабости жизни и невниманию вкрадется что-нибудь и излишнее. Вследствие осмотра нуждающейся выдать немедленно потребное из общего имущества, а у которой найдется непозволительное излишество, таковую стараться убедить по совести, чтобы сама охотно отдала излишнее в общину, дабы не быть нарушительницею устава и соблазном обществу, чего не должно попускать. Впрочем, если у которой окажется что-либо хотя не нужное, но несоблазнительное или маловажное, можно по рассуждению начальницы делать снисхождение. Только денег оставлять ни у которой не должно.

25. Новопришедшая должна отдать всё свое имущество под сохранение обители, и дается ей год времени, по прошествии коего должна объявить свое решительное расположение, и ежели не желает жить в обители, то возвращается ей всё ее имущество;

а если останется, то причитается сама к числу сестер, а имущество ее поступает в собственность общежития, после чего, если и пожелает выйти из обители, ничего уже из прежнего своего имущества не имеет права требовать обратно по применению к правилам Кормчей книги 2-й части.

26. Если которая и после искуса не может решиться отдать всего своего имущества, но усердно желает жить в обители для спасения души своей, то не принимать ее решительно в число сестер, доколе не покорится сему правилу; впрочем, можно оставить ее как бы в разряде новоначальных, ежели только она не в тягость и не в соблазн всему обществу.

27. В приеме сестер всего более смотреть на намерение к очищению сердца и желание спасения с благопокорным отсечением своей воли и всячески остерегаться, чтобы не имеющих сего расположения не принять по каким-либо посторонним видам, а имеющих оное не отвергнуть по их бедности или другим недуховным причинам.

28. Жить одной по себе новоначальной не должно попускать до времени, а также молодым двум или более вместе жить без старшей отнюдь запрещает Василий Великий; но начальница должна поручить их старшим келейным наставницам по своему усмотрению; потому что, ежели в начале новопришедшая не отсечет вконец воли своей, то и сама себе, и другим будет в тягость, и нет надежды, чтобы совершила жизнь свою в обители.

29. На основании правил и завещаний святых отец (о чем зри пространных правил Василия Великого главы 10, 26 и 46, кратких его правил главы 110 и 111, и в Добротолюбии Каллиста и Игнатия главы 14 и 15, и Симеона Нового Богослова в Добротолюбии же главы 41 и 129, и Иоанна Лествичника в четвертой степени) все сестры обители должны быть со всею искренностию откровенны во всем своей начальнице, чтобы она, ведая их склонности, чувства, мысли и желания и все деяния и поступки

целой жизни их от младенчества и видя совесть каждой, могла безошибочно управлять ими и охранять их от всего душевредного. Ибо, не зная склонностей и искушений сестер, начальница по неведению может поручить им такие дела, которые будут увеличивать их искушения, например корыстолюбивую может избрать в казначеи, склонную к рассеянию и суетным беседам употребить в послушание гостеприимства, невоздержную в пище или пристрастную к лакомству поставить распорядительницею трапезы или клюшницею, нескромную и слабую против соблазнов посылать на послушания для нее опасные, гордую и высокомыслящую о своей святости оставить жить в безмолвии и в усиленном посте, тщеславной поручить высшую должность или поручить таковым учениц, слепых слепым водительницам, отчего вместо спасения может последовать вред и совершенное в сестрах расстройство, за что начальница должна отвечать Богу. Посему, если которая из новоначальных не хочет откровенна быть во всем начальнице, таковой до времени оказать терпение, пока сама увидит и узнает, какая великая польза и облегчение совести и утешение души (как говорит Симеон Новый Богослов) происходит от чистой откровенности, а до тех пор не принимать ее в число сестер.

30. Каждая сестра, открывши однажды всё о себе чистосердечно начальнице, должна после сего каждый вечер говорить откровенно со своею наставницею, коей поручена от начальницы, о ежедневных своих погрешностях и просить у нее прощения и молитв и помощи к исправлению. (Зри Симеона Нового Богослова главу 122.)

31. Келейные же наставницы во всем должны относиться к начальнице и по воле и совету ее управлять порученными им. Если что случится важное, о чем новоначальная не может сказать своей старшей, то немедленно да открывает оное самой начальнице. Если же и ничего, при помощи Божией, нет важного, при

всем том как старшие, так и ученицы их должны по крайней мере раз в месяц быть у начальницы для духовной откровенной беседы или наедине, или вместе с другими, как которой нужно и по чувствам, и по обстоятельствам, ибо от сего более усиливается любовь и доверие у сестер к начальнице, а у начальницы к сестрам, «а человек без совета и сам противу себя супостат» (Притч. 11, 14).

32. В отсутствие начальницы до ее возвращения от новоприходящей никому никаких таин не изведывать, но еще и внушать ей, чтобы без благословения начальницы не была ни с кем откровенна. (Зри кратких правил Василия Великого главу 229 и слово о рассуждении Кассиана Римлянина в Добротолюбии в четвертой части.)

33. Находящимся еще в искусе, пока привыкнут, хотя и можно в некоторых отношениях делать позволительные послабления и снисхождения; но при том надлежит внушать им, чтобы старались с самого начала исполнять все правила под опасением, что после времени искуса им труднее будет, поелику обыкновенно с первого вступления более бывает горячности и охоты на все труды и подвиги, а особливо у молодых; и если таковые не самочинно, а с благословением будут следовать своим первым усердным движениям, то придут в благое навыкновение, а если сначала не покажут ревность, то нельзя не опасаться, что по времени еще более ослабеют.

34. Впрочем, всем вообще стараться провождать жизнь тихую, уединенную, подвижническую, молчаливую, а наипаче в святую четыредесятницу тщательно наблюдать строгое безмолвие, так чтобы и в келлии одна к другой, кроме субботы и воскресенья, не ходили и избегали всяких бесед по видимому и полезных, ибо молчание и безмолвие приносит высшую пользу (по Григорию Синаиту в главе 104 в Добротолюбии). Дни поста суть дни плача, покаяния и очищения. В сие время преимущественно должно стараться сердечною верою и любовию сострадать страданиям

Искупителя, пролившего святейшую кровь Свою за грехи наши. В сие священное время дается более свободы на занятия духовные от дел обительских.

35. Впрочем, сверх установленного поститься, или молиться, или какое подвижническое дело творить не должна никоторая сестра самочинно и скрытно от начальницы; а должна взять на то каждая благословение у начальницы или у своей келейной старшей, опасаясь прелести вражией. (Зри кратких правил Василия Великого главы 137 и 138.)

36. В праздники Христовы не ходить никогда в светские домы для славления. Вообще никуда не ходить из обители без дозволения начальницы. Для необходимых же нужд обительских по усмотрению посылаться будут могущие безвредно исполнять поручаемые дела и служения.

37. О посещающих давать знать начальнице и принимать по ее рассуждению и по ее дозволению.

38. На трапезе должны быть предлагаемы, по приличию дня, сообразно с Уставом Церковным, иногда с рыбою, иногда с елеем, а иногда и без елея, в простые дни два кушанья, в праздники — три, а в большие праздники — четыре.

39. Молочной пищи вообще не употреблять, в подражание некоторым святым пустынножителям, а токмо разрешать на оную в честь великих двунадесятых праздников и в те седмицы, в которые по преданиям святых отец положено таковое разрешение, частию во славу великих праздников, частию в противоположность обычаям еретиков.

40. Как сама начальница, так и все сестры должны стараться ходить всегда за общую трапезу, кроме вины благословной или болезни. Для немощных и болящих можно приготовлять и особенную пищу по усмотрению начальницы.

41. За трапезою сидеть благочинно и слушать внимательно священное чтение.

42. Дабы обитель не имела попечения ей несвойственного, поставляется в правило и для посетителей не иметь в обители вина и не приготовлять яств, с вышеизложенными правилами несообразных.

43. Если по опыту окажется нужным сделать в настоящих правилах некоторое изменение или дополнение без нарушения главного основания, то начальница с согласием старших сестер представляет о сем на благоусмотрение епархиальному архиерею, с испрашиванием разрешения и благословения.

44. О денежном приходе и расходе вести записку в книге, которую по окончании года представлять епархиальному архиерею при рапорте о благосостоянии общежития и краткий отчет о хозяйственном состоянии обители.

45. Для надзора за сим общежитием в отношении к благочестию и благонравию епархиальный архиерей определяет над ним благочинного из монашествующих, мужа зрелых лет, назидательного и опытного в жизни духовной.

46. Для наблюдения со стороны духовного начальства, соблюдаются ли сии правила и соответствует ли общежитие своей цели, назначенный благочинный посещает оное не менее одного раза в год.

47. Кроме наблюдения над состоянием общежития он старается споспешествовать к большему усовершенствованию оного, подавая сестрам и начальнице потребные духовные советы и наставления.

48. После каждого такового посещения доносит он епархиальному архиерею обстоятельно, с приложением именного списка сестер общежития, со своими о них замечаниями и со свидетельствами начальницы.

ИГУМЕН ФИЛАРЕТ ГЛИНСКИЙ

О ДОЛЖНОСТИ ДУХОВНИКА, СЛУЖАЩЕГО ИНОКИНЯМ*

Духовник приходящим к нему для исповеди, для открытия совести и за советом духовным, всем труждающимся о Господе, а паче подвижнейшим, да являет себя во всякое время удобоприступным, дабы сии приходящие к нему и Бога ради труждающиеся сестры имели несумнительную веру и удобную откровенность во всем. Он должен прилежно, по званию духовническому, смотреть всех приходящих и наблюдать, с каким кто духом приходит и кто какими душевными недугами болезнует, и, распознав болезни, да тщится прилагать и врачевство всякой язве полезное. Дерзостным от подвижнейших да предлагает опасность падения от нечаянного нашествия немощей и страстей, предстоящую тем наипаче, кои слабостями других соблазняются и к немощам ближних не снисходительны, — таковым предлежит великая опасность: и ров падения, и души бедствование,

---

* Печатается по изданию: Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб, 1856. С. 83–90.

См. краткие сведения об игумене Филарете Глинском в настоящем издании: т. 2, с. 501–503.

и дверь отчаяния. Аще же кто приидет с обремененною немощами душою, с болезнью в сердце и с глубокими язвами в совести; и со смирением и близ отчаяния, — таковых подобает принимать с милованием любвеобильным, и предлагать им неизреченную милость Божию за исповедание согрешений и покаяние истинное, и представлять им примеры прежних великих грешников, истинно покаявшихся, и по очищении от грехов Господу угодивших, и ко святым приложившихся; и так соответственное недугу каждому врачевство преподавать, по наставлению преподобного Иоанна Лествичника, так глаголющего: «Да не предлагаеши приходящим врачевства единого: приходящему к тебе врачеваться с высокомудрием подвижничества и знания от деяния предлагай, яко высокомудрым падения и наказания ко смирению попущаются от Бога, и благодать Божия отступает от них, и врагу бывают подручники; и „мняйся стояти блюдется, да не падет“ (см. 1 Кор. 10, 12), — апостол пишет. Отягченному же грехами предлагай Бога быть милостива и простительна грехами обремененным и истинно кающимся». И так духовник должен иметь во всех случаях рассуждение; изнуряемых стужением браней мысленных и страстей телесных утешать и укреплять в подвигах, да не унывают и да не впадают в малодушие и отчаяние; но да последуют оному наставлению отеческому: «Аще и тысящу язв на всяк день от врага приимеши, да не отступиши от живоносного подвига», ибо кому больше различными браньми стужает враг, аще не подвизающимся? Завидует бо им, видя их истинное и ко спасению стремящееся по Бозе намерение в подвигах; а сего ради с большею яростию нападает на них и паче вначале стужает хульными помыслами. Но кто не желает и отгоняет их по возможности, тому они и в грех не вменяются. Аще же кто и не может отгнать их, да открывается духовнику или искусным старцам, и Бог прогонит их; точию да не желает их, но да противится им, пренебрегая и в грех себе не вменяя их. Сие бывает по зависти

бесовской, по Божию же попущению ради искуса и смирения подвизающихся. Аще же иные и подвизаются, и постятся, и бдят на молитве, и брани от врага не стужают им, и скорби внутренние и внешние не находят на них; таковых подобает наблюдать опасно[1]: ибо таковых подвиг опасен есть, паче же, аще кто с самочинием и высокомудрием безгодное имеет рвение к безмерным подвигам, — таковых подобает приудерживать советом, соглашаясь о сем с настоятельницею, по правилу преподобного Лествичника, глаголющего: аще видиши юна, «быстро восходяща на небо, емь за нозе, верзи долу». Новоначальные паче да навыкают прежде по земле ходить и во всем умеренности держаться. Подобает наставлять их отсечению воли своей пред старейшими, да последуют искусных отцов учению, да пребывают в повиновении старицам, да обучают ум познавать прилоги вражии и отгонять молитвою Иисусовою и сопротиворечием. Подобает учить их, как побеждать страсти и противостоять оным; паче же низлагать злобу и гордость и к различным вещам пристрастие. Бог попущает и подвижным быть в падении, егда не имут смирения: сего ради псалмопевец гласит: «Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом» (Пс. 2, 11). Да тщится убо духовник навыкать в искусстве духовного врачевания и приходящих к нему да вразумляет и обучает познанию вины страстей и браней. Аще какая сестра будет противиться игумении или своей восприемной старице, таковую духовник да наклоняет к смирению и послушанию; ибо в правилах иночества написано есть: «Аще кто настоятельницу или старца своего в коем-либо словеси, ко спасению его изглаголанном, преслушает, яко враг Божий и соперник обретается». Аще какую сестру, по долгу и правильно, игумения или старица, ей же та вверена от игумении, за нарушение устава или за иную вину некую свяжет, духовник не имеет власти разрешить

---

[1] Опасно (церковнослав.) — осторожно, осмотрительно, тщательно.

связанную без совета и соглашения со связавшею; на что указует и слово оное, в Прологе обретаемое, о старце, связавшем ученика своего, иже и мученик бысть; и многие сему сообразные изречения в Божественных писаниях обретаются. Посему духовник и игумения должны иметь в запрещениях согласие между собою; и первый, по добровольному тайному грехов исповеданию, тайную и эпитимию да налагает, а игумения за нарушение правил устава и за соблазн власть имеет наказать противящуюся и открытою эпитимиею. Егда сестрам, паче же подвижнейшим, случаются частые брани и искушения, духовник да не приводит их в малодушие и отчаяние, паче же да не согласует смущению тех, им же враг влагает помысл в мир возвратиться за страсть телесную; но да укрепляет и ободряет таковых, уверяя благодатию Божиею, яко та, молитвами Божией Матери, отженет от них вражию брань и страсть им стужающую, аще токмо смирятся и страсть оную возненавидят с болезнью сердца, и так покой обрящут душам своим. Аще же духовник даст искушаемой послабление в таковом случае и ко внушениям вражиим приложит совет свой на ея возвращение в мир, то сам постраждет за ее совращение с пути спасения, и душа погибшая от рук его взыщется, якоже и писание свидетельствует: «Мнози, — глаголет святой Григорий Синаит, — неискуснии несмысленных повредиша, их же суд имеет по смерти». Всякому убо духовнику подобает блюстись, да не когда в притчу сию впадет. Сего ради внимай тщательно, духовный отче, да и себя устроишь постепенно ходить по заповедям Божиим и по преданиям святых отец, утвержденным Соборами, написанным по благодати Святого Духа и по ясному повелению Самого Христа Спасителя, Иже рече апостолам: «Шедше, научите вся языки, не токмо, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа, но и учаще их блюсти вся, елика Аз заповедах вам» (см. Мф. 28, 20). В назначении же эпитимий да будет рассуждение многое и правилам святого Златоуста внимание; то есть аще

кто сам признается в грехах своих и сожалеет об оных и осуждает себя, яко виновного, полвины такового уже от Бога оставляется. Аще же и духовнику свои согрешения исповедает, и кается истинно, и приемлет эпитимию подобающую: грехи отпущаются, и Бог прощает ему; и понеже правила отлучают некоторых на несколько лет от причащения; то аще кто языком токмо исповедует грех свой и отступать от оного не решается и никакой эпитимии нести не хочет, такового подобает отлучить от причащения, да смирится; и аще смирится и сотворит покаяние, облегчите отлучение. Аще же болящий, под отлучением от причащения, приближается к смерти и причаститься Святых Таин желает; причащай, не считая дней в смертном случае; аще же по сем здрав будет, да держит прежде ему назначенную эпитимию до определения. Служащему при девичьих монастырях духовнику подобает оказывать инокиням, не по своей воле, но за послушание по нужде обители обращающимся с мирскими, вящшее, нежели прочим, милование, и укреплять их всеми способами; и ленивейшим, на сих подвижниц клевещущим, не скоро верить, но рассуждать, и всё испытывать, и суд милостию растворять со всяким благоразумием, дабы и «сокрушенные трости не преломить» (см. Мф. 12, 20), и хромое да исцелеет. Да тщится же ни единой от приходящих не отпустить от себя без врачевания; но всех да утешает, и утверждает в вере и в терпении, и возбуждает к ревности на духовное преуспеяние, к молитве, к подвигам, к познанию прилогов вражиих и как побеждать искушения молитвою и сопротиворечием, паче же откровенным искушений и помыслов исповеданием; якоже и ко всем добродетелям, и к опытному в житии иноческом искусству по возможности да наставляет. Да посещает усердно недужных, в больнице живущих (ибо кроме больницы, по иным келиям инокинь и самому духовнику неприлично ходить), да облегчает телесные страдания их духовными утешениями, да ободряет надеждою вечного

воздаяния за терпение с благодарением и покоем вечным со святыми в Небесном Царствии, по исходе из сей юдоли плача. Наипаче же да печется о сущих в сомнении, унынии и отчаянии по навету вражию, благовременно и более в церкви да вопрошает их о душевном их состоянии, да разгоняет мрачные мысли их светом истины и любви Божией и так да врачует их, яко же и всех в дому Божием сущих, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава во веки веков, аминь.

ДО И ПОСЛЕ ПОСТРИГА ПОУЧЕНИЯ МОНАХАМ*

ПОУЧЕНИЕ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ПЕРЕД ПОСТРИГОМ

Сын и брат о Господе!

Приступая к постригу, мне, при помощи Божией, хотя вкратце, следует объяснить тебе значение воспринимаемого тобою святого ангельского образа. Блажен будешь ты перед ангелами и человеками, когда «Богу содействующу и молитвами святых потщишься подвижнически»[2] соблюсти все обеты, которые лучше исполняются оставившими «всё, еже в мире», и всем сердцем желающими работать Богу не по нужде, но добровольно, с любовию,

---

* Печатается по изданию: Филарет Глинский, игум. До и после пострига. Поучения монахам. Репр. воспр. изд. [1897 г.] [М.]: Даниловский благовестник. С. I–III, 1–33.

[2] Буквальное выражение отца Филарета в поучении на славянском языке. (Здесь и далее примечания переводчика для издания 1897 года.)

верою, терпя без роптания всё случающееся до последнего своего вздоха, отсекая свою волю, ни в чем не оправдываясь и не противясь изменяющимся обстоятельствам и скорбностям иноческого жития[3], но относя их к Божию о нас промышлению для очищения грехов, для испытания (искуса) и будущего воздаяния (венца), как говорят это святые отцы, которые ободряли себя надеждою вечных благ, уготованных Господом нашим для возлюбивших Его всем сердцем, истинно последовавших Ему и послуживших в преподобии и правде всю жизнь. Они хотя были искушаемы от врага душ наших, но верою и терпением побеждали искушение. Так и ты, брат, если хочешь приблизиться к Богу и получить воздаяние, постарайся во имя Божие, сколько можешь, нести крест свой, подражая нас ради «преклоньшему небеса и сошедшему на землю», воплотившемуся Духом Святым от Пречистой Девы Марии Господу Иисусу Христу, от нечестивых иудеев нашего ради спасения многое претерпевшему, даже до распятия и смерти. Хочешь истинно спастись со Христом в Царствии Небесном, последуй Христу и святым последователям Его; будь готов терпеть всё, оставь свое, хотя и благое мудрование, не надейся на себя, со страхом и трепетом совершай путь свой по совету духовных отцов[4], объявляя им свои немощи и прося их молитв. Всегда смиряйся, стараясь от сокрушенного сердца называть себя грешным и непотребным рабом. Понуждай себя к непрестанной молитве Иисусовой: ею прогоняются вражеские помыслы. Опасайся

[3] У отца Филарета по-славянски — «не противясь приражению» с объяснением, что под этим следует понимать «искушение». Буквальный смысл сих слов, как их принято понимать, тут не имеет места. Искушению от диавола следует противиться, бороться. Мы перевели: «Не противясь изменяющимся обстоятельствам и скорбностям иноческого жития». Это те же искушения или испытания, только посылаемые от Бога, что и видно из нижеследующего.

[4] Надобно разуметь старца-руководителя в жизни духовной или духовника и настоятеля.

праздности, стараясь добродетелями «свет миру быти», как сказано будет тебе при постриге. Если так поступишь и этим благоугодишь Господу, то заслужишь похвалу и прославишься пред ангелами и человеками как верный воин Христов и наследуешь Царствие Небесное со всеми святыми. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ НОВОПОСТРИЖЕННОМУ МОНАХУ

Возлюбленный брат!

(Вступление)[5] Во имя Господа нашего Иисуса Христа, нахожу необходимым объяснить тебе, чего удостоился ты от призвавшего тебя всеблагого Бога нашего, к кому ныне причислен и какими обязал себя обетами, о которых должен будешь дать отчет во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа, если не понудишь себя терпеливо исполнить их с духовным рассуждением, великим смирением и послушанием, отсекая свою волю. Иноческие обеты кажутся невозможными только неутвержденным в вере, холодным в ревности по Боге и малодушным; но истинным ревнителям и верным рабам Господним, по благодати Божией, и невозможное возможно. «Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30), — говорит Господь, хотя в другом месте тот же путь спасения называется Господом «тесным» (Мф. 7, 14) и «прискорбным» (Ин. 16, 33). По видимому тут противоречие, а в действительности его нет. Святые богоносные отцы наши объясняют это так. Имеющим доброе произволение «иго благо и бремя легко»; не имеющим благого произволения, ленивым и нерадивым, исполнение иноческих обетов — «путь тесный и прискорбный».

(О необходимости помощи Божией) Поэтому тебе, восприявшему ангельский образ, с самого начала следует от всего сердца

[5] Рубрики сделаны переводчиком.

призвать в помощь многомилостивого Подвигоположника нашего Иисуса Христа, дабы «иго Его» тебе было «благо». Моли Господа влить в сердце твое огнь Своей любви, возбуждающий разумно и неослабно проходить душевные и телесные подвиги, укрепляющие тебя в вере; да не придешь в отчаяние, когда приступят к тебе искушения, страсти, немощи и недоумения.

(О противлении врагу спасения) Если бы и каждый день тебе пришлось тысячу ран принять, и тогда не слушайся врага твоего, не отступай от подвига и не впадай в отчаяние, но знай, что враг вооружается на тебя, завидуя твоему доброму намерению. Итак, не унывай при вражеских искушениях: Господь вскоре посетит тебя тайным благодатным утешением; ибо Он чрез пророка говорит: «Аще бы и жена забыла исчадие свое, Аз же не забуду тебе»[6]. Веруй слову Господню и со смирением жди милости[7].

(Об обетах) По принятии святого ангельского образа, ты причислен к жребию святых, крепко подвизавшихся против плоти, мира и диавола и угодивших Господу в преподобии и истине. Этого ты сам искал, ибо поступление твое во святую обитель не показывает ли, что ты тайно, одному Богу ведающему дал обещание жить в посте, терпении, смирении, в послушании и скудости, довольствуясь только необходимым? Затем, принимая на себя ангельский образ и свидетельствуясь пред Богом, ты желал постнического жития не ради какой-либо беды или нужды, но ради угождения Господу и по своей непринужденной воле.

---

[6] Чин пострига. Изречение, равнозначащее словам Священного Писания — Ис. 49, 15.

[7] Кто не подвизается, тот ослабевает, приходит в нерадение и забвение должного. «Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям, — говорит слово Божие. — Горе сердцу расслабленному, ибо оно не верует (малодушничает, мало надеется на Бога), и за то не будет защищено. Горе потерявшим терпение! Что будете вы делать, когда Господь посетит? Боящиеся Господа не будут недоверчивы к словам Его и любящие Его сохранят пути Его» (Сир. 2, 12–15).

По заповеди Божией, ты отрекся от мира и сущих в мире, обещался «Богу содействующу», в сей обители или где тебе за святое послушание повелено будет жить даже до смерти, при соблюдении поста, девства, целомудрия, послушания к настоятелю и всей о Христе братии даже до смерти, и до смерти пребыть в нестяжании и добровольной Христа ради нищете общежития, ничего не приобретая, ничего не храня[8], кроме необходимого на общую потребность, и то за послушание, а не по своему произволению. Ты исповедал, что с любовию принимаешь иноческие общежительные уставы, правила святых отец и повеления настоятеля, готовый ради Царствия Небесного претерпеть всякую тесноту и скорбь иноческого жития. Слыша эти обещания, тебе напомнили, что невидимо предстоящие ангелы записали такое исповедание твое и что молитвою и постом должно тебе умолить Бога, дабы, начав путь, ведущий в Царствие Небесное, не возвратиться вспять (обратно), — такие неблагонадежны для Царствия Небесного (см. Лк. 9, 62).

Также увещевали тебя: ничего не предпочитать и не любить более Бога: ни отца, ни матери, ни братии, ни кого-либо из близких, ни самого себя, ни мира сего, ни покоя или чести, да не отвратишься нищеты, но пребудешь в ней до смерти, имея в уме своем спасительные страдания и животворную смерть Господа нашего Иисуса Христа, «яже волею спасения нашего ради претерпе». Как исповедал, так ради Господа и понеси охотно все скорби и тесноты, во всем трезвись «и злопостражди яко добр воин Христов» (2 Тим. 2, 3); ибо Сам Господь Бог «нас ради обнища, богат сый в милости» (2 Кор. 8, 9), да и мы обогатимся Царствием Его. Подражая Господу, терпи всё ради Его и преуспевай в исполнении заповедей Его «день и ночь»; Сам Господь сказал: «Аще кто

---

[8] Святой апостол Павел истинным христианам желал быть беспечальными (см. 1 Кор. 7, 32).

хощет по мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет» (Мф. 16, 24). Взять крест — значит быть всегда готовым даже до смерти на всякое исполнение заповедей Господних: алкать и томиться жаждою, принимать досады и укоризны, поношения и гонения и всякие скорби, которыми достигается истинная жизнь по Боге. Когда всё перенесешь, радуйся; таковых, по слову Господню, «мзда многа на небесех» (Лк. 6, 23). Всё это ты знал и, уповая на споспешествующую благодать Христову, обещался исполнять до конца своей жизни. После (положенных в чине пострига) молитв пред святым Евангелием тебе сказано было: «Се Христос невидимо зде предстоит: виждь, яко никто же тя принуждает приити к сему святому образу; виждь, яко ты от своего си произволения хощеши обручение великого ангельского образа». Подтвердив истину своего произволения, ты трижды от святого Евангелия подавал ножницы и слышал, что принимаешь их от руки Христовой. Тогда постригли тебя, но для чего? «В знамение отрицания мира и всех, „яже в мире“, и во отрезание своей воли и всех плотских похотей».

(О символическом значении иноческого одеяния) Потом одели тебя в хитон власяной[9], для чего? Для напоминания терпения, добровольной нищеты, тесноты и всех бед.

Принял ты параман, или нарамницу[10], для чего? «Во обручение великого ангельского образа», в воспоминание об одежде нетления и чистоты, взятия на себя благого ига Христова, ношения легкого бремени Его, «в обуздание и связание всех похотей и желаний плоти своей»[11].

---

[9] Власяница — рубашка козлиного, верблюжьего волоса или овечьей шерсти (мухояра), надеваемая на голое тело.

[10] Параман (нарамник) — малый четырехугольный плат с изображением креста и других орудий страдания Спасителя, носимый монахами на спине. У схимников — великий параман, многокрестник или полиставрион.

[11] Чин пострига.

Дан тебе святой крест для ношения на груди, зачем? Во всегдашнее воспоминание злострадания, уничижения, оплевания, поношения, ран, заушения, распятия и смерти Спасителя нашего. И ты по силе своей старайся подражать страданиям Его. После сих скорбных воспоминаний оделся ты в рясу[12] — одежду веселия и радости духовной, в отложение и попрание всех печалей и смущений, находящих от бесов, плоти и мира, и во всегдашнее веселие и радость о Христе.

Затем надел ты пояс в знак препоясания чресел (бедер) твоих силою истины (см. Еф. 6, 14), во умерщвление тела и обновление духа, во бодрость и постоянное держание себя в осторожности или опасности согрешить (опаства), а также во святое исполнение (снабдение) заповедей Христовых.

Оделся ты в мантию (палий), как в ризу спасения и броню правды. Для чего? В ограждение от всякой неправды, со всегдашним отсечением своей воли и своего мудрования, в памятование смерти, имея себя распятым миру и мертвым на всякое злое дело, но готовым во всякое время на добродетель ради Господа.

После мантии принял ты шлем спасения и непостыдного упования, «во еже возмощи тебе стати противу кознем диавольским» (см. Еф. 6, 11)[13].

---

[12] Она заменила милоть, или козью кожу, носимую древними иноками. (См. Древние иноческие уставы, 1892. С. 107.)

[13] По значению «шлема спасения» здесь, надо полагать, говорится про камилавку. Как шлем, или каска, — головной убор воина, так и камилавка — головной убор духовно-воинствующего монаха. В чине пострига значение шлема имеет «подкапок». Следовательно, подкапком называется камилавка. Это вполне подтверждает «Корреспонденция для Румынии», помещенная в «Церковном Вестнике» 1895 года № 27, в которой сказано: «подкапок (potcap), или черная камилавка». Поэтому в чине малого пострига для понятности слово «подкапок» следовало бы заменить словом «камилавка».

Покрыл голову свою покрывалом[14]. В знак чего? В знак смирения, духовного любомудрия, всегдашнего послушания и во отвращение глаз своих, «еже не видети суеты» мира сего, лукавого и прелестного.

Обулся в сандалии, в ознаменование чего? В ознаменование благодушного расположения[15], с которым ты должен быть скор и усерден на всякое послушание и на всякое добро дело; медленным же к исполнению своей воли и всякого неприличного, непотребного дела.

После сандалий принял ты четки (вервицу), в знак чего? В знак памятования о творении непрестанной молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Почему и сказано было тебе: «Приемлеши меч духовный, иже есть глагол Божий». Имя Иисусово должен всегда иметь в уме, в сердце, в мыслях и устах. Бесы более всего боятся и трепещут этого меча духовного (молитвы Иисусовой).

---

[14] По значению покрывала тут, очевидно, идет речь про наметку, или монашество, надеваемое на камилавку и покрывающее шею и плечи. Покрывалу усвоивают название клобука. Клобуком также называют камилавку с надетым покрывалом. В чине малого пострига надевание камилавки указано после подкапка. В действительности монаху сперва надевают камилавку, потом покрывало. Потому в чинопоследовании вместо слов: «взем камилавку» правильнее было бы читать: «взем покрывало».

[15] В чине пострига сказано: «Брат наш обувается в сандалии благовествования мира, во еже скору быти ему и тщаливу на всякое послушание». Под благовествованием мира следует разуметь радость и спокойствие от сознания исполненного долга: когда совесть мирна, и монах, совершенно покоривший волю свою воле Божией, во всякое время ради Бога и своего спасения с радостию готов на всякое послушание, на всякое доброе дело. Присутствие такого человека и на других изливает мир. Спокойное расположение духа по Богу принято называть «благодушием», хотя оно не всегда понимается правильно. Благодушием иногда называют благотелие, то есть такую спокойную жизнь человека, когда он ест, пьет, спит и безразлично относится к исполнению высшего своего призвания.

Затем дан тебе в руки крест Христов — щит (символ) веры, да возможешь «вся стрелы лукаваго разжженныя угасити» (Еф. 6, 16). Крест дан тебе еще и для всегдашнего памятования слов Господних: «Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и последует Ми»[16].

Напоследок принял свещу, в знак чего? В знак того, что отныне должен чистым и добродетельным житием и добрыми нравами быть «свет миру», как говорит Господь: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. 5, 16). Приняв обручение ангельского образа, ты «„оболкся во вся оружия“, во еже мощи тебе крепко победити всю силу и брани начал, и властей, и миродержителей тьмы века сего, и духов злобы поднебесных»[17].

(Обряд пострига надобно понимать духовно) Совершившийся над тобою обряд пострига ты должен разуметь духовно, как и в священной песни при постриге сказано: «Познаим, братие, Таинства силу». Какую силу? Благодать Святого Духа, данную тебе при постриге. Отныне, возлюбленный брат, ты принял усыновление от Господа и причислен к избранному воинству Христову. Поэтому тебе следует усилить подвиги, иметь бодрое око ума и при воротах сердца поставить крепкую стражу — память смертную с сокрушением сердца, смирение с мечом духовным, то есть с молитвою Иисусовою. За это воинствование ты будешь спрошен Царем Небесным: верен ли был в исполнении воли Его, всё ли делал ради любви к Нему, со страхом ли Божиим и ради ли прославления имени Его Святого? При этом нам должно более подробно знать, в чем состоит самое отречение, зачем мы пришли в монастырь и что значит одеяние, в которое облеклись

---

[16] Буквальное выражение в чине пострига, равнозначащее словам Священного Писания — Мф. 16, 24.

[17] Чин пострига. Наречение, равнозначащее словам Священного Писания — Еф. 6, 11 и 12.

и с которым должны сообразоваться, подвизаясь подобно отцам нашим. Начнем с одеяния по объяснению аввы Дорофея.

(Еще о значении мантии) Для чего мы носим мантию, не имеющую рукавов? Рукава — подобие рук, а руки означают действие. Когда нам приходит помысл что-либо сделать руками ветхого (плотского) человека, например: украсть, ударить или вообще сделать руками какой-либо грех, то мы должны обратить внимание на мантию и вспомнить, что она не имеет рукавов, и руками не должны делать какое-либо дело ветхого человека. Мантия наша напоминает багряницу[18]. Как воины носят широкие плащи (епанчи, шинели) наподобие царской багряницы, по которым узнают, что они служат царю, так и мы носим мантию в знак того, что стали воинами Христовыми. Иисус Христос одет был в багряную ризу, как Царь, ибо действительно есть Царь Царствующих и Господь Господствующих; одет был в багряницу и как поруганный нечестивыми. И мы, нося мантию, должны подражать Господу и переносить всякие страдания. Как воин ради торговли или земледелия не должен оставлять службу, чтобы не лишиться своего звания (см. 2 Тим. 2, 4), так и мы должны подвизаться в прилежном служении единому Богу, не заботясь ни о чем мирском.

(О значении пояса) Пояс мы носим, во-первых, в знак того, что готовы на дело, ибо каждый, приступающий к работе, сперва опоясывается и потом начинает работать, как и Господь говорит: «Да будут чресла ваша препоясана» (Лк. 12, 35). Во-вторых, мы носим пояс в означение умерщвления похоти нашей, подобно поясу, сделанному из кожи убитых животных. Пояс носится

---

[18] Багряница — порфира, или мантия темно-красная (багряная, пурпуровая), надеваемая царями в торжественных случаях. Здесь авва Дорофей говорит про багряный знак на мантиях, сравнивая его с таким же знаком на епанчах воинов, как символ принадлежности и служения их Царю. Теперь этих знаков на мантиях не носят. Значение знака мы перенесли на самую мантию.

на чреслах (пояснице), где находятся и почки, в которых, как говорят, заключается похотная часть души. Значит, пояс напоминает сказанное апостолом: «Умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту» и прочее (см. Кол. 3, 5).

(О значении аналава) Аналав (параман)[19], полагаемый на плечи наши крестообразно, означает, что мы на раменах (плечах) наших носим знамение креста во исполнение слов Господних: «Возьми крест свой и последуй Ми» (см. Мк. 8, 34). Что же означает крест? Не что иное, как совершенное умерщвление (всего мирского), которое достигается нами верою во Христа.

(О значении кукуля и камилавки) Надеваем мы и кукуль (у схимников, а у монахов клобук или камилавка с покрывалом), означающий смирение. Кукули (остроконечные шапочки) носят незлобивые младенцы; мы же носим кукуль для того, чтобы младенствовать злобою, ибо, по слову Господню, кто не будет как дитя, не внидет в Царствие Небесное. «Не дети бывайте умы», — сказал также апостол, — «но злобою младенствуйте»

---

[19] В чине пострига сказано: «Кукуль с аналавом всегда вкупе бывают». Ими настоятель покрывает главу, «передняя и задняя» схимника. Следовательно, аналавом названа схима без кукуля.

Покрывая «передняя», он вполне оправдывает свое название и вместе с кукулем действительно «полагается на плечах крестообразно», как говорит святой авва Дорофей. Монашеское покрывало одинаковое по своему значению с кукулем и аналавом (см. «Новую Скрижаль») крылышками своими также «крестообразно» покрывает или может покрывать плечи. Казалось бы, ему и следовало усвоить название аналава, но последнее принято относить к параману, который «крестообразно» только не полагается, а перевязывает одежду монаха, проходя пришитыми к нему тесьмами «через плечи». Кроме того, и по наружному виду покрывало имеет сходство с аналавом. Тот и другой — четырехугольные, наподобие широкой ленты, похожей на параман древних монахов. Может быть, поэтому параману присвоили название аналава. Другая причина присвоения та, что он, как выше сказано, «крестообразно» перевязывает монаха, а аналав «крестообразно» покрывает.

(1 Кор. 14, 20)[20]. Что же значит младенствовать злобою? Младенец незлобив: если будет обесчещен — не гневается, и если почтен будет — не тщеславится. Кто у него что возьмет, он не печалится; младенствует злобою, не мстит за оскорбление и не ищет славы. Кукуль — также подобие благодати Божией. Как кукуль покрывает и греет голову младенца, так и благодать Божия покрывает ум наш, наше о Христе младенчество, простоту и чистоту от демонов и споспешествует нам трезвиться (блюсти ум) и молитвою отражать вражеские прилоги.

Имея на чреслах пояс, означающий умерщвление бессловесной похоти; на плечах аналав или крест и кукуль — символ незлобия и младенчества о Христе, — будем жить сообразно одеянию нашему[21], чтобы, как сказали отцы, не оказалось, что мы носим чужое одеяние; но как оставили великое, так оставим и малое[22].

(Об отвержении мира) Теперь считаю нужным напомнить тебе об отвержении мира. Авва Дорофей говорит: отвергается человек мира или оставляет мир и приходит в монастырь с желанием приблизиться к Богу и восстановить в себе образ Божий, потемненный страстями после Святого Крещения. Отцы наши познали, что, живя в мире, не всегда удобно исполнять добродетели, и установили особый порядок жизни, или жизнь монашескую. Они начали удаляться мира, жить в пустынях, в посте, бдении, спании на голой земле, перенося различные злострадания,

---

[20] Вид кукуля и значение его также имеет иноческая остроконечная шапка, в которой, по примеру древних «неусыпающих», некоторые спят, почему она носит название спальни.

[21] Одеяние указывает инокам на обязательные для них добродетели и на житие ангелов, как бесплотных, вещественного одеяния не имеющих. Черный цвет одежд должен напоминать иноку плач о грехах, смерть и тоску по горнему отечеству.

[22] Авва Дорофей. Поучение 1.

в совершенном отречении от сродников (родины), имений и приобретений — словом, распяли себя миру. И не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Объясню, как это они сделали: заповеди Христовы даны всем христианам, и всякий христианин обязан исполнять их; они, так сказать, должная дань Царю; но отцы не только сохранили заповеди, а с другими добродетелями припасли дары Богу: девство и нестяжательность. Вместе с тем, они распяли себе мир, стараясь распять и себя миру, как говорит апостол: «Мне мир распяся, и аз миру» (Гал. 6, 14). Какое же между этим различие? Как мир распинается человеку и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и принятие (от них), тогда им распинается мир, ибо он отверг его. Это и значат слова апостола: «Мне мир распяся»[23]. Потом апостол прибавляет: «...и аз миру». Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается против самих услаждений или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий, и умертвит свои страсти, тогда и он сможет с апостолом сказать: «Мне мир распяся, и аз миру».

Отцы наши, как сказано, распяв себе мир, подвигами своими распяли и себя миру; а мы думаем, они распяли мир только потому, что оставили его и пришли в монастырь, и себя не хотим распять миру, ибо еще любим наслаждения и славу его; еще имеем пристрастие к снедям, одеждам и к хорошим предметам, нас окружающим. Оставив мир, великие и малые вещи, и придя в монастырь, мы думаем, оставили всё мирское; но и в обители посредством каких-либо ничтожных предметов удовлетворяем

---

[23] Вступая в монастырь или давая обет, отрекаются родных с желанием покориться уставам иноческого жития, настоятелю и братии. Чем долее кто живет, тем более должен преуспевать в отсечении своей воли и в исполнении святоотеческих установлений. Но кто ради родных легко нарушает монастырские правила, тот вряд ли может сказать, что ему мир распяся.

мирские пристрастия наши[24]. Это происходит от многого неразумия нашего и не так должно быть.

(Об отсечении своей воли) Отрекаясь мира и вещей его, надо отрешиться и самого пристрастия к вещам; ибо пристрастие к миру и маловажные обыкновенные вещи, не стоящие никакого внимания (по отношению к важности спасения), опять привязывают нас к себе[25], а мы не знаем и не разумеем этого. Посему если хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекать хотения наши, и таким образом мало-помалу с помощью Божией преуспеем и достигнем бесстрастия; ибо ничто не приносит такой пользы человеку, как отсечение своей воли. От отсечения воли человек преуспевает более, чем от всякой другой добродетели. Отсекать свою волю можно десять раз в самое короткое время. Объясню это. Положим, кто-нибудь, проходя небольшое расстояние, увидел что-либо, и помысл говорит ему: «Посмотри туда», а он отвечает помыслу в уме своем: «Не стану смотреть», — не смотрит и отсекает свое хотение. Встречает празднословящих, и помысл говорит: «Скажи и ты такое-то слово», а он не говорит. Помысл внушает идти и спросить у повара: что варит? — он не идет и отсекает хотение. Увидел какой-либо предмет, и помысл говорит: «Спроси, кто принес это?» А он не спрашивает. Таким образом, начиная с малого, человек привыкает и в великом спокойно и без труда отсекать свою волю; наконец достигает того, что вовсе не имеет своей воли. Что ни случится, он бывает спокоен, как будто

---

[24] По слову Спасителя: «Никтоже возложь свою руку на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии» (Лк. 9, 62). Орущий, держа руку на сохе и смотря назад, рассеян, невнимателен, плохой пахарь. Плохой монах, который отрекся мира — и смотрит назад на мир и делает мирское, монахам несвойственное, он не управлен будет в Царствии Божии (не спасется).

[25] Например: хорошая книга, четки, одежда или что-либо подобное, чем тщеславятся и дорожат более собственного спасения.

не имеющий пристрастия, и от этого он приходит в совершенное бесстрастие. Видишь ли, в какое преуспеяние постепенно приводит отсечение своей воли?

(Необходимость иметь старца-руководителя) Никто не может сподобиться благодати бесстрастия, достигаемой послушанием и смирением, если не понудит себя отсечь свою волю и не предаст себя ради Бога своему отцу духовному (старцу-руководителю), делая всё, что говорит ему руководитель, не сомневаясь, как бы слушая Самого Бога[26]. Святой Василий Великий в своем постническом слове об отречении мира тщательно велит искать духовного и искусного отца (руководителя) для отдания себя в повиновение. «Если найдешь такого, то предай себя ему, — говорит святитель Христов, — оставь свою волю, да будешь чистым (избранным) сосудом». Так же учат Григорий Синаит и другие святые отцы. Все они согласно говорят, что ни от чего нет более успеха (в иноческой жизни), как от истинного повиновения, при оставлении своего рассуждения о всякой вещи, хотя бы кто изучил всю мудрость мира сего; ибо по апостолу: «Премудрость мира сего буйство у Бога есть» (см. 1 Кор. 3, 19) и «аще кто в вас хощет мудр быти в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет» (1 Кор. 3, 18). Поэтому не следует уповать на свою мудрость или ум и говорить: я сам без наставления могу себя спасти. Такие не подражают смирению Христа Бога нашего, Который «смирил Себя, послушлив быв даже до смерти» (Флп. 2, 8). Такие уповающие на себя подражают гордому противнику Христову, от чего да избавит нас Господь Бог. Не потому ли человек не имеет преуспеяния в добродетелях и не понимает причины своих частых падений, что отвергает послушание? «Имже несть управления, падают аки листвие, спасение же есть во мнозе совете» (Притч. 11, 14). «Видишь ли, — спрашивает святой Дорофей, — чему учит нас

---

[26] Авва Дорофей. Поучение 1.

Священное Писание? Оно учит нас не полагаться на самих себя, не считать себя разумными, не верить тому, что можем сами управлять собою, ибо мы имеем нужду в помощи от наставляющего нас по Боге. Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника на путь Божий. Что же значит сказанное: „Имже несть управления, падают аки листвие“? Лист сначала бывает зеленым, но при начавшихся холодах желтеет, засыхает и падает. Тогда пренебрегают им и попирают его. Так и человек, никем не управляемый, сначала имеет усердие к посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим подобным делам; потом усердие это мало-помалу охладевает. Не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, он (подобно листу) нечувствительно засыхает, падает и наконец становится подвластным рабом врагу спасения, который делает с ним что хочет. Об открывающих же свои помышления и поступки и делающих всё по совету, Писание говорит: „Спасение есть во мнозе совете“. Не говорит: в совете многих, чтобы с каждым советоваться, но что должно советоваться обо всем с одним (старцем или духовником) и не так, чтобы одно говорить, а о другом молчать, но обо всем советоваться; такому есть верное спасение во мнозе совете.

Когда видит диавол, что кто-нибудь не хочет согрешить, то он не настолько неискусен в делании зла, чтобы внушать ему делать явные грехи, но умаляет их. Не говорит: „Иди сотвори блуд или поди укрядь“, — знает, что не хотим этого, и не считает нужным внушать нам нежелаемое, но находит в нас одно пожелание или самооправдание и под видом доброго вредит нам. Когда мы держимся своей воли и следуем оправданиям нашим, то, делая по видимому доброе дело, сами себе расставляем сети и даже не знаем, как погибаем. Соединение оправдания с волею есть совершенная смерть, великая опасность, великий страх, тогда окончательно падает несчастный (человек)».

(Враг спасения ненавидит советы со старцем) Лукавый враг не только ненавидит наставление, но даже самый голос наставляющего; ненавидит даже самые вопросы у опытных людей, ибо знает, что при открывании немощей и при исполнении полезных советов обнаруживается его злодейство[27].

(Падения и погибель души происходят от самоволия) Об опасности следовать своей воле было сказано и в чине пострига, так как многие древние великие добродетельные подвижники по нерассуждению своему и житию без совета отцов прельстились и погибли.

О таких подробно пишет преподобный Иоанн Кассиан в слове о рассуждении и между прочим прибавляет: «Ничем другим диавол не ведет инока к погибели, как внушает ему не слушаться отеческих советов и следовать своему мнению и своей воле». Об этом же преподобный авва Дорофей говорит: «Не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того или от другого падает человек, а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Видел ли ты падшего, — знай, что он последовал самому себе[28]. «Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее — последовать себе»[29]. Постараемся же спрашивать предуспевших[30] и хранить свою совесть. Пока мы находимся в этом мире, не допустим, чтобы совесть

---

[27] Авва Дорофей. Поучение 5.

[28] Итак, самоволие — причина нашего охлаждения и нашей погибели. Душа самовольника мятется, скорбит и не знает, куда идет. Скорбит от сознания тщетности своего труда без послушания там, где должно быть полное повиновение и отсечение своей воли. Мятется от укоров совести, ожидая будущей ответственности за всякое слово и дело. И хорошо еще, если сознает, может быть, исправится; несознание при живом теле есть смерть души.

[29] Авва Дорофей. Поучение 5.

[30] Под предуспевшими следует прежде всего понимать старца-руководителя или духовника и настоятеля.

обличала нас в каком-либо деле, отнюдь не будем попирать ее ни в чем, хотя бы то было и самое малое.

(Не пренебрегай малым) Знай, что от пренебрежения малого и в сущности ничтожного переходим к небрежению великим. Кто начнет говорить: что за важность, если скажу это слово? Что за важность, если съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или другую вещь? — тот впадает в худой навык и мало-помалу, попирая совесть, начинает пренебрегать великим и важным. Таким образом закосневает во зле и находится в опасности придти в совершенное нечувствие. «Поэтому берегись пренебрегать малым, оно не малое, ибо чрез него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы не стало тяжким. Добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу»[31].

(О совести и страхе Божием) Для совершенствования в добре необходимо нам блюсти свою совесть, как повелевает нам Господь во святом Евангелии: «Буди, — говорит, — увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним» (Мф. 5, 25), то есть спеши мириться с совестью твоею (спеши каяться, искупать грехи и делать согласное с совестью), пока живешь в сем мире[32]. Но отчего человек, преуспевая в добродетелях, достигает постоянного душевного мира и чистой совести?

«Страхом Господним уклоняется всяк от зла», — говорит Приточник (Притч. 15, 27). Также и пророк Давид пишет: «Бойтеся Господа, вси святии Его» (Пс. 33, 10), и в другом месте: «Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом»

---

[31] Авва Дорофей. Поучение 3.

[32] Авва Дорофей говорит: «Совесть называется соперником потому, что всегда сопротивляется злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем, и опять чего не должны делать и делаем, и за то осуждает нас» (поучение 3).

(Пс. 2, 11). Это относится и к новоначальным и совершенным: к первым — да приближаются к Богу страхом; вторые — да не отпадут от благодати и любви Божией, да не лишатся духовного утешения, почему и сказано: «Радуйтеся и трепещите», иначе враг сделает тайную засаду: у невнимательных похитит имеемое, у внимательных произведет смущение и посмеется над многими. Вот почему нам необходимо уклоняться от зла.

(О подвигах и искушениях) Что следует ожидать начавшим уклоняться от зла? «Чадо, — говорит премудрый, — аще приступаеши работати Господеви Богу твоему, уготови душу твою во искушение» (см. Сир. 2, 1). То же подтверждает и святой Илия Екдик: «Христианину, право верующему в Бога, — говорит сей святой муж, — не следует беззаботно предаваться беспечности, но (следует) всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтоб, когда придет, не изумляться и не смущаться»[33]. «Достоинство[34] монаха познается в искушениях», — говорит преподобный Пимен. «Блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его» (Иак. 1, 12)[35]. Напротив, неискушенный муж неискусен, а кто сам во всем будет искушен, «может и искушаемым помощи» (см. Евр. 2, 18).

(В чем состоит испытание Божие и искушение вражеское) Святой Димитрий Ростовский говорит, что искушение бывает двоякое: искушает человека Бог, искушает и диавол; но иначе искушает Бог, иначе — диавол. Одно есть искушение Божие, другое искушение диавольское. Божие искушение — испытание добродетелей человека; диавольское же искушение есть прельщение человека на грех. Бог искушает человека в терпении,

---

[33] Добротолюбие, том 3. § 1. «Цветособрание» святого Илии Екдика.

[34] В славянском сказано: «знамение».

[35] Это изречение добавлено.

послушании Ему, в чистоте сердца, в боголюбии. Таким искушением Он испытал Иова в терпении, Авраама — в послушании, Иосифа — в чистоте и израильтян — в боголюбии. Это видно из слов Моисея: «Искушает Господь Бог вас, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею» (Втор.13, 3). Более всего Господь испытывает у нас боголюбие, так как, любя Бога, легко преуспеть во всех добродетелях; ибо ради любви к Богу, мы терпим всё, исполняем послушание, соблюдаем чистоту и делаем всякое доброе дело. Испытывает человека Бог не потому, что не знает его: «Он весть тайная помышления сердца человеческаго» (Пс. 43, 22), Ему и не содеянное нами известно, но потому испытывает человека, что хочет яснее показать добродетель для большего увенчания славою на небесах и для пользы ближних. Диавол, напротив, искушая человека, предлагает ему временную сладость греха, чтобы уловить его, как рыбу на удочку или как птицу сетью, а уловив его и поработив, влечет его в ад на вечную погибель. «Бог несть искуситель злым», — говорит апостол Иаков. Бог не искушает нас на злое, и потому «никтоже искушаем» на злое «да глаголет, яко от Бога искушаем есть, не искушает бо Той никого же: кийждо же искушается от своея похоти влеком и прельщаем» (см. Иак. 1, 13–14) диаволом на злое, и нет другого диавольского искушения, как только на грехи, чтобы каким-либо грехом человек прогневал, раздражил Бога и сделался достойным суда и казни вместе с диаволом в геенских муках. Бог не искушает злых, не испытывает беззаконных; но испытывает добрых и верных рабов своих. Святой Климент, папа Римский, говорит: «Злой муж не искушается от Бога». Тоже свидетельствует Священное Писание: «Якоже искушается в огни серебро и злато, тако избранных сердца от Господа» (см. Притч. 17, 3). Слышите: «сердца избранных» праведников, любимых Богом, искушаются или испытываются, а не грешников, ненавидимых Богом, те

только вразумляются и наказываются[36]. «Многи раны грешному» (Пс. 31, 10), — говорит псаломник. Бог искушает, любя добродетельного мужа; диавол же искушает, ненавидя его (и добра, творимого человеком). Бог искушает любимого раба Своего, попуская ему скорби и печали (заботы), желая очистить его согрешения (от них никто не свободен) и сделать его, подобно золоту, очищенному в огне, — чистым, достойным небесных благ[37]. Так премудрый о праведниках говорит: «Бог искуси их и обрете их достойны Себе, яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодную жертву прият» (см. Прем. 3, 5–6)[38]. Диавол же искушает человека не для очищения от грехов, а для того, чтобы ввергнуть его в большие греховные скверны, сделать мерзким Богу и недостойным Небесного Царствия. Бог, искушая человека, хочет спасти его, диавол — погубить. Бог искушенному, испытанному от Него, приготовляет венец (славы в Царствии Небесном); диавол же, принявшему искушение на грех, готовит му́ки. Божие искушение сначала бывает неприятно, прискорбно, но в будущей жизни доставляет наслаждение вечными благами (хотя и здесь на земле человек бывает не без благодатного утешения Святого Духа). Диавольское же искушение вначале сладко, а после краткого услаждения неминуемо бывает горькое угрызение совести, которое начинается здесь и продолжается в вечных

---

[36] Пока не начнут каяться, сознавать свои грехи, избегать их и по возможности угождать Богу подвигами и делами милосердия. Тогда и те у Господа будут в числе избранных, ибо он всем «хощет спастися», всем подает благодать, всех призывает, и все ищущие Его обретают у Него милость по мере своего духовного преуспеяния и любви к Нему.

[37] Здесь надо разуметь того человека, который сам прежде всего возлюбил Бога и хочет спастись. Бог любит любящих Его (см. Притч. 8, 17), но не спасает любимых без их желания. Это ясно видно из нижеприведенного текста: «Искуси их, и обрете их достойны».

[38] Значит, Бог принял праведников в числе избранных не ранее, как по испытании их в добродетелях.

нескончаемых муках. Итак, одно есть искушение (испытание) Божие, другое — искушение диавольское[39].

(О скорбях и терпении) При этих искушениях подвижнику приходится немало скорбеть, чтобы терпеливо снести испытание Божие и не впасть в искушение диавольское. Не ложно говорит слово Божие: «Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). «Скорби, — говорит авва Дорофей, — привлекают к душе милость Божию. Поэтому нам не должно смущаться и унывать в искушениях, но надобно терпеть и благодарить Бога за скорби»[40], ибо сам Бог сказал: «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19), и в другом месте: «Скорбни будете в мире, но дерзайте, — утешает нас (в лице апостолов), — Аз, — говорит, — победил мир» (см. Ин. 16, 33). Нам должно учиться терпению скорбей и пребывать в них, помня скорбную земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «Идеже Аз есмь, ту и слуга Мой будет» (Ин. 12, 26). Такая жизнь (жизнь в скорбях, в терпении), — пишет святой Петр Дамаскин, — есть путь к будущему веку, ибо, и не желая, мы не избежим того, что должно совершиться, а если будем напрасно смущаться, то потеряем награду за терпение и окажемся противниками определения Божия, так как всё, что делает Бог — «добра зело» (Быт. 1, 31), хотя мы не разумеем этого. «Наставит бо, — говорит (Священное Писание), — кроткия на суд» (Пс. 24, 9); более же на рассуждение дел. Рассуждение кроткого человека и во время огорчения предохраняет от смущения. Зная, что не без причины пришло к нему искушение от Бога, брата или кого-либо иного, но за прежнее свое оскорбление в ведении или неведении, — он радуется, что теперь, ради терпения огорчения, ему нашелся случай получить прощение прежде худо содеянного. Кроткий человек рассуждает, что если он не простит брату своему согрешений

---

[39] История об Аврааме из «Летописи» святого Димитрия Ростовского.

[40] Авва Дорофей. Поучение 13.

его, то и Отец Небесный не простит его. Прощением согрешений ближнему скорее всего достигается очищение немоществующей души нашей, ибо искушение попускается нам Богом, как духовное врачевство[41]. Правильный путь человека (особенно инока) узнается по терпению искушений и по постоянству исполнения заповедей. Если же человек не имеет терпения и смирения (будет малодушествовать, смущаться, во всем не нравящемся ему обвинять других), то много повредит себе, ибо многие погибли в безумии своем, веруя своему рассуждению, думая спасаться без руководителя и без опыта, бывающего от терпения и смирения, ибо только испытанные не поддаются скорбям и искушениям[42]; а если им и бывает попущена брань от Бога, то она приносит пользу, совершенствуя неустрашимость подвижников против врагов спасения и научая их большему опыту в брани. Святой Ефрем Сирин пишет: «Если хочешь научиться бояться Бога, иди и прилепись к человеку, боящемуся Бога, и тот научит тебя страху Божию. Научившись бояться Бога, научишься и любить Его, и претерпевать всё находящее (прискорбное) ради Его. Кто сеет в правду, пожинает плод жизни и не изнемогает в трудах, имея пред собою упование: где подвиг, там и воздаяние; где победы, там и почести; где брань, там и венцы. Зная это, запасись терпением и говори со святыми: „Мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа“ (Пс. 26, 14)».

(Почему путь спасения для одних тяжел, для других легок) Путь спасения в одном месте святого Евангелия (как говорилось в начале) Иисусом Христом назван «тесным и прискорбным», а в другом — игом и бременем легким» (см. Мф. 7, 14 и 11, 30). Как же то и другое, кажущееся противоположным, видится в одном и том же? Так: по свойству своему для плоти, путь сей жесток

---

[41] По Петру Дамаскину, книга 1, о второй заповеди.

[42] Потому что принимают всё, как от руки Божией, за всё благодарят Бога и вражеские прилоги прогоняют в самом начале.

и труден, а по произволению совершающих его и по надеждам благим, он вожделен, возлюблен и сладостен, паче нежели скорбен для душ добролюбивых. Послушай, что говорит блаженный Лука об апостолах: они после биения бичами, от лица собора (старцев Израилевых) возвратились, радуясь (см. Деян. 5, 40 и 41)[43]. Если Господь говорит: «Царствие Небесное нудится» (Мф. 11, 12), то говорит «нудится» по ветхому человеку (по плоти, а не по духу). Если бы Царствие Небесное по природе нашей приобреталось с великим усилием, то никто бы не вошел в него; но как в нас от природы вложено стремление к добру и истине, то хотящим спастися (при споспешествующей благодати Божией) «иго Господа благо и бремя легко» (в той мере, в какой они бренное тело с его страстьми и похотьми порабощают духу, стремящемуся любовию, правдою и святостию восстановить в себе потемневший образ Божий. Для таких «Царствие Божие близ и внутрь есть» (Лк. 17, 21); они сами нудят себя возможно скорее достигнуть бесстрастия)[44]. Напротив, для не имеющих доброго произволения (порабощенных страстьми) Царствие Небесное достигается с трудом (нудится), путь (спасения) скорбен, и врата (в Царствие) тесны. Значит, единственно воля наша или содействует, или препятствует нам спастись. Хочешь ли что доброе сделать? — Делай. — Не можешь? — Желай, и это вменится тебе как дело. Итак, мало-помалу человек сам собою привыкает делать или доброе, или злое. Если бы это было не так, то ни один разбойник не спасся бы. Но мы знаем, что не только один, но и многие разбойники просияли святостью. Кажется, великое расстояние между разбойником и святым, но чего как бы невозможно достигнуть по свойству плоти, то достигается произволением. Видим и слышим мы, как многие, без упования получить Царствие Небесное, переносят великий труд и часто

---

[43] См. Деятельные главы святого Феодора Едесского, глава 89. Русское Добротолюбие, том 3.

[44] Поставленное в скобах дополнено для ясности.

не достигают своей цели. Нам ли ради небесных и вечных благ не потерпеть немногое? При добром произволении, стяжание добродетелей не тяжело, но более радостно, ради даваемого душевного покоя и будущего воздаяния.

Трудящийся с упованием и верою, хотя и не скоро, побеждает страсти, (постепенным навыком) достигает добродетелей и приближается к Богу; когда же очистит ум свой и сердце от страстей, то примет благодать Божию, которая без сокрушения, очищения сердечного и молитвы не дается[45].

«Мы, — говорит преподобный Нил Сорский, — по лености, привязанности к миру и небрежности о жизни по духу говорим: „Жизнь по духу свойственна была только древним святым, а нам и не нужно и невозможно всё сие исполнить“. Но нет! Не так это, не так!» Невозможно исполнить тому, кто самопроизвольно подчиняет себя страстям и не хочет искренно покаяться, истинно прилежать Духу Божию, а любит только заботу о бесполезных житейских делах. Господь принимает всех искренно кающихся, кто с сердечною любовию и страхом ищет Его, к Нему одному обращается и исполняет заповеди Его. Так свидетельствует нам всё Божественное Писание. И древние отцы сами проходили это поприще и один другого назидали и укрепляли. По оскудению же таковых учителей, кто ныне пожелает потрудиться в деле Божием, тому благодать поможет и вразумит. А тех, кои и сами не желают подвизаться и других приводят только к нерадению и безнадежности, говоря, что ныне не бывает как древле дарований и даров от Бога, — Священное Писание называет «заблуждающимися и приводящими в заблуждение других» (2 Тим. 3, 13).

Иные и слышать не хотят, что в наше время проявляется благодать Божия. «Они омрачены бесчувствием, неразумием и маловерием», — говорит Григорий Синаит.

---

[45] По Петру Дамаскину. Славянское Добротолюбие, часть 4.

(О трезвении в молитве) Мы же, зная всё из Божественного Писания, если желаем искренно порадеть о деле Божием, прежде всего и насколько возможно удалимся суеты сего мира, постараемся исторгнуть страсти, соблюдая сердце свое от лукавых помыслов и во всем исполняя заповеди Божии. Чтобы блюсти сердце, нужно всегда иметь молитву. «Это первая степень иноческого возраста, и иначе нельзя умалить страстей», — сказал Симеон Новый Богослов, как и прочие святые отцы учат. В устранение худых помыслов и страстей, для новоначальных, — сказали отцы, — очень полезно рукоделие с молитвою или какое-либо другое послушание, особенно же во время скорби и уныния. Отцы наши не допускают монаху и на малое время оставаться в праздности, тем более монаху юному[46].

Будь внимателен и к тому, что если не смиришь свой разум, благодать Божия оставит тебя и ты падешь в те грехи, которыми был искушаем[47]. Стоять же твердо в добродетелях зависит не от тебя, но от благодати Божией, предохраняющей от всяких падений, тебе самому необходимо только быть осмотрительным, чтобы по твоей вине на укреплялись в тебе лукавые помыслы[48].

(О пребывании с Богом) Мучимые и в плену держимые страстями, мы нередко в недоумении вопрошаем сами себя, отчего претерпеваем это? Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами по причине отступления нашего от созерцания Бога. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке, то, верен Бог, Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякого пленения, как говорит пророк: «Предзрех Господа предо мною

---

[46] См.: Святой Нил Сорский. Поучение 2 (в настоящем издании: т. 1, с. 400).

[47] Начало всякого греха от гордости. Она порождает самомнение, возношение, осуждение и прочее. Посему без смирения, — говорят отцы, — невозможно спастись. «Смирихся, — говорит царь Давид, — и Господь спасе мя» (Пс. 114, 5).

[48] Святой Нил Сорский. Поучение 2 (в настоящем издании: т. 1, с. 392–393).

выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15, 8). Что же сладостнее, как иметь одесную себя Господа, покрывающего, ограждающего и не дающего подвигнуться? Но сподобиться сего от нас зависит.

Кто что любит, тот с тем непрестанно и быть желает и отвращается от всего, что препятствует соводворяться и сообщаться с любимым предметом. Явно, что Бога любящий всегда вожделевает с Ним (Богом) пребывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько есть сил, ибо она присвояет нас Владыке нашему[49].

(О непрестанной молитве Иисусовой и трезвении ума) О молитве же одни святые отцы говорили: надо произносить полную молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», а другие — половину: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя»[50]. По неопытности и немощи ума, последнее, — говорят святые отцы, — удобнее, ибо никто же в себе тайно, чисто и совершенно «может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). В нынешнее время многие, оставив это Божественное речение, хотят приблизиться к Богу одними внешними трудами и подвигами без умного внимания и молитвы. Такие, думаю, не знают (или забывают), что им при постриге, когда дан в руки меч духовный (вервица или четки), заповедано в уме, сердце и в устах непрестанно произносить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Об этом, особенно монахов, учит святой Иоанн Златоуст и многие великие святые, просиявшие от сего умного делания. Они говорят: вкушаешь ли или пьешь, путешествуешь или что-либо другое делаешь — не забывай молитвы: без молитвы нет оружия на брань. «Ты же, — пишет святой Григорий Синаит, — когда приходят помыслы, призывай

---

[49] Феодор Едесский. § 90 и 94. Русское Добротолюбие, том 3.

[50] Святой Григорий Синаит. Как произносить молитву. Русское Добротолюбие, том 5.

Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегут, ибо, не терпя сердечной теплоты, подаваемой молитвою, они, как огнем палимые, отбегают. „Иисусовым именем, — говорит Лествичник, — бичуй супостатов“»[51].

От чего более всего человек приходит в преуспеяние умного делания? От советов отцов, от истинного повиновения и терпения с верою; но если кто скажет: от этого делания некоторые в прелесть впадают, то пусть послушает святого Григория Синаита: «Если же, — говорит он, — некоторые совратились, повредились в уме, то знай, что они пострадали от самочиния и гордости»[52]. Мало успевают и много вредят себе оттого, что хотят заниматься внутренним деланием без наставления, уповая на себя и свой разум и на внешние подвиги, вознерадев о хранении ума от помыслов и об очищении сердца от злобы и страстей. У положившего правильное опытное начало всё будет с пользою (благочинно), а при неправильном (неискусном) начале всё будет рассеянно, нетвердо, бесполезно. Так учат богоносные отцы.

Святой Феодор Едесский пишет: «Первый наш подвиг — умалить страсти и по сем победить их. Второй подвиг — стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недеятельною. Третий подвиг — трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов, ибо нам заповедано не только делать трудолюбиво, но и хранить бодренно»[53]. «Начало плодоносия — цвет, — говорит святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, — а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие»[54], которое достигается при

---

[51] Святой Григорий Синаит. Как отгонять помыслы. Русское Добротолюбие, том 5.

[52] Святой Григорий Синаит. О прелести, там же.

[53] Святой Феодор Едесский. Деятельные главы. § 97. Русское Добротолюбие, том 3.

[54] Слова о трезвении и молитве. § 165. Русское Добротолюбие, том 3.

мирном духе со всеми, а для сего последнего, как и для первого[55], более всего необходимо смиренномудрие с повиновением.

(О смиренномудрии) «Прежде всего, — говорит авва Дорофей (во втором поучении), — нужно нам смиренномудрие, чтобы быть (всегда) готовым на каждое слово, которое слышим, сказать: прости, ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника»[56].

(Что должно исполнять монаху?) Монаху, как сыну, — должно от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу, — благоговеть пред Ним и повиноваться Ему, со страхом и трепетом исполнять Его заповеди, каждодневно производя над собою суд относительно помыслов и дел, (и затем) недостающее восполнять, а соделанным добрым не возноситься, называя себя рабом неключимым[57], должного не исполнившим как следует; о всем Бога Всесвятого благодарить и Ему приписывать всё (сделанное) исправно в своей жизни; ничего не делать по тщеславию или человекоугодию, но всё делать тайно и от единого Бога ожидать похвалы. Прежде же всего и более всего (необходимо) быть огражденным православною верою во все догматы Вселенской Церкви, переданные ей от апостолов и от святых отцов, ибо жительствующим так великое воздаяние (будет) — жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая у Отца и Сына и Святого Духа, Единосущного и Триипостасного Бога.

(О хранении заповедей) «Конец слова, всё слушай: Бога бойся и заповеди Его храни» (Еккл. 12, 13), — говорит Екклезиаст. Я, говорит, тебе главный и скорый путь показываю: имей же страх Божий и с ним храни заповеди, и ты будешь совершенным человеком, ни в чем не нуждающимся. Таким человеком, каким

---

[55] То есть как для мирного духа со всеми, так и для сердечного безмолвия.

[56] Трудно ли сказать одно слово «прости»? Но самолюбивые готовы на многие жертвы, чтобы только не унизиться испрошением прощения.

[57] Ничего не стоящим.

тебе быть должно[58]. Мужественная (бдящая над собою) душа во всей своей жизни имеет два горящих светильника: делательное и боговидное — и ими совершает всё потребное для спасения; немужественная же душа (слабая) более изнемогает, предаваясь земным наслаждениям. Зная это, будем бояться Бога и заповеди Его хранить, да будем «совершенни и ни в чем же лишени» из добродетелей (см. Иак. 1, 4), имея смиренное мудрование (помышление) и сокрушенное сердце[59], во всякое время омывая лицо свое слезами и непрестанно вознося ко Господу молитву Арсения Великого: «Боже мой! Не остави мене: ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне, по благости Твоей, положить тому начало». Ибо всё спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога[60].

Пользовавшихся сим поучением просим молиться о потрудившемся в его составлении (почившем игумене Филарете) и слышанное потщиться исполнить, да прославится имя Божие в нас благодатию и человеколюбием в Троице Единого Бога, ныне и присно и во веки веков. Аминь[61].

---

[58] Святой Феодор Едесский. Деятельные главы. § 99 и 100. Русское Добротолюбие, том 3.

[59] См. § 100. Там же.

[60] См. там же.

[61] Отец Филарет закончил свое поучение просьбою молиться о новопостриженном и потрудившемся в составлении, то есть о нем. Мы повторяем его просьбу.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ,

заключающее в себе правила наружного поведения для новоначальных иноков и советы относительно душевного иноческого делания*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближаясь к концу земного странствования, я счел долгом моим составить духовное завещание на духовные блага, которыми ущедрила меня десница Бога моего. Завещанием называю душеспасительное слово: исполнители этого слова вступают во владение духовными благами. Завещание приношу в дар возлюбленным отцам и братьям, современным инокам. Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называю монашество, к которому я призван с детства чудным призванием и неизреченною милостью. Не предоставлено мне было принести жизнь мою в жертву суете и тлению! Взят я, восхищен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ведущий в живот. Путь тесный имеет самое

---

* Печатается по изданию: Игнатий (Брянчанинов), свт. Сочинения. Т. 4. СПб, 1867.

глубокое значение: подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет пред лице Его в незаходимый свет для вечного блаженства. Чтоб доставить возможную удовлетворительность завещанию, потребовалось изложить его в книге. Книга содержит в себе правила для наружного поведения иноков и советы им о душевном подвиге или делании.

Со всею справедливостью могу назвать сочинение это моею таинственною исповедию. Прошу принять исповедь с вниманием и христианским снисхождением! Она достойна того и другого. Предлагаемое мною учение вполне заимствовано из святого учения святых отцов Православной Церкви, и теоретически и опытно ознакомившихся с учением Евангелия, усвоивших себе это учение. Упущения и увлечения мои, недостаточно твердое и неуклонное последование наставлениям отцов, неимение руководителя благодатного, частая, почти постоянная встреча с руководителями, болезновавшими слепотою и самообольщением, вольная и невольная зависимость от них, обстановка отовсюду предметами соблазна, а не назидания, внимание к учению, которому мир, враждебный Богу, придавал блеск и важность высшей мудрости и святости, которое, будучи тьма и скверна, заслуживало лишь презрения и отвержения, были причиною для Меня многих потрясений. Потрясения, которыми я испытан, были потрясениями и горькими, и тяжкими, и жестокими, и упорно, томительно продолжительными. Потрясения по наружному положению, на суд совести моей, ничего не значат в сравнении с потрясениями, которым подвергалась душа. Свирепы волны житейского моря; на нем господствуют мрак и мгла; непрестанно воздвизаются на нем бури лютыми ветрами — духами отверженными; корабли лишены кормчих; благонадежные гавани превратились в водовороты, в гибельные пучины; «всяка гора и остров от» духовных «мест своих двигнушася» (см. Апок. 6, 14);

потопление представляется неизбежным. Оно и было бы неизбежным, если б непостижимый Промысл Бога и столько же непостижимое милосердие не спасали избранных его. «Много пришельствова душа моя» (Пс. 119, 6), не находя пристанища верного ни вне, ни внутри себя. «Углебох в тимении глубины, и несть постояния» — правильного и твердого настроения души, непоколебимого в добродетели, — «приидох в глубины морския, и буря потопи мя. Утрудихся зовый, измолче гортань мой, исчезосте очи мои от еже уповати ми на Бога моего» (Пс. 68, 3 и 4): «яко погна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой: посадил мя есть в темных» (Пс. 142, 3). «Яко вода излияхся, и разсыпашася вся кости моя, изсше яко скудель крепость моя» (Пс. 21, 15 и 16), «одержаша мя болезни смертныя, и потоцы беззакония смятоша мя; болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя» (Пс. 17, 5–6); «уны во мне дух мой, смятеся сердце мое» (Пс. 142, 4). Из этого состояния подаю голос отцам и братьям, голос заботливого предостережения. Так поступает путешественник, претерпевший страшные бедствия в многотрудном и продолжительном путешествии! Свои заметки, драгоценное сокровище, он передает тем, которые намерены предпринять подобное путешествие или уже и вступили в путь, не зная его или ознакомясь с ним лишь поверхностно по описаниям устаревшим. Здесь указаны изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий не понявший и не приметивший необходимости применения. Святой Иоанн Лествичник говорит, что некоторые, проходя по болотистым местам, увязли в грязи и, покрытые ею, поведали о том, как это случилось с ними, другим, которые тут проходили, для спасения их. За спасение ближних Всемогущий избавил из болота и тех, которые, попавши в него,

предостерегли ближних от впадения в него[1]. «Права течения твори твоима ногама, и пути твоя исправляй: не уклонися ни на десно, ни на шуе: отврати же ногу твою от пути зла. Пути бо десныя весть Господь, развращени же суть, иже ошуюю. Той же права сотворит течения твоя, и хождения твоя в мире поспешит» (Притч. 4, 26–29). Аминь.

Епископ Игнатий

ПРАВИЛА НАРУЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ НОВОНАЧАЛЬНЫХ ИНОКОВ

Содержание правил

ВВЕДЕНИЕ: О необходимости порядка и о необходимости правил, служащих для него основанием.

ПРАВИЛА: Значение монастыря. О послушании и послушаниях. О врачевании погрешностей. О церковных молитвах и о поведении в церкви. Об обязанностях чтецов. О сходе. О поклонах в церкви. О снимании камилавок. О сохранении строжайшего благоговения в церкви. О поведении в трапезе и об употреблении пищи. Об употреблении вина. О поведении в келии. Об одежде. Об отношениях к монастырскому братству. Об отлучках из монастыря. О чествовании чудотворных икон и святых мощей, находящихся в монастыре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: о связи телесного делания с душевным и о хранении себя от свободного обращения или дерзости, то есть от поведения, не основанного на правилах, преподанных инокам святыми отцами по внушению Божественной благодати. (Страницы означены в оглавлении.)

---

[1] Лествица. Слово 26, глава 14. (Здесь и далее примечания святителя Игнатия.)

ВВЕДЕНИЕ

Церковный Устав говорит, что по завещанию святых отцов во всем должно наблюдать меру и правило. Упомянув вообще о святых отцах, Устав приводит знаменательное изречение преподобного Ефрема Сирского: «Там настоит великое бедствие, где жительством не руководствуют законные правила»[2]. На сем основании мы предлагаем возлюбленным братьям, новоначальным инокам, нижеследующие правила для их наружного поведения.

ПРАВИЛА

1. Святые отцы называют монастырь врачебницею (больницею)[3]. Точно: монастырь есть нравственная врачебница. Мы приходим из мира в монастырь, чтоб оставить греховные навыки, полученные в мирской жизни, и вне влияния на нас соблазнов, которыми преисполнен мир, стяжать навыки или поведение истинно христианские. За жительство истинно христианское на земле надеемся получить вечное блаженство на небе. Итак: должно употребить всё старание к тому, чтоб цель, с которою вступаем в монастырь, была нами достигнута, чтоб наша жизнь в монастыре послужила нам во спасение, не послужила поводом к большему осуждению нас на Суде Христовом[4].

2. Поступающие в больницу для пользования обязываются руководствоваться во всем наставлением врача, не позволяя себе употреблять пищу, одежду, движение, лекарства по собственному усмотрению; иначе вместо пользы они принесут себе вред: так и всякий, вступивший в монастырь, обязывается

---

[2] Церковный Устав, глава 35.

[3] Лествица. Слово 1, главы 18, 19, по переводу на русский язык 1851 года.

[4] Там же, глава 9.

упражняться не в тех подвигах и трудах, которые кажутся самому ему нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем лично или при посредстве других монастырских властей[5].

3. Вообще все монастырские упражнения и должности называются послушаниями. Послушания должно проходить со всею тщательностию, со строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения. Монастырские занятия потому и называются послушаниями, что они соединены с отречением от своей воли и от своих разумений. По этой причине при исполнении послушаний совесть подвергается непрестанным опытам. Последствием упражнения в послушаниях бывают истинное смирение и духовный разум. Произвольные труды, совершаемые по самомнению или прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренномудрия. Преподобный Кассиан говорит: «Главнейшая забота старца, которому поручены новоначальные, состоит в том, чтоб новоначальный, во-первых, научился побеждать свои воли, посредством чего он, вводимый постепенно, мог бы взойти на верх высочайшего совершенства. Приобучая его к сему со всею тщательностью и прилежанием, старец намеренно старается всегда приказывать ему то, что противно его воле. Египетские великие отцы утверждают, будучи изучены многими опытами, что монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самих похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания.

---

[5] Лествица. Слово 4, главы 3, 5.

Они решительно свидетельствуют, что тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не возможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любодеяния, не возможет стяжать ни истинного сердечного смирения, ни всегдашнего единения с братьями, ни даже пребыть долго в общежитии. Они стараются преподать новоначальным эти правила, как азбуку, руководящую к совершенству, и по ним рассматривают, каково смирение новоначальных, истинное ли оно, или притворное и мечтательное»[6].

4. Погрешности, в которые впадаем по немощи, свойственной всем человекам, должно исповедовать отцу духовному, а иногда, по свойству погрешности, и настоятелю, и, не впадая в уныние и расслабление, с обновленною ревностию продолжать послушание. Если мы не вдруг понимаем земные науки и художества, но при изучении их подвергаемся в течение продолжительного времени разным недоумениям и погрешностям, тем свойственнее подвергаться погрешностям при изучении науки из наук и художества из художеств — монашеского жительства[7].

5. Молитва есть мать добродетелей[8]. По этой причине в монастыре наибольшая часть времени посвящается молитве. Для новоначального не полезно совершение молитв наедине, посему Церковный Устав, воспрещая самовольное моление, завещавает, чтоб все живущие в монастыре приносили молитвы Богу вместе, в Церкви Божией, за исключением больных, удерживаемых в келии болезнью, и старцев, созревших для уединенной келейной молитвы[9].

6. Молитва есть мать добродетелей, и потому все братья приглашаются к тщательному и неупустительному исполнению

---

[6] Книга 4, главы 8, 9.

[7] Преподобный Кассиан Римлянин. Слово о рассуждении. Добротолюбие, часть 4.

[8] Лествица. Слово 28, заглавие.

[9] Церковный Устав, глава 37. Лествица. Слово 19, глава 5.

установленных молитв, а для сего к тщательному и неупустительному хождению в Церковь Божию.

7. Идя из келии в церковь предстать лицу Божию, должно в походке сохранять благоговение, отнюдь не бегать, по сторонам не смотреть, но иметь глаза опущенными к земле, руками не махать, но иметь их опущенными вниз.

8. Каждый брат, придя к Церкви Божией, должен пред дверьми ее оградиться крестным знамением и положить поясной поклон, воздавая этим честь жилищу Божию, которое — Церковь.

9. По входе в церковь каждый брат обязан встать посреди ее пред царскими вратами и положить три поясных поклона, а в Великий пост — три земных; потом, поклонившись на обе стороны предстоящему народу, становиться на свое место.

10. Если брат крылосный и принадлежит к правому крылосу, то он, подошедши к своему крылосу, должен благоговейно положить поясной поклон пред иконою Спасителя, поклониться братьям, стоящим на крылосах, обращаясь сперва к левому крылосу, потом к правому, и встать с скромностью на свое место. Если же брат принадлежит к левому крылосу, то, подошедши к нему, должен положить поясной поклон пред иконою Божией Матери и, поклонившись крылосам, сперва правому, потом левому, встать на свое место.

11. Церковь — земное небо. Стоящие в ней должны стоять с благоговением, чинно, подобно святым ангелам, иметь глаза опущенными к земле, на стены не облокачиваться, держать руки опущенными, не складывая их вместе, не отставлять ног, но стоять на обеих ногах равно.

12. Церковь — судилище Божие. Из нее можно выйти или оправданным, или осужденным, по свидетельству святого Евангелия (см. Лк. 18, 14). И потому должно отправлять чтение и пение со всевозможным вниманием и благоговением, никак не позволять себе празднословия, тем более смеха и шуток. Иначе выйдем

из церкви осужденными, прогневав Царя Небесного неблаговейным предстоянием Ему[10].

13. На народ, присутствующий при богослужении, не должно оглядываться. Должно всячески хранить зрение, как то отверстие в душу, через которое могут войти в нее заразительнейшие страсти[11].

14. На крылосах каждый должен занимать назначенное ему место. За отсутствием кого-нибудь следующий за ним становится на незанятое место, а отнюдь не младший по самоволию, самомнению или дерзости. Из этого исключаются те случаи, когда начальствующие на крылосах найдут нужным расстановить певцов соответственно их голосам.

15. В святой алтарь, как Святая Святых, отнюдь не входить никому из неосвященных, за исключением пономарей и свечников по 19-му правилу Лаодикийского Собора и по обычаю, принятому в благоустроеннейших православных монастырях. Самое поминовение родственников одинаково слышит Бог как из алтаря, так и из церкви, с того места, где ты стоишь. Богу приятнее будет молитва твоя из церкви, когда, по причине благоговения к Нему, ты устраняешься входа в алтарь, нежели из алтаря, когда ты взошел в него без должного благоговения, нарушив преподанное тебе правило.

16. Брат, которого необходимость заставит войти в алтарь или пройти чрез него, обязывается сделать это с величайшим благоговением и страхом Божиим. Войдя в алтарь, положи, обратясь к Святой трапезе, три земных поклона, а в воскресение, субботу, в праздничные и полиелейные дни — три поясных, потом, обратясь к иконе, стоящей на горнем месте, — один поясной поклон; после этого поклонись настоятелю и прими его благословение;

---

[10] Лествица. Слово 28, глава 3.

[11] Преподобный Пимен Великий. Алфавитный Патерик.

если настоятеля нет в алтаре, прими благословение от служащего иеромонаха.

17. Кругом Святой трапезы не должно ходить неосвященным. Если же по крайней нужде случится пройти, то должно исполнить это с великим страхом Божиим и осторожностью, идя тихо и обходя около престола Божия как можно в дальнейшем расстоянии от него.

18. В алтаре нисколько не стоять без надобности, но по исполнении ее немедленно выходить. Впрочем, кто вошел в алтарь и по крайней надобности или будучи послан начальствующими должен укорять себя, говоря: «Увы мне, грешному и скверному, во осуждение себе дерзнувшему войти во Святая Святых». Самые священнослужители, призванные к служению и предстоянию Богу в алтаре, тем и соделывают себя достойными сего служения, что сознают свое недостоинство, стараются пред служением омывать себя обильными слезами покаяния и смирения, а самое служение совершают с величайшим благоговением, вниманием и страхом Божиим.

19. Читающий псалмы и суточное последование, то есть вечерню, утреню и часы, должен заблаговременно приготовиться и приискать тропари и кондаки дня, чтоб во время чтения в церкви не ошибаться, не производить остановки в молитвословии приискиванием тропарей и кондаков. Чтец должен стоять прямо, иметь руки опущенными, читать и не спешно, и не протяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без излияния своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей[12]. Желание преподать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости.

---

[12] Тщательнейшая исправность от чтеца требовалась в древних монастырях. Преподобный Кассиан, книга 2, глава 11. За ошибку при чтении чтец подвергался эпитимии. Преподобный Кассиан, книга 4, глава 16.

20. Суточная чреда чтения начинается с вечерни. Вступающий в чреду должен встать близ оканчивающего ее девятым часом. Когда тот окончит, — они оба вместе полагают поясной поклон к алтарю, потом покланяются друг другу. Вступающий в чреду становится пред налой, а окончивший идет и становится на свое место.

21. Чтец Апостола, идя с крылоса и на крылос, должен держать книгу в левой руке, несколько прислонив верх ее к груди. Выходя для чтения, чтец Апостола становится сперва пред иконою Спасителя или Божией Матери, судя по тому, к которому крылосу он принадлежит, полагает поясной поклон пред иконою, потом покланяется, обратясь к своему крылосу, а за сим выходит на средину, пред царские врата. Здесь полагает поясной поклон к алтарю; на слова служащего иеромонаха «Мир всем» воздает поклон служащему и начинает сказывать прокимен. По произнесении заглавия Апостолу, когда служащие иеромонах или иеродиакон скажут: «Вонмем», чтец опять воздает поклон служащему иеромонаху и начинает чтение Апостола. По окончании чтения, на слова служащего «Мир ти», чтец воздает ему поклон пред царскими вратами, идет с среды церкви, становится близ своего крылоса пред иконою, полагает пред нею поклон, потом, обратясь к противоположному крылосу, воздает ему поклон, затем таковой же поклон своему крылосу и становится на свое место.

22. Читая Апостол, отнюдь не должно чрезмерно и непристойно кричать, увлекаясь тщеславием; напротив, должно читать природным голосом, без отяготительного для слуха и совести напряжения, благоговейно, внятно, величественно, чтоб наша жертва хвалы была благоприятна Богу, чтоб не оказалось, что мы приносим Богу один «плод устен» (Евр. 13, 15), а плод ума и сердца приносим тщеславию, причем и «плод устен» отвергается Богом, как осквернённая жертва. Это должно помнить и певцам, потому

что для всех вообще крылосных крайне опасна страсть тщеславия, за которою входят в душу и другие пороки, особливо гордость, и отступает от человека хранящая его благодать Божия.

23. Идя на сход и со схода, должно начинать и оканчивать пение всем вместе; притом руками не махать, глаза иметь опущенными к земле, отнюдь не оглядываться по сторонам; должно идти в порядке, плавно, одному брату за другим, не толкая и не торопя друг друга. Встав на сходе, должно выровняться, чтоб один не стоял впереди другого. При возвращении со схода на крылоса должно наблюдать тот же порядок, какой выше указан при выходе на сход. Стоя на сходе, должно иметь руки опущенными, отнюдь не складывая их вместе, поклоны класть отнюдь не произвольно, а когда следует, — класть не порознь, а всем вместе, чтоб братья, находящиеся на сходе, представляли из себя единое тело, по выражению Церковного Устава[13]. Для такового единообразного и благоговейного поклонения все братья должны применяться к головщику, который обязан наблюдать за своевременным исполнением поклонов и за тем, чтоб его собственные поклоны не были ни поспешны, ни преждевременны и братья имели всю возможность соображаться с ним.

24. Поклоны[14] при богослужении полагаются следующие и в следующем порядке: когда служащий иеромонах выходит пред царские врата, чтоб благословить чтение девятого часа или полунощницы, или в алтаре намеревается благословить чтение часов, то он пред возгласом «Благословен Бог наш» полагает три поясных поклона; то же должны сделать и братья, равно как и пред началом Божественной литургии. При начале всенощного бдения полагаются три поясных поклона, когда головщик возглашает: «Приидите поклонимся». Вообще при всех службах на всяком

---

[13] Церковный Устав, глава 27.

[14] Заимствовано из Церковного Устава, Следованной Псалтири и из обычаев благоустроеннейших монастырей российских.

«Трисвятом» и на всяком «Приидите поклонимся» полагаются три поясных поклона, исключая «Приидите» и «Трисвятое» в самом начале утрени, на которых принято только знаменаться трижды крестным знамением, так, как и в начале шестопсалмия при троекратном произнесении стиха «Слава в вышних Богу», в средине шестопсалмия при троекратном произнесении: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже». Обыкновенно знаменуются однажды крестным знамением пред начатием Символа веры на Божественной литургии. При пении стихир и стиховен тогда только полагается по одному поясному поклону, когда слова стихиры побуждают к поклонению. Впрочем, ни на сходе, ни на крылосах не кланяться в беспорядке и самовольно, но всегда последуя головщику. Когда при чтении кафизм поется, а при окончании их, равно как и при окончании шестопсалмия, произносится троекратно: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже», полагается по три поясных поклона, кроме воскресных и праздничных дней, суббот и полиелеев, в которые эти поклоны оставляются. Когда придут братья на сход и пред тем как уходить со схода, полагают вместе, чинно один поясной поклон, и потом все в одно время покланяются стоящему на сходе братству. При первом прошении каждой ектении и при возгласе, которым служащий иеромонах заключает ектению, полагается по одному поясному поклону. Пред чтением и после чтения Святого Евангелия, при пении «Славы» — по одному поясному поклону. На девятой песни при пении «Честнейшую Херувим», при каждом повторении этих слов — по одному поясному поклону. На Божественной литургии после «Приидите поклонимся и припадем ко Христу» полагается один поясной поклон. По окончании всей Херувимской песни, то есть после «Аллилуиа» — три поясных поклона. Преносимым дарам, как еще неосвященным, воздается честь одним поясным поклоном и после него наклонением главы. По окончании «Тебе поем» полагаются глубокие три поясных поклона, а некрылосными — один земной: во время пения

этой святой песни освящаются предложенные Святые Дары. По «Достойно есть» — один поясной поклон. Пред молитвою Господнею некрылосные полагают один земной поклон, а крылосные знаменуются только крестным знамением, потому что им немедленно нужно петь. После молитвы Господней, когда служащий иеромонах скажет: «Яко Твое есть Царство» и прочие слова возгласа, полагается один поясной поклон. При возгласе «Святая святым» полагаются три поясных поклона. Когда выносят Святые Тайны с возглашением: «Со страхом Божиим и верою приступите», полагается крылосным один глубокий поясной благоговейный поклон как бы Самому Христу, невидимо присутствующему в Святых Тайнах, а некрылосными полагается один земной поклон. Точно так же должно поступать, когда выносится святой потир во второй раз с возглашением: «Всегда, ныне и присно, и во веки веков». По окончании Божественной литургии полагается три поясных поклона, и младшие обоих крылосов обращаются к старшим, все приветствуют друг друга поклонением. В воскресные и праздничные дни, в субботы и полиелеи земные поклоны в церкви отменяются.

25. Камилавки снимаются с головы и становятся на плечо, так, чтоб крест, образуемый оконечностью клобука, не сходил с плеч в следующие времена богослужения, на литургии: при входе с Евангелием, при чтении Евангелия, при великом входе, при словах Христовых: «Приимите, ядите» до «Достойно» включительно; при пении молитвы «Отче наш» и при явлении Святых Таин. На вечерне: при входе. На утрени: при чтении Евангелия и при пении «Честнейшей». При чтении Апостола на литургии и паремий на великой вечерне чтец снимает камилавку. Братья снимают камилавки при пении «Отче наш» пред трапезою и «Достойно» после трапезы[15]. Братья должны как снимать, так и надевать камилавки все в одно время, не предупреждая друг друга.

---

[15] Церковный Устав, глава 29.

26. Вообще в Церкви Божией должно сохранять всевозможное благоговение и порядок как для славы Божией, так для собственной душевной пользы и для душевной пользы предстоящего народа, который благоговением иноков назидается, а неблаговением их смущается, соблазняется, повреждается. Не должно выходить из церкви безвременно; не должно позволять себе какого бы то ни было, самомалейшего нарушения правил благочиния и благоговения. От небрежения к малому и ничтожному легко и скоро переходим к небрежению о важнейшем и о всем. Чтоб сохранить внимание к важным обязанностям своим, должно постоянно наблюдать за собою и быть внимательным ко всем самым мелочным своим действиям[16].

27. При встретившейся нужде излишнюю мокроту должно с осторожностию собирать в платок, а не повергать на пол при непристойном шуме. Не должно кашлять и сморкаться громко, эти и другие подобные естественные необходимости должно исполнять с тихостию и благопристойностью. В церкви табаку не нюхать. Если употреблять пищу, что составляет для человека естественную потребность, не позволяется в церкви: тем непозволительнее нюхать табак, что совсем не естественная необходимость, но худой навык и прихоть. Да и вообще вступающему в чин монашеский должно отучиться от употребления табаку. Мирские братья наши весьма соблазняются на употребление табаку монашествующими, непременный долг любви требует, чтоб мы не подавали повода к соблазну мирским братьям, которые, соблазнившись чем-нибудь ничтожным, не будут доверять нам и в важном. Тот, кто не может преодолеть привычки, да сознает свою немощь, да восполняет самоукорением недостаток самоотвержения[17], а привычку да не обнаруживает пред братьями, потому что вред, причиненный одному, не столько тяжек, сколько вред,

---

[16] Преподобный авва Дорофей. Поучение 3, о совести.

[17] Преподобный Нил Сорский. Слово 5, статья о мере пищи.

причиняемый многим. Таково мнение отцов о побеждении нашем немощами нашими.

28. Строжайшее благоговение и порядок установлено сохранять в церкви, они да сохраняются и в трапезе. Пребывание в трапезе для подкрепления пищею должно быть как бы продолжением богослужения. Братья, питая тело с благоразумным довольством предлагаемыми яствами, должны в то же время питать душу словом Божиим, которое читается во время трапезы. Для этого соблюдается в трапезе глубокое молчание. Если понадобится что сказать, то говорится весьма тихо и кратко, чтоб не воспрепятствовать слышанию чтения[18].

29. Все братья должны употреблять пищу в общей трапезе, а не по келиям, кроме больных, которым дозволяется употребление пищи в келии, но не иначе, как с ведома и дозволения настоятеля. Старайся быть участником общей трапезы, не избегая ее по какой-нибудь маловажной причине, имеющей личину правды: в свое время увидишь особенную душевную пользу от постоянного участия в общей трапезе.

30. Употребление пищи как в трапезе, так и в келиях должно быть по отношению к количеству самое благоразумное. Новоначальные должны употреблять пищу почти до сытости, но не до пресыщения. Пост, столько полезный монаху впоследствии[19], для новоначального должен быть умеренный. Если новоначальный не будет употреблять пищи вне трапезы, то таковой пост будет вполне удовлетворительным для него. Употребление пищи в трапезе почти до сытости нужно для новоначального по той причине, что он обязан исполнять послушания, иногда трудные, и для того не ослаблять телесных сил излишне. Для должного ослабления их достаточно качества и количества трапезной монастырской пищи.

---

[18] Церковный Устав, глава 35.

[19] Преподобный Григорий Синаит, главы зело полезные, глава 18. Добротолюбие, часть 1.

Страсти умаляются в новоначальных не от усиленного поста, но от исповедания греховных помыслов, от трудов и от удаления от свободного обращения с ближними.

31. Хотя употребление вина и разрешается Церковным Уставом на трапезе, но оно разрешается только для тех трудящихся старцев, для которых оно нужно и полезно. Для юных вино вредно, почему, несмотря на то что оно в некоторых монастырях предлагается в трапезе, весьма полезно для юных совершенно воздерживаться от вина. «Похвала монаху — воздержание от вина, — сказал святой великий Симеон, чудотворец, — если же по причине телесной немощи монах и будет принужден употреблять его, то да употребляет мало»[20]. Преподобный Пимен Великий сказал: «Монахам отнюдь не должно пить вина»[21]. «Вина ниже да обоняет юность», — сказал преподобный Марк Подвижник[22].

32. В келиях должно заниматься душеполезным чтением и таким рукоделием, которое не возбуждало бы пристрастия к себе. Иначе всё твое внимание отвлечется к рукоделию, к которому имеешь пристрастие: Бог и твое спасение соделаются чуждыми для тебя. Книг светских, тем более вредных для нравственности, отнюдь не читать, даже не иметь в келии.

33. Новоначальным не должно заводить в келии мшелоимства[23], то есть различных предметов прихоти и роскоши. Келейное мшелоимство привлекает к себе ум и сердце новоначального, таким образом отвлекает их от Бога. Кроме того, оно возбуждает мечтательность, противодействующую преуспеянию духовному. Лучшим украшением иноческой келии служит избранная библиотека, которая должна состоять из Священного Писания и писаний отеческих о монашеской жизни. «Необходимо иметь

---

[20] Церковный Устав, глава 35.

[21] Там же. Алфавитный Патерик.

[22] Послание к иноку Николаю.

[23] Монастырское выражение.

христианские книги, — сказал святой Епифаний Кипрский, — одно воззрение на эти книги отвращает от греха и поощряет к добродетели»[24]. Священные книги должно содержать честно, воздавая честь живущему в них Святому Духу. У старцев, известных по своему особенному благочестию и духовному преуспеянию, Новый Завет помещается при святых иконах[25].

34. Новоначальным воспрещается принимать в келии женщин, даже ближайших родственниц; о принятии родственников и знакомых мужеского пола новоначальные обязываются испрашивать дозволение у настоятеля.

35. Новоначальные не только должны охраняться от принятия в келии мирских людей, но и от безвременного хождения в келии друг к другу. Безвременное посещение друг друга новоначальными служит для них поводом к празднословию, смехословию, к дерзости, чем истребляется в сердце новоначального страх Божий и благое произволение к подвижнической жизни, возбуждается сильнейшее действие страстей, особливо уныния, гнева и блудной страсти. По этой причине великий старец Симеон Благоговейный заповедал ученику своему святому Симеону Новому Богослову при вступлении его в монастырь отказаться от всякого знакомства вне и внутри монастыря. Ученик, тщательно исполняя завещание старца, вскоре достиг высокого духовного преуспеяния[26].

36. Новоначальный! Посещай часто келию твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. Блажен ты, если нашел старца сведущего, опытного и благонамеренного:

---

[24] Алфавитный Патерик.

[25] Писавший эти правила, посещая при новоначалии своем опытнейших старцев, заметил у них этот похвальный обычай.

[26] Житие преподобного Симеона Нового Богослова, рукопись; имеется житие сего угодника Божия и печатное издание Оптиной пустыни.

удовлетворительный наставник в наши времена — величайшая редкость. Почитай святилищем ту келию, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие[27]. Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедайся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных святыми отцами о подвижничестве. Келия твоя соделается для тебя пристанищем и убежищем от мысленных и сердечных бурь.

37. В келии отнюдь не должно иметь никаких снедей, никаких лакомств, особенно же никаких напитков. Не для увеселения себя исполнением плотских пожеланий, не для земных радостей и утех мы вступаем в монастырь! Мы вступаем в него с тем, чтоб посредством истинного покаяния, непрерываемого развлечением и увеселениями, примириться с Богом и получить от Него неоцененный дар спасения.

38. Одежду должно иметь по возможности простую, но приличную и опрятную, требуемую обычаем и положением монастыря и отношениями его к посещающим мирским братьям, которых может одинаково соблазнить и пышная и неопрятная одежда. Цветных подрясников и подкладок под рясами не иметь: такая одежда нейдет для плачущих о умершей душе своей; им идет одежда черная, в которую облекаются человеки в знак своей глубокой печали. Новоначальному необходимо соблюдать это правило, потому что душа его сообразуется состоянием своим состоянию тела и не может удерживать в себе чувство покаяния, когда тело украшено пышною и блестящею одеждою. От роскошной одежды являются в новоначальном тщеславие и ожесточение, плоть его оживает для блудных ощущений и движений[28]. Грешнику неприлично иметь красивую одежду: иначе он будет подобен

---

[27] Преподобный авва Дорофей. Поучение 4, о страхе Божием.

[28] Изречение преподобного Исаии Отшельника. Алфавитный Патерик.

повапленному и позолоченному гробу, снаружи светлому и богатому, внутри со смердящим трупом.

39. К старшим должно оказывать уважение, к иеромонахам подходить под благословение с благоговением и верою. Уважение это должно иметь по долгу и из любви, а не по человекоугодию или другому какому-нибудь побуждению века сего, чуждому монашеского настроения, чуждому духа Церкви.

40. Братья при взаимной встрече должны приветливо покланяться друг другу, почитая в ближнем образ Божий, почитая Самого Христа (см. Мф. 25, 40).

41. Юные должны стремиться к тому, чтоб всех любить одинаково, охраняясь, как от сети диавольской, от исключительной любви к какому бы то ни было сверстнику или светскому знакомому. Такая любовь в юных — не что иное, как не понимаемое ими пристрастие, решительно отторгающее их от обязанностей их к Богу[29].

42. При взаимном свидании должно крайне хранить осязание, хранить до такой степени, что отнюдь не брать брата за руку; равным образом должно удаляться и от прочих приветствий, не идущих для святой иноческой обители. Со строгостью наблюдалось это хранение в древних монастырях. Нарушители его подвергались в египетских обителях, лучших в христианском мире, публичному монастырскому наказанию. Поведает это преподобный Кассиан Римлянин[30].

43. Как величайшей опасности должно избегать знакомства с тем братом, который живет нерадиво, не из осуждения его, нет! Другая тому причина: ничто так не прилипчиво, так не заразительно, как слабость брата. Апостол завещал:

---

[29] Святой Исаак Сирский. Слово 8. Преподобный Симеон Новый Богослов, глава 125. Добротолюбие, часть 1.

[30] Книга 4, главы 10, 11.

«Повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас» (2 Сол. 3, 6). «Аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или пьяница, или хищник, с таковым ниже ясти» (1 Кор. 5, 11). Почему? Потому что, — говорит тот же апостол: «Тлят обычаи благи беседы злы» (1 Кор. 15, 33). Познакомился ли ты коротко с пьяницею? Знай: в его обществе и ты приучишься к пьянству. Часто ли беседуешь с блудником? Знай: он перельет в тебя свои сладострастные чувствования. Друзьями и короткими знакомыми твоими должны быть те, которых всё намерение состоит в благоугождении Богу. Так поступал святой пророк Давид. Он говорит о себе: «Прехождах в незлобии сердца моего посреде дому моего»; но, несмотря на такое незлобие, «творящыя преступление возненавидех» богоугодною ненавистию, состоящею в удалении от них: «оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях: гордым оком и несытым сердцем, с сим не ядях. Очи мои на верныя земли, посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше. Не живяше посреде дому моего творяй гордыню; глаголяй неправедная не исправляше пред очима моима» (Пс. 100, 2–7). «Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже» (Пс. 138, 17). Преподобный Пимен Великий говорил: «Заключение (конец, венец) всего наставления новоначальному иноку: удаляйся худого общества (знакомства, дружества) и держись хорошего общества»[31].

44. Не должно ходить по монастырю с открытою головою: в этом — нарушение скромности и благоговения. Также не должно позволять себе крика, нестройных, излишне вольных телодвижений, что расстраивает внутреннее благочиние новоначального,

---

[31] Алфавитный Патерик.

расстраивает порядок монастыря, нарушает спокойствие братства, приводит в соблазн мирских посетителей монастыря.

45. Вне монастырской дачи никуда не ходить, не испросив предварительно дозволения у начальствующих.

46. При прогулках никому не ходить одному, но ходить и всегда непременно вдвоем или втроем. Это постановление существовало как в древних, так и новейших благоустроенных святых обителях. Им предупреждаются многие соблазны, даже падения. «Горе единому!» (Еккл. 4, 10) — когда какой-нибудь соблазн начнет увлекать его, некому остановить его! Напротив того, брата, вспомоществуемого братом, Божественное Писание уподобляет твердому и высокому граду (см. Притч. 18, 19).

47. Не любите ездить в город, не любите посещать мирских селений! Как не повредиться душе юного инока или новоначального, желающего принять на себя обеты иночества, от частого зрения на соблазны и от смешения с соблазнами, к которым сердце его еще живо, которыми оно услаждается и увлекается? Если б оно не услаждалось прелестями мира, то не привлекалось бы к ним. Инок, чувствующий влечение к частым выходам из монастыря в мир, ранен стрелою диавола. Инок, последующий болезненному влечению сердца часто оставлять монастырь и скитаться среди соблазнов мира, приял в себя произвольно смертоносную, ядовитую стрелу, пущенную в него диаволом, — допустил яду ее разлиться по душе своей, отравить ее. Новоначального, предавшегося скитанию, надо признавать не способным к иноческой жизни и благовременно извергать из монастыря. Инока, предавшегося скитанию, надо считать изменившим Богу, совести, обетам иночества. Для такого инока нет ничего святого; все подлейшие поступки, всякое беззаконие и злодеяние он считает позволительным себе, будучи увлечен и омрачен страстию миролюбия, вмещающею в себе служение всем страстям. Нужна особенная предусмотрительность по отношению к такому иноку, потому что

он не остановится сделать всевозможное зло обители при помощи своих непотребных связей среди мира, чтоб оправдать свое поведение и отразить всякое покушение на обуздание его бесчинства.

48. Всё зависит от навыка. Если послабим себе, то получим худой навык, который будет властвовать над нами, как жестокий господин над рабами. Если понудим себя, то получим добрый навык, который будет действовать в нас, как благотворное природное свойство. Избери полезное для себя, приучись к нему: навык сделает полезное приятным. Понудим же себя стяжать благой навык к терпеливому пребыванию в монастыре, выходя из него только по крайней нужде, пребывая вне него как можно меньше, возвращаясь в него как можно скорее. Глава монашества, преподобный Антоний Великий сказал: «Как рыбы, замедляя на суше, умирают, так и монахи, пребывая с мирскими людьми, вне келии, теряют расположение к безмолвию. Как рыба стремится в море, так и мы должны стремиться в свои келии, чтоб, замедляя вне, не забыть о внутреннем хранении»[32]. От навыка пребывать в монастыре мы удобно перейдем к другому, еще лучшему навыку, к навыку пребывать в келии. Тогда милосердный Господь приведет нас и к святому навыку пребывать внутри себя.

49. Наблюдающий благоразумное молчание, хранящий зрение и осязание, удаляющийся от особенной любви к кому бы то ни было из братии и из мирских, удаляющийся от привязанности к земным вещам, удаляющийся от свободного обращения и от всего, чем нарушаются скромность и благоговение, скоро ощутит в себе ту мертвость, из которой воссиявает жизнь (см. 2 Кор. 4, 10). Напротив того, предающийся рассеянности, не бдящий над собою, позволяющий себе пристрастия и свободное обращение, никогда не достигнет ничего духовного, хотя бы провел в монастыре целое столетие.

---

[32] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, статья 10.

50. Каждый из братии обязывается ежедневно приложиться к чудотворной иконе или к святым мощам, находящимся в монастыре. Прикладываться должно при трех благоговейных поклонах и при сердечной молитве о том, чтоб святые помогли совершить поприще иночества во славу Божию, во спасение души. Из трех поклонов два полагаются пред целованием иконы или мощей и один после целования. Так поступают благоговейные иноки во всех монастырях, где имеются святые чудотворные иконы или святые мощи. Иноки прикладываются к иконам и мощам обыкновенно после утрени или после вечерни, или же после вечернего правила.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранение вышеизложенных правил может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению над собою[33]. Приведший свое наружное поведение в порядок подобен хорошо обделанному сосуду без скважин: в такой сосуд можно влагать драгоценное миро, влагать с уверенностью, что миро сохранится в целости. И монах, благоустроивший свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенными телесными обычаями; оно, напротив того, никак не может удержаться в иноке, расстроенном по наружному поведению. Святой Исаак Сирский в начале 56-го слова говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души.

---

[33] Очевидно, что правила эти в существенных началах своих должны быть непременно соблюдаемы, как заключающие в себе постановления апостолов и святых отцов, как принадлежащие к нравственному Преданию Церкви. Столько же очевидно, что в мелочных частностях, относящихся к наружному благочинию, должно применяться к требованию и положению монастыря.

Не стяжавший телесного делания не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от нагого пшеничного зерна. Не имеющий душевного делания чужд духовных дарований». Этот же преподобный в 46-м слове говорит: «Я видел многих великих и дивных отцов, которые более, нежели о прочих деланиях, заботились о благочинии чувств и навыках тела: от этого благочиния рождается благочиние помыслов. Многое случается с человеком вне его хотения и принуждает его нарушить пределы, себе положенные: почему если б он не находился в непрестанном хранении чувств, то при таковых случаях долгое время не мог бы приходить в себя и находить прежнее свое мирное устроение». В 89-м слове: «В присутствии друзей твоих веди себя благоговейно: поступая так, принесешь пользу себе и им, потому что душа часто свергает с себя узду охранения под предлогом любви. Остерегайся бесед: они не всегда полезны. В собраниях предпочитай молчание: оно предохраняет от многих (душевных) утрат. Храни зрение более, нежели чрево: потому что своя брань, без сомнения, легче внешней. Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть удержаны без предварительного приведения тела в благое и благочинное устроение, убойся (дурных) привычек более, нежели бесов».

Когда Василий Великий прибыл в Антиохию, тогда философ Ливаний, наставник Антиохийского училища и товарищ Василия по училищу Афинскому, просил его произнести поучение юным слушателям своим. Святой Василий исполнил это. Сказав им, чтоб они хранили чистоту души и тела, он преподал им подробно правила для наружного поведения: заповедал иметь походку скромную, не говорить громогласно, соблюдать в беседе благочиние, употреблять пищу и питие благоговейно, хранить молчание при старейших, быть внимательными к мудрым, послушными к начальникам, иметь к равным и меньшим нелицемерную любовь, удаляться от злых, от зараженных страстями

и любящих угождать плоти, мало говорить, тщательно собирать познания, не говорить, не обсудя прежде то, о чем намерены говорить, не многословить, не быть скорыми на смех, украшаться скромностию, и так далее. Мудрый Василий преподал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщится от тела к душе и благоустройство тела весьма скоро приведет в благоустройство душу[34].

Особенное внимание должно обратить на то, чтоб отучиться от свободы в обращении с людьми, свободы, столько одобряемой и столько любимой в светских обществах. В наше время многие, привыкши к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре; другие, уже поступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нем что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения не примечаются при развлечении, при невнимании к себе, при непрестанном многоразличном действии бесчисленных соблазнов; но для монашествующего они гибельны. Святые отцы сильно говорят против свободного обращения, которое они называют дерзостию. Однажды к преподобному Агафону, который отличался между отцами Египетского Скита, ему современными, особенным даром рассуждения, пришел брат и спросил его: «Я намерен жить с братиею, скажи, как мне жить с ними?» Старец отвечал: «Всё время пребывания с ними проведи так, как первый день твоего прихода. В течение всей твоей жизни сохрани странничество (то есть веди себя в обители как странник и пришлец, а не как житель и член общества) и не позволяй себе свободного обращения (продерзания)». Авва Макарий[35], тут случившийся, сделал вопрос: «Какое значение имеет дерзость (свободное обращение)?» Старец

---

[34] Житие святого Василия Великого. Четьи-Минеи, 1 января.

[35] Не Великий, но другой, позднейший инок Скита.

отвечал: «Дерзость подобна великому зною, который когда наступит, то все бежат от лица его, и портятся плоды на деревьях». Авва Макарий сказал на это: «Так ли вредна дерзость?» Авва Агафон отвечал: «Нет страсти более лютой, как дерзость: она родительница всех страстей; подвижник должен воздерживаться от вольности в обращении»[36]. Преподобные Варсонофий Великий и ученик его Иоанн Пророк сказали: «Приобрети твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними — причину всех зол в человеке»[37]. «Если хочешь избавиться от постыдных страстей, не обращайся ни с кем свободно, особенно же с теми, к которым сердце твое склоняется в страсти похотения. Чрез это освободишься и от тщеславия, ибо к тщеславию примешивается человекоугодие, к человекоугодию — свободное обращение, а свободное обращение есть матерь всех страстей»[38]. «Уклонись от дерзости, как от смерти»[39].

Для всех очевидно и понятно, что свободное обращение, весьма легко и часто переходящее в величайшую дерзость и наглость, бывает причиною ссор, гнева, памятозлобия; но не всем известно и понятно, что от свободного обращения возжигается сильнейшая блудная страсть. Да ведают это возлюбленные братья, начинающие невидимое поприще мученичества и предпринявшие сразиться со страстьми плоти и духа, чтоб Божиею благодатию, осеняющею усилие подвижника, победить их и получить за победу венец спасения от руки Христовой. Вообще надо сказать, что монах подлежит совсем другим законам, нежели мирской человек, и нуждается в строжайшем наблюдении за собою, в постоянной осторожности, в постоянной

---

[36] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания.

[37] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна, ответ на вопрос 256.

[38] Там же, ответ на вопрос 258.

[39] Святой Исаак Сирский. Слово 9.

недоверчивости к своему уму, сердцу и телу. Монаха можно уподобить оранжерейному цветку, а мирянина — полевому. Невозможно на поле встретить таких прекрасных и драгоценных цветов, какие встречаются в оранжерее; зато оранжерейные цветы требуют особенного ухода за ними, не могут переносить непогод, при незначительной свежести воздуха повреждаются, между тем как полевые не нуждаются ни в каком уходе и присмотре, растут на свободе и переносят удобно воздушные перемены. Все святые отцы заповедуют монахам строжайшее наблюдение за собою, строжайшее хранение себя. От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение. Одно неосторожное прикосновение, один ничтожный взгляд, как доказано несчетными опытами, внезапно переменяли в монахе всё душевное расположение его, все сердечные залоги, самый образ мыслей. Надо хранить себя и хранить. Вышеупомянутый преподобный Агафон говаривал: «Без величайшего наблюдения над собою невозможно преуспеть ни в одной добродетели»[40]. Новоначальным с самого вступления их в монастырь необходимо обратить всё внимание на ограждение себя благоговейными навыками и обычаями, изучить их и приложить всё усиленное старание к приобретению их, хотя бы это и стоило значительного труда. Благий навык, с трудом приобретенный в юности, обращается в природное свойство и всюду сопутствует стяжавшему его. Оградивший себя благими телесными навыками может накоплять душевное богатство с благонадежностию: оно будет сохраняться в целости, будучи отовсюду ограждено благими телесными навыками. Напротив того, вредный навык может в кратчайшее время отнять всё душевное богатство, накопленное в течение продолжительного времени при усиленнейшем подвиге, с утратою здоровья и сил, так что

---

[40] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, статья о авве Агафоне.

новое накопление богатства делается уже крайне затруднительным. Особенно причиною таких душевных бедствий бывает навык к свободному обращению и сопряженные с ним и рождающие его частые отлучки из монастыря и из келии. Братья! Будем молить Господа, соединяя с молитвою и собственное старание, чтоб Он наставил нас заповеданному Им благоговению — «благоговейны творите сыны Израилевы» (Лев. 15, 31), «положил хранение устом нашим» (Пс. 140, 3) и прочим членам, равно как и чувствам нашим, которые при нехранении соделываются отверстыми дверьми для греха, ими входящего в душу и убивающего ее. Аминь.

СОВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ДУШЕВНОГО ИНОЧЕСКОГО ДЕЛАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ
Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его

Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Если б они прекратились на какое-либо время, то это было бы вместе прекращением человеческой жизни, человеческого существования. Жизнь не прекращается ниже на мгновение, и ум не престает ни на минуту от рождения мыслей, а сердце не престает ни на минуту от рождения чувствований. Непрестанное занятие естественно душе. Дать душе занятие богоугодное есть непременная обязанность каждого вступившего в монастырь. Такое занятие святыми отцами названо «душевным деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением, вниманием»[41].

[41] Никифора Монашествующего слово. Добротолюбие, часть 2.

Как после сотворения тела немедленно была вдунута в него душа, так по принятии новоначальным правил для наружного поведения необходимо ему немедленное усвоение себе богоугодного душевного делания. Как душою оживляется тело, так богоугодным душевным деланием оживляется благоговейное наружное поведение. Без души тело мертво; оставленное ею, оно начинает повреждаться и издавать из себя смрад; так и наружное благоговейное поведение, без благочестивого направления и упражнения души сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением, лицемерством, человекоугодием и другими пагубнейшими, трудно замечаемыми и постигаемыми душевными страстями. Душевные страсти очень быстро растут и крепнут под покровом наружного благоговения, когда оно не одушевлено истинным благочестием. Человек, любуясь наружным благоговением своим, неприметно переходит от благоговения к притворству. Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков[42], сводит инока с крестного

---

[42] «Тех, которые притворяются добродетельными и кожею овчею по наружному виду являют одно, а в сущности по внутреннему человеку суть другое, которые исполнены всякой неправды, исполнены зависти, ревности и злосмрадных страстей, почитают святыми и бесстрастными весьма многие, имеющие неочищенное душевное око и не могущие познать их от плодов их; пребывающих же во благоговении, добродетели и простоте сердца, истинно святых, пренебрегают как бы обыкновенных людей, оставляют их без внимания и презирают, вменяют за ничто. Таковые говорливого и тщеславного признают учительным и духовным, а молчаливого и хранящегося от празднословия провозглашают невеждою и безгласным. Высокомудрые и недугующие диавольскою гордостию отвращаются от говорящих Святым Духом, как от высокомудрого и гордого, более ужасаясь слов его, нежели умиляясь от них; напротив того, они очень похваляют и приемлют тонкословствующего из учености своей или чрева (под словом „чрево“ надо понимать плотское состояние) и лгущего против спасения своего». Преподобный Симеон Новый Богослов, главы 70, 71, 72. Добротолюбие, часть 1.

пути, устраивает для него самое выгодное земное, плотское положение. Когда притворство облагодетельствует таким образом своего делателя, тогда делатель, видя, с одной стороны, свое приобретение, с другой — те оскорбления и гонения от мира, которым подвергаются истинные подвижники благочестия, старается более и более преуспеть в притворстве и человекоугодии. Полное преуспеяние в притворстве образует фарисея, держащегося убивающей буквы закона, отвергшего оживотворяющий дух закона. Фарисей хотя и говорит непрестанно о Боге и о добродетели, но вполне чужд Бога и добродетели: он готов и способен на всякое злодеяние, на всякий низкий поступок для удовлетворения своему самолюбию. Такой ход и плод естественны. Душа не может быть без непрестанного упражнения: если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой, иначе — она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена. Благовременно надо принять меры, чтоб не сделаться фарисеем и за мгновенное наслаждение земными преимуществами и человеческими похвалами не потерять спасения и блаженства в вечности. Сердце наше слабо: оно очень удобно может увлечься пороком, прикрытым благовидною личиною. Тот примет меры предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь озаботится о немедленном доставлении себе правильного душевного делания.

Из того, что ум непрестанно родит мысли, а сердце чувствования, очевидно и делание, которое инок обязан дать душе своей. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу — в богоугодных чувствованиях. Иначе: надо, чтоб ум и сердце приняли и усвоили себе Евангелие. В помощь желающему стяжать спасительное душевное делание предлагаем следующие советы, заимствованные из Священного Писания и писаний отеческих.

ГЛАВА I
Об изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям

Инок с самого вступления своего в монастырь должен заняться со всевозможною тщательностию и вниманием чтением Святого Евангелия, изучить его так, чтоб Евангелие всегда предстояло его памяти и он на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, для каждого помысла имел в памяти готовое наставление Евангелия. Таково завещание Самого Спасителя. Завещание это сопряжено с обетованием и угрозою. Господь, посылая учеников Своих на проповедь христианства, сказал им: «Шедше убо, научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» (Мф. 28, 19 и 20). Обетование для исполнителя евангельских заповедей заключается в том, что он не только спасется, но и вступит в теснейшее общение с Богом, соделается богозданным храмом Божиим. Сказал Господь: «Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам» (Ин. 14, 21). Из этих слов Господа видно, что надо так изучить евангельские заповеди, чтоб они сделались достоянием, имуществом ума, тогда только возможно точное, постоянное исполнение их, такое исполнение, какого требует Господь. Является Господь исполнителю евангельских заповедей духовно, и видит Господа исполнитель заповедей духовным оком, умом, видит Господа в себе, в своих помыслах и ощущениях, осененных Святым Духом. Никак не должно ожидать явления Господа чувственным очам. Это явствует из последующих за вышеприведенными слов Евангелия: «Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Очевидно, что Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает

сердце храмом и жилищем Божиим, зрится в этом храме, зрится не телесными очами, а умом, зрится духовно. Образ зрения непостижим для новоначального и необъясним для него словами. Прими обетование верою: в свое время познаешь его блаженным опытом. Угроза небрегущему о исполнении евангельских заповедей заключается в предречении ему бесплодия, отчуждения от Бога, погибели. Сказал Господь: «Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огнь влагают, и сгорает. Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей» (Ин. 15, 5 и 6, 9, 10). «Не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне в день он» (в день Суда): «Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им: яко николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие» (Мф. 7, 21–23). Податель, учитель и образец смирения, Господь наш Иисус Христос назвал Свои всесвятые, всемогущие Божественные заповеди «малыми» (Мф. 5, 19), по той простейшей форме, в которой они изложены и по которой они удобоприступны и удобопонятны для всякого человека, самого некнижного. Но вместе с этим Господь присовокупил, что намеренный и постоянный нарушитель одной такой заповеди «мний наречется в Царствии Небеснем», или, по объяснению святых отцов, будет лишен Царства Небесного, будет ввергнут в геенну огненную[43]. Заповеди Господа «Дух суть и живот суть» (Ин. 6, 63); они делателя своего спасают; из мертвого по душе соделывают живым, из плотского и душенного соделывают духовным. Напротив того, небрегущий о заповедях

[43] См. толкование блаженного Феофилакта Болгарского.

сам губит себя, оставаясь в плотском и душевном состоянии, в состоянии падения, развивая в себе это падение. «Душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть» (1 Кор. 2, 14), и потому для спасения необходимо претвориться из душевного человека в духовного, из ветхого в нового (см. 1 Кор. 15, 49). «Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут» (1 Кор. 15, 50), и потому для спасения необходимо освободиться не только от влияния плоти, или грубых страстей, но и от влияния крови, посредством которой страсти действуют на душу утонченно. «Удаляющиися от Тебе...» (не по телесному положению, но по расположению души, уклонившейся от исполнения воли Божией) «...погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе», любодеющего при последовании собственной воле и собственным разумениям, при отвержении евангельских заповедей или воли Божией. Второе по необходимости сопутствует первому. «Мне же...», истинному иноку, «прилеплятися Богови благо есть, полагати на Господа упование мое» (Пс. 72, 27–28).

ГЛАВА II
Человеки будут судимы на суде Божием по евангельским заповедям

По евангельским заповедям мы будем судимы на суде, установленном от Бога для нас, христиан православных, — на том суде, от которого зависит наша вечная участь. Суд бывает частный для каждого христианина немедленно после его смерти, и будет общий для всех человеков при втором пришествии на землю Господа нашего Иисуса Христа. На обоих судах присутствует и судит Сам Бог. На суде частном Он производит суд при посредстве ангелов света и ангелов падших; на Суде общем Он произведет суд посредством вочеловечившегося Слова Своего

(см. Мф. 25; Ин. 5, 22 и 27). Причина такого разнообразного суда ясна. Человек подчинился падшему ангелу произвольно: следовательно, он должен первоначально окончить расчет свой с падшим ангелом сообразно тому, в какой степени расторгнуто христианином общение с отверженным духом при помощи искупления. На общем Суде должны предстать на истязание и падшие духи, и увлеченные ими человеки, как согрешившие пред величеством Божества, почему Сам Бог, Само Слово Божие, Которое приняло на Себя человечество, которым совершено наше искупление и которым подобало бы спастись всем падшим, произведет суд над нами всеми, падшими и не очистившимися покаянием. Кодекс или собрание законов, на основании которого будет производиться суждение и произноситься приговор на обоих судах, — Евангелие. Сказал Господь: «Отметаяйся Мене, и не приемляй словес Моих, имать судящаго ему: слово, еже глаголах, то судит ему в последний день. Яко Аз от Себе не глаголах: но пославый мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть» (Ин. 12, 48–50). Из этих слов Господа явствует, что мы будем судимы по Евангелию, что небрежение об исполнении евангельских заповедей есть деятельное отвержение Самого Господа.

Употребим, братья, всё тщание, чтоб соделаться исполнителями евангельских заповедей! Неизвестно, когда придет смерть; могут потребовать нас на суд внезапно, в то время, когда нами наименее ожидается это требование. Блаженны приготовившие себя к переходу в вечность евангельскою жизнию! Горе нерадивым, невнимательным, своевольным, самомнительным! Горе не расторгшим общения с сатаною! Горе не вступившим в общение с Богом! Бóльшее горе вступившим в это общение и отвергшим его!

ГЛАВА III
Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям

Древние преподобные иноки называли монашеское жительство евангельским жительством. Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: «Монах тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время руководствуется единственно Божиими заповеданиями и Божиим словом»[44]. Иноки, подчиненные преподобному Пахомию Великому, обязывались выучить Евангелие на память[45], чтоб иметь узаконения Богочеловека как бы в постоянно отверстой книге, в памяти, чтоб иметь их непрестанно пред очами ума, иметь их начертанными на самой душе для удобнейшего и неуклонного исполнения. Блаженный старец Серафим Саровский говорил: «Надо так приучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь, должно управлять жизнь свою»[46]. Изучая Евангелие, стараясь исполнять его веления делами, словами, помышлениями, ты будешь последовать завещанию Господа и нравственному преданию Православной Церкви. Евангелие в непродолжительное время возведет тебя от младенческого возраста к зрелому возрасту о Христе, и ты соделаешься тем «блаженным мужем», которого воспел вдохновенный пророк, который «не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет» (Пс. 1, 1–3). Наставляет Дух Святой

---

[44] Слово 1, глава 4.

[45] Vie des pères des deserts d' Orient par Michel Ange-Marin. Святой Тихон Воронежский знал на память Евангелие и Псалтирь.

[46] Наставление 2. Издание 1844 года, Москва.

истинных служителей Божиих, человеков, соделавшихся Богу Своими: «Внемлите людие Мои закону Моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст Моих» (Пс. 77, 1).

ГЛАВА IV
О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях

Основавший жительство свое на изучении Евангелия и на исполнении евангельских заповедей, основал его на твердейшем камне. В какое бы он ни был поставлен положение обстоятельствами жизни, подвиг его всегда с ним. Он непрестанно делает, он непрестанно подвизается, он преуспевает непрестанно, хотя дело его, хотя подвиг его и преуспеяние неприметны и непонятны для других. Какие бы ни постигли его скорби и искушения, они не могут ниспровергнуть его. Господь сказал: «Всяк, иже слышит словеса Моя сия, и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени» (Мф. 7, 24–25). Здесь жительство и душевное устроение уподоблены храмине: эта храмина получает необыкновенную прочность от Божественной, неограниченной силы, которою преисполнены слова Христовы. Очевидно, что такой твердости, какую доставляет душе исполнение заповедей Христовых, не может доставить никакое другое средство или пособие: сила Христова действует в заповедях Его. Господь к вышеприведенным словам присовокупил и нижеследующие: «Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине той, и падеся: и бе разрушение ея велие» (Мф. 7, 26–27). Удобно разрушается жительство, по видимому благое, тех, которые полагают в основание

ему исключительно какой-либо телесный подвиг, или и многие подвиги, иногда весьма трудные и весьма выставляющиеся, но не обращают должного внимания на евангельские заповеди. Очень часто случается, что подвижники даже не обращают никакого внимания на евангельские заповеди, открыто попирают их, не давая им никакой цены и нисколько не понимая их важности. Такие подвижники при встретившемся неожиданно искушении или при нечаянной перемене в жизни не только колеблются очень скоро, но и подвергаются совершенному нравственному расстройству, названному в Евангелии «велиим разрушением храмины» душевной. В пример возьмем пустынника, живущего в глубоком уединении, возложившего на это уединение всю надежду своего преуспеяния и спасения. Положим, что внезапно, по насилию обстоятельств, этому пустыннику пришлось оставить уединение и жить среди многолюдства. Он, как не скрепленный в себе самом евангельскими заповедями, непременно должен подвергнуться сильнейшему влиянию соблазнов, встречающихся во множестве в обществе человеческом. Это естественно, у него не было другой силы, его ограждавшей, кроме наружного уединения: лишившись его, он лишился всей опоры своей и по необходимости должен уступить силе иных наружных впечатлений. Это сказано отнюдь не для уничижения пустынного жития, охраняющего от соблазнов и развлечения, особенно способствующего к изучению и исполнению евангельских заповедей; сказано для того, чтоб и пустынник в пустыне своей приложил особенное тщание изучать и исполнять евангельские заповеди, посредством которых вводятся в душу Христос, Божия сила и Божия премудрость (см. 1 Кор. 1, 24). Истинное христианство и истинное монашество заключаются в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность. «Праведницы наследят землю и вселятся в век века на ней»: праведниками

Писание называет тех, которые стараются тщательнейшим образом исполнять истинно и единственно праведную волю Божию, отнюдь не свою, мнимо и ложно праведную. Только исполнители правды Божией могут наследовать землю, то есть возобладать своим сердцем, своею плотию, своею кровию. «Уста праведнаго поучатся премудрости, и язык его возглаголет суд. Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его» (Пс. 36, 29–31).

ГЛАВА V
О хранении себя от соблазнов

Основывая жительство на евангельских заповедях, вместе с тем должно избрать в местопребывание себе монастырь, наиболее удаленный от соблазнов. Мы немощны и повреждены грехом. Соблазн, находясь пред нами или вблизи нас, по необходимости найдет сочувствие себе в нашем греховном повреждении и произведет на нас впечатление. Впечатление это сначала может быть и не примеченным; но когда оно разовьется и усилится в человеке, тогда возобладает им и может поставить на край погибели. Иногда впечатление соблазна действует и весьма быстро, не дав, так сказать, опомниться или одуматься искушаемому: мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца, ввергает инока в падение и падения. Преподобный Пимен Великий говорил: «Хорошо убегать причин греха. Человек, находящийся близ повода ко греху, подобен стоящему на краю глубокой пропасти, и враг всегда, когда бы ни захотел, удобно ввергает его в пропасть. Но если мы по телу удалены от поводов ко греху, то бываем подобны далеко отстоящему от пропасти; враг хотя бы и повлек нас в пропасть, но в то время, когда подвергнемся влечению, можем оказать сопротивление, и Бог поможет нам»[47].

---

[47] Алфавитный Патерик.

Причины (вины) греха, поводы к нему, соблазны суть нижеследующие: вино, жены, богатство, здравие (излишнее) тела, власть и почести. «Это, — говорит святой Исаак Сирский, — не суть собственно грехи; но наше естество по причине их удобно преклоняется ко греху, почему человек должен тщательно охраняться от них»[48]. Отцы воспрещают избирать в место жительства славный монастырь во мнении мирских людей[49]: тщеславие, общее всему монастырю, необходимо должно заразить и каждого члена. Опыт показывает, что всё братство может заразиться духом тщеславия не только по причине вещественных преимуществ своего монастыря, но и по причине высокого мнения мирян об особенном благочестии его устава. Рождающееся отсюда презорство к братьям других обителей, в чем именно и заключается гордость, отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на любви к ближним и на смирении пред ними.

В пример того, каким образом соблазн, действуя мало-помалу на инока, как бы неприметно и нечувствительно, может наконец возобладать им и ввергнуть его в страшное падение, приводим следующую повесть: «В Египетском Скиту был некоторый старец, впадший в тяжкую болезнь и принимавший услужение от братии. Видя, что братья трудятся ради него, он задумал переместиться ближе к селениям, чтобы не утруждать братию. Авва Моисей (вероятно, тот, которого преподобный Кассиан называет рассудительнейшим между отцами Скита, вообще отличавшимися обилием духовных дарований) сказал ему: „Не перемещайся в соседство селений, чтоб не впасть в блуд“. Старца удивили и огорчили эти слова; он отвечал: „У меня умерло тело, и об этом ли ты говоришь?“ Он не послушал аввы Моисея и поместился в соседстве мирского селения. Жители, узнав о нем, начали

---

[48] Слово 57. Здесь и о винах грехов, равно как и в слове 56.

[49] Изречение аввы Зинона. Алфавитный Патерик.

приходить к нему во множестве. Пришла послужить ему ради Бога и некоторая девица. Он исцелил ее — видится, девица имела какой-нибудь недуг, а старец имел дар чудотворения, — потом, по прошествии некоторого времени, пал с нею, и она сделалась беременною. Поселяне спрашивали ее: от кого она беременна? Она отвечала: „От старца". Ей не верили. Старец говорил: „Я сделал это, но сохраните дитя, которое должно родиться". Дитя родилось и было вскормлено грудью. Тогда, в один из праздников Скита, пришел туда старец с дитятею за плечами и вошел в церковь при собрании всего братства. Братство, увидев его, восплакалось. Он сказал братии: „Видите дитя: это — сын преслушания". После этого старец пошел в прежнюю келию свою и начал приносить покаяние Богу»[50]. Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха старостию, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному или частому действию соблазна. В пример того, как вина греха может мгновенно подействовать на инока, омрачить его ум, превратить сердечное расположение и ввергнуть в грех, приведем опять церковную повесть: «Епископ некоторого города впал в болезнь, по причине которой все отчаялись в его жизни. Там был женский монастырь. Игумения, узнав, что епископ отчаянно болен, посетила его, взяв с собою двух сестер. В то время как она беседовала с епископом, одна из учениц ее, стоявшая у ног епископа, прикоснулась рукою к ноге его. От этого прикосновения возгорелась в болящем лютая брань блудная. Страсти лукавы. Он начал просить игумению, чтоб она оставила сестру при нем для услужения ему, приводя в причину такой просьбы недостаток в собственной прислуге. Игумения, ничего не подозревая, оставила сестру. По действу диавола епископ

[50] Собеседование 1 (Collatio), о рассуждении. Пролог, 22 июля.

ощутил восстановление сил и впал в грех с инокинею, которая сделалась беременною. Епископ оставил кафедру и удалился в монастырь, где окончил жизнь в покаянии, принятие которого Бог засвидетельствовал дарованием покаявшемуся силы чудотворений»[51]. Такова наша немощь! Таково влияние на нас соблазнов! Они низвергли в пропасть падения и святых пророков (см. 2 Цар. 11), и святых епископов, и святых мучеников, и святых пустынножителей. Тем более мы, страстные и немощные, должны принимать все меры предосторожности и охранять себя от влияния на нас соблазнов. Страсти в иноках голодны: они если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подобно хищным зверям, спущенным с цепей.

ГЛАВА VI

Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом

Для начинающих монашескую жизнь более приличествуют общежительные монастыри, как представляющие собою обширное поприще для исполнения евангельских заповедей. Впрочем, если ты вступил и в штатный монастырь, то не унывай; не оставляй его без уважительной причины, и в штатном монастыре приложи всё старание образовать себя евангельскими заповедями. Общее правило заключается в том, что инок должен сперва обучиться деланию заповедей в обществе человеческом, в котором делание душевное сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигши достаточного преуспеяния, заняться исключительно душевным деланием в безмолвии, если окажется способным к нему. Способны к безмолвию редкие. Новоначальный никак не может

[51] Алфавитный Патерик.

вынести одного душевного делания. Душевным деланием мы вступаем в мир духов, для чего именно опытные иноки и удаляются в уединение. В мире духов первоначально встречают христианина падшие духи, как принадлежащего к сонму их душою по причине падения, как долженствующего доказать благое направление своего свободного произволения отвержением общения с падшими духами и принятием общения с Богом, общения, дарованного нам «туне» Искупителем. Духи удобно убивают вступившего в борьбу с ними без надлежащей опытности и без надлежащего приготовления[52]. Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов, с которыми посредством падения человечество вступило в общение и в один разряд существ отверженных, враждебных Богу, обреченных на погребение в темницах ада. Святые отцы утверждают, что «истинно хотящий спастись должен сперва в сожитии с людьми претерпеть досады, бесчестия, лишения, уничижения, освободиться от влияния чувств своих и тогда уже пойти в совершенное безмолвие, как явил в Себе и Сам Господь наш Иисус Христос, ибо Он, претерпев всё сие, взошел, наконец, на Святой Крест, что значит умерщвление плоти и страстей и святое, совершенное успокоение»[53]. То знай наверно, что ты везде преуспеешь, и в общежительном, и в штатном монастыре, если займешься изучением и исполнением евангельских заповедей; напротив того, везде останешься без преуспеяния и чуждым духовного разума, везде придешь в состояние самообольщения и душевного расстройства, если пренебрежешь изучением и исполнением евангельских заповедей. До конца жизни не переставай изучать Евангелие! Не подумай, что

---

[52] Преподобный Нил Сорский. Слово 11 (в настоящем издании: т. 1, с. 444–446).

[53] Руководство к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, ответ 108.

ты довольно знаешь его, хотя бы и знал его на память! Заповедь Господня «широка зело» (Пс. 118, 96), хотя и заключается в малых словах. Заповедь Господня бесконечна, как бесконечен изрекший ее Господь. Делание заповедей и преуспеяние в них беспредельны: самые совершенные христиане, приведенные в состояние совершенства Божественною благодатью, пребывают несовершенными по отношению к евангельским заповедям.

ГЛАВА VII
О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому

Придет ли тебе какая благая мысль, остановись, никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостью, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение, остановись: не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри, согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное? Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами. Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку. «Любяй душу свою, — сказал Господь, — погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю» (Ин. 12, 25). «Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия,

той спасет ю» (Мк. 8, 34–35). Господь повелевает полное отвержение падшего естества, ненависть к его побуждениям, не только к явно злым, но и ко всем без исключения, и ко мнимо добрым. Великое бедствие — последовать правде падшего естества: с этим сопряжено отвержение Евангелия, отвержение Искупителя, отвержение спасения. «Кто не возненавидит души своей, не может Мой быти ученик» (Лк. 14, 26), — сказал Господь. Объясняя вышеприведенные слова Господа, Великий Варсонофий говорит: «Как отрекается от себя человек? Лишь тем, что оставляет естественные желания и последует Господу. Посему-то и говорит Господь здесь собственно о естественном, а не о неестественном; ибо если кто оставит только неестественное, то он не оставил еще ничего своего собственного ради Бога; потому что противоестественное не принадлежит ему. А тот, кто оставил естественное, всегда взывает с апостолом Петром: „Се мы оставихом вся, и в след Тебе идохом, что убо будет нам?“ (Мф. 19, 27) — и слышит блаженный глас Господа, и обетованием удостоверяется в наследовании жизни вечной (см. Мф. 19, 28–29). Что оставил Петр, будучи не богат, и чем хвалился, если не оставлением естественных своих желаний? Ибо, если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою. Как в мертвеце вовсе нет желаний естественных, так нет их и в духовно умершем для плоти. Если ты умер для плоти, то как могут жить в тебе желания естественные? Если же ты не достиг меры духовной, а еще младенчествуешь умом, то смирись пред учителем, да „накажет“ тя „милостию“ (Пс. 140, 5), и без совета ничего не делай (см. Сир. 32, 21), хотя бы что и казалось тебе по видимому добрым, ибо свет демонов обращается впоследствии во тьму»[54]. Точно то же должно сказать и о свете падшего человеческого

[54] Ответ 59.

естества. Последование этому свету и развитие его в себе производит в душе совершенное омрачение и вполне отчуждает ее от Христа. Чуждый христианства чужд Бога: «всяк, отметаяйся Сына, ни Отца имать» (Ин. 2, 23) — безбожник.

В наш век, гордый своим преуспеянием, большинство человеков, провозглашающее себя и христианами, и делателями обильнейшего добра, устремилось к совершению правды падшего естества, отвергнув с презрением правду евангельскую. Это большинство да услышит определение Господа: «Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим» (Мф. 15, 8–9). Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения: он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа (см. Мф. 6, 1–18); ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных. Напротив того, делатель евангельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностью и чистотою всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным Бога; он видит себя заслужившим временные и вечные казни за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаною, за падение, общее всем человекам, за свое собственное пребывание в падении; наконец, за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей. Пред каждою скорбию, посылаемою Промыслом Божиим, он с покорностью преклоняет главу, ведая, что Бог обучает и образует скорбями служителей своих во время их земного странствования. Он милосердствует о врагах своих и молится о них как о братьях, увлекаемых демонами, как о членах единого тела, пораженных болезнию в духе своем, как о благодетелях своих, как об орудиях Промысла Божия.

ГЛАВА VIII
О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями

Если отречешься и постоянно будешь отрекаться от собственных разумений, от собственной воли, от собственной правды, или, что то же, от разума, воли и правды падшего естества, чтоб насадить в себя разум Божий, волю Божию и правду Божию, преподаваемые нам в Святом Евангелии Самим Богом, то падшее естество откроет внутри тебя лютую брань против Евангелия, против Бога. Падшему естеству придут на помощь падшие духи. Не впади от этого в уныние: твердостью в борьбе докажи основательность и положительность твоего произволения. Поверженный, вставай; обманутый и обезоруженный, снова вооружайся; побежденный, снова устремляйся на сражение. Тебе в высшей степени полезно увидеть в себе самом как свое собственное падение, так и падение всего человечества! Тебе существенно нужно узнать и изучить это падение в собственных сердечных и мысленных опытах; тебе существенно нужно увидеть немощь твоего разума, немощь твоей воли! Ви́дение своего падения есть ви́дение духовное. Ви́дение своей немощи есть ви́дение духовное[55]. В нем зритель — ум. Ви́дение доставляется благодатию, насажденною в нас крещением: действием благодати разрешается слепота ума, и он начинает на поприще подвига своего ясно видеть то, чего доселе не видел, находясь вне этого поприща; он познает существование того, о существовании чего вовсе не подозревал. С духовным ви́дением человеческого падения сопряжено другое духовное ви́дение — видение падших духов. Это ви́дение — опять ви́дение духовное, дар благодати (см. Пс. 91, 12). В нем зритель — ум: ум, от делания заповедей стремясь к самому тщательному исполнению их, начинает мало-помалу усматривать падших духов

---

[55] Святой Исаак Сирский. Слово 61.

в приносимых ими помыслах и ощущениях, начинает усматривать горестное общение человеков с падшими духами, подчинение человеков падшим духам, козни и действия духов для погубления человеков. В духовных ви́дениях нет ничего чувственного: они доставляются тщательностию в исполнении евангельских заповедей и борьбою с греховными помыслами и ощущениями. Человек, не узнавший опытом этих ви́дений, не может иметь о них никакого понятия, даже не знает, что они существуют[56]. Войну и борьбу подвижника Христова со своим падением и с падшими духами превосходно изобразил Святой Дух в Псалтири. Иноки первых времен изучали Псалтирь на память и словами Духа облекали свои молитвы об извлечении их из рва страстей, об избавлении из челюстей врага, диавола.

ГЛАВА IX
О чтении Евангелия и отеческих писаний

Из вышесказанного явствует, что главнейшим келейным занятием новоначального инока должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета. Весь Новый Завет может быть назван Евангелием, как содержащий одно евангельское учение. Впрочем, новоначальный должен сперва изучать заповеди Господа в Евангелиях от Матфея и Луки. От изучения заповедей в сих евангелистах, при исполнении заповедей делами, и прочие Писания, из которых состоит Новый Завет, сделаются удобопонятнее. При чтении евангелистов должно читать и «Благовестник», то есть объяснение Евангелия блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским. Чтение «Благовестника» необходимо: оно способствует правильному пониманию

---

[56] Священномученик Петр Дамаскин. Книга 1, о осьми умных видениях. Добротолюбие, часть 3. Лествица. Слово 27, глава 26.

Евангелия и, следовательно, точнейшему исполнению его. Притом правила Церкви требуют, чтоб Писание было понимаемо так, как объясняют святые отцы, а отнюдь не произвольно: руководствуясь в понимании Евангелия объяснением святого отца, объяснением, принятым и употребляемым Церковью[57], мы сохраним Предание Святой Церкви. Очень полезны для нашего времени сочинения святого Тихона Воронежского: они не имеют односторонней цели, служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников. Благодать Божия внушила святителю писания, особенно соответствующие современной потребности. В этих писаниях объясняется учение Евангелия. Для жительства по евангельским заповедям нет препятствия ни в каком монастыре, каков бы ни был того монастыря устав, даже каково бы ни было того монастыря благоустройство. Последнее сказано в ободрение и успокоение тех, которые не удовлетворяются благоустройством своего монастыря, правильно или ошибочно. Для каждого инока вернее искать причину неудовлетворения своего в самом себе, нежели в обстановке своей. Самоосуждение всегда приносит сердцу успокоение. Из этого никак не следует, чтоб монастырь благоустроенный не заслуживал предпочтения пред монастырем неблагоустроенным, когда избрание монастыря зависит от нас. Не всегда это бывает.

Положив себе за правило жизни учение и исполнение евангельских заповедей, без увлечения направлениями, доставляемыми разными сочинениями святых отцов, можно начать чтение их для ближайшего и точнейшего ознакомления

---

[57] Во всех благоустроенных общежитиях читается ежедневно на утрени в «Благовестнике» объяснение дневного Евангелия.

с монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом. В чтении отеческих писаний нужно наблюсти постепенность и никак не читать их поспешно. Сперва надо читать книги, написанные для общежительных монахов, каковы: Поучения преподобного аввы Дорофея, Оглашения преподобного Феодора Студийского, Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, начиная с ответа 216 (предшествовавшие ответы даны наиболее затворникам и потому мало соответствуют новоначальным), слова святого Иоанна Лествичника, творения преподобного Ефрема Сирского, общежительные постановления и собеседования преподобного Кассиана Римлянина. Потом, по прошествии значительного времени, можно читать и книги, написанные отцами для безмолвников, как-то: Добротолюбие, Патерик Скитский, слова преподобного Исаии Отшельника, слова святого Исаака Сирского, слова Марка Подвижника, слова и беседы преподобного Макария Великого, сочинения прозой и стихами преподобного Симеона Нового Богослова и другие подобные сим деятельные писания отцов. Все исчисленные здесь книги принадлежат к разряду деятельных или подвижнических, потому что в них изложены делание и подвиг иноческие. Сказал святой Иоанн Лествичник: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)»[58]. Деятельные книги возбуждают инока к иноческим подвигам, особенно к молитве. Чтение же прочих отеческих святых сочинений приводит к размышлениям и созерцаниям, что для подвижника, недовольно очистившегося от страстей, рановременно[59].

---

[58] Слово 27, глава 78.

[59] Преподобный Симеон Новый Богослов, о трех образах молитвы. Добротолюбие, часть 1. Преподобный Григорий Синаит, глава 11, о чтении. Добротолюбие, часть 1.

ГЛАВА X
Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни

Книги святых отцов о монашеской жизни должно читать с большою осмотрительностью. Замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Если книга преподает советы о безмолвии и показывает обилие духовных плодов, собираемых в глубокой пустыни, то в новоначальном непременно явится сильнейшее желание удалиться в уединение, в безлюдную пустыню. Если книга говорит о безусловном послушании под руководством духоносного отца, то в новоначальном непременно явится желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств. Но книги святых отцов, написанные об этих жительствах, могут подействовать на новоначального так сильно, что он, по неопытности своей и незнанию, легко решится оставить место жительства, на котором имеет всю удобность спастись и духовно преуспеть исполнением евангельских заповедей, для несбыточной мечты совершенного жительства, нарисовавшейся живописно и обольстительно в его воображении. Святой Иоанн Лествичник говорит в слове о безмолвии: «При трапезе доброго братства постоянно предстоит некий пес, который покушается восхитить с нее хлеб, то есть душу, потом убегает, держа его в пасти, и пожирает в уединенном месте»[60]. В слове о послушании сей наставник иноков говорит: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, несвойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения: найдешь там желание строжайшего

[60] Слово 27.

безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии своем упомянутых добродетелей по особенному смотрению Божию: враг научил их устремиться к этим добродетелям преждевременно, чтоб они не получили их и в свое время. Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками странноприимство послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтоб вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»[61]. Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им возвышеннейшие добродетели. Не доверяйте, братья, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство! Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные и вещественные; не вздумайте всуе искать поприща подвигов, не дарованного Богом нашему времени. Бог желает и ищет спасения всех. Он и спасает всегда всех, произволяющих спастись от потопления в житейском и греховном море; но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище. Он обетовал спасение святому апостолу Павлу и всем спутникам апостола; Он и дал это спасение; но апостол и его спутники спаслись не в корабле, который разбило, а с большим трудом, иные вплавь, другие на досках и различных обломках от корабля (см. Деян. 27, 21–44).

---

[61] Слово 4.

ГЛАВА XI
Об отшельнической жизни

Да не будет сокрытым от возлюбленнейших братьев, что возвышеннейшие роды иноческого жительства, как-то: отшельничество в глубокой пустыни или безмолвие в затворе, также жительство при духоносном старце с безусловным послушанием ему, устроились не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божию. Антоний Великий, глава монашества, учредитель пустынножития, удалился в пустыню, уже облекшись силою свыше и не иначе как призванный Богом. Хотя этого и не сказано ясно в житии его, но дальнейшие события жизни преподобного доказывают это с ясностью. О том же, что в глубочайшую (внутреннюю) пустыню для строжайшего безмолвия он был наставлен Божественным гласом и повелением, сказано и в житии его[62]. Преподобному Макарию Великому, современнику преподобного Антония, несколько младшему его, явился херувим, показал бесплодную, дикую равнину — впоследствии знаменитый Египетский Скит, — заповедал поместиться в ней на жительство и обетовал, что пустынная равнина населится множеством отшельников[63]. Арсений Великий, находясь в царских палатах, молил Бога, чтоб ему указан был путь спасения, и услышал глас: «Арсений! Бегай от человеков, и спасешься». Арсений удалился в упомянутый Скит и снова там умолял Бога наставить его спасению, и снова услышал глас: «Арсений! Убегай (человеков), молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия»[64]. Преподобная Мария Египетская призвана к отшельничеству в Заиорданской пустыне повелением Божиим[65].

---

[62] Житие преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января. Vitae Patrum Patrologiae cursus completus, tom. 73.

[63] Алфавитный Патерик.

[64] Там же. Достопамятные сказания.

[65] Четьи-Минеи, 1 апреля.

Бог, призывавший к безмолвию и отшельничеству избранных Своих, то есть тех, которых Он провидел способными к безмолвию и отшельничеству, предоставлял им такие пособия и средства для этого жительства, каких человек сам по себе иметь не может. И в те времена, в которые монашество процветало, в которые много было духоносных руководителей, редкие признавались способными к безмолвию, в особенности к отшельничеству. «Истинное, разумное безмолвие, — говорит святой Иоанн Лествичник, — могут проходить немногие, и именно только те, которые стяжали Божественное утешение, поощряющее их в подвигах и помогающее в бранях»[66]. «Безмолвие губит неопытных»[67]. Затворники и отшельники часто подвергались величайшим душевным бедствиям: подвергались именно те из них, которые вступили в затвор самопроизвольно, не призванные Богом.

В Прологе читается следующая повесть: «В Палестине был некоторый монастырь при подошве большого и высокого утеса, а в утесе был вертеп (пещера) над монастырем. Монахи того монастыря рассказывали:

— За несколько времени пред сим один из нашего братства возымел желание жить в вертепе, что в горé, и просил об этом игумена. Игумен имел дар рассуждения. Он сказал брату:

— Чадо, как ты хочешь жить один в вертепе, еще нисколько не преодолев плотских и душевных страстных помыслов? Желающему безмолвствовать дóлжно быть под руководством наставника, а не самому управлять собою. Ты, нисколько не достигши надлежащей меры, просишь у моей худости, чтоб я дозволил тебе одному жить в вертепе, а я думаю, что ты не разумеешь различных сетей диавольских. Гораздо лучше тебе служить отцам, получать от Бога помощь их молитвами, с ними в назначенные часы

---

[66] Слово 4, глава 120.

[67] Слово 27, глава 55.

славить и воспевать Владыку всех, нежели тебе одному бороться с нечестивыми и злохитрыми помыслами. Не слышал ли ты, что говорит богогласный отец, Иоанн, писатель Лествицы: „Горе жительствующему наедине: если он впадет в уныние или леность, то некому восставить его! А где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их, — сказал Господь".

Так говорил ему игумен, но не мог отвлечь от душепагубных помыслов. Видя непреодолимое желание брата и неотступные его просьбы, игумен наконец дозволил ему жить в вертепе. Напутствованный молитвою игумена, он взошел в вертеп. В часы употребления пищи приносил ее к вертепу один из монастырской братии, а затворник имел на веревке корзину, которую спускал и принимал пищу. Когда он пробыл несколько времени в вертепе, диавол, всегда борющийся с желающими жить богоугодно, начал смущать его злыми помыслами день и ночь; чрез несколько же дней, преобразившись в светлого ангела, явился ему и сказал: „Да будет тебе известно, что ради твоей чистоты и благонравного жития, Господь послал меня прислуживать тебе". Монах отвечал: „Что сделал я доброго, чтоб ангелы служили мне?" Диавол возразил: „Всё, что ты сделал, велико и высоко. Ты оставил все красоты мира и соделался монахом, трудишься в посте, молитвах и бдении; опять ты, оставив монастырь, поместился на жительство здесь: как же ангелам не служить твоей святыне?" Этими речами душегубец-змей привел его в надмение и в гордость и начал постоянно являться ему. Однажды некоторый человек, обокраденный ворами, пошел к монаху. Нечистый бес, который, обольщая его, являлся ему в виде ангела, сказал ему: „Этот человек окраден ворами; украденное скрыто в таком-то месте. Скажи ему, чтоб он пошел туда и взял свое". Человек, пришедши к вертепу, поклонился, а монах сверху говорит ему: „Хорошо, брат, что ты пришел! Я знаю, тебя постигла скорбь, потому что к тебе приходили воры, украли то и то. Не печалься! Они положили украденное

там-то: поди туда и найдешь всё, а за меня молись". Человек удивился, послушался и нашел украденное. Он прославил монаха во всей стране той, говоря, что монах, живущий в вертепе, пророк. К монаху начало стекаться множество людей; слушая его, они приходили в удивление от учения, которое он преподавал по внушению диавола. Каждому он предсказывал, что с ним должно случиться, и предсказания его сбывались. Несчастный провел немалое время в таком обольщении. Во второй день второй недели по Вознесении Господа нашего Иисуса Христа скверный бес явился монаху и сказал ему: „Знай, отец, что ради непорочного и равноангельного жития твоего придут другие ангелы и тебя в теле возьмут на небо; там со всеми ангелами будешь наслаждаться зрением неизреченной красоты Господней". Бес, сказавши это, сделался невидим. Но человеколюбивый и многомилостивый Бог, не хотящий погибели человеческой, вложил в сердце монаху возвестить о случившемся игумену. Когда пришел брат, обычно приносивший пищу затворнику, затворник, выглянув из вертепа, сказал ему: „Брат! Поди, скажи игумену, чтоб пришел сюда". Брат передал это игумену. Игумен поспешил прийти; по лестнице взошел он в вертеп к затворнику и сказал ему: „По какой причине, чадо, ты повелел мне прийти сюда?" Он отвечал: „Чем воздам тебе, святой отец, за всё, что ты сделал для моего недостоинства!" Игумен сказал: „Что доброе сделал я тебе?" Монах: „Поистине, отец, чрез посредство твое я сподобился многих и великих благ. Тобою я облечен в ангельский образ; при твоем посредстве вижу ангелов и сподобляюсь беседовать с ними; при твоем посредстве я приял дар прозорливства и пророчества". Игумен, услышав это, удивился и сказал: „Окаянный! Ты ли видишь ангелов? Ты ли сподобился дара прозорливства? Горе тебе, несчастный! Не говорил ли я тебе: не ходи в вертеп, чтоб бесы не обольстили тебя". Когда игумен говорил это, брат возражал ему так: „Не говори этого, честный отец! Ради твоих святых молитв я вижу ангелов; завтра

же я буду вознесен ими на небеса с телом моим. Да ведает твоя святыня, что я хочу просить у Господа Бога нашего, чтоб и тебя взяли ангелы, чтоб и ты был со мною в небесной славе". Услышав это, игумен ударил его в лицо и сказал: „Ты взбесился, окаянный! Однако если я пришел сюда, то не уйду отсюда, но останусь здесь посмотреть, что случится с тобою. Скверных бесов, которых ты называешь ангелами, я не увижу, но ты, когда увидишь, что они пришли, скажи мне". Игумен велел взять прочь лестницу и остался в вертепе с прельщенным, пребывая в посте и непрестанном псалмопении. Когда наступил час, в который прельщенный надеялся вознестись на небеса, он увидел пришедших бесов и сказал: „Пришли, отец". Тогда игумен обнял его и возопил: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги прельстившемуся рабу твоему и не попусти нечистым бесам возобладать им". Когда игумен говорил это, бесы схватили и начали тащить прельщенного, усиливаясь исторгнуть его из объятий игумена. Игумен запретил бесам. Они, сорвав с прельщенного мантию его, исчезли. Мантия была видена возносящеюся по воздуху на высоту и наконец скрылась. По прошествии довольного времени мантия опять показалась летящею вниз и упала на землю. Тогда старец сказал прельщенному: „Безумный и несчастный! Видишь, как бесы поступили с твоею мантиею: так намеревались они поступить и с тобою. Они намеревались тебя, как Симона-волхва, вознести на воздух и спустить вниз, чтоб ты сокрушился и бедственно изверг окаянную душу". Игумен призвал монахов, велел им принести лестницу, свел прельщенного из вертепа в монастырь и назначил ему служение в пекарне, в поварне и в прочих монастырских послушаниях, чтоб смирились его помыслы. Таким образом он спас брата»[68].

Тяжкому искушению подверглись по причине рановременного вступления в затвор наши соотечественники, преподобные

[68] Пролог, 9 января.

Исаакий[69] и Никита[70] Печерские. Заметно из жизнеописания преподобного Исаакия, современника преподобных Антония и Феодосия, что он вступил в затвор по собственному произволу. Он проходил усиленнейший телесный подвиг; стремление к подвигу, еще более усиленному, внушило ему заключиться в одной из теснейших пещер Киево-Печерского монастыря. Пищею его была просфора, а питием — вода, и эту скуднейшую пищу он принимал через день. При таком усиленном телесном подвиге и при недостатке опытных сведений о подвиге и борьбе душевных, невозможно не дать некоторой цены и подвигу своему, и себе. На внутреннем настроении подвижника обыкновенно основывается искушение, наносимое ему бесами. Бесы предстали Исаакию в виде светлых ангелов; один из них сиял более других; бесы назвали его Христом и требовали поклонения ему от подвижника. Подвижник поклонением, подобающим единому Богу и возданным диаволу, подчинил себя бесам, которые измучили его насильственным телодвижением (плясанием) до полусмерти. Преподобный Антоний, прислуживавший затворнику, пришел к нему с обычною пищею, но увидев, что затворник не подает никакого голоса, и поняв, что с ним случилось что-нибудь особенное, разломал с помощью других монахов вход, наглухо заложенный, в пещеру Исаакия. Его вынесли, как мертвого, и положили пред пещерою; заметив же, что он еще жив, снесли в келию на постель. Преподобные Антоний и Феодосий, один вслед за другим, ходили за ним. Исаакий от искушения расслабел умом и телом: не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежа повернуться со стороны на сторону; он лежал в течение двух лет неподвижно, нем и глух. На третий год он проговорил и просил, чтоб его подняли и поставили на ноги. Потом начал учиться ходить, как дитя,

---

[69] Патерик Печерский. Четьи-Минеи, 14 февраля.

[70] Патерик Печерский. Четьи-Минеи, 31 января.

но не выражал никакого желания, ниже мысли посетить церковь; к этому едва и насильно принудили его; он начал мало-помалу ходить в храм Божий. После сего начал ходить и в трапезу и мало-помалу научился употреблять пищу; в те два года, в которые он лежал неподвижно, он не вкусил ни хлеба, ни воды. Наконец, он освободился совершенно от страшного и чудного впечатления, произведенного на него явлением и действием бесов. Впоследствии преподобный Исаакий достиг высоких мер святости. Преподобный Никита был моложе преподобного Исаакия, но современен ему. Увлекаемый ревностию, он начал просить игумена благословить его на подвиг в затворе. Игумен — был тогда игуменом преподобный Никон — возбранил ему, говоря: «Сын мой! Неполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше тебе жить с братиею: служа им, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий-пещерник был прельщен бесами в затворе: он погиб бы, если б особенная благодать Божия, за молитвы преподобных отцов наших Антония и Феодосия, не спасла его». Никита отвечал: «Отец! Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия-затворника, который и поныне совершает многие чудеса». Игумен опять сказал: «Желание твое выше твоей силы; блюди, чтоб, вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание». Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затворе и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя. По прошествии некоторого времени однажды в час молитвы своей, он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись этим, он сказал сам себе: «Если б это не был ангел, то он не молился бы со мною и не было

бы слышно благоухания Святого Духа». Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: «Господи! Явись мне Сам разумно, да вижу Тебя». Тогда был к нему глас: «Не явлюсь тебе, потому что ты молод, чтоб ты, вознесшись, не ниспал». Затворник со слезами отвечал: «Господи! Я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю всё, что Ты мне ни прикажешь». Тогда душепагубный змей, прияв над ним власть, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня, но вот — я посылаю ангела моего, чтоб пребывал с тобою: ты исполняй его волю». С этими словами предстал пред затворника бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, поклоняясь ему, как ангелу. Бес сказал: «Отселе ты уже не молись, но читай книги, чрез что вступишь в непрестанную беседу с Богом и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоем спасении». Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, полагая, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания и пророчествовать, подобно палестинскому затворнику. О нем пошла слава между мирскими людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем соприсутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем ему месте[71]. Так он дал знать великому князю Изяславу об убиении новгородского князя Глеба

[71] Во времена наши в Москве, в доме умалишенных, находился подобный пророк, к которому стекалось множество любопытных. Имя пророку Иван Яковлевич. Некоторого пустынного монаха посетили московские жители и начали пред ним выхвалять своего пророка. Они говорили, что в даре прозорливства его убедились собственным опытом, спросив его о своем родственнике, находившемся в Нерчинске в каторжной работе. Иван Яковлевич с час времени не давал ответа. Когда вопросившие понуждали скорее дать ответ, то он сказал им: «А до Нерчинска далеко ли?» Они отвечали:

и совет послать в Новгород на княжение великокняжеского сына. Этого достаточно было для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне и самые монахи, не имеющие духовного рассуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами и находящимися в бесовской прелести, признают их

«Более шести тысяч верст». «Так скоро ли туда сбегаешь!» — возразил пророк. Ответ его состоял в том, что у ссыльного обтерлись ноги до крови. Через несколько времени вопрошавшие получили от нерчинского родственника письмо, в котором он описывал тяжесть своего положения и упоминал, что ноги его обтерты до крови кандалами. «Представьте себе, каково прозорливство Ивана Яковлевича!» — заключали таким возгласом рассказ свой москвичи. Монах отвечал: «Прозорливства тут нет, а тут очевидное сношение с падшими духами. Святой Дух не имеет нужды во времени: Он немедленно возвещает тайны, и земные и небесные. Иваном Яковлевичем послан был находившийся при нем бес из Москвы в Нерчинск и принес сведение пустое, вещественное, удовлетворяющее тщеславию пророка и любопытству плотских людей, его вопрошавших. Святой Дух всегда возвещает что-либо духовное, душеспасительное, существенно нужное, а падший дух возвещает всегда что-либо плотское, как пресмыкающийся по своем падении в греховных страстях и вещественности. В образец действия и характера, принадлежащих святому прозорливству, даруемому Богом, представляем замечательное событие из церковной истории. Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, поведая епископу Аммонию о бегстве своем от императора Иулиана-богоотступника, говорит: «В эти времена я видел великих мужей Божиих, Феодора, настоятеля Тавенисиотских монахов, и Паммона, авву монахов, живших в окрестности Антинои. Я, вознамерившись укрыться у Феодора, взошел в его лодку, которая была прикрыта со всех сторон; Паммон сопутствовал нам по чувству уважения. Ветер не благоприятствовал; я молился в стесненном сердце; монахи Феодора, вышедши на берег, тащили лодку. Авва Паммон, видя печаль мою, утешал меня. Я отвечал ему: «Поверь мне, что сердце мое не имеет столько мужества во время мира, сколько имеет во время гонений, потому что, страдая за Христа и укрепляемый Его благодатию, уповаю получить тем бóльшую милость от Него, хотя бы и убили меня». Еще я не кончил этих слов, как Феодор взглянул на авву Паммона и улыбнулся; Паммон взаимно взглянул на него улыбаясь. Я сказал им: «С чего смеетесь вы словам моим? Не обвиняете ли меня в робости?» Феодор, обратясь к Паммону, говорит: «Скажи

за святых и благодатных. Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхого Завета, но он не терпел Нового Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и апостольских посланий, не позволял, чтоб кто из посетителей его напомнил что-либо из Нового Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерского монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвою своею отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхого Завета; но он с клятвою утверждал, что никогда не читал этих книг, которые прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведенного бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению. Молитвами святых отцов приведенный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии святой Никита хиротонисан во епископа Новгородского.

Новейшие опыты подтверждают то, что с ясностью доказывают опыты времен прошедших. И ныне прелесть — так на монашеском языке называется самообольщение, соединенное с бесовским обольщением, — бывает непременным последствием преждевременного удаления в глубокое уединение или

Патриарху причину нашего смеха». Паммон отвечал: «Это принадлежит тебе». Тогда Феодор сказал: «Сей час убит Иулиан в Персии, как предрек о нем Бог: „Презорливый и обидливый муж и величавый ничесоже скончает“ (Авв. 2, 5). Восстанет император христианин, муж превосходный, но жизни краткой. Почему не углубляйся в Фиваиду, не утруждай себя, но тайно отправься навстречу новому императору: ты увидишься с ним на пути, будешь принят им очень благосклонно и возвратишься к своей Церкви, а его возьмет Бог скоро из этой жизни. Всё и случилось так» (Sancti Athanasii opera omnia, tom. 2, pag. 979–982).

особенного подвига в келейном уединении. В то время как писатель этих аскетических советов, юношею, в 1824–1825 годах, посещал Александро-Невскую Лавру для совещания о своих помыслах с монахом Иоанникием, свечником Лавры, учеником старцев Феодора и Леонида, не прекращавшим общения с Леонидом и по кончине Феодора, которого был родственником; ходили к этому монаху для духовного совета многие миряне, проводившие аскетическую жизнь. Ходил к нему и Павловского полка солдат Павел, недавно обратившийся из раскола, бывший прежде наставником раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостью. Но он, по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию, предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие. Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас: «Прими меня: я — Святой Дух; пришел соделать тебя моею обителью». Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страсти ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы соделались его постоянным притоном. Наконец, он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил он в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние павшего. Упомянутый юноша был тогда келейником иеросхимонаха Леонида (1827–1828 годы) и читал по благословению старца письмо Павла. Иеросхимонах Леонид весною 1828 года переместился из Свирского монастыря первоначально в Площанскую, потом в Оптину пустыню. Ему сопутствовал его келейник, который при этом случае посетил

некоторые монастыри Калужской и Орловской епархий. Когда он был в знаменитой Белобережской пустыне, тогда славился там подвижническою жизнию рясофорный монах Серапион, видевший при своем уединенном келейном правиле ангела. Не только миряне, но и монахи — так как у нас в России господствует телесный подвиг, а о душевном почти утрачено самое понятие — прославляли Серапиона и выставляли в образец монашеской жизни. В 1829 году Серапион переместился по причине душевного расстройства в Оптину пустыню для руководства советами иеросхимонаха Леонида. В одно из совещаний со старцем он вытащил значительную часть бороды у старца. Серапион, помещенный в скиту Оптиной пустыни по уважению к его подвижнической славе, пришел однажды ночью к начальнику скита иеромонаху Антонию, возвещая, что Иоанн Предтеча сейчас явился ему и велел зарезать сего Антония, иеросхимонаха Леонида, иеромонаха Гавриила и помещика Желябовского, гостившего тогда в скиту. «Да где ж у тебя нож?» — спросил его догадливый и неустрашимый Антоний. «У меня нет ножа», — отвечал прельщенный. «Так что ж ты приходишь резать без ножа?» — возразил Антоний и удалил в келию прельщенного, которого должно было передать в дом умалишенных, где он и скончался. Пред кончиною, как слышно, Серапион опомнился и отошел с надеждою спасения. Должно заметить, что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть и по получении согласия овладевает изъявившим согласие. Святой Давид, описывая нападение падшего ангела на человека, весьма справедливо сказал: «Ловит еже восхитити нищаго, восхитити нищаго, внегда привлещи и в сети своей» (Пс. 9, 30). Святой Дух действует самовластно, как Бог, приходит в то время, как смирившийся и уничижившийся себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием своим объемлет всю волю

и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии. «Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного, но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда. Тогда ум тайно научается высоким и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, не может видеть человеческое око, ниже постигнуть ум сам собою... Ум человеческий сам собою, не будучи соединен с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспаляется в пламени Всесвятого Духа, исполняется Божественного разума, и невозможно ему в пламени Божества мыслить о своем и о том, о чем хотел бы». Так говорил преподобный Максим Капсокаливи преподобному Григорию Синайскому[72]. Напротив того, при демонском явлении всегда предоставляется свобода человеку рассудить о явлении, принять или отвергнуть его. Это явствует из попыток демона обольстить святых Божиих. Однажды, когда преподобный Пахомий Великий пребывал в уединении вне монастырской молвы, предстал ему диавол в великом свете, говоря: «Радуйся, Пахомий! Я — Христос и пришел к тебе, как к другу моему». Святой, рассуждая сам с собою, помышлял: «Пришествие Христа к человеку бывает соединено с радостью, чуждо страха. В тот час исчезают все помышления человеческие: тогда ум весь вперяется в зрение видимого. Но я, видя этого, представившегося мне, исполняюсь смущения и страха. Это — не Христос, а сатана». После сего размышления преподобный с дерзновением сказал явившемуся: «Диавол! Отыди от меня: проклят ты, и видение твое, и коварство лукавых замыслов твоих». Диавол немедленно исчез, исполнив келию смрада[73].

---

[72] Добротолюбие, часть 1.

[73] Четьи-Минеи, 15 мая.

Невозможно человеку, находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение не свойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются, потому и мнят исполнить его делами»[74]. Из слов преподобного отца явствует, что признающий за собою какое-либо доброе дело, находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном гордом понятии христианина находит пристанище, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным ви́дения ангелов; следовательно, признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотской и душевный человек. Потому-то святые отцы и сказали вообще о всех подвижниках, недостаточно образованных душевным деланием и не осененных благодатию, что безмолвие губит их.

Поучительно поведение преподобных Варсонофия Великого и спостника его Иоанна Пророка, которые сами были затворниками в общежитии аввы Серида, относительно затворников и безмолвия. Все братья того монастыря или, по крайней мере,

---

[74] Слово о духовном законе, глава 34.

бóльшая часть братии руководствовались наставлениями этих великих угодников Божиих, преисполненных Духа Божия; руководствовался их наставлениями и сам игумен Серид, которого Варсонофий Великий называл сыном. Серид и прислуживал святому старцу, пребывавшему безвыходно в келии, принимавшему к себе одного Серида и чрез него дававшему письменные ответы прочим братьям. Братья монастыря, руководимые назиданиями боговдохновенных мужей, оказывали быстрое и обильное духовное преуспеяние. Некоторые из них сделались способными к затворнической жизни, к которой были призваны провидевшим способность их Богом. Так Великий Варсонофий предвозвестил Иоанну Миросавскому, что ему предназначено Богом безмолвие и, приуготовив этого инока жизнию по евангельским заповедям среди иноческого общества, в горниле послушаний, в свое время, указанное Богом, ввел его в затвор[75]. Из переписки Великого Варсонофия с Иоанном Миросавским видно, что Иоанн и по вступлении в затвор обуревался страстными помыслами. Другие иноки, которым попущен был затвор, возмущались страстями еще более, но затвор им не воспрещался. Напротив того, преподобному авве Дорофею, отличавшемуся и мирскою и духовною мудростью, способностию руководить других иноков, доказавшему этот духовный дар на самом деле, духоносные старцы воспретили затвор, сколько он ни желал его. «Безмолвие, — говорили они ему, — дает повод человеку к высокоумию прежде, нежели он приобретет себя, то есть будет непорочен. Тогда только имеет место истинное безмолвие, когда человек уже понес крест. Итак, если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. Не уклоняйся ни вовнутрь, ни вовне,

[75] Ответы 1–54.

но держись средины, разумевая, что есть воля Господня, „яко дни лукавы суть“ (Еф. 5, 16)»[76]. «Слова мои значат: не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди попечений — вот средний путь, безопасный от падения. В безмолвии должно иметь смирение и при попечениях бдительность над собою и удерживать свой помысл. Всё сие не ограничивается каким-нибудь определенным временем. Всякий должен с благодарением терпеть то, что по необходимости постигает его. Чем более человек нисходит в смирение, тем более преуспевает. Пребывание в келии не делает тебя опытным, потому что ты пребываешь в ней без скорби (очевидно, по недостижению брани с бесами, что затворенного в келии приводит в такую тяжкую скорбь и борьбу, каковые вовсе неизвестны общежительному иноку)[77]. А чрез то, что прежде времени оставишь все попечения, враг готовит тебе не покой, а более смущение, так что заставит тебя наконец сказать: лучше бы я не родился»[78]. Преподобный Дорофей, признаваемый Вселенскою Церковью святым, один из превосходнейших аскетических писателей, пребыл в общежитии среди братства, а по кончине святых наставников основал свой монастырь и был его настоятелем. Святой Иоанн Лествичник замечает, что наклонные к высокоумию и другим душевным страстям никак не должны избирать для себя жительства уединенного, а пребывать посреди братства и спасаться деланием заповедей[79], потому что всякое жительство, в пустыни ли, в общежитии ли, когда оно согласно с волею Божией и когда цель его — угождение Богу, преблаженно[80]. От преждевременного

---

[76] Ответ 311.

[77] См. житие преподобных Антония Великого, Онуфрия Великого и других отшельников и затворников.

[78] Ответы 312, 313.

[79] Слово 8, главы 10,18, 21, 25. Слово 27, главы 13, 36.

[80] Преподобный Симеон Новый Богослов, глава 88. Добротолюбие, часть 1.

затвора прозябает бесовская прелесть не только очевидная, но и не видимая по наружности: мысленная, нравственная, несравненно более опасная, нежели первая, как врачующаяся весьма трудно, а часто и не способная к уврачеванию. Этот род прелести, основывающийся на высокоумии, называется святыми отцами «мнением»[81] и заключается в том, когда подвижник примет ложные понятия о духовных предметах и о себе, сочтет их истинными. Ложным понятиям и созерцаниям, по естественным сочувствию и содействию ума сердцу и сердца уму, непременно сопутствуют обольстительные, сладостные сердечные ощущения: они не что иное, как действие утонченных сладострастия и тщеславия. Зараженные этою прелестию делались проповедниками ложного аскетического учения, а иногда и ересиархами, для вечной погибели своей и ближних. Святой Исаак Сирский в 55-м слове упоминает, что некто Малпас проводил в отшельничестве строжайшую подвижническую жизнь с целью достичь высокого духовного состояния, впал в высокоумие и явную бесовскую прелесть, соделался изобретателем и начальником ереси евктитов. В образец аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой «мнением», можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием «Подражание Иисусу Христу». Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием, которые в людях ослепленных и преисполненных страстями производят наслаждение, признаваемое ими вкушением Божественной благодати. Несчастные и омраченные! Они не понимают, что, обоняв утонченную воню живущих в себе страстей, они наслаждаются ею, признают ее в слепоте своей вонею благодати! Они не понимают, что к духовному наслаждению способны одни святые; что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей; что грешник не способен к духовному наслаждению;

---

[81] Святой Григорий Синаит, главы 128, 131, 132. Добротолюбие, часть 1.

что он должен сознавать себя недостойным наслаждения, отвергать его, если оно начнет приходить к нему, отвергать как несвойственное себе, как явное и пагубное самообольщение, как утонченное движение тщеславия, высокоумия и сладострастия. Подобно Малпасу достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз, Игнатий Лойола и другие подвижники Латинства[82], признаваемые в недре его святыми. «Когда Франциск был восхищен на небо, — говорит писатель жития его, — то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству или сыну по благодати — Франциску». Что может быть страшнее, уродливее этой хулы, печальнее этой прелести!

В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместный, чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником, возлюби молчание и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия ни в церкви, ни в трапезе, ни в келии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе, как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободного обращения и пагубного развлечения; веди себя как странник и пришлец и в монастыре, и в самой земной жизни — и соделаешься боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником. Если же Бог узрит тебя способным к пустыне или затвору, то Сам, неизреченными судьбами Своими, доставит тебе пустынную и безмолвную жизнь, как доставил ее блаженному Серафиму Саровскому, или доставит затвор, как доставил его блаженному Георгию, затворнику Задонского монастыря.

---

[82] По отпадении Западной Церкви от Восточной.

ГЛАВА XII
О жительстве в послушании у старца[83]

То, что сказано об отшельничестве и затворе, должно сказать и о послушании старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества; такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, «утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это величайший дар и благодать Святого Духа»[84]. Необходимое условие такового повиновения — духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко

---

[83] В связи с распространившимся в последнее время мнением, будто бы святитель Игнатий был решительно настроен против послушания и старчества, составитель сборника считает своим долгом поместить, для правильного понимания учения святителя Игнатия, следующее примечание преподобноисповедника Никона Оптинского к 12-й главе книги «Приношение современному монашеству»:

«Некоторые соблазняются содержанием 12-й и (следующей) 13-й глав, видя в них учение как бы против старчества. А некоторые вообще настроены и предубеждены против сочинений епископа Игнатия. Между прочим, и в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия были у некоторых старцев не в благоволении. Причина этому такова.

Епископ Игнатий писал вообще для монашества российского, вообще для всех монастырей и монахов, и писал как раз тогда, когда в Оптиной пустыни были великие старцы, был, так сказать, расцвет монашества, чего в огромном большинстве монастырей не было. Оптина пустынь была в особом, исключительном положении. При наличии духовного богатства в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия не могли для ее насельников иметь того особого, важного значения, которое они имели для других монастырей и даже мирян, ищущих спасения души. Неопытному, новопоступившему послушнику

[84] Преподобный Кассиан. Об уставе общежитий, книга 2, глава 3.

всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстями. «Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным

Оптиной пустыни они (собственно, две эти статьи) могли даже и повредить, зародив в нем мысль недоверия к старцам, и отвлечь его от простосердечного им послушания во вред своему иноческому преуспеянию. Предохраняя некоторых своих духовных детей от возможности такого явления, старцы и не советовали им читать вообще сочинений епископа Игнатия, доставляя им понимание иночества с духовной стороны своим руководством и подбором другого, преимущественно святоотеческого чтения.

Но для тех, кто постоянно старца не имел (а это было в большинстве монастырей), сочинения епископа Игнатия были и суть драгоценны. Они были драгоценны и для иноков Оптиной пустыни, которые пользовались ими для иноческого своего назидания. Они им не мешали быть в послушании у своих старцев, причем даже сами старцы указывали на них, как на прекрасное руководство к пониманию истинного иноческого подвига. Читающий сочинения епископа Игнатия внимательно и без предубеждения ясно увидит, что они и не идут против старчества, а указывают лишь на то, что ныне весьма трудно и что независимо даже от того, каков старец... (так в цитируемом источнике. — *Ред.*) — самое житие под руководством у старца стало ныне редкостью и по многим причинам весьма затруднительным, или, как выражается епископ Игнатий, „не дано нашему времени — возможно лишь усвоение духа его".

Следовательно, неблаговолительное отношение некоторых старцев Оптиной пустыни к сочинениям епископа Игнатия надо считать относительным и временным, ибо сочинения его вполне православны, проникнуты духом Евангелия и учения святых отцов. Они достойны всякого внимания и уважения. Читая означенные выше главы, надо помнить, что епископ Игнатий, предостерегая в них от безрассудного послушания старцам, имеет в виду послушание нравственное, совершаемое в душе с целью нравственного, духовного воспитания себя, своего ума и сердца, а не послушание внешнее, потребное и необходимое во всяком общежитии иноческом, и даже вообще при всяких взаимоотношениях людей, исключая из этого лишь тот случай, когда приказывается или советуется что-либо явно греховное. Следовательно, здесь не дается никакого повода к презорству, самочинию и самомышлению, как это может показаться при беглом и невнимательном чтении.

ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтоб не научиться вместо евангельского жития диавольскому житию, потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое: от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды.

А что нравственно, душою своею и сердцем, предаться в полное послушание кому-либо возможно лишь при условии уверенности в истинности преподаваемого учения, постоянно подтверждаемого и личною добродетельною жизнью учащего, согласною с духом Святого Евангелия и святых отцов Церкви Православной, — не приходится спорить. Вообще же о благотворности старческого руководства епископ Игнатий ясно говорит во многих местах своих сочинений. Вся суть в том, что всякий инок должен сам поступить в подвиг с самоотвержением и сам себя должен понуждать с болезнью сердца на борьбу со страстями. Если же он не будет так подвизаться, то никакие старцы ему не помогут. Сказал один угодник Божий: „Старец об нем (ученике) молится, плачет, а тот скачет". Какая польза? Личный подвиг и личное понуждение себя необходимы. Епископ Феофан, Вышенский Затворник, говорит о руководителе (старце), что он подобен пограничному столбу, на котором написано и указано, куда и как идти, а уж идти-то нужно самому, иначе так и простоит у столба, ничего не достигнув. Очень верно и точно сказано.

Не лишним будет заметить, что содержание вышеозначенных глав, 12 и 13, относится и к ищущим руководства (ученикам), и к руководителям (старцам). Пусть каждый берет себе в назидание то, что его касается: послушник — как следует учиться и слушаться, а руководитель — как учить. Будет польза и тому и другому.

Некоторым не нравится самая форма изложения сочинений епископа Игнатия, но это, говоря попросту, есть дело вкуса и характера человека, и, во всяком случае, это нельзя отнести к существенным недостаткам.

Наконец, можно добавить следующее. Некоторые свое нежелание вообще слушаться (ибо слушаться — значит отказываться от своей воли, а это болезненно для сердца) прикрывают оправданием себя, что, мол, нет старцев и, следовательно, некого слушаться, и потому вообще не принимают никаких советов. Это есть уже отвержение духа послушания, про необходимость стяжания которого говорит епископ Игнатий. Это уже заблуждение, от которого да хранит всех Господь. Это, можно сказать словами преподобного аввы Дорофея, есть причина всех нравственных падений вообще. К такому лукавому

Всякий невидящий и обещающийся наставлять других есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: „Слепец слепца аще водит, оба в яму впадут“ (Мф. 15, 14)»[85]. Те старцы, которые принимают на себя роль — употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтоб точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия! — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании, послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новоначальному, если этот новоначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого. Страшное дело — принять, по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа; страшное дело — представлять себя сосудом Святого Духа, между тем как

отношению к делу послушания сочинения епископа Игнатия не дают ни малейшего повода. Такое отношение доказывает не недостаток сочинений, а злую волю человека, для которой даже подлинное слово Божие может являться „запахом смертоносным на смерть“ (2 Кор. 2, 16), как сказал святой апостол Павел.

В заключение остается лишь пожелать, чтобы сочинения епископа Игнатия были внимательно читаемы и приносили благий плод». — *Сост.*

[85] Преподобный Симеон Новый Богослов, главы 32 и 34. Добротолюбие, часть I.

общение с сатаною еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно. Напрасно будут указывать нам на преподобного Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства[86], или на преподобного Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал бесчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб[87]. Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти случаи — вне общего порядка и правила. «Образ действия Промысла Божия, — сказал святой Исаак Сирский, — вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка»[88]. Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола. «Любве истины не приняша, — говорит он о произвольно погибающих, — во еже спастися им. И сего ради послет...» (попустит) «...им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи: да суд приимут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде» (2 Сол. 2, 10–12). «По вере ваю буди вама» (Мф. 9, 29), — сказал Господь, Само-Истина, двум слепцам и исцелил их от слепоты: не имеют права повторять слов Само-Истины ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних. Бывали случаи, очень-очень редкие, что вера, по особенному смотрению Божию, действовала чрез грешников,

---

[86] Патерик Алфавитный. Достопамятные сказания.

[87] Лествица. Слово 4, глава 3.

[88] Слово 1.

совершая спасение этих грешников. В Египте старейшина разбойников Флавиан, намереваясь ограбить некоторый женский монастырь, облекся в монашеское одеяние и пришел в этот монастырь. Монахини приняли его как одного из святых отцов, ввели в церковь, прося принести о них молитву Богу, что Флавиан исполнил, против воли своей и к удивлению своему. Потом представлена была ему трапеза. По окончании трапезы монахини умыли его ноги. В монастыре одна из сестер была слепа и глуха. Монахини привели ее и напоили водою, которою омыты ноги странника. Больная немедленно исцелилась. Монахини прославили Бога и святое житие странного инока, провозглашая совершившееся чудо. Благодать Божия низошла на старейшину разбойников: он принес покаяние и из старейшины разбойников претворился в знаменоносного отца[89]. В житии святого Феодора, епископа Едесского, читаем, что блудница, будучи принуждена отчаянною супругою Адера, принесла Богу молитву об умершем ее сыне, что младенец воскрес по молитве блудницы. Блудница, приведенная в ужас совершившимся над нею, немедленно оставила греховную жизнь, вступила в монастырь и подвижническою жизнию достигла святости[90]. Такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания. В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом Закон Божий, то есть Священное Писание и писания отеческие. Апостол Павел решительно говорит: «Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас» (2 Сол. 3, 6). Преданием здесь названо нравственное предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Преподобный

---

[89] Алфавитный Патерик, буква «Ф».

[90] Четьи-Минеи, 9 июля.

Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным[91], очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы: смущающие помыслы, очевидно, бесовские; не надо им повиноваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас. Иноческое послушание в том виде и характере, как оно проходилось в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное и благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых, увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы неспособны наследовать делание отцов в полноте его и во всем обилии его. И то великая милость Божия к нам, великое счастье для нас, что предоставлено нам питаться крупицами, падающими с духовной трапезы отцов. Эти крупицы не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти.

ГЛАВА XIII
О жительстве по совету

Крупицами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев. В собственном смысле,

---

[91] Алфавитный Патерик.

это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию: ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания, ныне оно косно опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего: мы обязаны покорствовать ему и с благодарением благоговеть пред ним. Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братьев освящено примером главы монашества, преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братьев: у одного научался он воздержанию, у другого кротости, терпению, смирению, у иного строгой бдительности над собою, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь пред всеми и молясь Богу непрестанно[92]. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями, но усвоивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По

---

[92] Четьи-Минеи, 17 января.

страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием. Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностью, с плотским и кровяным разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми, старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню. Была справедливою молитва пророка всегда, в особенности она справедлива ныне: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая» (Пс. 11, 2–3). Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловредным. Против такого настроения необходимо принять меры осторожности. «Изучай Божественное Писание, — говорит Симеон Новый Богослов, — и описания святых отцов, особливо деятельные, чтоб, с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать; согласное с Писанием усвоивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть

обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей»[93]. Преподобный Симеон жил в X столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени: вот уже когда раздался голос праведника в святой Христовой Церкви о недостатке истинных, духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества; тогда святые отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями отеческими. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на отцов, писавших прежде его, говорит: «Не малый подвиг, — сказали они, — найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностью. Если же не найдется, то святые отцы повелели научаться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: „Испытайте Писания, и в них“ найдете „живот вечный“ (Ин. 5, 39). „Елика бо преднаписана быша“ в Святых Писаниях, „в наше наказание...“ (наставление) „...преднаписашася“ (Рим. 15, 4)»[94]. Преподобный Нил жил в XV столетии; он основал скит неподалеку от Бела-Озера, где и занимался молитвою в глубоком уединении. Полезно прислушаться старцам новейших времен, с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии. «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не соделаться нам виновными в преступлении заповеди

[93] Глава 33. Добротолюбие, часть 1.

[94] Предисловие к Уставу или Преданию (в настоящем издании: т. 1, с. 386).

Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные святые отцы из Божественного Писания»[95]. Вот превосходный образец для современного наставления! Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности Великому Варсонофию и другим знаменоносным отцам, не имея благодати отцов. Что было в тех выражением обильного присутствия в них Святого Духа, то в безрассудных, лицемерных подражателях служит выражением обильного невежества, самообольщения, гордости, дерзости. Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братьям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое праздное слово (см. Мф. 12, 36)! Тем тягостнее ответ за слово Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. «Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый, рекшыя: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть» (Пс. 11, 4—5). Потребит Господь ищущих славы своей, а не Божией. Устрашимся прещения Господня! Будем произносить слово назидания по требованию

---

[95] Преподобный Нил Сорский. Предание (в настоящем издании: т. 1, с. 378—379). Не лишним будет заметить здесь, что преподобный Нил Сорский хотя имел благодать Божию, но не дерзал объяснять Писания самопроизвольно, а последовал объяснению, сделанному отцами. Путь смиренномудрия есть единственный верный путь ко спасению.

существенной необходимости, не как наставники, а как нуждающиеся в наставлении и тщащиеся соделаться причастниками наставления, преподаемого Богом в Его всесвятом слове. «Кийждо якоже прият дарование, — говорит святой апостол Петр, — между себе сим служаще, яко добрии строителие различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия», со страхом Божиим и благоговением к словам Божиим, а не как свои собственные слова; «аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог», а не как бы из своей собственной: «Да о всем славится Бог Иисус Христом» (1 Пет. 4, 10–11). Действующий из себя действует для тщеславия, приносит и себя, и послушающих его в жертву сатане: действующий из Господа, действует во славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков. Будем страшиться преподания новоначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божием и на духовном разумении слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковерного новоначального из раба Божия в раба человеческого (см. 1 Кор. 7, 23), привлекши его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией[96]. Скромное отношение советника к наставляемому совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Совет не заключает в себе условия непременно исполнить его: он может быть исполнен и не исполнен. На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им; на произволе и рассуждении его остается исполнить или не исполнить полученный совет. Очевидно, как путь совета

[96] Здесь говорится не о наружном послушании монастырском, не о трудах и занятиях монастырских, назначаемых монастырским начальством, но о послушании нравственном, сокровенном, совершаемом в душе.

и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем. Заметим, что отцы воспрещают давать совет ближнему по собственному побуждению, без вопрошения ближнего: самовольное преподание совета есть признак сознания за собою ведения и достоинства духовных, в чем явная гордость и самообольщение[97]. Это не относится к настоятелям и начальникам, которые обязаны во всякое время, при всякой встретившейся нужде, и не будучи спрошены, наставлять врученное им братство (см. 2 Тим. 4, 2). Но при посещении других монастырей они должны руководствоваться советом преподобного Макария Александрийского преподобному Пахомию Великому. Пахомий спросил Макария о наставлении братьев и суде над ними. Авва Макарий отвечал: «Учи и суди своих подчиненных и не суди никого из посторонних»[98]. Это правило соблюдали и соблюдают все настоятели, желающие благоугодить Богу.

ГЛАВА XIV

Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божией, освятить этим соединением. Воля наша в состоянии падения враждебна воле Божией; она по слепоте своей и по состоянию вражды к Богу постоянно усиливается противодействовать воле Божией. Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние. В отречении от своей воли

---

[97] Мнение священномученика Петра, митрополита Дамасского, и других отцов. Добротолюбие, часть 3.

[98] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, об авве Макарии Городском, глава 2.

для наследования воли Божией заключается отречение от себя, заповеданное Спасителем, составляющее необходимое условие спасения и христианского совершенства, столько необходимое, что без удовлетворения этому условию спасение невозможно, тем более невозможно христианское совершенство. «Живот в воли Его», — сказал пророк (Пс. 29, 6).

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее. Только при этом познании возможно отвержение своей поврежденной воли и исцеление ее волею Божиею. Воля Божия — Божественная тайна. «Божия никтоже весть, — говорит апостол, — точию Дух Божий» (1 Кор. 2, 11). Следовательно, доставление человекам познания воли Божией может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения. «Научи мя творити волю Твою, — молился вдохновенный Давид, — яко Ты еси Бог мой. Дух Твой благий наставит мя на землю праву» (Пс. 142, 10). «Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс. 118, 18). «Не скрый от мене заповеди Твоя» (Пс. 118, 19). Воля Божия открыта человечеству в законе Божием, преимущественно же, с особенною точностию и подробностию она объявлена нам вочеловечившимся Словом Божиим. Как превысшая постижения, она приемлется верою. «Снидох с небесе, — сказал Спаситель, — не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю от Него, но воскрешу е в последний день. Се же есть воля пославшего Мя, да всяк, видяй Сына, и веруяй в Него, имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день» (Ин. 6, 38–40). «Аз от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть» (Ин. 12, 49–50). Изучение воли Божией — труд, исполненный радости, исполненный духовного утешения, вместе труд, сопряженный с великими скорбями, горестями, искушениями, с самоотвержением, с умерщвлением падшего естества, с спасительным погублением

души. Он сопряжен с распятием ветхого человека (см. Гал. 5, 24; Кол. 3, 9 и 10). Он требует, чтоб плотское мудрование было отвергнуто, попрано, уничтожено: «Преобразуйтеся обновлением ума вашего, — говорит апостол, — во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная» (Рим. 12, 2). С такою определенностию Сын Божий явил человекам волю Божию, с такими существенными последствиями Он совокупил это явление воли Божией, что Священное Писание именует Его исповедавшим Бога (см. Ин. 1, 18), то есть открывшим в той полноте, в какой способно человечество приять, способно приять не само собою, но действием преизобильным Божественной благодати. Такое же значение имеют слова Господа: «Явих имя Твое человеком» (Ин. 17, 6)[99], «сказах им имя Твое, и скажу, да любы, ею же Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них» (Ин. 17, 26)[100]. Явление имени Того, Кто превыше всякого имени, есть совершеннейшее познание Того, Кто превыше всякого познания. Высшее познание, являющееся от освящения человека Божественною волею, вводит в Божественную любовь, в соединение человека с Богом.

Одни из евангельских заповедей научают нас действовать богоугодно; другие научают вести себя богоугодно при постороннем действии на нас. Изучение второго труднее, нежели изучение первого; но и первое тогда поймется удовлетворительно, когда душа изучит и примет второе. Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия. Следствие принятия верою этого учения — смиренная покорность Богу, отступление смущений, мир души, сила мужества. Кто таким образом примет учение Евангелия, тот «восприимет щит веры, в немже возможет вся стрелы лукаваго разжженныя угасити» (Еф. 6, 16).

---

[99] Смотри объяснение блаженного Феофилакта Болгарского.

[100] Там же.

Эта вера называется святыми отцами «деятельною», в отличие от догматической[101]. Она является в человеке от исполнения евангельских заповедей, возрастает по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими, преобразуется в свое время, по осенении благодатию, в живую веру, исполняет христианина духовною силою, которою святые Божии «победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих» (Евр. 11, 33–34). Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. «Смиритеся, — увещевает святой апостол Петр, — под крепкую руку Божию, всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о вас» (1 Пет. 5, 6 и 7). Смиряться подобает по тому превосходному образцу, который представляется нам Священным Писанием в молитве трех святых отроков, подвергшихся в Вавилоне тяжкому испытанию за верность свою Богу и признавших все попущения Божии последствиями праведного суда Божия (см. Дан. 3). «Нужда есть прийти соблазном», — определил Господь (Мф. 18, 7); предвозвестив страшные бедствия, долженствующие постигнуть верующих в Него и всё человечество, Он сказал: «Зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти» (Мф. 24, 6). Если так, то мы не имеем ни права, ни возможности сказать или помыслить что-либо против определения, произнесенного всеблагим, премудрым, всемогущим Богом. «Предани будете, — предвозвестил нам Господь, — и родители и братие, и родом и други, и умертвят от вас, и будете ненавидимы от всех имене Моего ради» (Лк. 21, 16–17). «Всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу. В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир» (Ин. 16, 2 и 33). Изобразив и предвозвестив положение

[101] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, глава 16. Добротолюбие, часть 2.

истинных христиан на время их земной жизни, положение, предназначенное им Богом, Господь присовокупил: «И влас главы вашей не погибнет» (Лк. 21, 18). Это значит: о вас неусыпно будет промышлять Бог; Он будет неусыпно бдеть над вами, содержать вас во всемогущей деснице Своей, и потому, что ни случится с вами скорбное, случится не иначе, как по Его попущению, по Его всесвятой воле, для вашего спасения. Наставление ученикам по отношению к напастям земной жизни, долженствующим постигать их, Господь заключил решительною и определенною заповедию: «В терпении вашем стяжите душы ваша» (Лк. 21, 19). Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение. Известится оно душе тем миром, который оно принесет в душу. Замрет в устах всякое слово против судеб Божиих, умолкнет всякая мысль пред величием воли Божией, как сказал о себе и о своих товарищах святой евангелист Лука: «Умолчахом, рекше: воля Господня да будет» (Деян. 21, 14). Надо знать, что всякий помысл, являющийся со свойством противоречия и противодействия судьбам Божиим, исходит от сатаны и есть его исчадие. Такой помысл, как богопротивный, должно отвергать при самом появлении его. Пример этого подал нам Господь. Когда Он поведал ученикам о предстоящих Ему страданиях и насильственной смерти, тогда апостол Петр, движимый состраданием по свойству ветхого человека, «начат пререцати Ему, глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие». Господь отвечал Петру, обличая начало выраженной им мысли: «Иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая» (Мф. 16, 22 и 23). Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога; оттого, что мы не покорились Богу как Богу; оттого, что мы не дали себе должного места пред Богом; от нашей гордости, от нашей слепоты; оттого, что падшая,

поврежденная, извращенная воля наша не уничтожена и не отвергнута нами. «Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя. Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научатимися судьбам правды Твоея» (Пс. 118, 6–7). «Ты еси Бог Спас мой, и Тебе терпех весь день» (Пс. 24, 5), перенося благодушно в течение всей земной жизни моей все скорби, какие благоугодно Тебе попускать мне во спасение мое. Святой Иоанн Лествичник определяет дар «духовного рассуждения», который ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия, следующим образом: «Рассуждение. в обширном смысле, состоит и познается в непогрешительном постижении Божественной воли во всяком времени, месте и деле, что свойственно одним чистым по сердцу, телу и устам»[102].

ГЛАВА XV
Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу

Спаситель мира совокупил все частные Свои заповедания в две главные общие заповеди: «Возлюбиши Господа Бога твоего, — сказал Он, — всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею. Сия есть первая и бóльшая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят» (Мф. 22, 37–40). Хотя заповедь о любви к Богу столько возвышеннее заповеди о любви к образу Божию — человеку, сколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу. Кто не положил основания, тот тщетно трудится о построении здания: оно никак не может устоять, не имея основания. Любовию к ближнему мы входим в любовь к Богу. Любовь

---

[102] Лествица. Слово 26.

к Богу христианина есть любовь ко Христу (см. 1 Ин. 2, 23), а любовь к ближнему есть любовь ко Христу в ближнем: полюбив ближнего, полюбив его о Господе, то есть по заповедям Господа, мы стяжаваем любовь ко Христу, а любовь ко Христу есть любовь к Богу. Союз любви к Богу с любовью к ближнему превосходно изложен в посланиях святого апостола евангелиста Иоанна Богослова. Невозможно возлюбить Бога, по учению Богослова, не возлюбив прежде брата. Любовь же к брату заключается в исполнении относительно него заповедей Господа (см. 2 Ин. 1, 6). То же учение возвещается и святыми наставниками монашества. Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближнего зависят и жизнь и смерть (души). Приобретая брата, приобретаем Бога; соблазняя брата, грешим против Христа»[103]. Преподобный Иоанн Колов, один из величайших отцов Египетского Скита, сказал: «Нет возможности выстроить дом, начав сверху, но надо начать постройку с основания и возводить кверху». Его спросили: «Что значит основание?» Он отвечал: «Основание есть ближний наш; мы должны приобретать его и начинать с него. На нем основываются все заповеди Христовы»[104]. Преподобный Марк Подвижник: «Невозможно иначе спастись, как чрез ближнего»[105]. Согласно этому рассуждают и научают все святые отцы; это — общее христианское учение, учение Церкви, учение Христово. Обрати всё внимание на стяжание любви к ближнему твоему как на основание твоего жительства и монашеского подвига. Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! Действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва осквернённая; плоды действий душепагубны, убийственны.

---

[103] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, глава 9.

[104] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, глава 37.

[105] Слово 6, о рае и духовном законе.

Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых, колких слов; сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя: плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения (см. Мф. 5, 21–48). Никак, ни под каким предлогом не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он или худ, имея пред глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом, — себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтоб было поступлено относительно тебя (см. Мф. 7, 1–12). Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтоб и Отец Небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения, твой страшный греховный долг, могущий тебя низвергнуть и заключить навечно в адские темницы (см. Мф. 18, 23–35). Не стяжи пристрастия, в особенности блудной страсти к ближнему твоему; под именем ближнего разумеется не только мужеский, но и женский пол. Если же, устреленный стрелою врага, как-нибудь неожиданно заразишься ими, то не унывай, зная, что мы в себе самих носим способность заражаться всякими страстями, что это случалось и с великими святыми; приложи всё старание уврачевать себя. Наконец, не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему, ты окажешь и стяжешь к нему заповеданную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией. Святой Симеон Новый Богослов сказал: «Особенной любви с каким-либо лицом да не стяжешь, особливо с новоначальным, хотя бы тебе и показалось, что это лицо жития весьма хорошего, а не зазорного. Ибо по большей части духовная

любовь прелагается в страстную и впадешь в бесполезные скорби. Это наиболее случается с подвизающимися. Тебе должно вменять себя странным по отношению ко всякому брату в общежитии, в особенности по отношению к тем, с которыми ты был знаком в мире, а всех любить равно»[106]. Святой Исаак: «Любовь к юным есть блуд, которым гнушается Бог. Для этой раны нет пластыря. Любящий же всех равно, по милосердию и без различия, достиг совершенства. Юный, последуя за юным, приводит рассудительных к плачу и рыданию о них. Старец же, последующий юному, стяжал страсть, которая смраднее страсти юных; хотя бы он беседовал с ними и о добродетели, но сердце его уязвлено»[107].

ГЛАВА XVI
Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним. Ненависти к ближнему предшествует осуждение его, уничижение, злословие, презрение к нему, иначе гордость. Святые иноки постоянно помнили слова Христовы: «Аминь глаголю вам: еже сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25, 40). Не входили они в рассматривание, достоин ли ближний уважения или нет; не обращали они внимания на множество и очевидность его недостатков: внимание их обращено было на то, чтоб не скрылось от них каким-нибудь образом понятие, что ближний есть образ Божий, что поступки наши относительно ближнего Христос принимает так, как бы они совершены были относительно Его. Ненавидит такое понятие

---

[106] Главы 125,126. Добротолюбие, часть 1.

[107] Слово 8.

гордый падший ангел и употребляет все меры, чтоб незаметным образом похитить его у христианина. Несродно это понятие плотскому и душевному мудрованию падшего человеческого естества, и нужно особенное внимание, чтоб удержать его в памяти. Нужен значительный душевный подвиг, нужно содействие Божественной благодати, чтоб усвоить это понятие сердцу, поврежденному грехом, чтоб иметь его непрестанно в памяти при сношениях с братиею. Когда же это понятие, по милости Божией, усвоится нам, тогда оно сделается источником чистейшей любви к ближним, любви ко всем одинаковой. Причина такой любви одна — Христос, почитаемый и любимый в каждом ближнем. Это понятие соделывается источником сладостнейшего умиления, теплейшей, неразвлеченной, сосредоточеннейшей молитвы. Преподобный авва Дорофей говаривал ученику своему, преподобному Досифею, по временам побеждавшемуся гневом: «Досифей! Ты гневаешься и не стыдишься, что гневаешься и обижаешь брата своего? Разве ты не знаешь, что он — Христос и что ты оскорбляешь Христа?»[108]. Преподобный великий Аполлос часто говаривал ученикам своим о принятии приходивших к нему странных братьев, что подобает воздавать им почтение земным поклонением: кланяясь им, мы кланяемся не им, но Богу. «Увидел ли ты брата твоего? Ты увидел Господа Бога твоего. Это, — говорил он, — мы приняли от Авраама (см. Быт. 18), а тому, что должно братию успокоить (приютить, оказать гостеприимство), научились от Лота, понудившего (уговорившего) ангелов ночевать в его доме (см. Быт. 19)»[109]. Такой образ мыслей и поведения был усвоен всеми иноками Египта, первейшими во всем мире по иноческому преуспеянию и дарованиям Святого Духа. Эти иноки удостоились быть предусмотрены и предвозвещены пророком: «Приидут

---

[108] Преподобный авва Дорофей, книга Поучений, сказание о преподобном Досифее.

[109] Лавсаик. Алфавитный Патерик.

молитвенницы от Египта», — предсказал святой Давид о иноках Египта (Пс. 67, 32). Преподобный Кассиан Римлянин, церковный писатель IV века, повествует следующее: «Когда мы (преподобный Кассиан и друг его о Господе преподобный Герман), желая изучить постановления старцев, прибыли из стран Сирийских в область — Египет, то приходили в удивление, что там принимали нас с необыкновенным радушием, причем никогда не соблюдалось правило для употребления пищи, для чего назначен известный час, в противность тому, как мы были приобучены в палестинских монастырях. Куда мы ни приходили, разрешалось установленное пощение того дня, за исключением узаконенного (Церковью) поста в среды и пятки. Мы спросили одного из старцев: по какой причине у них упущается без различия ежедневное пощение? Он отвечал:

— Пост всегда со мною; но вас я должен сряду отпустить и не могу всегда иметь при себе. Хотя пост полезен и постоянно нужен, однако он дар и жертва произвольная, а исполнение делом любви есть непременный долг, требуемый заповедию. Принимая в лице вашем Христа, я должен оказать Ему всеусердное гостеприимство; проводив же вас, по оказании любви, которой причина — Он, могу вознаградить разрешение усиленным постом наедине. „Не могут сынове брачни дондеже жених с ними есть, поститися. Егдаже отымется от них жених, тогда постятся законно“ (Мф. 9, 15; Мк. 2, 19; Лк. 5, 34–35)»[110]. Живя в монастыре с братнею, признавай себя одного грешником, а всех братьев без исключения ангелами, всем отдавай предпочтение пред собою. Когда ближнего твоего предпочитают тебе, радуйся этому и одобряй это как деяние самое справедливое. Ты удобно достигнешь такого душевного настроения, если будешь удаляться от близкого знакомства и от свободного обращения. Напротив того, позволяя себе близкое знакомство и свободное обращение, никогда

[110] Преподобный Кассиан, книга 5, о чревообъедении, глава 24.

не удостоишься прийти в устроение святых, не удостоишься сказать от искреннего сознания, сказать с апостолом Павлом: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (1 Тим. 1, 15). По причине смирения пред ближним и по причине любви к ближнему отступает от сердца ожесточение. Оно отваливается, как тяжелый камень от входа в гроб, и сердце оживает для духовных отношений к Богу, для которых оно доселе было мертво. Взорам ума открывается новое зрелище: многочисленные греховные язвы, которыми преисполнено всё падшее человеческое естество. Он начинает исповедовать свое бедственное состояние пред Богом и умолять Его о помиловании. Уму содействует сердце плачем и умилением. Таково начало истинной молитвы. Напротив того, молитву памятозлобного святой Исаак Сирский уподобляет посеву на камне[111]. То же должно сказать и о молитве осуждающего и презирающего ближних. Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения, чтоб ударяемый и угнетаемый ими, он прибег к смирению пред ближним и к любви ближнего. Молитва есть деятельное выражение любви инока к Богу[112].

ГЛАВА XVII
О молитве

Молитва, будучи дщерию исполнения евангельских заповедей, есть вместе и мать всех добродетелей, по общему мнению святых отцов[113]. Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие

---

[111] Слово 89.

[112] Лествица. Слово 28, глава 33.

[113] Преподобный Макарий Великий. Слово 3, глава 1.

молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые — душевны, вторые — духовны. Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди из тех двух заповедей, в которых сосредоточиваются закон, пророки и Евангелие (см. Мф. 22, 37–40). Невозможно человеку устремиться всем помышлением, всею крепостию своею, всем существом своим к Богу иначе, как при действии молитвы, когда она воскреснет из мертвых[114] и оживится, как бы душою, силою благодати. Молитва есть зерцало иноческого преуспеяния[115]. Рассматривая молитву свою, инок познает, достиг ли он спасения или еще бедствует в волнующемся страстном море, вне священной пристани. К такому познанию он имеет руководителем боговдохновенного Давида, который, молитвенно беседуя к Богу, сказал так: «В сем познах, яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне. Мене же за незлобие приял, и утвердил мя еси пред Тобою во век» (Пс. 40, 12–13). Это значит: узнал я, Господи, что ты меня помиловал и усвоил Себе, по постоянному победоносному отвержению мною, силою молитвы моей, всех вражеских помыслов, мечтаний и ощущений. Эта милость Божия к человеку является тогда, когда человек ощутит милость ко всем ближним своим и простит всем виновным пред ним (см. Мф. 6, 14–15; 7, 2; Лк. 6, 37–38). Молитва должна быть главным подвигом инока. В ней должны сосредоточиться и совокупиться все его подвиги; посредством ее инок прилепляется теснейшим образом к Господу, соединяется «во един дух с Господом» (1 Кор. 6, 11). С самого вступления в монастырь необходимо научиться правильной молитве, чтоб преуспеть в ней и посредством ее изработать свое спасение. Правильности молитвы и преуспеянию в ней противодействуют

---

[114] Выражение это принадлежит святому Иоанну Лествичнику. Слово 28.

[115] Лествица. Слово 28, глава 34.

наше поврежденное естество и падшие ангелы, усиливающиеся удержать нас в своем порабощении, в падении и отвержении от Бога, общем человекам и падшим ангелам.

ГЛАВА XVIII
О приготовлении к молитве

По важному значению молитвы, пред упражнением ею нужно приготовление себя к ней. «Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди яко человек искушая Господа» (Сир. 18, 23). «Идя предстать пред Царем и Богом и возглаголать с Ним, — говорит святой Иоанн Лествичник, — не без приготовления совершим это, чтоб Он издалека не увидел, что мы не имеем оружия и одежд, потребных для предстояния пред Царем, и не повелел рабам и служителям Своим связать нас и отогнать куда-либо далеко от лица Его, а прошения наши разодрать и бросить нам в лице»[116]. Первое приготовление состоит в отвержении памятозлобия и осуждения ближних. Это приготовление заповедано Самим Господом. «Егда стоите молящеся, — повелевает Он, — отпущайте, аще что имате на кого: да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших» (Мк. 11, 25–26). Дальнейшим приготовлением служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекающее из этого сознания сокрушение и смирение духа. Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа. «Аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо», — говорит Богу пророк Его от лица каждого падшего и пребывающего в своем падении человека, — но Ты не только какой-либо частной жертвы, телесной

---

[116] Слово 28, глава 4.

или душевной, но и полного «всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 18–19). Святой Исаак Сирский повторяет следующее изречение другого святого отца: «Если кто не признает себя грешником, того молитва неблагоприятна Господу»[117]. Стой на молитве твоей пред невидимым Богом, как бы ты видел Его и с уверенностью, что Он видит тебя, внимательно смотрит на тебя; стой пред невидимым Богом, как стоит уголовный преступник, уличенный в бесчисленных злодеяниях, приговоренный к казни, пред грозным, нелицеприятным судиею. Точно: ты стоишь пред полновластным Владыкою и Судиею твоим; ты стоишь пред таким Судиею, пред Которым «не оправдится всяк живый» (Пс. 142, 2), Который всегда побеждает, «внегда судити Ему» (Пс. 50, 6), Который тогда только не осуждает, когда, по неизреченному человеколюбию Своему, простив человеку согрешения его, «не внидет в суд с рабом Своим» (Пс. 142, 2). Ощутив страх Божий, ощутив от действия страха Божия при молитве твоей присутствие Бога, увидишь безвидно, духовно, Невидимого, познаешь, что молитва есть предстояние на Страшном Суде Божием[118]. Стой на молитве с поникшею главою, с устремленными к земле глазами, на обеих ногах равно и неподвижно: споспешествуй молитве плачем сердца, воздыханиями из глубины души, обильными слезами. Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвизающегося подвигом молитвы, особливо для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела. Апостол заповедует при молитве благодарение: «В молитве терпите, — говорит он, — бодрствующе в ней с благодарением» (Кол. 4, 2; ср.: Флп. 4, 6). Апостол свидетельствует, что благодарение заповедано Самим

---

[117] Слово 55.

[118] Лествица. Слово 28, глава 1.

Богом: «Непрестанно молитеся; о всем благодарите; сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас» (1 Сол. 5, 17–18). Что значит благодарение? Это славословие Бога за бесчисленные Его благодеяния, излитые на всё человечество и на каждого человека. Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие; вводится радость, несмотря на то что отовсюду окружают скорби; вводится живая вера, по причине которой человек отвергает все заботы о себе, попирает страх человеческий и бесовский, повергает себя всецело в волю Божию. Такое расположение души есть превосходное приготовительное расположение для молитвы. «Якоже убо приясте Христа Иисуса, Господа, — говорит апостол, — такожде в Нем ходите» (жительствуйте), «укоренени и наздани в Нем и извествовани верою, якоже научитеся, избыточествующе в ней благодарением» (Кол. 2, 6–7), то есть при посредстве благодарения приобретая обилие веры. «Радуйтеся всегда о Господе: и паки реку, радуйтеся: Господь близ. Ни о чем же пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются Богу» (Флп. 4, 4 и 6). Важность умственного подвига — благодарения — с особенною подробностию изложена в Руководстве к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

ГЛАВА XIX
О внимании при молитве

Молитва нуждается в неотлучном соприсутствии и содействии внимания. При внимании молитва составляет неотъемлемую собственность молящегося; при отсутствии внимания она чужда молящемуся. При внимании она приносит обильный плод: без внимания она приносит терние и волчцы. Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнию Духа; терние и волчцы — это мертвость души, фарисейское

самомнение, прозябающее из сердечного ожесточения, довольствующееся и превозносящееся количеством молитвословий и временем, употребленным на произнесение этих молитвословий. То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией. Искреннее желание получить благодатный дар, душеспасительный дар внимания, доказываем принуждением себя ко вниманию при каждой молитве нашей. Искусственное внимание — так назовем наше собственное внимание, еще не осененное благодатью, — состоит в том, чтоб, по совету святого Иоанна Лествичника, заключать ум в слова молитвы. Если ум, по причине новости своей в молитвенном подвиге, выйдет из заключения в слова, то должно опять вводить его в них. Свойственны уму, в его состоянии падения, нестоятельность и расположение парить повсюду. Но Бог может даровать ему непоколебимость и дарует ее в свое время за постоянство и терпение в подвиге[119]. Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы. Произноси слова не спеша, чтоб ум мог с бóльшим удобством сохранить заключение свое в словах молитвы, чтоб он не ускользал ни из одного слова ее. Произноси слова несколько вслух, когда ты молишься наедине, и это способствует сохранению внимания. Внимательной молитве с особенною удобностию можно и должно приучаться при совершении келейного правила. Возлюбленный брат! Не отвергни ига некоторой скуки и некоторого понуждения, приучаясь первоначально к иноческим келейным занятиям, особливо к келейному молитвенному правилу. Запасись благовременно всесильным оружием — молитвою: благовременно научись действовать им. Молитва всемогуща по причине действующего в ней всемогущего Бога. Она — «меч духовный, иже есть глагол

[119] Слово 28, глава 17.

Божий» (Еф. 6, 17). Молитва по качеству своему есть пребывание человека при Боге и соединение человека с Богом; по действию своему она — примирение человека с Богом, мать и дщерь слез, мост, по которому переходят чрез искушения, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, бесконечное делание, источник добродетелей, причина духовных дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, отсечение отчаяния, указание надежды, разрешение печали, богатство монахов[120]. Сначала нужно понуждаться к молитве; вскоре она начнет доставлять утешение, и этим утешением облегчать понуждение, ободрять к понуждению себя. Но к молитве нужно понуждение в течение всей жизни[121], и редкие подвижники избавились, по причине обильнейшего благодатного утешения, от понуждения себя: молитва действует убийственно на нашего ветхого человека; доколе он жив в нас, дотоле противится молитве, как вкушению смерти. Падшие духи, зная силу молитвы и ее благотворное действие, стараются всячески отвлечь от нее подвижника, подучая употреблять время, назначенное для молитвы, на другие дела: или же они стараются уничтожить и осквернить ее суетною и греховною рассеянностью, принося во время совершения ее бесчисленные житейские и греховные помыслы и мечтания.

ГЛАВА XX
О келейном правиле

Келейное правило состоит из известного числа поклонов, известного числа молитв и псалмов, из упражнения молитвою Иисусовою. Оно назначается для каждого сообразно силам души и тела. Как эти силы разнообразны в человеках до бесконечности,

---

[120] Заимствовано из Лествицы. Слово 28, глава 1.

[121] Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания об авве Агафоне, глава 9.

то и правило предлагается подвижникам в самых различных формах. Общий устав для молитвенного правила заключается в том, чтоб оно никак не превышало сил подвижника, не истощало этих сил, не расстраивало здоровья и этим не принудило подвижника отказаться от всякого правила. Оставление молитвенного правила обыкновенно бывает следствием правила, принятого или возложенного превыше сил. Напротив того, умеренное, благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, к концу жизни развивается и умножается как бы естественно, принимая и по наружности, и по внутреннему достоинству характер, соответствующий преуспеянию. От крепкого и здорового тела требуется при совершении правила большого числа поклонов и большого количества молитвословий, а от слабого тела — меньшего. Тела человеческие так различествуют между собою по отношению к крепости, что иные утомляются от тридцати земных поклонов более, нежели другие от трехсот.

ГЛАВА XXI
О поклонах

Поклоны разделяются на земные и поясные; полагаются обыкновенно на вечернем правиле, пред упокоением сном. Лучше всего положить поклоны прежде чтения вечерних молитв, то есть поклонами начинать правило. От поклонов тело несколько утомится и согреется, а сердце придет в состояние сокрушения: из такого состояния подвижник усерднее, теплее, внимательнее помолится. Ощутится совсем другой вкус в молитвах, когда они будут читаться после поклонов. Поклоны надо полагать весьма неспешно, одушевив этот телесный подвиг плачем сердца и молитвенным воплем ума. Желая начать коленопреклонения, дай телу твоему самое благоговейное положение, какое должно

иметь рабу и созданию Божию в присутствии Господа Бога его. Потом собери мысли от скитания повсюду и с крайнею неспешностью, вслух лишь самому себе, заключая ум в слова, произнеси от сердца сокрушенного и смиренного молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Произнесши молитву, сотвори неспешно земной поклон, с благоговением и страхом Божиим, без разгорячения, с чувством кающегося и умоляющего о прощении грешника как бы к ногам Самого Господа Иисуса Христа. Не представь себе в воображении образа или изображения Господня, но имей убеждение в Его присутствии; имей убеждение в том, что Он смотрит на тебя, на твой ум и сердце и что воздаяние Его — в руке Его: первое — непозволительная мечта, ведущая к гибельному самообольщению, а убеждение в присутствии вездесущего Бога есть убеждение во всесвятой истине[122]. Положив земной поклон, опять приведи тело в благоговение и спокойствие, и опять произнеси неспешно вышеуказанную молитву; произнесши ее, опять положи поклон вышесказанным образом. Не заботься о количестве поклонов: всё внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями. Не говоря о действии на дух, на самое тело гораздо сильнее подействует небольшое число поклонов, исполненных вышесказанным образом, нежели большое, исполненное наскоро, без внимания, для счета. Опыт не замедлит доказать это. Утрудившись от коленопреклонений, перейди к поясным поклонам. Мера поясного поклона определяется тем, когда при исполнении

---

[122] Святые отцы говорят: «Никогда не прими, если б ты увидел что-либо чувственное или мысленное, вне или внутри тебя: будет ли это вид Христа, или ангела, или какого святого, или мечтательное изображение света в уме. Пребывай не веруя этому и не благоволя об этом. Непрестанно блюди ум твой необразным, не запечатленным чем-либо при посредстве воображения, безвидным, внимая единственно словам молитвы». Каллист и Игнатий Ксанфопулы о безмолвии и молитве, глава 75. Добротолюбие, часть 2.

его опущенная рука прикоснется земли или полу. Вменив себе в непременную обязанность при совершении поклонов обильное душевное делание, состоящее из внимательности, неспешности, благоговения, намерения принести Богу покаяние, подвижник усмотрит в течение непродолжительного времени, какое количество поклонов выносит его телосложение. Исключив из этого числа несколько поклонов в видах немощи своей и снисхождения себе, из остального числа поклонов он может установить для себя ежедневное правило и, испросив на него благословение духовника или настоятеля, или кого из иноков, к которому имеет доверенность и с которым советуется, может отправлять такое правило ежедневно. Для душеназидания возлюбленных братьев наших не умолчим о нижеследующем: поклоны, совершаемые для числа, неодушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны. Подвижник, исполнив их, начинает радоваться. «Вот, — говорит он сам себе, подобно упоминаемому в Евангелии фарисею, — и сегодня Бог сподобил положить (примерно) триста поклонов! Слава Богу! Легкое ли дело? В нынешние времена триста поклонов! Кто ныне несет такое правило?» И так далее. Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности; пришедши в такое расположение, бедный подвижник единственно по той причине, что не имеет понятия об истинном душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его подвиге, при посредстве которого он думает преуспеть. Подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями, не может довольно насытиться ими, усвояет их себе, насаждает в себя гибельную страсть самомнения. Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их. Очевидно, что такое расположение есть признак гордости и самообольщения: если б

инок не счел себя выше ближнего, он никак не дерзнул бы учить его. Таков плод всякого телесного подвига, если он не одушевлен намерением покаяния и не имеет целию одно покаяние, если подвигу самому по себе дается цена. Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех человеков. Брат сказал преподобному Сисою Великому: «Я вижу, что мысль моя находится постоянно при Боге». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя находится непрестанно при Боге; велико то, когда инок увидит себя под всякою тварию»[123]. Таков был образ мыслей истинных служителей Бога, истинных иноков: он образовался в них от правильного душевного делания. При правильном душевном делании и телесный подвиг имеет огромное значение, будучи выражением покаяния и смирения действиями тела. «Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя» (Пс. 24, 18), — молитвенно вопиет к Богу святой Давид, соединявший в благочестивом подвиге своем телесный труд с глубоким покаянием и с глубоким смиренномудрием.

ГЛАВА XXII
О применении келейного правила к монастырскому правилу

В некоторых российских обителях, в весьма немногих, следующих уставу Саровской пустыни, отправляется вечернее правило в церкви с поклонами; в некоторых общежительных монастырях отправляется правило без поклонов; в бóльшей части монастырей вечернее правило предоставляется на произвол братства, отправляется желающими в келиях. В Саровской пустыни и других обителях, следующих ее уставу, труды так значительны, что едва ли кто из братства может сверх церковного

[123] Алфавитный Патерик.

правила совершать и келейное. Но иные бывают очень сильны телом, и телесные труды даже Саровской пустыни и Валаамского монастыря недостаточны для утомления их тела, изобилующего крепостью. Для тех, которые избыточествуют силою или живут в обителях, в которых правило не соединено с поклонами или и вовсе нет общего вечернего правила, предлагаем следующий убогий совет: вечернее правило надо совершать, применяясь к правилу, преподанному ангелом преподобному Пахомию Великому. Применяясь, — потому что в настоящее время и по слабости нашей, и по уставам, общепринятым в наших монастырях, нам невозможно исполнять вполне и в точности правило, преподанное ангелом сообразно древнему быту иноков. Сказанным не должно смущаться. И наше монастырское отечественное чиноположение благословлено свыше: оно соответствует нашей немощи и нашему времени. Соображаясь с тем, как законополагает правило, преподанное ангелом[124], можно дать своему келейному правилу следующий порядок: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. Царю Небесный, Трисвятое, Отче наш, 12 Господи, помилуй; Приидите поклонимся, Псалом 50, Символ веры; затем молитва Иисусова: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Иные при этой молитве полагают 20 поклонов земных и 20 поясных, иные — 30 поклонов земных и столько же поясных, другие — 40 поклонов земных и столько же поясных, и так далее. Полезно присовокуплять несколько земных и поясных поклонов с молитвою Божией Матери: «Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси меня грешного». По совершении положенного числа коленопреклонений и поясных поклонов, никак не должно оставаться в праздности. Не должно предоставлять уму и сердцу свободы уклониться безразборчиво в помышления и чувствования какие бы то

---

[124] Канонник. Издание Святой Киево-Печерской Лавры.

ни было: должно немедленно переходить к молитвословию или молитве Иисусовой. Совершив телесный подвиг, согрев им тело и кровь, подвижник получает, как выше сказано, особенное расположение к душевному деланию, и если не дать немедленно же душе делания правильного и спасительного, то она легко может обратиться к деланию неправильному и пагубному, к размышлениям и мечтаниям пустым и вредным. Надо хранить со тщанием и употреблять с пользою плод, приобретенный правильным телесным подвигом. Невидимые враги и тати не дремлют! Самое падшее естество наше не замедлит дать из себя сродные ему плевелы. Приобретенные при молитве с поклонами чистоту, живость ума и умиление сердца должно тотчас употребить для молитвы без поклонов, неспешно и тихо произносимой устами, вслух себе, при заключении ума в слова молитвы, при сочувствии сердца словам молитвы.

В обителях, где вечернее правило не отправляется в церкви, а отправляется по келиям, должно прочитывать после поклонов молитвы на сон грядущим. Произволяющие и чувствующие себя довольно сильными, читают сверх того акафисты, каноны, Псалтирь и помянник. Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтоб прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца, и оставило на душе глубокое и сильное впечатление[125]. Количество молитвословий, нужных для правила, узнается так же, как и количество поклонов. Прочитай с должным вниманием и неспешностью некоторые молитвословия, которые ты считаешь особенно питающими твою душу: заметив, сколько нужно времени для чтения их, и сообразив, сколько времени ты можешь отделить на молитвословие, иначе

---

[125] Преподобный Симеон Новый Богослов, о трех образах молитвы. Добротолюбие, часть 1.

на псалмопение, составь для себя приличествующее келейное молитвенное правило. На новоначальных очень полезно действует чтение акафистов сладчайшему Иисусу и Божией Матери, а на преуспевших и ощутивших уже некоторое просвещение ума — чтение Псалтири. Для внимательного прочтения одной кафизмы нужно времени около двадцати минут. Святые отцы совершали молитвенное чтение псалмов и прочих молитвословий с такою неспешностью, необходимою для внимания и для заключения ума в слова молитвы, что они это чтение назвали псалмопением. Псалмопение — отнюдь не пение, но крайне неспешное чтение, протяжностью своею подходящее к пению.

В тех обителях, где вечернее правило совершается в церкви без поклонов, должно в келии, по исполнении правила с поклонами, заняться уже не псалмопением, а молитвою, никак не попустив себе развлечься суетными и душевредными помыслами и мечтаниями. Те иноки, которые по каким-нибудь обстоятельствам принуждены бывают часто пребывать в келии безвыходно, совершают правило с поклонами пред утренними молитвами, по причине вышеобъясненного благотворного действия поклонов на тело и душу.

ГЛАВА XXIII
О молитве Иисусовой

Собственно молитвою святые отцы называют молитву Иисусову, которая произносится так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Святой Иоанн Лествичник говорит о безмолвствующих, что «одни из них поют и бóльшую часть своего времени проводят в этом (пении), а другие претерпевают в молитве»: под именем пения здесь надо понимать молитвенное чтение псалмов (тогда еще не было других молитвословий, употребляемых ныне), а под именем молитвы — молитву

Иисусову[126]. То же значение имеют и следующие слова того же святого: «Ночью бóльшую часть времени отдавай молитве, а меньшую псалмопению»[127]. Так объясняют значение слов «молитва» и «псалмопение» в творении святого Иоанна Лествичника, Лествице, позднейшие его великие подвижники и наставники монашества, преподобные Симеон Новый Богослов[128] и Григорий Синаит[129]. Молитва Иисусова разделяется на два вида: на устную и умную. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою, при условии: когда устная молитва — внимательна. Сперва должно обучиться устно молитве Иисусовой. Исполняется Иисусова молитва стоя; при изнеможении же сил — сидя, и даже лежа. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредоточивается в одну мысль: в мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание по наружности самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным из всех душевных деланий. Сила и достоинство доставляются ему всесильным всесвятым именем Господа Иисуса Христа. Пророк, пророчествуя о Богочеловеке, предвозвестил: «Всяк, иже призовет имя Господне, спасется» (Иоил. 2, 32). Слова пророка повторяет святой апостол

---

[126] Слово 27, глава 33.

[127] Там же, глава 77.

[128] В слове о трех образах молитвы, о третьем образе. Добротолюбие, часть 1. «Да упражняется в псалмопении, сиречь да молится усты».

[129] 15 глав о безмолвии, глава 4, о еже како подобает пети. Добротолюбие, часть 1.

Павел (Рим. 10, 13). «Аще исповеси усты твоими, — говорит он, — Господа Иисуса и веруеши в сердцы твоем, яко Бог воздвиже Того из мертвых, спасешися» (Рим. 10, 9). Святой апостол Петр, по исцелении хромого от рождения именем Господа Иисуса Христа, засвидетельствовал пред иудейским синедрионом нижеследующее: «Князи людстии и старцы Израилевы! Аще мы...» (святые апостолы Петр и Иоанн) «...днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся: разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Несть бо иного имени под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам» (Деян. 4, 8–10, 12). Употребление всесвятого Божественного имени Иисус в молитве и моление об этом имени установлено Самим Господом нашим, Иисусом Христом. В этом можно убедиться из той возвышеннейшей и глубочайшей беседы, помещенной в Евангелии от Иоанна (см. Ин. 13, 31; 14; 15; 16), которую Господь имел со святыми апостолами после Тайной вечери, в многознаменательный час, предшествовавший добровольному исшествию Господа на место предания и на страдания, спасительные для рода человеческого. Учение, произнесенное Господом в этот час, имеет характер окончательного, предсмертного завещания, в котором собраны и изложены Им пред учениками Его, а в лице их — пред всем христианством, самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной[130]. Между прочими залогами и духовными дарами дано и подтверждено позволение и повеление молиться именем Иисуса. «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, — сказал Господь ученикам Своим, — то сотворю: да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите

[130] Заимствовано из 10-й главы святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, о безмолвии и молитве. Добротолюбие, часть 2.

во имя Мое, Аз сотворю» (Ин. 14, 13–14). «Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет» (Ин. 16, 23–24). Что ж такое, могущее принявшего преисполнить радости, даровано будет молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован — отвечаем словами Господа — Дух Святой, «Его же пошлет Отец во имя Мое» (Ин. 14, 26). Это опытное познание принадлежит святым отцам, и есть их предание[131].

ГЛАВА XXIV
Об упражнении молитвою Иисусовою

Если жительствуешь в обители, в которой отправляется вечернее правило с поклонами в церкви: то, пришед в келию, сряду займись молитвою Иисусовою. Если жительствуешь в обители, в которой вечернее правило отправляется в церкви, но без поклонов: то, придя в келию, соверши сперва правило с поклонами, а после него займись молитвою Иисусовою. Если принадлежишь к такой обители, в которой нет общего вечернего правила, а предоставлено каждому совершать его в келии, то, во-первых, соверши правило с поклонами, потом займись молитвословием или псалмопением и, наконец, молитвою Иисусовою. Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностью. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другие сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение ста молитв потребно времени тридцать минут или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и в еще

[131] О безмолвии и молитве святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Глава 12.

более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другою; делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностию; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвою Иисусовой, не вдайся в разные размышления и мечтания, всегда пустые, обольстительные, обманчивые; но по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проведи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву; засыпай с нею. Приучи себя так, чтоб, проснувшись от сна, первою твоею мыслью, первым словом и делом была молитва Иисусова. Произнесши ее несколько раз, вставай с одра и спеши к утрени. Во время утрени, по возможности, займись молитвою Иисусовою. Если будешь иметь несколько времени свободного между утренею и литургиею — займись молитвою Иисусовою. Точно так же поступай и после обеда. Отцы советуют после обеда заниматься воспоминанием о смерти[132]. Это вполне правильно, но живая молитва Иисусова неразлучна с живым воспоминанием о смерти[133]; живое воспоминание о смерти сопряжено с живою молитвою ко Господу Иисусу, упразднившему смертию смерть и даровавшему человекам живот вечный Своим временным подчинением смерти. Во время церковных служб полезно упражняться молитвою Иисусовой: она, удерживая ум от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся столько приучиться к молитве Иисусовой, чтоб она сделалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы. Отцы сказали: «Инок должен, употребляет ли пищу и питие,

---

[132] Преподобный Нил Сорский. Слово 7 (в настоящем издании: т. 1, с. 426–432).

[133] Лествица. Слово 28, глава 46.

пребывает ли в келии или находится на послушании (в монастырской работе и труде), путешествует или что иное делает, непрестанно вопиять: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного“»[134].

ГЛАВА XXV
О непрестанной молитве

Непрестанная молитва заповедана Самим Богом. Спаситель мира сказал: «Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам» (Мф. 7, 7). «Бог не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре» (Лк. 18, 7–8). Апостол, повторяя учение Господа, говорит: «Непрестанно молитеся» (1 Сол. 5, 17). «Хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобные руки без гнева и размышления» (1 Тим. 2, 8). Под именем мужей апостол разумеет христиан, достигших христианского совершенства. Только совершенным христианам свойственно молиться «без гнева и размышления», то есть в глубоком мире, в чистейшей любви к ближнему, без малейшего памятозлобия к ближнему и осуждения его, без развлечения посторонними помыслами и мечтаниями («без размышления»). Таковые могут на всяком месте и во всякое время приносить молитву Богу, воздевая и вознося к Нему преподобные руки: ум и сердце, очищенные от страстей, освященные Духом. Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока; но, чтоб сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве. Частая молитва, в свое время, сама собою, перейдет в непрестанную молитву. Как при

[134] Каллист и Игнатий Ксанфопулы, глава 21. Добротолюбие, часть 2.

непрестанной молитве всего удобнее совершать молитву Иисусову, то новоначальный должен, как можно чаще, обращаться к молитве Иисусовой. Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его в праздности! Не убей, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его для упражнения молитвою Иисусовою. Если случится, по немощи или, правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами — не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности и сознав пред Ним твое падшее естество и твое увлечение, припади мысленно пред Его милостию и прими меры предосторожности против обольстительного мечтания и обольстительных помыслов. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной. Непрестанная молитва — дар Божий, даруемый Богом испытанному в верности рабу и служителю Его. «Иначе как непрестанною молитвою невозможно приблизиться к Богу»[135]. Непрестанная молитва есть признак милости Божией к человеку, есть признак, что все силы души устремились к Богу. «Помилуй мя, Господи, яко к Тебе воззову весь день. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою» (Пс. 85, 3—4).

ГЛАВА XXVI
О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной

Желающему непогрешительно заниматься молитвою Иисусовою надо поверять себя, свое упражнение ею, частым чтением следующих отеческих писаний: 1) Слова о трезвении Исихия, пресвитера Иерусалимского[136], 2) Глав о трезвении преподобного Филофея

[135] Святой Исаак. Слово 69.

[136] Добротолюбие, часть 2.

Синайского[137], 3) Слова о сокровенном делании во Христе святого Феолипта, митрополита Филадельфийского[138], 4) Сочинений святых Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, помещенных в первой части Добротолюбия, 5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенных во второй части Добротолюбия, 6) Предания преподобного Нила Сорского, 7) Цветника священноинока Дорофея и других. Читатель найдет в Добротолюбии, в Слове Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, в Слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов, — наставление о художественном вождении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе — механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособия к удобнейшему

---

[137] Добротолюбие, часть 2.

[138] Там же.

и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем, или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати, не нуждается в пособии механизма для такого соединения, но просто, сам собою, своим собственным движением соединяется с сердцем[139]. Это так и быть должно. Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу произошли от нашего падения в грех: естественно Божественной благодати — когда она прострет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением — воссоединять разделенные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душою, но и с телом, давать им одно, правильное стремление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма? Нет! Это — последствие благодати, это — плод Святого Духа, осенившего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимого для плотских и душевных человеков. Читая в отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца[140], помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которою сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила словества выражается в совести или в сознании нашего

---

[139] Ксанфопулы, о безмолвии и молитве. Глава 53. Добротолюбие, часть 2.

[140] О силах души смотри главы преподобного Филофея Синайского. Добротолюбие, часть 2.

духа, без участия разума, в страхе Божием, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали о грехах и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души — ум, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего головной мозг; так и сила словества, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелятся, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время, в отделе сердца, где помещается сила словества, или дух, чудный, нерукотворенный, духовный храм Божий, Святая Святых: туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и Истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: «Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие» (2 Кор. 6, 16). Ниже силы словества, в средине сердца, помещается сила ревности; ниже ее, в низшей части сердца, помещается сила желания или воли. В животных эти две силы действуют очень грубо, как нисколько не связанные словесностью; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа или силы словества они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно греховные, но и все естественные помыслы и ощущения пред разумом Христовым — Евангелием. Ум и сердце иначе не возмогут соединиться как при посредстве Духа и Истины. Это значит: ум и сердце не возмогут

соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятого Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею[141]. Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество: по соединении, духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению заповедей, делает его удобным, легким, сладостным. «Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое» (Пс. 118, 32), — сказал псалмопевец.

Делателю Иисусовой молитвы весьма полезно прочитать Примечания (Предисловия) схимонаха поляномерульского Василия на книги святых: Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского[142]. По прочтении сих примечаний чтение всего Добротолюбия делается более ясным и полезным. При чтении отцов не должно упускать из виду и того, что меры новоначального их времен суть уже меры весьма

---

[141] Преподобного Пимена Великого спросили, что значат слова Писания: «Причастник аз есмь всем боящимся Тебе и хранящим заповеди Твоя» (Пс. 118, 63). Преподобный отвечал: «Это говорит о Себе Святой Дух». Алфавитный Патерик.

[142] Издание Оптиной пустыни 1847 года.

преуспевшего в наше время. Применение отеческих наставлений к себе, к своей деятельности должно быть совершаемо с большою осмотрительностью.

ГЛАВА XXVII
О богомыслии

Святые Димитрий Ростовский и Тихон Воронежский занимались богомыслием, то есть святым размышлением о вочеловечении Бога Слова, о дивном пребывании Его на земле, о страшных и спасительных Его страданиях, о преславном воскресении и вознесении на небо, также о человеке, о его назначении, о его падении, о его обновлении Искупителем, и прочих подобных глубоких тайнах христианства. Святые размышления упомянутых святителей превосходно изложены в их сочинениях. Такие размышления святой Петр Дамаскин, согласно с другими аскетическими писателями, относит к ви́дениям духовным и в разряде этих ви́дений дает им четвертую степень[143]. Всякое духовное ви́дение есть зрение известного рода таинств, являющееся в подвижнике соответственно его очищению покаянием, как это можно видеть в книге Петра Дамаскина[144]. Покаяние имеет свою постепенность: и духовные ви́дения имеют свою постепенность. Тайны христианства открываются подвижнику постепенно, соответственно его духовному преуспеянию. Богомыслие или благочестивые размышления святителей Димитрия и Тихона служат выражением их духовного преуспеяния. Желающий упражняться в богомыслии пусть читает сочинения святителей. Такое богомыслие будет самым непогрешительным и самым душеполезным. Напротив того, богомыслие соделается самым

---

[143] Книга 1, о осьми умных ви́дениях. Добротолюбие, часть 3.

[144] Там же.

неправильным и душевредным, если подвижник, прежде очищения покаянием, не имея точного понятия об учении христианском, позволит себе самовольное размышление, которое не может не быть ошибочным, и потому не может не принести душевредных последствий и самообольщения, не может не вовлечь в пропасть гибельного заблуждения. Святители были обучены со всею точностью и подробностью православному богословию, потом святою жизнью вознеслись на высоту христианского совершенства: богомыслие было для них естественным. Оно неестественно для подвижника, не имеющего основательных, точных познаний в богословии, не очищенного покаянием. По этой причине святыми отцами оно воспрещено для новоначальных иноков, да и вообще для всех иноков, не приготовленных к нему наукою, не достигших к нему жительством. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Неизмерима глубина догматов, и уму безмолвника не небедственно погружаться в нее. Очень опасно плавать в одежде: столько же опасно находящемуся в плену у страстей касаться богословия»[145]. Такое делается предостережение безмолвникам: известно, что к безмолвию допускаются монахи уже преуспевшие. В древности весьма многие из монахов впадали в гибельную пропасть ереси единственно потому, что допускали себе рассматривание догматов, превышавшее их способность понимания. «Смиренномудрый монах, — опять наставляет Лествичник, — не позволит себе любопытного исследования тайн; гордый, напротив того, стремится испытывать и судьбы Божии»[146]. Очень верно! Желание пускаться в богомыслие не способного и не созревшего к нему есть уже внушение самомнения, есть желание безрассудное и гордое. Упражняйся в молитве, в душеназидательном чтении, и это упражнение будет упражнением в богомыслии правильном, безопасном, богоугодном. Как чувственные глаза, исцелившись

[145] Слово 27, главы 10, 11.

[146] Слово 25, глава 11.

от слепоты, видят по естественному своему свойству: так и ум, очистившись от греховной болезненности, естественно начинает видеть тайны христианства[147]. Положись в подвиге твоем на Бога. Если нужно для тебя и для общей пользы христианства, чтоб ты был зрителем глубоких тайн и проповедником их для братии твоей, то Бог непременно подаст тебе этот дар. Если же этого не благоугодно Богу, то стремись к тому, что существенно нужно для твоего спасения и что вполне удовлетворяет требованию этой нужды твоей. Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о суде Божием, о страшных темницах адских, в которых пылает вечный огонь и присутствует вечная тьма: такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезнейшее богомыслие.

ГЛАВА XXVIII
О памятовании смерти

Инок должен воспоминать ежедневно, и по нескольку раз в день, о предстоящей ему неизбежной смерти, а в свое время достичь и непрестанного памятования смерти. Ум наш так омрачен падением, что мы, если не будем принуждать себя к воспоминанию о смерти, можем совершенно забыть о ней. Когда забудем о смерти, тогда начинаем жить на земле как бы бессмертные, жертвуя всею деятельностью нашею для земли, нисколько не заботясь ни о страшном переходе в вечность, ни об участи нашей в вечности. Тогда с решительностью и бесстрашием попираем заповеди Христовы; тогда совершаем все самые ужасные грехи; тогда оставляем не только непрестанную молитву, но и установленную в известные часы, — начинаем пренебрегать этим существенно и необходимо

---

[147] Преподобный Кассиан, книга 5, о духе чревообъедения, глава 34.

нужным занятием, как бы деланием маловажным и малонужным. Забывая о смерти телесной, мы умираем смертью душевною. Напротив того, кто часто воспоминает смерть тела, тот оживает душою. Он пребывает на земле, как странник в гостинице или как узник в темнице, непрестанно ожидая, что его потребуют из нее на суд или для казни. Пред взорами его всегда открыты врата в вечность. Он постоянно смотрит туда с душевною заботою, с глубокою печалью и думою. Постоянно занят он размышлением, что послужит оправданием его на Страшном Суде Христовом и какое произнесено будет о нем определение! Определение это решает участь человека на всю беспредельную загробную жизнь. Никакая земная красота, никакое земное обольщение не привлекает к себе внимания и любви его. Он никого не осуждает, памятствуя, что на Суде Божием изречено будет о нем такое суждение, какое он здесь изрекал на ближних своих. Он прощает всем и всё, чтоб и самому получить прощение и наследовать спасение. Он снисходит всем, милосердствует о всех, чтоб и ему оказаны были снисхождение и милосердие. Он с радостью приемлет и лобызает всякую приходящую скорбь как возмездие за грехи его во времени, освобождающее от возмездия в вечности. Если бы пришел ему помысл вознестись своею добродетелью, то памятование смерти немедленно устремляется против этого помысла, посрамляет его, уличает в нелепости, отгоняет. Какое может иметь значение наша добродетель на Суде Божием? Какую может иметь цену наша добродетель пред очами Бога, пред которыми и небо нечисто (см. Иов. 15, 15)? Напоминай и напоминай себе: «Умру, умру непременно! Умерли отцы и праотцы мои: никто из людей не остался всегда на земле, и меня ожидает участь, постигшая и постигающая всех». Не теряй напрасно времени, данного на покаяние! Не заглядывайся на землю, на которой ты — деятель минутный, на которой ты — изгнанник, на которой милосердием Божиим предоставлено тебе одуматься, принести покаяние

для избежания вечных темниц ада и вечной муки в них. Краткий срок странничества на земле употреби на приобретение приюта спокойного, приюта блаженного в вечности. Ходатайствуй о стяжании вечного стяжания отвержением всякого временного стяжания, отвержением всего плотского и душевного в области падшего естества! Ходатайствуй исполнением Христовых заповедей! Ходатайствуй искренним раскаянием в содеянных согрешениях! Ходатайствуй благодарением и славословием Бога за все посланные тебе скорби! Ходатайствуй обильным молитвословием и псалмопением! Ходатайствуй молитвою Иисусовою, соединяя с нею воспоминание о смерти. Эти два делания — молитва Иисусова и памятование смерти — удобно сливаются в одно делание. От молитвы является живое воспоминание о смерти, как бы предощущение ее; а от предощущения смерти сильнее возжигается молитва. Необходимо подвижнику помнить смерть! Это воспоминание необходимо для самого подвига. Оно предохраняет подвиг инока от повреждения и растления самомнением, к которому может привести подвижническая и внимательная жизнь, если она не будет ограждена памятованием смерти и суда Божия. Великое душевное бедствие — дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугою пред Богом. Признавай себя достойным всякого земного наказания, достойным вечных мук. Такая оценка себя будет самою верною, самою душеспасительною, самою богоугодною. Часто исчисляй вечные бедствия, ожидающие грешников. Частым исчислением этих бедствий соделай их как бы предстоящими пред очами твоими. Стяжи предощущение адских мук, чтоб душа твоя при живом воспоминании о них содрогалась, отторгалась от греха, прибегала к Богу с смиренною молитвою о помиловании, в надежде на Его неограниченную благость и в безнадежии на себя[148]. Вспоминай и представляй

[148] Совет святого Иоанна Лествичника. Лествица. Слово 7, глава 10.

себе неизмеримую страшную подземную пропасть и темницу, составляющие собою ад. Пропасть именуется бездною: точно — такова она относительно человеков. Адская обширная темница имеет множество отделов и множество различного рода томлений и мучений, которыми воздается каждому человеку по делам его, совершенным им в течение земной жизни. Во всех отделах заключение — вечно, муки — вечны. Там господствует томительный, непроницаемый мрак, и вместе горит там огнь неугасающий, всегда одинаково сильный. Нет там дня: там вечная ночь. Там смрад нестерпимый, с которым не может сравниться никакое земное зловоние. Лютый адский червь никогда не усыпает и никогда не дремлет: точит он и точит, снедает адских узников, не нарушая их целости, не уничтожая существования и сам не насыщаясь. Такое свойство имеют все адские муки: они тяжелее всякой смерти, и не приносят смерти. Смерть во аде столько вожделенна, сколько вожделенна на земле жизнь. Смерть была бы отрадой для адских узников. Ее нет для них: удел их — бесконечная жизнь для бесконечных страданий. Терзаются во аде от нестерпимых казней, которыми преизобилует вечная темница отверженных Богом; терзаются там невыносимою скорбью; терзаются там лютейшим душевным недугом — отчаянием. Признавай себя приговоренным во ад на вечную муку, и из этого сознания родятся в сердце твоем такие молитвенные неудержимые и могущественные вопли, которые непременно склонят Бога к помилованию тебя, и введет тебя Бог в рай вместо ада. Признающие себя достойными наград земных и небесных! Для вас опасен ад, более нежели для явных грешников, потому что тягчайший грех между всеми грехами — гордость, самомнение, грех духа, невидимый для чувственных очей, прикрывающийся часто личиною смирения. В воспоминании и размышлении о смерти упражнялись величайшие из преподобных отцов. О Пахомии Великом говорит писатель жития

его, что он «содержал себя постоянно в страхе Божием воспоминанием вечных мук и болезней, не имеющих конца, то есть воспоминанием неугасимого огня и того червя, который никогда не умирает. Этим средством Пахомий удерживал себя от зла и возбуждал к лучшему»[149].

ГЛАВА XXIX
Тесный путь установлен Самим Богом для истинных служителей Его

Господь наш Иисус Христос провел земную жизнь Свою в величайшем смирении, подвергаясь непрестанным скорбям и гонениям, преследуемый, оклеветываемый, поносимый врагами Своими, которые наконец предали Его позорной, торговой казни вместе с уголовными преступниками. Путь спасения, вводящий в жизнь вечную, установлен Господом «тесный и прискорбный» (Мф. 7, 13), — установлен и всесвятым примером Господа, и всесвятым учением Господа. Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они «в мире», то есть во время совершения поприща земной жизни, «будут скорбны» (Ин. 16, 33), что «мир будет ненавидеть их» (Ин. 15, 18–19), что он будет «гнать их, уничижать, предавать смерти» (Ин. 16, 2 и 3). Господь уподобил положение учеников и последователей Своих посреди порочного человечества положению «овец посреди волков» (Мф. 10, 16). Из этого видно, что скорбное положение во время земной жизни есть установление Самого Господа для истинных рабов и слуг Господа. Установления этого, как установления Господня, невозможно отклонить никаким средством человеческим, никакою мудростью, никаким благоразумием, никакою предусмотрительностью, никакою осторожностью. И потому вступающий в иноческую

[149] Vita sancti Pachomii, abbatis Tabennensis. Patrologie, tom. 73.

жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования. Священное Писание говорит: «Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи, и не скор буди во время наведения: прилепися Ему и не отступи, да возрастеши на последок твой. Все елико нанесено ти будет, приими и во изменении смирения твоего долготерпи: яко во огни искушается злато, и человецы приятни в пещи смирения» (Сир. 2, 1–6).

Какая была бы причина того, что Господь предоставил истинным рабам Своим скорби на время их земной жизни, а врагам Своим предоставил благополучие, вещественное преуспеяние и вещественные блага? Плотский разум говорит: следовало бы устроить совершенно противным образом. Причина заключается в следующем: человек есть существо падшее. Он низвергнут на землю из рая, в раю привлекши к себе смерть преступлением заповеди Божией. Смерть немедленно по преступлении поразила душу человека и неисцельно заразила его тело. Тело, для которого жизнью служит душа, не тотчас по падении разлучилось с душою; но душа, для которой служит жизнью Святой Дух, тотчас по падении разлучилась со Святым Духом, Который отступил от нее как от осквернённой и отравленной грехом, предоставив ее самой себе. С такою-то мертвою душою и с живым телом жизнью животного низвергнут первый человек на землю на некоторое время, а прочие человеки рождаются и пребывают на земле некоторое время. По истечении этого времени, называемого земною жизнью, окончательно поражается смертью и тело, наветуемое ею и борющееся с нею в течение всей земной жизни. Земная жизнь — этот кратчайший срок — дана человеку милосердием Творца для того, чтоб человек употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение или оживотворение человека

Святым Духом совершается при посредстве Искупителя, или Спасителя, — Господа нашего Иисуса Христа. Человекам, родившимся до Искупителя, предоставлено было спасаться верою в обетованного Искупителя, а получить спасение по совершении Искупителем искупления; родившимся по Искупителе предоставлено спасаться верою в пришедшего Искупителя и получать спасение еще во время земной жизни, а неотъемлемость спасения немедленно по разлучении души с телом и по совершении частного суда. Всякий, верующий в Спасителя, по необходимости должен сознавать и исповедовать свое падение и свое состояние изгнания на земле; он должен сознавать и исповедовать это самою своею жизнию, чтоб сознание и исповедание были живы и действительны, а не мертвы и бездейственны. Иначе он не может признать как следует Искупителя! Потому что Искупитель и Спаситель нужен только для падших и погибших; Он нисколько не нужен и нисколько не может быть полезным для тех, которые не хотят сознать и исповедать своего падения, своей погибели. Исповедовать самою жизнью свое падение значит: переносить все скорби земной жизни как справедливое воздаяние за падение, как естественное, логичное последствие греховности и постоянно отказываться от всех наслаждений, как несвойственных преступнику и изгнаннику, прогневавшему Бога, отверженному Богом. Временная земная жизнь есть не что иное, как преддверие к вечной жизни. И к какой жизни? К вечной жизни в темницах адских, среди ужаснейших мук ада, если не воспользуемся в течение временной земной жизни искуплением, дарованным туне, — искуплением, которого принятие и отвержение оставлено на произвол каждого человека. Земная жизнь есть место вкушения горестей и страданий, место созерцания горестей и страданий несравненно бóльших, нежели страдания земные. Земная жизнь не представляет ничего радостного, ничего утешительного, кроме надежды спасения. «Блажени плачущии ныне», ныне, во время земного

странствования своего, — сказал нам Искупитель наш, — и «горе вам, смеющимся ныне» (Лк. 6, 21 и 25). «Все христианское житие на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностью, свойственною покаянию. Христос пришел призвать нас на покаяние. Обрати особенное внимание на слова Его: „Приидох призвати на покаяние“ (Мф. 9, 13). Не веселье, не трапезы, не гуляния, не пирования, не лики, но покаяние, но плач, но слезы, но рыдание и крест предлагает нам здесь Господь наш. Видишь, в чем должна проводиться на земле жизнь христианина! Увидишь это, читая Евангелие Христово. Имеется здесь и для христиан веселие, но духовное. Они радуются не о злате, сребре, пище, питии, чести и славе, но о Бозе Спасе своем, о благости и милости Его к ним, о надежде вечного живота»[150].

Господь, приняв на Себя человечество и все немощи человеческие, кроме греха, принял на себя и деятельное сознание падения, в которое низвергся весь род человеческий: Он провел земную жизнь в непрестанных скорбях, не произнесши против этих скорбей никакого слова, которое выражало бы неудовольствие; напротив того, называл их чашею, поданною Отцом Небесным, которую должно пить и испить беспрекословно. Невинный и Всесвятый Господь, пострадав принятым им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих последователей, для всего Своего духовного племени и родства, в деятельное сознание падения и греховности, в деятельное признание и исповедание Спасителя, в деятельное соединение с Ним, усвоение Ему. Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение, в деятельное доказательство верности спасения и верности пути страдальческого, ведущего ко спасению. Невинный и Всесвятой Господь провел земную жизнь

---

[150] Святитель Тихон Воронежский. Келейные письма, том 15, письмо 99.

в страданиях: тем более виновные должны пострадать с полным сознанием, что они достойны страдать; они должны радоваться, что кратковременными страданиями избавляются от вечных страданий, становятся в разряд последователей и свойственников Богочеловека. Кто отказывается от страданий, не сознает себя достойным их, тот не признает своего падения и погибели! Кто проводит земную жизнь в наслаждениях, тот отрекается от своего спасения! Кто земную жизнь употребил на одно земное преуспеяние, тот признает безумно кратчайшее время вечностью, а вечность несуществующею и готовит себе в ней вечное бедствие! Кто не признает своего падения и погибели, тот не признает Спасителя, отвергает Его! Признание себя достойным временных и вечных казней предшествует познанию Спасителя и руководит к познанию Спасителя, как видим из примера, представленного нам разбойником, наследовавшим рай (см. Лк. 23, 40–43). Может быть, скажут, что разбойник был явным преступником и потому сознание было удобным для него: как приходить к подобному сознанию не сделавшим подобных преступлений? Отвечаем: и другой разбойник, распятый близ Господа, был явным преступником, но не пришел к сознанию своей греховности, потому что сознание есть следствие сердечной милости и смирения, а несознание есть следствие сердечных ожесточения и гордыни. Божии святые постоянно сознавали себя грешниками, несмотря на явные благодатные дары, которыми они обиловали; напротив того, величайшие злодеи всегда оправдывали себя и, утопая в злодеяниях, не останавливались провозглашать о своей добродетели.

Апостол Павел засвидетельствовал о Ветхозаветных праведниках, что все они провели земную жизнь «лишени, скорбяще, озлоблени, исповедавше» самою жизнию, «яко страннии и пришельцы суть на земли» (Евр. 11, 37 и 13). Потом, обращаясь к современным ему истинным служителям Бога и указав им на Начальника веры и Совершителя Иисуса, Который, вместо

подобавшей Ему славы, претерпел бесчестие и крест, апостол произносит следующее увещание: «Иисус, да освятит люди Своею Кровию, вне врат пострадати изволил: темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще» (Евр. 13, 12–13). «Вне стана», то есть отвергнув и оставив всё, что непостоянный, преходящий мир считает вожделенным; «поношение Его носяще», то есть приняв участие в крестном пути, установленном от Господа и пройденном Его страдальческою земною жизнью. На голос этот отозвались все истинные христиане и, оставив стан, во всех отношениях переменчивый и чуждый всякой прочности, прошли стезею страданий к вечному небесному граду. «Аще без наказания есте, — говорит апостол, — емуже причастницы быша вси: убо прелюбодейчищи есте, а не сынове» (Евр. 12, 8). Здесь должно заметить слово «вси»: все праведники провели земную жизнь в скорбях! Ни один из них не достиг неба, шествуя по широкому пути земного благоденствия. «Егоже любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6). «Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую» (Апок. 3, 19), — сказал Господь в Откровении святого Иоанна Богослова. Наставляемые этими свидетельствами Святого Духа и многими другими, которыми усеяны страницы Священного Писания, мы с дерзновением утверждаем: скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим, суть верный признак избрания человека Богом. Когда Иисус возлюбил юношу, то предложил ему последование Себе и ношение креста (см. Мк. 10, 21). Не отвергнем призвания! Приемлется призвание, когда, при пришествии скорби, христианин признает себя достойным скорби; последует с крестом своим христианин Господу, когда благодарит, славословит Господа за посланные скорби, когда «не имать душу свою честну себе» (Деян. 20, 24), когда всецело предает себя воле Божией, когда еще с большею ревностию устремляется к исполнению евангельских заповедей, особенно заповеди о любви к врагам. Так верен признак

избрания скорбями, что Святой Дух приветствует подвергшихся скорбям приветствием небесным. «Радуйтеся, — возвещает Он им, — радуйтеся! Всяку радость...», то есть величайшую радость, «...имейте, егда во искушения впадаете различна» (Иак. 1, 2). «Блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5, 11–12). Святой апостол Петр говорит христианам, что их призвание — страдания (см. 1 Пет. 2, 21). Таково Божественное назначение для человека во время земной жизни его! Он должен уверовать в Искупителя, исповедать Его сердцем и устами, исповедать своею деятельностью, приняв с покорностью тот крест, который благоугодно будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым! (Лк. 14, 27). «Страждущий по воле Божией, — говорит апостол Петр, — яко верну Зиждителю да предадят души своя во благотворении» (1 Пет. 4, 19). Зиждитель душ наших — Господь: Он зиждет души верующих в Него скорбями. Отдадимся Его воле и Промыслу, а сами приложим всё старание об исполнении евангельских заповедей. Когда христианин предаст себя воле Божией, возложит с самоотвержением все свои попечения на Бога, будет благодарить и славословить Его за крест: тогда необыкновенная духовная сила веры неожиданно является в сердце; тогда неизреченное духовное утешение неожиданно является в сердце. Иисус печатлеет ученика, принявшего избрание, Духом — и земные скорби соделываются источником наслаждения для раба Божия. Напротив того, бесскорбная земная жизнь человека служит верным признаком, что Господь отвратил от него взор Свой, что он не угоден Господу, хотя бы и казался по наружности благоговейным и добродетельным.

Воспел святой пророк Давид: «Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь» (Пс. 33, 20). Как это верно! Всем истинно служащим Господу, праведным правдою Искупителя,

а не своею падшею и ложною, попускается много скорбей; но все эти скорби рассыпаются сами собою; ни одна из них не может сокрушить раба Божия: они очищают, усовершают его. О скорбях грешников, живущих на земле для земных наслаждений и для земного преуспеяния, пророк не сказал ни слова. Скорби им не попускаются. К чему им скорби? Они не понесут их с благодарением, а только ропотом, унынием, хулою на Бога, отчаянием умножат грехи свои. Господь предоставляет им пользоваться земными благами до самой кончины, чтоб они опомнились хотя по причине благоденствия своего. Он посылает скорби только тем грешникам, в которых предвидит обращение, которые в книге живота, по предведению Божию, уже внесены в число праведников, оправданных правдою Искупителя. Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как не принявших учения Христова, не оказавших никакого усердия последовать Христу, вступивших на путь неправды не по увлечению и не по неведению. Скорби о Христе суть величайший дар Христов (см. Флп. 1, 29), даруемый тем, которые от всей души предались в служение Христу. Святой Давид, упомянув о многих скорбях, которым подвергаются праведники, ничего не упомянул о скорбях грешников: они, будучи прелюбодейчищами, а не сынами, не привлекают к себе наказания Господня. Давид говорит только о смерти их, что она «люта» (Пс. 33, 22). Точно: люта смерть грешников, забытая, не изученная ими: она преставляет их внезапно из среды обильных наслаждений в бездну вечного мучения. Давид, обращаясь с утешением к служителю Божию, пребывающему на земле в лишениях и томлении, говорит ему: «Не ревнуй спеющему в пути своем, человеку, творящему законопреступление. Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие: зане яко трава скоро изсшут, и яко зелие злака скоро отпадут» (Пс. 36, 7 и 1–2). Далее пророк говорит от лица подвижника, которого еще колеблет

плотское мудрование: «Возревновах на беззаконныя, мир грешников зря: яко несть восклонения в смерти их», то есть никакая скорбь не пробуждает их от душевного усыпления, от сна смертного, от смерти душевной. Они «в трудех человеческих не суть, и с человеки не приемлют ран». Человеками здесь названы служители истинного Бога, сохранившие в себе достоинство человека: они упражняются в благочестивых произвольных подвигах и подвергаются невольному наказанию Господню. Отверженные грешники, живя в небрежении, не участвуют ни в подвигах, ни в скорбях. Какое же последствие такого положения отверженных Богом? «Сего ради удержа я гордыня их до конца: одеяшася неправдою и нечестием своим» (Пс. 72, 3–6). В них уничтожается всякое сознание греховности своей, является неизмеримое, неисцелимое самомнение; греховная жизнь соделывается их неотъемлемою принадлежностью, как бы постоянною одеждою, облачением, обнаружением, и соделывает такою же принадлежностью их нечестие, заключающееся в неведении Бога, в ложных понятиях о Боге и о всем богооткровенном учении. В таком состоянии находит произвольных, нераскаянных грешников смерть, и, восхитив их, представляет на суд Божий.

Священное Писание соединяет понятие об искушении с понятием об обличении: «Сыне мой, — говорит оно, — не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабевай от Него обличаем» (Евр. 12, 5). Это же видно из вышеприведенных слов Господа: «Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую». На каком основании обличение соединяется с искушением? На том, что всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение. До скорби человек представляется сам себе спокойным и мирным; но когда придет скорбь, тогда восстают и открываются неведанные им страсти, особливо гнев, печаль, уныние, гордость, неверие. Существенно нужно и полезно для подвижника обличение греха, гнездящегося в нем втайне. Сверх того, скорби,

принимаемые и переносимые как до́лжно, усиливают веру; они показывают человеку его немощь и доставляют смирение, низлагая самомнение. Апостол Павел, упоминая об одном из постигших его искушений, говорит: «Не хощем вас, братия, неведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя, иже от толикия смерти избавил ны есть и избавляет, наньже и уповахом, яко и еще избавит» (2 Кор. 1, 8–10). Сердце наше, обреченное по падении на прозябение терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями. Не вне этой опасности и самый преисполненный благодатных даров праведник. Апостол Павел открыто говорит, что причиною великих, попущенных ему скорбей, было Божие смотрение с целью охранить его от превозношения, в которое он мог бы впасть не по какому-нибудь суетному поводу, но по поводу множества бывших ему Божественных откровений и видений. Когда апостол еще не ведал причины удручавших его искушений, — он трикратно молил Бога, чтоб искушения, столько препятствовавшие успеху проповеди, были устранены; но когда узнал причину, — воскликнул: «Благоволю в немощех, в досаждениях, в изгнаниях, в теснотах по Христе» (2 Кор. 12, 7–10). «Мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся и аз миру» (Гал. 6, 14).

Вступив в святую обитель, уклонимся произвольно от зависящего от нас наслаждения и претерпим великодушно те скорби, которые независимо от нас будут попущены нам Промыслом Божиим. Предадим себя с верою всецело в руки Творца нашего и Зиждителя душ наших. Он не только сотворил нас, но и зиждет души тех, которые восхотели быть Его служителями. Зиждет Он нас Церковными Таинствами, зиждет евангельскими заповедями, зиждет многоразличными скорбями и искушениями,

зиждет благодатию Своею. «Отец Мой делатель есть, — сказал Господь, — всяку розгу о Мне не творящую плода, измет ю: и всяку творящую плод, отребит ю» (очищает искушениями и скорбями), «да множайший плод принесет» (Ин. 15, 2). Заметьте: плод, взыскуемый и приемлемый Богом от каждой виноградной лозы, которою изображается душа человеческая, есть деятельность ее о Христе, то есть исполнение ею евангельских заповедей, а отнюдь не естественная, то есть отнюдь не исполнение на деле добра естественного, осквернённого смешением со злом. «Розга, — сказал Господь, — не может плода творити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете» (Ин. 15, 4). Только ту душу, которая приносит плод о Христе, Отец Небесный очищает; душа, не приносящая плода о Христе, пребывающая в падшем естестве своем, приносящая бесплодный плод естественного добра и довольствующаяся им, не привлекает Божественного попечения о себе: она в свое время отсекается смертью, извергается ею из виноградника — из недра Церкви и из земной жизни, данной для спасения в недре Церкви, влагается в вечный огнь ада, где сгорает, горя и не сгорая вечно (см. Ин. 15, 6). Не должно самому подвижнику своевольно и дерзко ввергаться в скорби и искушать Господа: в этом — безумие, гордыня и падение. «Не даждь во смятение ноги твоея, — говорит Писание, — ниже воздремлет храняй тя» (Пс. 120, 3). «Да не искусиши Господа Бога твоего» (Втор. 6, 16; Мф. 4, 7). Такое значение, по свидетельству Господа, имеют те дерзкие и тщеславные начинания, когда подвижник осмелится и покусится самопроизвольно вдаться в напасть. Но те скорби и напасти, которые приходят нам невольно, следовательно, попускаются и устраиваются Промыслом Божиим, должно принимать с величайшим благоговением, как дары Божии, как врачевства душевных недугов наших, как залоги избрания и вечного спасения. Плод скорбей,

заключающийся в очищении души, в вознесении ее в духовное состояние, должно хранить как драгоценное сокровище. Хранится этот плод, когда подвергшийся искушению и обличению употребит в это время всё тщание пребыть в евангельских заповедях, не увлекаясь страстями, обнаруженными и приведенными в движение искушением. Между евангельскими заповедями и крестом — чудное сродство! Делание заповедей привлекает на рамена делателя крест, а крест усовершает, утончает нашу деятельность по закону Христову, объясняет нам этот закон, доставляет ощущение духовной свободы, несмотря на пригвождение, — исполняет нас неизреченною духовною сладостью, несмотря на горечь наружных обстоятельств. Подвергшихся различным скорбям Божественное Писание утешает и увещавает так: «Боящиися Господа, пождите милости Его и не уклонитеся, да не падете. Боящиися Господа, веруйте Ему, и не имать отпасти мзда ваша. Боящиися Господа, надейтеся на благая, и на веселие века и милости. Воззрите на древния роды и видите, кто верова Господеви и постыдеся; или кто пребыстъ во страсе Его и оставися; или кто призва Его и презре и? Зане щедр и милостив Господь, и оставляет грехи, и спасает во время скорби. Горе сердцам страшливым, и рукам ослабленным, и грешнику ходящу на две стези! Горе сердцу ослаблену, яко не верует: сего ради покровено не будет. Горе вам, погубльшим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь? Боящиися Господа не сумневаются о глаголех Его, и любящии Его сохранят пути Его. Боящиися Господа поищут благословения Его, и любящии Его исполнятся закона. Боящиися Господа уготовят сердца своя и пред Ним смирят души своя, глаголюще: да впадем в руце Господни, а не в руце человечески, яко бо величество Его, тако и милость Его» (Сир. 2, 7—18). Тот впадает в руки человеческие, кто, будучи искушаем человеками, не видит Промысла Божия, попускающего человекам искушать, и потому,

приписывая человекам значение, удобно может склониться к человекоугодию и к отступлению от Бога. Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла и духовным разумом своим пребудет единственно в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих. Когда игемон Пилат, водимый плотским мудрованием, сказал предстоявшему пред ним Господу: «Власть имам распяти Тя, и власть имам пустити Тя», тогда Господь отвечал ему: «Не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше» (Ин. 19, 10 и 11); ты — столько слепое орудие, что даже не понимаешь и не подозреваешь того дела, на которое употребляешься. «В терпении вашем стяжите душы ваша, — сказал Господь, — претерпевый до конца, той спасется; праведный от веры жив будет; и аще обинется...» (если ж кто поколеблется), «...не благоволит душа Моя о нем» (Лк. 21, 19; Мф. 24, 13; Евр. 10, 38).

ГЛАВА XXX
Учение святых отцов о тесном пути

Учение о терпении, преподаваемое Священным Писанием, излагается весьма сильно и в изобилии святыми отцами, как такой род пищи, который имеет особенно важное значение на духовной трапезе духовного слова. Сделаем несколько выписок из сочинений отеческих, чтоб читающий эти убогие советы, имел в них готовое подкрепление при скорбях, когда они постигнут, мог от всей души приготовиться к ним прежде пришествия их. Кого они застают нечаянно, неготовым и невооруженным, того колеблют удобно, часто низлагают.

Святой Иоанн Лествичник говорит: «Кто отверг от себя правильное или неправильное обличение (наказание), тот отвергся своего спасения. Если же кто принял обличение с болезнью или

и безболезненно, тот скоро получит отпущение своих согрешений[151]. Пей ежечасно поругание, как живительную воду[152]. Угрызаемые обличениями (наказаниями), будем воспоминать наши грехи, доколе Господь, видя понуждение понуждающих себя ради Его, не изгладит грехов наших, и угрызающую сердца наши болезнь не претворит в радость: ибо „по множеству болезней моих в сердце моем“, соответственно им, „утешения Твоя возвеселиша душу мою“ в свое время (Пс. 93, 19). Не забудем того, кто говорит ко Господу: „Елики явил ми еси скорби многи и злы, и обращся оживотворил мя еси, и от бездн земли“, по падении моем, опять „возвел мя еси“ (Пс. 70, 20)[153]. Блажен тот, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем, понудил себя ради Бога! Он будет ликовать с мучениками и обращаться с ангелами, как с друзьями. Блажен монах, который признает себя достойным всякого бесчестия и уничижения[154]. Малым огнем смягчается большое количество воска, и часто малое приключившееся бесчестие внезапно умягчает, углаждает и истребляет всё свирепство, нечувствие и ожесточение сердца[155]. Досады, уничижения и тому подобное уподобляются в душе послушника полынной горести, а похвалы, почести и благохваления, подобно меду, рождают в сластолюбивых величайшую сладость. Рассмотрим же действие, свойственное каждому веществу: одно очищает внутри всякую нечистоту, а другое умножает желчь[156]. Сами те, которые кажутся переносящими злострадание и терпеливыми, будучи оставлены на некоторое время без попечения о них, как бы о достоверно добродетельных, и уже не обличаемые и не укоряемые своим настоятелем,

---

[151] Слово 4, о послушании, глава 44.

[152] Там же, глава 36.

[153] Там же, глава 43.

[154] Глава 44.

[155] Глава 89.

[156] Слово 4, глава 104.

лишаются своей кротости и терпения. Эта земля (сердца́ истинных подвижников), хотя и хороша, и плодоносна, и тучна, но при оскудении воды бесчестия делается способною к произращению плевелов: в ней прозябает терние кичения и блуда»[157].

Святой Исаак Сирский: «Если кто без бед, подвигов и искушений приблизился к Богу, то и ты подражай тому»[158]. «Когда обрящешь неизменный мир на пути твоем, тогда убойся, потому что далеко отстоишь от правой стези, по которой идут праведники страдальческими ногами. Совершая путь к граду Царства и приближаясь к граду Божию, следующее признавай знамением близости его: крепость искушений встретит тебя. Сколько ты приближаешься и преуспеваешь, столько искушения умножаются против тебя. Когда ощутишь на пути твоем, в твоей душе, различные, самые сильные искушения: тогда наверно знай, что душа твоя прияла в то время тайно иное высокое состояние и что приложилась ей благодать к тому состоянию, в котором она стояла. Соответственно величию благодати, Бог вводит душу в скорбь искушений»[159]. «Во время искушений нам должно иметь два ощущения, противные друг другу, ни в чем не схожие между собою: эти два ощущения — радость и страх. Радость, потому что оказалось, что мы шествуем по пути, по которому прошли святые, особливо же прошел Животворящий всех (Богочеловек). Мы должны иметь страх из опасения, не подвергаемся ли искушениям за гордость»[160]. «Душа, приявшая попечение о стяжании добродетелей и живущая в трезвении и страхе Божием, не может быть без печали ни одного дня, ибо добродетели неразлучно сопряжены с печалями. Исходящий из скорбей без всякого сомнения разлучается и с добродетелию. Если вожделеваешь добродетели, предай

---

[157] Слово 4, глава 27.

[158] Слово 75.

[159] Слово 78.

[160] Там же.

себя всякой скорби. Скорби рождают смирение. Бог не хочет, чтоб душа была без печали. Хотящий быть без печали обретается своим образом мыслей (мудрованием) вне воли Божией. Доколе не достигнем истинного разума, который состоит в откровении таинств, искушениями приводимся к смирению. Кто пребывает в добродетели своей без скорбей, для того отверзлась дверь к гордости»[161]. «Бог весьма часто попущает добродетельным быть искушенными и предоставляет возбуждаться против них многому злу со всех сторон. Он уязвляет тело их, как тело Иова; вводит их в нищету, в оставление человеками, уязвляет их в то, что ими приобретено. Только к душам их не приближается вред. Невозможно, чтоб в то время, когда мы шествуем путем правды, не встретилось с нами сетование, чтоб тело не болело в недугах и болезнях и пребывало неизменным, если мы возлюбим жить в добродетели. Но тот человек, который живет, угождая своей воле, предаваясь зависти или чему другому, вредящему его, уже осужден. Если же он пойдет путем правды, совершает свое шествие к Богу, имея многих подобных себе, и на сем пути случится ему что-либо таковое, то не должно ему уклоняться от приключившегося (искушения), но принять его с радостию, без испытания, и благодарить Бога, что послал ему сей благий дар, что сподобился впасть в искушение ради Бога, соделаться причастником страданий, понесенных пророками, апостолами и прочими святыми, претерпевшими скорби ради сего пути, от человеков ли придут эти скорби, или от бесов, или от тела — ибо невозможно им прийти или быть попущенными без мановения Божия, — да будет ему поводом к правде. Как невозможно, чтоб Бог облагодетельствовал возжелавшего соединиться с Ним иначе, а не наведением на него искушений за истину, так и человеку невозможно без дарования от Христа соделать себя способным сего величия — войти

[161] Слово 34.

в искушение за Божественное дарование и возрадоваться о пришедшем искушении. О сем свидетельствует святой Павел. Так велико это дело — пострадать за надежду свою на Бога, — что апостол явно называет его даром: сие от Бога „даровася вам, — говорит он, — не токмо еже в Него..." (во Христа) „...веровати, но и еже по Нем страдати" (Флп. 1, 29). И как святой Петр написал в послании своем: „Аще и страждете правды ради, блажени есте" (1 Пет. 3, 14), потому что вы соделались общниками страданий Христовых. Итак, не тогда тебе должно радоваться, когда будешь жить в полном удовольствии, и не тогда упадать духом, когда находишься в скорбях, считая такое положение чуждым пути Божию. По пути Божию от начала века и рода человеческого идут крестом и смертию. Откуда у тебя мысль, противная сему? Уразумей, что ты находишься вне пути Божия, устранился с него, не хочешь ходить по следам святых, но хочешь устроить для себя иной, особенный путь и шествовать по нему без страданий. Путь Божий есть повседневный крест. Никто не взошел на небо, живя в удовольствиях»[162]. «Всякому человеку полезно искушение. Если искушение было полезно Павлу, то „всяка уста да заградятся, и повинен будет весь мир Богови" (Рим. 3, 19). Подвижники искушаются, чтоб умножилось богатство их; слабые, чтоб сохранили себя от вредного для них; спящие, чтоб приготовились к возбуждению; отстоящие далеко, чтоб приблизились; свои, чтоб вселились с уверенностию. Необученный сын не вступает во владение богатством отцовского дома, потому что не сумеет полезно употребить богатство. По этой причине Бог прежде томит и искушает, а потом являет благодать. Слава Владыке, тяжелыми врачествами доставляющему наслаждение здравия! Нет такого, который бы не скорбел при обучении; и нет такого, которому бы не казалось тяжким то время, в которое напоявают его ядом

[162] Слово 35.

искушений. Без них невозможно стяжать твердости сердца. Но и терпение искушений не в наших силах. Как может сосуд, сделанный из земли, удержать в себе воду, если Божественный огнь не доставит ему крепости? Если мы покоримся, прося со смирением и непрестанным желанием терпения о даровании терпения, то всё будет нам дано о Христе Иисусе, Господе нашем»[163]. «Страх да не понудит тебя, по обычаю своему, многообразно изменять помыслы и заниматься ими. Напротив того, пребудь в уверенности, что Хранитель твой — с тобою; мудрость твоя да удостоверит тебя со всею достоверностию, что ты со всею тварию состоишь под одним Владыкою, Который одним мановением движет всем, всё колеблет, укрощает и устроевает. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов без попущения Промышляющего о всех и Управляющего всеми. Восстань и благодушествуй: если была дана свобода иным, но не во всем. Ни бесы, ни плотоядные звери, ни злые человеки не могут исполнить воли своей к потреблению и погублению, если не попустит того воля верховного Правителя и не даст тому места в известном количестве. Эта воля не попускает свободной воле злых действовать произвольно, ибо если б это было, то не мог бы остаться живым никто из облеченных плотню. Но Господь не оставляет создания Своего и не попускает власти бесов и человеков сделать с ним по всей воле их. И потому завсегда говори душе твоей так: «Имею Хранителя, хранящего меня, и не может ни одна из тварей явиться предо мною, если только не будет повеления свыше». Поверь мне, что они не смеют показаться тебе на глаза и заставить тебя выслушать ушами твоими угрозы их. Если б они имели дозволение свыше от Небесного Царя, то не было бы нужно слова и слов, но воле их последовало бы и дело. Также говори себе: „Если есть воля Владыки моего, чтоб лукавые обладали созданием Его, то

---

[163] Слово 37.

и я принимаю это, не признавая злом, как не желающий, чтоб воля Господа моего осталась неисполненною". Таким образом, будешь ощущать обильную радость в искушениях твоих, как уразумевший и ощутивший достоверно, что мановение Владыки твоего распоряжается и управляет тобою. Итак, утверди сердце твое в уповании на Господа, и да „не убоишися от страха нощнаго и от стрелы летящия во дни" (см. Пс. 90, 5)»[164].

Преподобный Макарий Великий: «Желающий быть подражателем Христу, чтоб соделаться сыном Божиим, рожденным от Духа, прежде всего должен благодушно и терпеливо переносить все случающиеся с ним скорби, как то: телесные болезни, обиды и поругания от человеков и наветы от невидимых врагов, потому что по изволению Божию попускаются различные напасти святым душам, чтоб души, искренно любящие Бога, соделались явными. Знамением от века святых, и патриархов, и пророков, и апостолов, и мучеников, было то, что они прошли тесным путем искушений и скорбей и таким образом благоугодили Богу. Душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего нужны терпение и упование: ибо одна из хитростей диавольских состоит в том, чтоб во время скорбей ввергать нас в уныние и отвращать от упования на Бога. Бог никогда не попущает, чтоб уповающие на Него столько были удручены искушениями, чтоб пришли в совершенное изнеможение, ибо, говорит апостол: „Верен Бог, Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести" (1 Кор. 10, 13). И диавол озлобляет душу не столько, сколько хотел бы, но сколько дозволяется ему Богом. Если человекам не неизвестно, какую тяжесть может понести лошак, какую осел, какую верблюд, соответственно с чем и возлагается на них ноша; если скудельник знает, сколько времени должно держать в огне сосуды, чтоб они, будучи продержаны сверх должного,

[164] Слово 31.

не расселись, также, будучи преждевременно вынуты из огня, не оказались негодными к употреблению; если в человеке столько разумения, то не гораздо ли более и не несравненно ли более ведает премудрость Божия, какой меры искушение должно навести каждой душе, чтоб она, будучи им испытана, соделалась способною наследовать Небесное Царство»[165].

Преподобный Исаия Отшельник: «Прилежно внимай себе и с великим благоговением размышляй о том, что Господь наш Иисус Христос, будучи Бог и имея неизреченную славу и величие, соделался человеком ради нас, и оставил „нам образ, да последуем стопам Его“ (1 Пет. 2, 21). Ибо „зрак раба приим, смирил Себе“ (Флп. 2, 7 и 8), крайним, невыразимым образом обнищал, претерпел от многих поношения и укоризны, и, как сказано, „яко овча на заколение ведеся, и яко агнец, пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении суд Его взятся“ (Ис. 53, 7–8), и Он подвергся за нас поноснейшей смерти. Почему и мы, ради Его заповеди и за свои грехи, должны терпеливо и равнодушно переносить, если кто справедливо или несправедливо оскорбит нас или нанесет нам бесчестие. Если б кто преследовал нас даже до смерти, будем вести себя подобно овцам, ведомым на заколение, не сопротивляясь, не противореча; напротив, в молчании и со смирением будем молиться за врагов наших[166]. Тщательно внимай себе и почитай великим приобретением и спасением души твоей то, если ты терпеливо перенесешь ради Господа поношение, бесчестие и огорчение. Помышляй о том, что ты заслуживаешь гораздо тягчайшие наказания за грехи твои. Считай благодеянием то, если ты терпеливо перенесешь ради Господа поношение, бесчестие и огорчение. Считай

---

[165] Преподобный Макарий Египетский. Слово 7, глава 13.

[166] Преподобный Исаия Отшельник. Слово 28. Издание Оптиной пустыни, глава 1, сличено со славянским переводом старца Паисия, архимандрита Нямецкого.

благодеянием то, что ты удостоился пострадать ради Бога, чтоб из числа многих скорбей и поношений Господа твоего, ты, хотя некоторым образом, мог подражать самым унизительным поношениям и жесточайшим мучениям, претерпенным Им. Всякий раз, как ни вспомнишь об оскорбляющих и преследующих тебя, не жалуйся на них, но лучше помолись о них Богу, как о виновниках величайших для тебя благ[167]. Тщательно внимай себе, чтоб всегда с полною готовностию и верою повиноваться воле Бога и Господа нашего Иисуса Христа и в жизни, и в смерти, и во всяком огорчении. Всегда ожидай каких-либо великих и страшных искушений, огорчений, напастей и смертей, чтоб они не низложили тебя, нашедши неготовым[168]. «Тщательно внимай себе и ежечасно ожидай, что восстанет на тебя какое-либо искушение, или смерть, или напасть, или какая-либо великая опасность. Когда они придут, то переноси всё с мужеством и твердостию духа, помышляя, что „многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие“ (Деян. 14, 22). Тщательно внимай себе и пребывай непрестанно в присутствии Бога, ничего не ожидая ни от кого, но всего ожидая с верою от единого Бога. Нуждаешься ли в чем? Моли Бога, чтоб Он, если хочет, даровал тебе. Всё, что имеешь, считай полученным от Бога, ни от кого другого, и Ему воздавай благодарность. Недостает ли тебе чего? Не ожидай получить это от человеков, не ропщи ни на кого, не проси ни у кого, но переноси всё благодушно и несмущенно, так помышляя в себе: „Хотя за грехи мои я и достоин многих бедствий; однако Бог если восхочет, то может умилосердиться надо мною и доставить нужное мне“. Если ты будешь иметь такое расположение духа, то Бог пошлет тебе всё потребное»[169].

---

[167] Глава 2.

[168] Глава 7.

[169] Глава 12.

Святая Церковь, между прочими наставлениями, завещавает принимающему пострижение иноку нижеследующее: «Да не предпочтеши что паче Бога: да не возлюбиши ниже отца, ниже матерь, ниже братию, ниже кого от своих, ниже самого себе возлюбиши паче Бога, — ниже царствия мира, или упокоения коегоlибо буди, или чести. Нищеты да не отвращаешися, ниже озлобления, ниже уничижения человеческаго, ниже иного чесого, еже непщуеши быти неудобно, и возбранен будеши тещи за Христом; но присно взирай на яже во упованиих по Богу живущих благая и вся от века помышляй мученики и преподобные, иже многими поты, и труды, и бесчисленными кровьми и смертьми сия стяжаша. Трезвися во всех, злопостражди, яко добр воин Христов: Сам бо Господь и Бог наш, богат сый в милости, нас ради обнища, быв по нам, да мы обогатимся Царствием Его. Подобает убо и нам подражателем Его быти и Его ради вся претерпети, преспевающим в заповедех Его день и нощь, Сам бо Господь рече: „Аще кто хощет вслед Мене ити, да отвержется себе, и да возмет крест свой, и да последует Мне“, еже есть готову присно быти, даже до смерти, на всякое исполнение заповедей Его. Ибо и алкати имаши, и жаждати, и нагствовати, досадитися же и укоритися, уничижитися и изгнатися, и иными многими отяготитися скорбными, ими же сущий по Богу живот начертавается. И егда сия вся постраждеши, „радуйся, — глаголет Господь, — яко мзда твоя многа на небесех“ во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки, аминь». Святая Церковь, произнесши это изложение своего духовного образа мыслей (мудрования, разума), в котором показано чудное сочетание заповедей Христовых с крестом Христовым, требует от принимающего пострижение, чтоб он, во-первых, исповедал истину этого изложения, во-вторых, дал обет последовать ему. Она вопрошает вступающего в иночество: «Сия вся тако ли исповедуеши в надежди силы Божия, и в сих обетех пребывати обещаешилися даже до конца живота благодатию

Христовою?» Затем пострижение дается только тому, кто признает произнесенное здесь учение Святой Православной Церкви истинным и даст обет доказывать всежизненною деятельностью услышанную, признанную, исповеданную им истину[170].

Таков разум Святой Церкви! Таков разум всех святых отцов Православной Церкви! Мы удовольствовались здесь немногими выписками: их можно сделать несравненно больше; но это было бы повторением одного и того же учения в различной форме. Заключим советы отцов нашим убогим советом, основанным на самых благотворных и благодетельных опытах. При встретившейся скорби полезно повторять следующие краткие изречения, повторять со вниманием и от всей души, повторять, доколе не пролиется в сердце от повторения их спокойствие, даже утешение и сладость:

1. «Достойное по делам моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

2. «Господи! Да будет святая воля Твоя над мною грешным ныне и во веки».

3. «Господи! Я — создание и раб Твой; хочу или не хочу, нахожусь во власти Твоей: твори с созданием Твоим по святой воле Твоей и по великой милости Твоей».

4. «Слава тебе, Господи, за всё, что Ты навел на меня, слава Тебе! Праведен и многомилостив суд Твой на мне, заслужившем все временные и вечные казни».

5. «Благодарю и славословлю Тебя, Господь и Бог мой, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым Промыслом Твоим, которыми Ты обличаешь неведомые мною страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на Страшном Суде Твоем, которыми искупуешь меня от вечных мук ада».

---

[170] Требник. Последование малой схимы.

Очевидно, что эти изречения заимствованы из Священного Писания и отеческих писаний; при внимательном, неспешном повторении их они действуют весьма скоро, сильно, благотворно, спасительно.

ГЛАВА XXXI
Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени

Святые отцы, иноки первых времен христианства, совершенные христиане, исполненные Святого Духа, имели откровения свыше и произнесли пророчество о монашестве последнего времени. Все эти откровения и пророчества схожи между собою и возвещают, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет предоставлено того обилия благодатных даров, какое было предоставлено первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительным. Некоторый египетский отец однажды пришел в исступление и соделался зрителем духовного видения. Три монаха, видел он, стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко мне». Вслед за гласом два монаха получили огненные крылья и перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец, и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он перелетел чрез море с большим трудом и горем, часто ослабевая и погружаясь в море. Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию[171]. Некогда святые отцы Египетского Скита пророчески беседовали о последнем роде. «Что сделали мы?» — говорили они. Один из них, великий

[171] Житие преподобного Иоанна Колова. Алфавитный Патерик.

авва Исхирион, отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «Что сделают те, которые будут после нас?» «Они, — сказал авва, — (совершат) примут делание вполовину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, которые будут после них?» Авва Исхирион отвечал: «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших»[172]. Архимандрит Аркадий, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря, скончавшийся в 1847 году, поведал о себе нижеследующее: «Однажды я был в скорби по какому-то случаю. Угнетаемый ею, пришел я к утрени и, стоя у утрени, размышлял о моей скорби. Не знаю, что со мною сделалось: я невольно закрыл глаза, ощутил какую-то забывчивость, но не дремание, потому что слышал внятно каждое слово совершавшегося тогда чтения. Внезапно вижу пред собою преподобного обители нашей, Кирилла. Он говорит мне: «Что ты унываешь? Разве не знаешь, что монахи последних времен должны спасаться скорбями?» Услышав эти слова, архимандрит очнулся. Видение оставило в душе простейшего старца — таков был архимандрит Аркадий — глубокое спокойствие. И так скорби суть по преимуществу удел наш, удел современного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом. Да будет это сведение источником утешения для нас! Да ободряет и укрепляет оно нас при всех постигающих нас разнообразных скорбях и искушениях. «Смиримся убо под крепкую руку Божию, всю печаль...» (попечение) «...наша возвергше Нань, яко Той печется о нас» (1 Пет. 5, 6–7), и вседушно предадим себя обучению скорбями, при тщательнейшем исполнении евангельских заповедей: такова о нас воля Господа Бога нашего. Наши скорби большею частию весьма утонченны, так что при поверхностном взгляде на них нельзя признать

---

[172] Житие преподобного Иоанна Колова. Алфавитный Патерик. Достопамятные сказания, буква «И».

их и скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего, стяжавшего в борьбе с немощным человеком необыкновенные опытность и искусство от долговременного упражнения в борьбе. Падший дух усмотрел, что искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их; он усмотрел это и заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возводят его в подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении; они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие, и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, уныния, бездействия. Пред Богом ясны и злохитрость сатаны, и тяжесть наводимых им браней на современное иночество. Бог увенчает новейших борцов не менее древних, хотя подвиг первых менее явен, нежели подвиг вторых. Мы не должны предаваться расслаблению, унынию и бездействию; напротив того, обратим всё внимание и всё усилие на исполнение евангельских заповедей. Это исполнение откроет нам бесчисленные козни врага, ту злохитрую обдуманность, с которою они устроены и расставлены. Мы увидим, что современные, по наружности слабые скорби и напасти стремятся, подобно древним сильным скорбям и напастям, отвлечь человека от Христа, уничтожить на земле истинное христианство, оставив одну оболочку для удобнейшего обмана. Мы увидим, что слабые искушения, но придуманные и исполняемые с адским лукавством, действуют гораздо успешнее в видах сатаны, чем искушения тяжкие, но очевидные и прямые.

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем самом и состоит преимущественно в недостатке духовного назидания. Недостаток духовного назидания должно признать величайшим бедствием. И не скоро усматривается это бедствие! Не скоро оно делается понятным для инока! Новоначальный, объятый ревностью,

в которой имеет большое значение кровь и весьма малое значение духовный разум, обыкновенно довольствуется тем назиданием, которое он встретит в монастыре или которое он захочет дать сам себе. Уже впоследствии, при самом тщательном изучении Священного Писания и отеческих писаний, подвижникам, и то не многим, делается мало-помалу ясным, что для иноческого преуспеяния необходимо духовное назидание, что душевное назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке, и последующих ему хранит во мраке в области падших духов (см. Иак. 3, 15). Руководство словом Божиим из книги, а не из живых уст — то единственное руководство, которое нам предоставлено, причем инок по необходимости сам делается в значительной степени своим руководителем, — несмотря на приносимую существенную пользу, сопряжено с большими и частыми погрешностями и уклонениями, неминуемыми последствиями неведения и состояния под владычеством страстей. Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание как должно и держаться его с должною твердостию. Перелетая чрез греховное море, мы часто ослабеваем, часто в изнеможении падаем и погружаемся в море, подвергаемся опасности потонуть в нем. Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бесчисленных опасностей, которыми мы обстановлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который мы могли бы выйти из нашего заблуждения: книга молчит, а падший дух, желая удержать нас в заблуждении, изглаждает из нашей памяти и самое знание о существовании книги. «Спаси мя, Господи, — взывал пророк, провидя пророческим духом наше бедствие и приемля лицо желающего спастись, — яко оскуде преподобный»! Нет духоносного наставника и руководителя, который

непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всею уверенностию! «Умалишася истины от сынов человеческих, суетная глагола кийждо ко искреннему своему» (Пс. 11, 2–3), по внушению душевного разума, способного только развивать и печатлеть заблуждения и самомнение. Мы крайне слабы, а окружающие нас соблазны умножились, усилились чрезмерно и в обольстительных разнообразии и привлекательности предстоят болезненным взорам ума и сердца, притягивают их к себе, отвращают от Бога. Мы столько подчинились влиянию соблазнов, что даже руководство словом Божиим, единственное средство спасения, нами оставлено. При нем необходимо вести самую внимательную жизнь, чуждую рассеянности, а наша поврежденная воля требует совсем противного. Мы устремились к вещественному преуспеянию, к преуспеянию мира! Нам нужны почести, нам нужны изобилие и роскошь! Нам нужны рассеянность и участие в наслаждениях мира! Чтоб достигнуть этого, мы исключительно озабочены развитием падшего естества. Самое понятие о естестве обновленном нами утрачено; евангельские заповеди пренебрежены и забыты; делание душевное нам вовсе неизвестно, а телесным деланием мы заняты настолько и с тою целью, чтоб могли казаться пред миром благоговейными и святыми и получать от него возмездие его. Тесный и прискорбный путь спасения оставлен нами: идем по пути широкому и пространному. «Спаси мя Господи, яко оскуде преподобный». «Умалихомся» мы, иноки, «паче всех язык, и есмы смирени по всей земли днесь грех ради наших. И нестъ во время сие князя, и пророка, и вождя» (Дан. 3, 37–38) для предводительства в невидимой чувственными очами брани «не к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 12).

«Горе миру от соблазн: нужда бо есть прийти соблазном» (Мф. 18, 7), — предвозвестил Господь. И пришествие соблазнов

есть попущение Божие, и нравственное бедствие от соблазнов есть попущение Божие. К концу жизни мира соблазны должны столько усилиться и расплодиться, что по причине «умножения беззакония изсякнет любы многих» (Мф. 24, 12), «и Сын Человеческий, пришед, обрящет ли веру на земли»? (Лк. 18, 8) «Земля Израилева», Церковь, будет «низвращена от меча» — от убийственного насилия соблазнов — «и пуста весьма» (Иез. 38, 8). Жительство по Боге соделается очень затруднительным. Соделается оно таким потому, что живущему посреди и пред лицом соблазнов невозможно не подвергнуться влиянию соблазнов. Как лед при действии на него тепла теряет свою твердость и превращается в мягчайшую воду, так и сердце, преисполненное благого произволения, будучи подвергнуто влиянию соблазнов, особливо постоянному, расслабляется и изменяется. Соделается жительство по Боге очень затруднительным по обширности, всеобщности отступления. Умножившиеся отступники, называясь и представляясь по наружности христианами, тем удобнее будут преследовать истинных христиан; умножившиеся отступники окружат бесчисленными кознями истинных христиан, противопоставят бесчисленные препятствия их благому намерению спасения и служения Богу — как замечает святой Тихон Воронежский и Задонский, — действуя против рабов Божиих и насилием власти, и клеветою, и злохитрыми кознями, и разнообразными обольщениями, и гонениями лютыми. Спаситель мира едва нашел малозначащий и отдаленный Назарет, чтоб укрыться от Ирода и от возненавидевших Его книжников, фарисеев, священников и первосвященников Иудейских, так и в последнее время истинный инок едва найдет какой-либо отдаленный и неизвестный приют, чтоб в нем с некоторою свободою служить Богу и не увлекаться насилием отступления и отступников в служение сатане[173]. О, бедственное время!

---

[173] Келейные письма, том 15, письмо 67.

О, бедственное состояние! О, бедствие нравственное, неприметное для чувственных людей, несравненно большее всех вещественных, громких бедствий! О, бедствие, начинающееся во времени и не кончающееся во времени, но переходящее в вечность! О, бедствие из бедствий, понимаемое только одними истинными христианами и истинными иноками, неведомое для тех, которых оно объемлет и губит!

Соделавшись зрителями такого духовного ви́дения, произнесем из пламени соблазнов то исповедание и ту песнь славословия, которые произнесены тремя блаженными отроками из горящей пещи Вавилонской. Любовию нашею соединимся со всем человечеством, рассеянным по лицу земли: от всего человечества, будучи представителями его пред Богом, произнесем исповедание и славословие Богу, прольем пред Ним смиренную молитву о себе и о всем человечестве. «Благословен еси, Господи, Боже отец наших, хвально и прославлено имя Твое во веки, яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна, и прави путие Твои, и вси суди Твоя истинни, и судьбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны и на град святый отец наших, Иерусалим, яко истиною и судом навел еси сия вся грех ради наших. Согрешихом, и беззаконновахом, отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедий Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет. И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси, и предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников... Не предаждь убо нас до конца имени Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас... душею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем... Не посрами нас, но сотвори с нами по кротости Твоей и по множеству милости Твоея, и изми нас по чудесем Твоим, и даждь славу имени Твоему, Господи» (Дан. 3, 26–43). Святые отцы сказали об иноках последнего времени: «В последнее время те, которые поистине

будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди их знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением»[174]. В самом деле: какой ныне самый благонадежный путь спасения для инока? Тот путь, который способен охранить его от влияния соблазнов извне и внутри. Он заключается по наружности в удалении от знакомства и свободного обращения вне и внутри монастыря, в неисходном по возможности пребывании в монастыре и в келии, а по душе — в изучении и исполнении евангельских заповедей, или, что то же, в изучении и исполнении воли Божией (см. Рим. 12, 2), и в безропотном и благодушном терпении всех попускаемых Промыслом Божиим скорбей, при признании себя от искренности сердца достойным этих скорбей. Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении[175]. Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию. В этом и заключается спасение.

ГЛАВА XXXII
Источники иноческих скорбей

Искушения на инока возникают из следующих четырех источников: из падшего нашего естества, из мира, от человеков и от демонов. Собственно источник искушений один: наше падшее естество. Если б естество не находилось в состоянии падения, то зло не возникало бы в нас самих, соблазны мира не имели бы на нас никакого влияния, человеки не восставали бы друг против друга, падшие духи не имели бы повода и права приступать к нам. Потому-то и говорит Писание: «Кийждо искушается от своея похоти влеком

---

[174] Святой Нифонт Цареградский, ответ 4. Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна.

[175] Преподобный Марк Подвижник. Слово о законе духовном, глава 31.

и прельщаем» (Иак. 1, 14). Но бесконечная благость и премудрость Божия устроила для спасающихся так, что все искушения, какие бы то ни было, приносят истинным рабам и служителям Божиим величайшую пользу, могущественно вспомоществуют им в деле спасения и духовного преуспеяния. Зло не имеет доброй цели; оно имеет одну злую цель. Но Бог так чудно устроил дело спасения нашего, что зло, имея злую цель и действуя с намерением повредить рабу Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению. Спасение как духовное таинство, соделывающее человека причастником Божественного добра, непостижимо для зла, которое слепо по отношению к Божественному добру, как вполне чуждое его, а понимает только свое, то есть или одностороннее зло, или добро падшего естества, смешанное со злом и отравленное злом. Преподобный Макарий Великий говорит: «Содействует злое благому намерением неблагим»[176]. И апостол Павел сказал: «Любящим Бога вся поспешествуют во благое» (Рим. 8, 28). Падшее естество, извергая из себя в разнообразных видах грех — здесь разумеется грех не деятельный, а в помыслах, в ощущениях сердца и тела — и препираясь с Евангелием, доставляет, при свете Евангелия, подвижнику опытное и подробное понятие падения как его собственного, так и общего всему человечеству, доставляет опытное познание необходимости Искупителя, доставляет опытное познание, что Евангелие врачует и оживляет душу, доставляет дух сокрушен и смирен, который водворяется в подвижнике по причине ви́дения им бесчисленных язв и немощей, нанесенных человеку и роду человеческому падением. Яд греха, ввергнутый падением в каждого человека и находящийся в каждом человеке, действует по Промыслу Божию в спасающихся к существенной и величайшей пользе их[177]. Мир, искушая подвижника, доставляет

---

[176] Слово 4, глава 6.

[177] Святой Исаак Сирский. Слова 46, 58, 61.

ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива, что всё сладостное, вожделенное и великое ее оканчивается пустотою и горестию; от этих опытных познаний подвижник стяжавает хладность к земной жизни, к гостинице своей — земле, ко всему, что признается на ней вожделенным для сынов мира, обращает взоры ума и сердца к вечности и начинает усерднейшими молитвами ходатайствовать пред Богом о своей загробной участи. Человеки, искушая подвижника, доставляют ему возможность соделаться исполнителем возвышеннейших заповеданий Евангелия, заповеданий о любви к врагам. Любовь к врагам есть высшая степень узаконенной Евангелием любви к ближнему. Достигший любви к врагам достиг совершенства в любви к ближнему, и ему сами собою отворились врата любви к Богу. Все препятствия отклонены! Вечные затворы и замки расслабели и разверзлись! Уже подвижник не осуждает ближнего; уже он отпустил ему все согрешения его; уже он молится за него как за своего сочлена, принадлежащего одному телу; уже он признал и исповедал, что все скорби, случающиеся рабу Божию, попускаются не иначе, как по мановению Божию; уже он покорился воле Божией во всех обстоятельствах, частных и общественных, и потому со свободою, как наперсник священного мира, как исполнивший относительно ближнего всё, повеленное Богом, вступает в объятия Божественной любви. Этого подвижник не мог бы достичь, если б не подвергся различным искушениям от человеков и по причине искушений не изверг из себя, как бы от действия очистительного врачевства, всей злобы и гордыни, которыми заразилось падшее естество. Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков. Лукавые духи сперва поддерживают падшее естество в борьбе против евангельского учения или принимают участие в искушениях, наносимых подвижнику соблазнами мира и человеками; впоследствии, в свое время, по особенному попущению

Божию, открывают лично, собою, брань против раба Христова, возводящую его в великий подвиг. Победитель в этой брани увенчивается особенными духовными дарованиями, как можно видеть из жизнеописаний преподобного Антония Великого, преподобного Иоанна Многострадального и других святых иноков. Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними, а потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им в сем и будущем веке. Оставившие земную жизнь в таком состоянии не могут не подвергнуться истязаниям от бесов на воздушных мытарствах. Преподобный Макарий Великий говорит: «Ду́ши, скорбьми, наносимыми от злых духов, не искушенные, пребывают еще в отрочестве и, да тако реку, не способны к Царству Небесному»[178].

Зло есть причина всех скорбей и искушений. Но премудрость и всемогущество Божии служат причиною того, что на рабов Божиих искушения и скорби действуют душеспасительно, доставляя им возможность совершать возвышеннейшие евангельские заповеди, последовать Христу, взяв крест свой, соделываться ближайшими учениками Господа. Напротив того, скорби и искушения действуют гибельно на сынов погибели! Зло низлагает их; они не умеют победить его и прежние свои законопреступления навершают новыми законопреступлениями. Так один из разбойников, распятых близ Господа, дополнил на кресте свои злодеяния богохульством (см. Лк. 23, 39). Всемогущество и премудрость Божии служат причиною того, что зло, действуя с намерением и целью единственно злыми, исполняет, не ведая того, предначертания Промысла Божия. Так иудейское духовенство, движимое завистью и ненавистью к Богочеловеку, преследовало Его в течение всей Его земной жизни и устроило Ему позорную смертную казнь; но это духовенство, по бесконечной премудрости

---

[178] Слово 7, глава 14.

Бога и Его всемогуществу, было слепым орудием предопределения Божия, состоявшего в том, чтоб Всесвятой Христос, пострадав за виновное человечество, страданиями Своими искупил виновное человечество и проложил для всех желающих спастись спасительный крестный путь, возводящий шествующих по нему на небо (Деян. 3, 18). Таким же орудием Божиим бывает зло относительно всех служителей Божиих, не приобретая из этого для себя ничего: зло, содействуя по мановению Божию в неведении своем добру, не престает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно есть, — злом. Рабы Божии! Знайте наверно, что случающиеся вам скорби приходят не сами собою, а по попущению Божию, и прилагайте возможное тщание, чтоб переносить их с терпением и долготерпением, принося за них славословие и благодарение Богу! Знайте, что противящийся скорбям и ищущий отклонить от себя скорбный путь, действует против своего спасения, стремится в слепоте своей разрушить порядок и способ спасения, установленный Богом для всех рабов Его.

ГЛАВА XXXIII
О необходимости мужества при искушениях

Одним из величайших достоинств полководца в бранях мира сего признается то, когда он не упадает духом при всех превратностях счастья, но пребывает непоколебим, как бы каменносердечный, заимствуя из твердости своей самые разумные и полезные распоряжения, приводя этою твердостью в недоумение врагов своих, ослабляя их дерзость, воодушевляя мужеством собственное воинство. Такой характер полководца бывает причиною необыкновенных успехов, — и внезапно целый ряд потерь и несчастий увенчивается решительными победами и торжеством. Таким должен быть ум монаха — этот вождь в невидимой борьбе против греха. Ничто, никакое искушение, нанесенное человеками и духами,

возникшее из падшего естества, не должны смутить его. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога, Которому мы предались в служение, Который — всемогущ. Малодушие и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере — малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от взошедшего солнца. Если враг принесет тебе различные греховные помыслы и ощущения или если они восстанут из падшего естества твоего, не испугайся, не удивись этому как чему-либо необычайному. Скажи сам себе: «Я — в беззакониях зачат и во грехах рожден: невозможно естеству моему, столько зараженному греховным ядом, не обнаруживать из себя своей заразы». Точно: невозможно падшему естеству не давать из себя плода своего, особливо когда оно начнет возделываться евангельскими заповедями. Когда начнут перепахивать землю плугом, тогда выпахиваются наружу самые корни плевелов и при постоянной перепашке постепенно истребляются, постепенно нива достигает своей чистоты. Так при возделывании сердца заповедями извлекаются из него наружу самые основные помышления и ощущения, от которых произрастает всякого рода грех, и таким образом при постоянном и постепенном обнаружении истребляются малопомалу. Положим, возникнет в тебе внезапно блудная страсть — не смутись этим. Точно так же: если возникнут гнев, памятозлобие, корыстолюбие, печаль — не смутись этим. Этому должно быть! Но лишь явится какая страсть, — нисколько не медля, посекай ее евангельскими заповедями. Если не будешь поблажать страстям — узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя. Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества, но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно.

Такие помыслы и ощущения должно исповедовать духовнику, так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое Таинство исповеди спасет тебя; благодать Божия, присущая Таинству исповеди, исцелит тебя. Постоянным и усиленным нападением на нас падший дух старается посеять и возрастить в нас семена греха, приучить к какому-нибудь виду греха частым напоминанием о нем, возбудить к нему особенное влечение и обратить этот вид греха в навык, как бы в естественное свойство. Греховный навык называется «страстью», лишает человека свободы, соделывает его пленником, рабом греха и падшего ангела. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке «бранию», нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь — едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере, она — оружие самое сильное и самое действительное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом, прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя. Диавол любит злодействовать тайно; любит быть непримеченным, непонятым[179]. Он «ловит в тайне, яко лев во ограде своей: ловит, еже восхитити нищаго» (Пс. 9, 30), неопытного и немощного инока. Он не терпит быть обнаруженным и объявленным: будучи обличен и объявлен, кидает добычу свою, уходит. Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливавшиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислить их, на исповеди пред причащением Святым Христовым Тайнам сказав, что ты сверх значительных грехов, которые

---

[179] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, глава 31.

должно изложить с точностью, согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

ГЛАВА XXXIV
О трезвении

Между прочими всесвятыми и спасительными завещаниями Своими Господь заповедал нам непрестанную молитвенную бдительность над собою, состояние, называемое в деятельных отеческих писаниях священным трезвением. «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть (Мф. 26, 41), — сказал Господь ученикам Своим, — а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите» (Мк. 13, 37). Преподобный Исихий Иерусалимский определяет трезвение так: «Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией»[180]. Из этого явствует, что трезвение основано на тщательнейшем и постоянном изучении евангельских заповедей, а впоследствии и всего Священного Писания. Трезвение стремится непрестанно пребывать в исполнении всех евангельских заповедей делами, словами, помышлениями, чувствованиями. Чтоб достигнуть своего намерения, оно непрестанно бодрствует, непрестанно поучается в законе Божием, непрестанно вопиет к Богу о помощи усиленнейшею молитвою. Трезвение есть непрестанная деятельность. «Трезвение, — говорит преподобный Исихий, — есть духовное художество, совершенно избавляющее, при помощи Божией, человека от лукавых дел, от страстных слов и помышлений, если оно проходится усердно и в течение продолжительного времени. Оно доставляет упражняющемуся в нем твердое разумение непостижимого Бога, насколько Он может быть постигнутым, разрешение Божественных сокровенных тайн; оно совершает всякую заповедь Божию Ветхого и Нового Завета, оно подает всякое

[180] Глава 3. Добротолюбие, часть 2.

благо будущего века. Оно, собственно, чистота сердца и, по величеству своему и достоинству, или, правильнее сказать, по нерадению нашему, ныне очень оскудевает в монахах[181]. Трезвение есть непрестанное безмолвие сердца от всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Тем Единым дышащее, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедующееся Ему, Единому имеющему власть прощать согрешения, часто объемлющее Христа, Единого Тайноведца сердец, при посредстве призывания Его. Таковая душа старается всячески утаить от человеков свою сладость и внутренний подвиг, чтоб лукавый не ввел тайно злобы и не истребил доброго делания. Трезвение есть твердое устроение ума и стояние его при сердечной двери; оно видит приходящие к нему помыслы хищников, слышит, что они говорят, познает, что делают эти убийцы и какие образы начертываются и воздвигаются бесами, чтоб прельстить ум мечтанием»[182]. «Великий законодатель Моисей, паче же Святой Дух, показывая непорочность, чистоту, многовмещение и высокотворность этой добродетели (трезвения) и уча нас, как должно начинать и совершать ее, говорит: „Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония“ (Втор. 15, 9). Словом тайным названо едино помысленное представление какой-нибудь лукавой и богоненавистной вещи, что отцы называют прилогом, приносимое сердцу диаволом; этому прилогу последуют наши помыслы немедленно по представлении его уму, и вступают в страстную беседу с ним»[183]. Трезвение противодействует самым началам греха: помыслу и чувствованию греховным. Трезвение совершает заповеди в самых началах человека: в помыслах и чувствованиях. Трезвение открывает трезвящемуся его падшее естество, открывает падших духов, открывает

[181] Глава 1.

[182] Главы 5 и 6.

[183] Глава 2.

ту зависимость человека от падших духов, в которую ниспал человек от исполнения воли их, в которую он еще глубже ниспадает, исполняя волю их и свою греховную волю. Падение наше укрепляется, печатлеется, соделывается нашею неотъемлемою собственностию, неотъемлемым залогом вечной погибели от последования нашей падшей воле и воле демонов. Трезвение есть необходимая принадлежность истинного душевного делания, при которой вся видимая и невидимая деятельность инока совершается по воле Божией, единственно в благоугождение Богу, охраняется от всякой примеси служения диаволу. Трезвение есть причина чистоты сердца, а поэтому и причина Боговидения, даруемого благодатию чистым, возвышающего чистоту сердца до блаженного бесстрастия. Трезвение неразлучно с непрестанною молитвою: оно рождается от нее и рождает ее; от взаимного рождения друг другом эти две добродетели сочетаваются между собою неразрывным союзом. Трезвение есть духовное жительство; трезвение есть жительство небесное; трезвение есть истинное смирение, сосредоточившее надежду свою в Боге, отрекшееся от всякой самонадеянности и от надежды на человеков; по этой причине оно представляется им ужаснейшею гордостию, хулится, с ожесточением преследуется ими. Не лишним будет здесь заметить, что преподобный Исихий говорит о заповедях Ветхого Завета в значении духовном, а не иудейском. Когда о Христе уничтожится покрывало (см. 2 Кор. 3, 13–16), лежащее на душевных очах, и иудей соделается христианином, тогда Ветхий Завет получает для чтущего то же значение, какое имеет и Новый. Закон, изложенный в Новом Завете открыто, изложен в Ветхом в образах и иносказаниях. Новоначальный инок должен сперва заняться изучением Нового Завета; духовное понимание Ветхого Завета придет в свое время: оно — достояние преуспевших.

Трезвение приобретается постепенно; стяжавается долгим временем и трудом; рождается преимущественно от

внимательных чтения и молитвы, от навыка наблюдать за собою, бодрствовать, обдумывать каждое предлежащее нам слово и дело, быть внимательным ко всем своим помыслам и ощущениям, наблюдая за собою, чтоб не соделаться каким-либо образом ловитвою греха. «Трезвитеся, бодрствуйте, — говорит святой апостол Петр, — зане супостат ваш диавол, яко лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити, ему же противитеся тверди верою» (1 Пет. 5, 8–9). «Будь, весь око, — сказал Евфимий Великий иноку, подвергшемуся диавольскому искушению, — подобно херувиму, ограждая себя отвсюду величайшею осторожностию: потому что ходишь посреди сетей»[184]. Преподобный Варсонофий Великий и Иоанн Пророк преподали желающим проводить трезвенную, богоугодную жизнь превосходный совет деятельного трезвения. Они советовали пред каждым начинанием, то есть пред вступлением в беседу или началом дела, возносить мысль к Богу с прошением от Него вразумления и помощи[185]. Для того чтоб пребывать в трезвении, надо со всею тщательностью хранить свежесть и светлость ума. Ум помрачается от неблагоразумного употребления пищи, пития и сна, от многоглаголания, рассеянности и житейских попечений. «Внемлите себе, — сказал Господь, — да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той» (день Страшного Суда Христова, последний день мира): «яко сеть бо приидет на вся живущыя на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти и стати пред Сыном Человеческим» (Лк. 21, 34–36). Как внезапно придет день общего Суда всех человеков, так внезапно приходит для каждого человека день

---

[184] Наставления Евфимия Великого иноку Климатию. Житие преподобного Евфимия Великого. Четьи-Минеи, 20 января.

[185] Ответы 260, 261 и 583.

частного суда его, день смерти его. Неизвестен час, в который мы будем позваны. Иной, начав только путь земной жизни, восхищается с него в вечность; иной поемлется по совершении весьма немногого пути; иной с средины пути; иной, значительно не кончив его. Редкий достигает полноты дней и оставляет свою земную хижину — тело, когда она сделается не способною для жительства в ней. Во время совершения нами земного странствования, оно, по извращенному в нас падением ощущению бессмертия, представляется нам бесконечным, исполненным обильнейшей, плодоноснейшей деятельности. Это ощущение имеют и дитя, и юноша, и муж, и старец: все они созданы бессмертными, бессмертными по душе; они должны бы быть бессмертны и по телу! Падения своего, поразившего смертью и душу и тело, они или вовсе не знают, или знать не хотят, или знают его вполне недостаточно. Оттого взгляд ума и ощущение сердца по отношению к земной жизни ложны и исполнены самообольщения; оттого она обманчиво представляется всякому возрасту вечным достоянием человека. По совершении земного странствования, во вратах смерти, путь, представлявшийся бесконечным в будущности, в прошедшем является самым кратким, а обширная деятельность, совершенная не для вечности, является пагубнейшею, безвозвратною потерею времени и всех средств, данных для спасения. Очень верно выражают свое обольщение люди века сего, обыкновенно называя смерть неожиданным бедствием, в каком бы возрасте ни постигла она их родственников и друзей. И для дряхлого старца, обремененного летами и недугами, давно склонившегося во гроб, но не думавшего о смерти, удалявшего от себя всякое напоминание о ней, она — неожиданное бедствие. В полном смысле она — бедствие для всех, не приготовившихся к ней. Напротив того, «блаженни раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящими», трезвящимися, правильно смотрящими на земную жизнь,

помнящими смерть и готовящимися к ней как к могущей прийти при всяком возрасте и при всяком состоянии здоровья (Лк. 12, 37–39). Надо совершать путь земного странствования с величайшим вниманием и бодрствованием над собою; надо совершать его, непрестанно взывая к Богу молитвою о помощи. Светильником нашим при путешествии да будет Евангелие, как воспел Давид: «Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим» (Пс. 118, 105). Идем не только по тесному пути — идем ночью (см. 2 Пет. 1, 19)[186]. Постоянное трезвение ума нам необходимо, чтоб не увлечься нашим падшим естеством, чтоб не увлечься увлеченными им отцами и братьями нашими, чтоб избежать всех козней и препятствий, устраиваемых многочисленными и разнообразными соблазнами мира, устраиваемых неистовою злобою и непостижимым для человека лукавством падших ангелов. Оградив себя от рассеянности и попечений, обратим внимание на наше тело, от которого трезвенность ума находится в полной зависимости. Тела человеческие по крепости своей и здоровью бесконечно различествуют между собою[187]. Иные крепостью своею подобны меди и железу; другие слабы, как трава. По этой причине каждый должен управлять своим телом с большим благоразумием, исследовав силы своего тела. Крепкому и здоровому телу свойственны особенный пост и бдение: оно делается от них легче, доставляет уму особенную бодрость. Слабое тело должно подкреплять пищею и сном, сообразно требованию тела, но никак не до пресыщения. Пресыщение весьма вредно и для слабого тела: расслабляет его и сообщает ему восприимчивость к болезням. Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево — и войдешь

---

[186] Канонник. Молитва утренняя, 5.

[187] Отселе заимствовано из 5-го слова преподобного Нила Сорского (в настоящем издании: т. 1, с. 407–409).

в рай. Если ж будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны[188], в огнь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение, в особенную способность к волнению, чем будет наветываться и разрушаться твое внимание себе, твое трезвение. Трезвение непременно требует физического спокойствия крови, доставляемого первоначально благоразумным воздержанием. Кровь приводится в весьма разнообразное движение страстями, которые в свою очередь так разнообразны, что нередко противодействуют одна другой, причем одно движение крови уничтожается другим; но все эти разнообразные движения крови непременно сопряжены с рассеянностью, мечтательностью, обильным нашествием помыслов и ласкательствующих самолюбию картин. Обильное нашествие помыслов и мечтательность всегда сопутствуются приведением крови в усиленное движение, неестественное. Это движение есть движение греховное, плод и явление падения. Об этом движении крови сказано, что оно неспособно наследовать Царство Небесное (см. 1 Кор. 15, 50)[189], то есть человек, позволяющий себе приводить кровь свою в такое движение и услаждающийся им, не способен к приятию Божественной благодати. Тем опаснее это движение крови, что оно понимается весьма немногими. Напротив того, многие принимают греховное движение крови в себе за действие добра и последуют своему ошибочному влечению, как бы влечению, внушенному святою, богоугодною истиною. Замечай, при появлении обильных, вне обыкновенного порядка помыслов и мечтаний, то состояние, в которое придет тогда кровь твоя: и научишься понимать

---

[188] Доселе из преподобного Нила.

[189] Поклоны, как выше сказано (главы 21 и 22), согревают кровь естественно, что располагает, оживляет человека для душеспасительной деятельности. Отвлекает от этой деятельности противоестественное разгорячение крови, совершившееся под влиянием какой-либо страсти.

ее греховное движение и охраняться от него. Воды Силоамские истекают тихо из своего источника (см. Ис. 8, 6): богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием, неразлучными спутниками греховного кровяного разгорячения. Кровь движется иначе при гневных помыслах и мечтаниях и иначе при блудных; иначе при тщеславных и иначе при корыстолюбивых; иначе при помыслах и мечтаниях печали и уныния, иначе при ожесточении, иначе при гордости и так далее. По этой причине пост есть начальное орудие всех добродетелей. Как должно остерегаться от пресыщения, точно так должно остерегаться и от излишнего воздержания. Излишнее воздержание ослабляет тело, уничтожает в нем бодрость и свежесть, необходимые для трезвения, которое увядает и ослабевает в то время, когда телесные силы изнемогают и увядают. «Если понудишь немощное тело, — сказал преподобный Исаак Сирский, — на дела, превышающие его силы, то ввергаешь душу твою в сугубое омрачение и доставляешь ей смущение (а не пособие). Но если предашь покою и праздности тело крепкое, то в душе, живущей в нем, усиливаются все страсти. (При этом) если б кто и очень желал добра, мало-помалу отнимается у него и самая мысль о добре, которого он желал... Мера и известные пределы в жительстве просвещают мысль и отгоняют смущение. Смущением мысли от беспорядочного (безрассудного) жительства производится в душе омрачение, а омрачением — расстройство»[190]. Благоразумным воздержанием доставляется неуклонное пребывание в трезвении. Неуклонное пребывание в трезвении дозволяет неуклонно последовать учению Евангелия. Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей.

---

[190] Слово 85.

ГЛАВА XXXV
О пользе и вреде от телесных подвигов

В раю, по преступлении праотцами заповеди Божией, в числе казней, которым подвергся человек, упоминается казнь — проклятие земли. «Проклята земля в делех твоих, — изрек Бог Адаму, — в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную: в поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3, 17–19). Проклятие доселе лежит на земле, и явно — для всех. Не престает она давать из себя плевелы, хотя никто не сеет их. Орошается она потом земледельца и только при посредстве потового, часто кровавого труда доставляет те травы, которых семена служат пищею для человека и называются хлебом.

Изреченная Богом казнь имеет и духовное значение. Столько же верно исполняется карающее человека определение Божие в духовном отношении, как и в вещественном[191]. Святые отцы под именем земли разумеют сердце. Как земля, по причине поразившего ее проклятия, не престает из поврежденного естества своего сама собою производить волчцы и терние, так и сердце, отравленное грехом, не престает рождать из себя, из своего поврежденного естества греховные ощущения и помышления. Как о посеве и насаждении плевелов никто не заботится, но их производит само собою извращенное естество: так и греховные помыслы и ощущения сами собою зачинаются и прозябают в человеческом сердце. В поте лица добывается вещественный хлеб: при усиленном труде, душевном и телесном, насевается хлеб небесный, доставляющий вечную жизнь, в сердце человеческое; при усиленном труде он растет, пожинается,

---

[191] Преподобный Марк Подвижник. Слово 7, о пощении и смирении. Святой Исаак Сирский. Слово 19. Преподобный Макарий Великий. Беседа 26, глава 21.

соделывается способным к употреблению, сохраняется. Хлеб небесный — слово Божие. Труд при насаждении слова Божия в сердце требует таких усилий, что он назван подвигом. Человек обречен снедать «в печалех землю вся дни» земной жизни своей, а «хлеб в поте лица»: здесь под именем земли должно разуметь плотское мудрование, которым человек, отступивший от Бога, обыкновенно управляется во время земной жизни своей, подвергаясь по причине плотского мудрования непрестанному попечению и помышлению о земном, непрестанным скорбям и огорчениям, непрерывному смущению; только один Христов служитель питается во время пребывания на земле небесным хлебом в поте лица, при постоянной борьбе с плотским мудрованием, при постоянном труде возделывания добродетелей. Земля для обработки нуждается в различных железных орудиях, плугах, боронах, лопатах, которыми она переворачивается, разрыхляется, смягчается: так и наше сердце, средоточие плотских ощущений и плотского мудрования, нуждается в обработке постом, бдением, коленопреклонениями и прочими удручениями тела, чтоб преобладание плотского страстного ощущения уступило преобладанию ощущения духовного, а влияние плотских, страстных помыслов на ум лишилось той непреодолимой силы, которую оно имеет в людях, отвергших подвижничество или небрегущих о нем. Кто вздумал бы посеять семена на земле, не возделав ее, тот лишь погубит семена, не получит никакой прибыли, причинит себе верный убыток: точно так и тот, кто, не обуздав плотских влечений сердца и плотских помышлений ума подобающими телесными подвигами, вздумал бы заняться умною молитвою и насаждением в сердце заповедей Христовых, не только будет трудиться напрасно, но и может подвергнуться душевному бедствию, самообольщению и бесовской прелести, навлечь на себя гнев Божий, как навлек его пришедший на брачный пир в небрачной одежде (см. Мф. 22, 12). Земля,

возделанная самым тщательным образом, сильно удобренная, мелко разрыхленная, но оставленная незасеянною, тем с большею силою родит плевелы: так и сердце, возделанное телесными подвигами, но не усвоившее себе евангельских заповедей, тем сильнее произрастает из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. Чем лучше возделана и удобрена земля, тем она способнее к произращению густых и сочных плевелов: чем сильнее телесный подвиг инока, небрегущего о евангельских заповедях, тем сильнее и неизлечимее в нем самомнение. Земледелец, имеющий у себя много превосходных земледельческих орудий, восхищающийся этим, но не возделывающий ими земли, только обольщает и обманывает себя, не получая никакой прибыли: так и подвижник, имеющий пост, бдение и другие телесные подвиги, но небрегущий о рассматривании себя и управлении собою при свете Евангелия, только обманывает себя, надеясь тщетно и ошибочно на подвиги; он не получит никакого духовного плода, не накопит духовного богатства. Тот, кто вздумал бы возделать землю, не употребляя земледельческих орудий, потрудится много и потрудится напрасно: так и тот, кто без телесных подвигов захочет стяжать добродетели, будет трудиться напрасно, потеряет время невознаградимое, не возвращающееся, истратит душевные и телесные силы, не приобретет ничего. Кто вздумает постоянно перепахивать свою землю, тот никогда ничего не посеет и не пожнет: так и тот, кто непрестанно будет заниматься одним телесным подвигом, не будет иметь возможности заняться душевным подвигом, насаждением в себя евангельских заповедей, от которых в свое время рождаются духовные плоды. Телесные подвиги необходимы для того, чтоб землю сердечную соделать способною к принятию духовных семян и к принесению духовных плодов; оставление подвигов или небрежение о них соделывает землю неспособною к посеву и плоду; излишество в них, упование на них

столько же или и более вредно, чем оставление их. Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям; излишество их делает человеков подобными бесам, способствуя распложению и усилению душевных страстей. Оставляющие телесный подвиг подчиняются чревообъедению, блуду, гневу в грубых его проявлениях; несущие неумеренный телесный подвиг, безрассудно употребляющие его или возлагающие на него всё упование свое, видящие в нем свою заслугу пред Богом, свое достоинство, впадают в тщеславие, самомнение, высокоумие, гордость, ожесточение, в презрение ближних, уничижение и осуждение их, в памятозлобие, ненависть, хулу, раскол, ересь, в самообольщение и бесовскую прелесть. Дадим всю должную цену телесным подвигам как орудиям, необходимым для стяжания добродетелей, и остережемся признать эти орудия добродетелями, чтоб не впасть в самообольщение и не лишиться духовного преуспеяния по причине ложного понятия о христианской деятельности. Телесный подвиг нужен даже и для святых, соделавшихся храмами Святого Духа, чтоб тело, оставленное без обуздания, не ожило для страстных движений и не послужило причиною появления в освященном человеке скверных ощущений и помыслов, столько несвойственных для нерукотворенного, духовного храма Божия. Это засвидетельствовал святой апостол Павел, сказав о себе: «Умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключим буду» (1 Кор. 9, 27). Преподобный Исаак Сирский говорит, что разрешение, то есть оставление поста, бдения, безмолвия и прочих телесных подвигов, этих пособий к благочестивой жизни, дозволение себе постоянного покоя и наслаждения, повреждает и старцев и совершенных[192].

---

[192] Слово 90.

ГЛАВА XXXVI
О ревности душевной и духовной

Иноку надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющейся по наружности благочестивою, в сущности — безрассудной и душевредной. Мирские люди и многие монашествующие, по незнанию своему, очень похваляют такую ревность, не понимая, что ее источники суть самомнение и гордость. Эту ревность они величают ревностию по вере, по благочестию, по Церкви, по Богу. Она заключается в более или менее жестком осуждении и обличении ближних в их нравственных погрешностях и в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, — не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по повелению Божию, по обязанности своей, по внушению Святого Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто ж решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумней и добродетельней обличаемого им, что он действует по увлечению страстию и обольщению демонскими помыслами. Подобает помнить заповедание Спасителя: «Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего: и се, бервно в оце твоем? Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» (Мф. 7, 3—5). Что такое — бревно? Это — плотское мудрование, дебелое, как бревно, отъемлющее всю способность и правильность у зрительной силы ума и сердца, причем человек никак не может правильно судить ни о своем внутреннем состоянии, ни о состоянии ближних. Он судит о себе и о других так,

как представляется себе он сам и представляются ему ближние по наружности, по его плотскому мудрованию, ошибочно: и потому слово Божие весьма верно наименовало его лицемером. Христианин, по исцелении себя словом Божиим и Духом Божиим, получает правильный взгляд на свое душевное устроение и на душевное устроение ближних. Плотское мудрование, поражая бревном согрешающего ближнего, всегда смущает его, нередко губит, никогда не приносит и не может принести пользы, нисколько не действует на грех. Напротив того, духовное мудрование действует исключительно на душевный недуг ближнего, милуя ближнего, исцеляя и спасая его. Достойно замечания, что по стяжании духовного разума, недостатки и погрешности ближнего начинают казаться весьма маловажными, как искупленные Спасителем и удобно врачуемые покаянием, — те самые погрешности и недостатки, которые плотскому разуму казались необъятно великими и важными. Очевидно, что плотское мудрование, будучи само бревном, придавало им такое огромное значение. Плотское мудрование видит в ближнем и такие грехи, каких в нем вовсе нет: по этой причине увлекавшиеся безрассудною ревностию часто впадали в оклеветание ближнего и соделывались орудием и игралищем падших духов. Преподобный Пимен Великий рассказывал, что некоторый инок, увлекшийся ревностию, подвергся следующему искушению: он увидел другого инока лежащим на женщине. Долго боролся инок с помыслом, понуждавшим его остановить согрешающих, и наконец, побежденный, толкнул их ногою, сказав: «Перестаньте же!» Тогда оказалось, что это были два снопа[193]. Преподобный авва Дорофей рассказывает, что, в бытность его в общежитии аввы Серида, некоторый брат оклеветал другого брата, будучи увлечен безрассудною ревностию, которая всегда сопряжена

---

[193] Алфавитный Патерик.

с подозрительностию и мнительностию, очень способна к сочинениям. Обвинявший винил обвиняемого в том, что этот рано утром крал из сада смоквы и ел их; по произведенному игуменом исследованию оказалось, что оклеветанный в указанное утро находился не в монастыре, а в одном из соседних селений, будучи послан туда экономом, и возвратился в монастырь только к тому времени, как оканчивалась Божественная литургия[194]. Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением евангельских заповедей относительно ближнего. Не дерзни обличать его! Не дерзни учить его! Не дерзни осуждать и укорять его! Это — деяние не веры, а безрассудной ревности, самомнения, гордыни. Спросили Пимена Великого: «Что такое вера?» Великий отвечал: «Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милость»[195], то есть смиряться пред ближними и прощать им все оскорбления и обиды, все согрешения их. Так как безрассудные ревнители в начальную причину своей ревности выставляют веру, то да знают они, что истинная вера[196], а следовательно, и истинная ревность должны выражаться в смирении пред ближними и в милости к ним. Предоставим суд над человеками и обличение человеков тем человекам, на которых возложена обязанность судить братьев своих и управлять ими. «Имеющий ложную ревность, — сказал святой Исаак Сирский, — недугует великим недугом. О человек, мнящий износить ревность против чужих недугов, ты отрекся от здравия души твоей! Потрудись со тщанием о здравии души твоей. Если же желаешь уврачевать немощных, то знай, что больные нуждаются более в уходе за ними, нежели в жестких обличениях. Но ты, иным не помогая, сам

---

[194] Преподобный авва Дорофей. Поучение 9.

[195] Алфавитный Патерик.

[196] Здесь разумеется вера деятельная, а не догматическая. О различии их смотри иноков Каллиста и Игнатия главу 16. Добротолюбие, часть 2.

себя ввергаешь в тяжкую и мучительную болезнь. Эта ревность в человеках не признается одним из видов премудрости, но причисляется к недугам души, есть признак скудости (духовного) разума, признак крайнего невежества. Начало премудрости Божией — тихость и кротость, свойственные великой и крепкой душе, основательнейшему образу мыслей, и носит человеческие немощи. „Вы бо сильнии, — говорит Писание, — немощи немощных носите“ (Рим. 15, 1), и: „Согрешающаго исправите духом кротости“ (Гал. 6, 1). Мир и терпение причисляет апостол к плодам святого Духа»[197]. В другом слове преподобный Исаак говорит: «Не возненавидь грешного, потому что мы все грешны. Если ты ради Бога подвизаешься против него (грешника), то пролей о нем слезы, для чего же ты и ненавидишь его? Возненавидь грехи его, а о нем помолись и тем уподобишься Христу, Который не негодовал на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как Он плакал о Иерусалиме? И мы во многих случаях служим посмешищем для диавола. Зачем же ненавидим того, над кем посмевается посмевающийся и над нами диавол? Зачем ты, о человек, ненавидишь грешника? За то ли, что он не так праведен, как ты? Где же твоя правда, когда у тебя нет любви! Отчего ты не восплакал о нем, но гонишь его? Некоторые, мнящие о себе, что они здраво судят о делах грешников и (по этому поводу) гневаются на них, действуют так из своего невежества»[198]. Великое бедствие — самомнение! Великое бедствие — отвержение смирения! Великое бедствие — то душевное устроение или состояние, при котором инок, не будучи призван или вопрошаем, по собственному сознанию своего достоинства, начинает учить, обличать, укорять ближних! Будучи спрошен, или откажись дать совет и сказать свое мнение, как ничего не знающий, или, при крайней нужде, скажи с величайшею

[197] Слово 89.

[198] Слово 90.

осторожностию и скромностию, чтоб не уязвить себя тщеславием и гордостию, а ближнего — словом жестким и безрассудным. Когда за труд твой в вертограде заповедей Бог сподобит тебя ощутить в душе твоей ревность Божественную, тогда ясно увидишь, что эта ревность будет побуждать тебя к молчанию и смирению пред ближними, к любви к ним, к милованию их, к соболезнованию о них, как сказал святой Исаак Сирский[199]. Божественная ревность есть огнь, но не разгорячающий крови! Он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние[200]. Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и мечтаний. Последствиями слепой и невежественной ревности, если ближний ей воспротивится, обыкновенно бывают негодование на него, памятозлобие, мстительность в различных видах, а если покорится, — тщеславное довольство собою, возбуждение и умножение наших высокоумия и самомнения.

ГЛАВА XXXVII
О милостыне

Новоначальный инок не должен подавать вещественной милостыни нищим, исключая какого-нибудь особенного случая, когда необходимо оказать ближнему пособие, и этому ближнему нет другого средства получить пособие[201]. Подаяние милостыни нищим есть добродетель мирских людей, которых добродетель сообразна жительству, то есть вещественна и не чужда примеси. Преуспевшие иноки, стяжавшие дар рассуждения или

---

[199] Слово 38.

[200] Собеседование преподобного Максима Капсокаливи с преподобным Григорием Синаитом. Добротолюбие, часть 1.

[201] Преподобный Симеон Новый Богослов, глава 16. Добротолюбие, часть 1.

призванные на то Богом, могут подавать милостыню нищим. Они обязаны удовлетворять служению этому как своему долгу, признавая себя орудиями Промысла Божия, признавая себя облагодетельствованными доставлением средства благодетельствовать, признавая себя облагодетельствованными более тех, которым они благодетельствуют. Новоначальный монах, подавая самопроизвольно милостыню нищим, непременно увлечется тщеславием и впадет в самомнение. Если имеешь, какой избыток, то раздай его нищим, доколе ты еще не вступил в монастырь. Так повелевает евангельская заповедь. Господь сказал юноше, желавшему достигнуть совершенства добродетелей: «Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и приди, и ходи вслед Мене, взем крест» (см. Мф. 19, 21; Мк. 10, 21). Раздаянием имения предваряется взятие креста. При сохранении имения невозможно принятие и ношение креста (см. Лк. 14, 33): крест будет постоянно сниматься с рамен и заменяться средствами, доставляемыми имением, а вера в единого Бога и зрение Бога верою будут уничтожаться упованием на имение и вниманием к нему. Святые мученики и иноки старались со всею точностию исполнить вышеприведенную заповедь Господа пред начатием своего подвига. Первые пред исшествием на видимые муки расточали имение нищим или, по недостатку времени, завещавали богозаповеданное распоряжение имуществом родственникам и друзьям. Вторые поступали точно так же пред исшествием на невидимое мученичество. Подвиг иноческий есть невидимое, но в полном смысле мученичество для того, кто проходит этот подвиг как до́лжно. Предварим вступление в монастырь раздаянием нашего имущества, запечатлеем вещественною милостию, одною из величайших вещественных добродетелей, наше вещественное жительство посреди мира. Для вступившего же в монастырь предлежит

другого рода милостыня: милостыня невещественная. Она заключается в том, чтоб мы не осуждали ближних, когда они согрешают, но миловали их, чтоб даже не судили о ближних, говоря об одних хорошо, а о других худо: такой суд непременно сопряжен с отвержением смирения, с гордынею, присвоивающею человеку то, что принадлежит единому Богу. Невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы не воздавали злом за зло, но за зло воздавали добром; невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы прощали все оскорбления и обиды, наносимые нам ближними, а по отношению к себе признавали эти оскорбления и обиды истинными благотворениями, очищающими нас от греховной скверны. Короче, иноческая милостыня заключается в последовании Христу, то есть в тщательном исполнении евангельских заповедей и в ношении креста, то есть в благодушном терпении и в тщательном понуждении себя к терпению всех скорбей, которые благоволит Божий Промысл попустить нам во время нашего земного странствования во спасение наше. Без второго не может состояться первое: последование Христу не может состояться без приятия креста и признания в нем новозаветной правды и оправдания Божиих. Для преуспевших и призванных на то Богом иноков невещественная милостыня заключается в преподавании ближним слова Божия. Невещественная милостыня столько выше вещественной, по учению святых отцов, сколько душа выше тела[202]. Для того чтоб подавать вещественную милостыню, до́лжно стараться приобретать вещественное имущество; для того чтоб подавать невещественную милостыню, до́лжно стараться и заботиться об обогащении себя духовным богатством — учением Христовым. Если каким-нибудь образом достанется тебе имущество по вступлении в монастырь, то постарайся немедленно переместить его

[202] Лествица. Слово к пастырю.

на небо посредством милостыни. Вручи доставшееся тебе имущество настоятелю или какому другому известному тебе своею добросовестностию лицу и предоставь ему раздаяние твоего имущества. Не дерзни распорядиться сам и самопроизвольно! Иначе нанесешь вред душе твоей. По передаче имущества твоего распорядителю, не подозревай его, не проверяй его: предоставь дело его совести, а себя не ввергай в попечения и подозрения во вред душе твоей. Ты исполнил свою обязанность, и никакого нет тебе дела до того, как исполняет обязанность свою распорядитель: он «своему Господеви стоит или падает» (Рим. 14, 4)[203].

ГЛАВА XXXVIII
О нестяжании

Всякий, поступивший в монастырь и принявший на себя благое иго Христово, должен непременно пребывать в нестяжательности, довольствуясь самонужнейшим и охраняясь от излишества в одежде, в келейных принадлежностях, в деньгах. Имуществом, богатством, сокровищем инока должен быть Господь наш, Иисус Христос. К Нему должны быть обращены и постоянно устремлены взоры ума и сердца; в Нем должна сосредоточиваться надежда наша; на Него должно быть возложено всё упование наше; мы должны быть сильны верою нашею в Него. Такого душевного настроения невозможно иноку сохранить при имуществе. Заповедь о нестяжательности дана Самим Господом. «Не скрывайте себе сокровищ на земли, — повелевает Он нам, — идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут» (Мф. 6, 19–20). Постановив заповедь, Господь изложил

[203] Преподобный Варсонофий Великий. Ответы 249, 250 и 251.

и причину постановления ее. Он сказал: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). «Не можете Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24). Если инок имеет деньги или какие дорогие вещи, то невольно, по каким-то неотложным и неотразимым необходимости и закону, надежда его нисходит от Бога к имуществу. На имущество он возлагает свое упование; в имуществе он видит свою силу; в нем видит средство уклониться от влияния превратностей, могущих встретиться на поприще земной жизни; в имущество сосредоточиваются его любовь, его сердце и ум, всё существо его. И делается сердце вещелюбца жестким и чуждым всякого духовного ощущения, как жестко и бесчувственно вещество. Копление денег и другого имущества иноком есть поклонение идолу, по определению апостола (см. Еф. 5, 5). Идолопоклонство непременно сопряжено с отречением от Бога. Омраченный вещелюбец не замедляет пожать плоды своего самообольщения: приходит смерть, о которой в омрачении своем и уповании земным благосостоянием он совсем забыл, восхищает его из среды богатства его; капиталы и наполненные кладовые, на которые он уповал, остаются для других, не принесши ему даже никакой временной пользы, отчуждивши его от Бога (см. Лк. 12, 15–22). Дух Святой оплакивает состояние человека, обманутого обольщением богатства, в страшной и гибельной нищете духа вступающего в вечность, — говорит: «Се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею» (Пс. 51, 9). Каким образом от пристрастия к тленному имуществу совершается в глубине души отречение от Бога, которое при удобном случае не преминет вынаружиться, можно видеть из следующей повести, сохраненной нам церковною историей: «Некто Павел, пресвитер, пребывал в пустынной горе, скрываясь от идолопоклонников-гонителей. Он имел при себе значительное количество золота. К нему присовокупились

пять дев-инокинь, также избегавших преследования. Эти девы сияли добродетелями и были исполнены благоуханием Святого Духа. Они жили при пресвитере Павле, упражняясь с ним в молитвах и в исполнении Божественных заповедей. Некоторый неблагонамеренный человек, узнав о их местопребывании, известил начальника волхвов при персидском царе Сапоре, что христианский пресвитер, имеющий много золота, скрывается в горе с пятью девами-инокинями. „Если хочешь, — говорил доноситель вельможе, — приобрести себе золото, то вели взять их и представить пред тебя на суд; когда же они не захотят отречься от своей веры, тогда ты отрубишь им головы, а золото возьмешь себе". Вельможа немедленно исполнил данный ему совет: представил пресвитера с инокинями и его золотом на суд пред себя. Тогда пресвитер сказал вельможе: „По какой причине ты отнимаешь у меня имение мое, между тем как я ни в чем не виноват пред тобою?" Вельможа: „По той причине, что ты христианин и не повинуешься повелению царя". Павел: „Господин мой! Прикажи мне, что хочешь". Вельможа: „Если ты поклонишься солнцу, возьми твое и иди куда знаешь". Павел посмотрел на свое золото и сказал: „Что приказываешь мне сделать, то сделаю". И немедленно он поклонился солнцу, вкусил идольских жертв и пил идоложертвенную кровь. Вельможа, видя, что намерение его не удалось, сказал: „Если ты уговоришь и постниц твоих, чтоб они так же, как и ты, поклонились солнцу, потом вышли замуж или вдались в прелюбодеяние, тогда, взяв свое золото и постниц, иди с ними куда желаешь". Павел пошел к постницам и говорит им: „Вельможа взял имение мое и вам повелевает исполнить волю царя. Вот я поклонился солнцу и ел идоложертвенное. Приказываю и вам сделать то же самое". Инокини сказали как бы едиными устами: „Окаянный! Не довольно ли для тебя твоей погибели? Как ты осмелился говорить с нами? Ныне ты сделался вторым Иудою и, как он,

ради золота предал Учителя своего и Владыку на смерть. Иуда, взявши золото, пошел и удавился. И ты, окаянный, соделался вторым Иудою по нравственности твоей! Ради золота ты погубил душу твою, не вспомнив о том богаче, который, получив большое богатство, сказал душе своей: „Душе, имаши много блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися“ — и за это услышал: „Безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?“ (Лк. 12, 19–20). Говорим тебе, как бы предстоя Самому Богу, что над тобою совершится и то, и другое: и то, что случилось с Иудою, и то, что случилось с богачом“. Сказав это, они плюнули в лицо отступника. Тогда, по повелению вельможи, инокини были биты жестоко и долго. Под ударами они вопияли: „Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а повелению твоего царя не повинуемся; ты же делай что делаешь“. Вельможа, изыскивая все средства, как бы завладеть золотом, повелел Павлу собственноручно отсечь головы истинно мудрым тем девам, думая, что Павел не захочет этого сделать, и тогда вельможа взял бы золото. Несчастный Павел, услышав это и опять посмотрев на свое золото, сказал вельможе: „Что приказываешь мне сделать, сделаю“. Взяв меч, он подошел к постницам. Увидев это, святые девы ужаснулись и единогласно сказали ему: „Окаянный! До вчерашнего дня ты был нашим пастырем, а ныне пришел как волк пожрать нас. Таково ли твое учение, которое ты ежедневно повторял нам, увещавая, чтоб мы охотно умерли за Христа! Ты сам нисколько не захотел пострадать за Него, но, не задумавшись ни на минуту, отвергся Его. Где Святые Тело и Кровь, которые мы принимали от нечистой руки твоей? Знай, что меч, который ты держишь в руке, есть ходатай для нас живота вечного. Мы отходим к Учителю нашему, Христу: ты же, как мы предрекли тебе, скоро будешь удавлен веревкою и соделаешься сыном геенны вместе с учителем твоим Иудою“. Сказав ему

это и присовокупив еще нечто, они помолились. Павел отсек им головы. Тогда вельможа сказал ему: „Ни один из христиан не исполнил воли царя так, как исполнил ты. По этой причине не могу отпустить тебя без личного царского повеления. Когда я ему расскажу и он узнает о том, что ты сделал, то сподобит тебя великих почестей. Теперь возвеселись с нами и пребудь близ нас в помещении, которое отведут тебе. Завтра доложим о тебе царю". Отступник отвечал: „Да будет по слову твоему". Ночью вельможа послал рабов своих тайно удавить Павла веревкою в отведенном ему помещении, а сам с наступлением утра, притворяясь ничего не знающим, пришел посетить его. Нашедши его висящим на веревке и удавленным, он осудил его, признав самоубийцею, велел вынести за город и там повергнуть на съедение псам, а имение его присвоил себе»[204].

Инок, проводящий трезвенную жизнь и рассматривающий в себе самом грехи или падение человечества, удобно заметит, что при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет и ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко могут обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедовать Его, призывать Его в молитвах, проповедовать учение Его. Когда одна какая-либо убийственная страсть возобладает человеком, тогда прочие страсти умолкают в нем; диавол престает наносить ему брани и искушения, храня в нем, как свое сокровище, как верный залог его погибели, заразившую его смертоносную страсть. Человек, убитый грехом в тайне сердца, привлеченный им к самым вратам

---

[204] Алфавитный Патерик; Vies des pères des deserts d'Orient. Tom. 9, chap. 16.

ада, часто представляется для других святым и назидательным, как представлялся инокиням Павел, доколе опыт не разоблачит его, как разоблачил Павла. Кто желает сосредоточить в Боге упование и любовь свою, тот должен стараться о том, чтоб пребывать в нестяжании, а попадающиеся ему деньги и ценные вещи употреблять на приобретение богатства в вечности (см. Лк. 16, 9). Начало всех духовных благ — вера во Христа, в Евангелие, вера живая, доказываемая исполнением евангельских заповедей делами, жизнью: естественно, что «сребролюбие», искореняющее из сердца веру, «есть корень всем злым» (1 Тим. 6, 10).

ГЛАВА XXXIX
О человеческой славе

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом; подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа. «Како вы можете веровати, — говорил Господь современным ему представителям иудейского народа, — славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете» (Ин. 5, 44). Многие из важнейших иудеев уверовали в Господа, но, свидетельствует евангелист, «фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию» (Ин. 12, 42–43). Иудеи сделали постановление, которым воспрещалось участвовать в собраниях синагоги всякому, исповедующему Богочеловека обетованным Мессиею (см. Ин. 9, 22). Тщеславие питается похвалою человеческою и преимуществами, изобретаемыми плотским мудрованием и возникающими из нашего падения. Оно питается богатством, знатностию рода, громкими именами, которыми увенчиваются служение и угодливость миру, и прочими суетными почестями.

По такому свойству своему слава земная и человеческая прямо противоположна славе Божией. Начала славы человеческой и пути к ней совсем другие, нежели начала славы Божией и пути к достижению ее. Начала тщеславия и славолюбия основываются на ложных понятиях о мнении и силе человеческих, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или беззаконно это человекоугодие, до того дела нет искателям человеческой славы, лишь бы оно достигало своей цели. Начало вожделения славы Божией и стремления к ней основываются на живой вере во всемогущество Божие и в неизреченную милость Его к падшему человеку. Падший человек посредством покаяния и исполнения евангельских заповедей может примириться с Богом, стяжать у Бога, выразимся так для ясности, благое о себе мнение, как сказано в Писании, от лица Божия человеку, которого дела оказались угодными Богу: «Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 23). Сообразно начальной причине своей, деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном богоугождении или в последовании Господу с крестом своим на раменах, в угождении ближним, допускаемом и установляемом евангельскими заповедями. Такое угождение отнюдь не удовлетворяет и даже приводит в негодование сынов мира, которые ищут и требуют неограниченного угождения страстям своим и своему самообольщению, за что и награждают земною славою человекоугодника, враждебного Богу и истинному благу ближних. «Аще кто Мне служит, — сказал Господь, — Мне да последует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой» (Ин. 12, 26). Между прочими нравственными правилами Богочеловека, чертами Его

всесвятого характера находится отвержение славы человеческой. «Славы от человек не приемлю, — сказал Господь о Себе (Ин. 5, 41). Хотя Он — Царь царей, но «Царство» Его «несть от мира сего» (Ин. 18, 36). Когда народ хотел провозгласить Его царем, то Он удалился в пустынную гору, научая и нас, по объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, убегать почестей и славы (см. Ин. 6, 15). Когда во время собеседования после Тайной вечери ученики сказали Господу: «Ныне вемы, яко веси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси», — тогда Господь не выразил никакого сочувствия к этим словам, заключающим в себе похвалу человеческую и одобрительное мнение человеческое. Напротив того, ведая близкое малодушие учеников и научая необновленного человека не уповать на свое падшее естество, способное к неожиданной, внезапной переменчивости, Он возразил им: «Ныне ли веруете? Се грядет час, и ныне прииде, да разыдется кийждо во своя, и Мене оставите единаго» (Ин. 16, 30–32). Христос, принявший на себя человечество, страданиями и крестом взошел, по человечеству, во славу Свою (см. Лк. 24, 26 и 46), которая по Божеству, всегда была Его славою (см. Ин. 17, 5). Мы должны последовать Христу: исполнением заповедей и терпением всех попускаемых нам скорбей соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Христос «Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек, смирил себе, послушлив быв до смерти, смерти же крестныя. Тем же и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене. Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2, 7–11); так и мы должны смириться извне и внутри себя, чтоб соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Залоги славы, даруемые Богочеловеком

последователю Его во время земного странствования, состоят в различных дарах Святого Духа: в будущем веке Божественная слава обымет последователей и учеников Христовых и извне и внутри в такой полноте и в таком величии, каких ум человеческий представить себе не может (см. 1 Кор. 2, 9). По этой причине преподобные отцы наши, святые иноки, старались избегать, как смертоносного яда, всего, что приводит к тщеславию, доставляет человеческую славу. Самый Божественный Промысл, как это со всею ясностию можно усмотреть из жизнеописаний угодников Божиих, не попускает избранным Божиим во время их земного странствования пребывать в отраде, в постоянном земном благополучии и в земной славе. Земное странствование их всегда преисполнено скорбей, вольных и невольных. Как сладкая пища, постоянно употребляемая, повреждает желудок, так слава человеческая, не растворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, не прерываемой дождями, увядают и сохнут хлеба и травы, в плодах заводятся черви, так от постоянного земного счастия слабеют и уничтожаются в человеке добрые качества, зарождаются в его сердце самомнение, гордыня и блудные вожделения. Святой Исаак Сирский сказал: «Едва ли найдется человек, который мог бы понести честь, а может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям»[205]. Способность скоро изменяться, доказанная опытами[206], служит причиною, что Бог, уготовавший рабам Своим вечную, непременяющуюся честь и славу на небеси, не благоволит, чтоб они в сем непостоянном и превратном мире были почитаемы постоянно суетным и временным почитанием, как заметил блаженный Симеон Метафраст в жизнеописании

---

[205] Слово 1.

[206] Смотри, например, Алфавитный Патерик, повесть о Евлогии Каменосечце.

великомученика Евстафия Плакиды[207]. Те из святых мужей, которым Бог, сообразно их значительным естественным способностям и духовному преуспеянию, предоставил высокое служение в Церкви, подвергались особенным гонениям, бесчестиям, поруганиям, озлоблениям, страданиям: в этом удостоверяют жизнеописания и Афанасия Великого, и Григория Богослова, и Василия Великого, и Иоанна Златоустого, и других светильников Церкви. Попускаемые им напасти предохраняли их от душевного повреждения, которое легко могло бы появиться от величия сана и почитания человеческого[208]. «Прилежно внимай себе, — сказал преподобный Исаия Отшельник, — чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки»[209]. Если посмотреть внимательно на себя и на человечество, то невозможно не убедиться в справедливости совета, преподанного святым отшельником, невозможно не увидеть, что стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком и пройденного всеми последователями Его. Мало этого! Самое учение о тесном и прискорбном пути делается для сочувствующих человеческой славе странным, диким, безрассудным; они насмехаются над ним и над возвещающими его, как насмехались фарисеи, будучи миролюбцами, над учением Господа о самоотвержении (см. Лк. 16, 14). Но Господь дал это учение как необходимое врачевство и пособие в стране изгнания и самообольщения для освобождения нас от лжи, от плениших и пленяющих нас посредством лжи. Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме креста Христова. Ключ

---

[207] Житие великомученика Евстафия Плакиды. Четьи-Минеи, 20 сентября.

[208] Смотри святого Исаака Сирского слово 47.

[209] Слово 28, на слова «Внемли себе».

этот подается десницею Божией тем, которые произволяют войти в Царство Божие, и они сами стараются приобрести его, о приобретенном радуются и веселятся как о залоге вечного, неизреченного блаженства. Говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «С несомненною верою в Бога отрекшийся мира и всего принадлежащего миру, верует, что Господь щедр и милостив, приемлет приступающих к Нему с покаянием, воздает почесть рабам Своим чрез бесчестие, обогащает их посредством нищеты, прославляет при посредстве досаждений и уничижений и соделывает их причастниками и наследниками вечной жизни посредством смерти. Верующий спешит, как жаждущий елень, восходить сими ступенями к бессмертному и горнему началу, как по лествице, по которой восходят и нисходят ангелы, на вершине которой — человеколюбивый Бог, ожидающий от нас посильного подвига и тщания, не увеселяясь зрением труда нашего, но желая дать нам мзду, как заслуженную»[210].

Возлюбленные братья! Будем убегать тщеславия и славолюбия как отречения от креста Христова. Отречение от креста Христова есть вместе и отречение от Христа: «Иже не носит креста своего, и вслед Мене грядет, не может мой быти ученик» (Лк. 14, 27), — сказал Господь. Падшие человеки! Мы не можем иначе познать и исповедать Христа с искренностию, деятельно, как с креста нашего, познав и исповедав наперед наше падение и необходимость крестного пути для достижения неба и хранимого в нем вечного блаженства. Будем убегать всех поводов к тщеславию и славе человеческой, как убегали их святые отцы, чтоб не утратить сочувствие к учению Христову, не соделаться «гробами повапленными», христианами по наружности, отступниками в сущности. Малая пылинка, попавшая в глаз, нарушает правильность зрения: ничтожное по видимому

[210] Добротолюбие, часть I, глава 93.

пристрастие лишает правильности разум, повреждает, изменяет образ мыслей подвижника. Сильные духом и телом отцы боялись малейшего греха, малейшего уклонения от евангельского учения, тем более мы, немощные по духу и телу, должны страшиться греха, который имеет надежное пристанище и пособие в нашей немощи, который, входя в нас, принимает вид ничтожной мелочи, а вошедши, превращается в страшное чудовище[211]. Не без причины святые отцы наблюдали крайнюю простоту в одежде, в келейных потребностях, в монастырских зданиях, в строении и украшении самых храмов[212]. Мысль и сердце слабого человека сообразуются, что непонятно для неопытных и невнимательных, с его наружным положением. Если на иноке блестящие одежды, если келия его убрана тщательно, со вкусом и роскошью, если даже храмы монастыря великолепны, сияют золотом и серебром, снабжены богатою ризницею, то душа его непременно тщеславна, исполнена самомнения и самодовольства, чужда умиления и сознания своей греховности. Упоенная тщеславным удовольствием, представляющимся ей духовною радостию, она пребывает в омрачении, самообольщении, ожесточении и мертвости, как бы среди торжественного празднества. Напротив того, когда одежда на иноке проста, когда он, подобно страннику, живет в келии как бы в шатре или куще, когда в этой куще имеется одно необходимое, когда храм Божий служит для него местом молитвенного исповедания и плача, не развлекая и не восхищая его своим блеском, тогда душа его заимствует от наружной обстановки смирение, отделяется от всего вещественного, переносится мыслями и чувствованиями в предстоящую всем человекам неизбежную вечность; она старается покаянием

---

[211] Святой Исаак Сирский. Слово 75.

[212] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, ответ 603, также Предание преподобного Нила Сорского, и все прочие святые отцы подобного мнения.

и исполнением евангельских заповедей благовременно приготовить себе в вечности прием благосклонный. В скромную келию, убранную просто, входит наравне с вельможею простолюдин; в келию, тщательно убранную, нет входа для простолюдина, могущего приходом своим нарушить отчетливость убранства в келии. В лице убогого простолюдина, часто богатого в вере, отвергается Христос (см. Иак. 2, 1–6). Пагубно собственное тщеславие: тем пагубнее слава человеческая. Слава инока от чад мира и плотского мудрования есть признак, что этот инок — сосуд, отвергнутый Богом, так как, напротив того, поношения и гонения от человеков составляют для инока верный признак избрания его Богом. То и другое засвидетельствовано Самим Господом: «Горе, — сказал Он, — егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их». Напротив того, «блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло Сына Человеческаго ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо, мзда ваша многа на небеси. По сим бо творяху пророком отцы их» (Лк. 6, 26 и 22–23).

Последуем вышеприведенному совету святого отшельника! Если же по судьбам Божиим иноку придется носить тяжкое бремя земных санов и почестей, то да умолит он прилежными и слезными молитвами Бога, чтоб земное величие не имело влияния на образ его мыслей, не вселило в его душу гордыни, не доставило ему высокого ока на ближних, от чего предостерегал и предостерегает Господь учеников Своих: «Блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго» человека. Он пролил за всех и каждого бесценную кровь Свою и тем установил для всех человеков одну одинаковую, равную цену, одно равное значение (Мф. 18, 10–11; ср.: 1 Кор. 6, 20).

ГЛАВА XL
О памятозлобии

Глубокая и сокровенная тайна — падение человека! Никак не познать ее человеку собственными усилиями, потому что в числе последствий падения находится и слепота ума, не допускающая уму видеть глубину и тьму падения. Состояние падения обманчиво представляется состоянием торжества, и страна изгнания — исключительным поприщем преуспеяния и наслаждения. Постепенно раскрывает тайну Бог пред тем подвижником, который искренно и от всей души служит Ему. Какое, братия, разнообразное и страшное зрелище является нам при раскрытии тайны! Когда обнажатся по повелению Божию адские пропасти в бездне сердечной, как не исполниться страха! Как не исполниться страха особливо по той причине, что немощь наша доказана нам бесчисленными горькими опытами! Как не исполниться ужаса от мысли, что какая-либо убийственная страсть может долгое время жить тайно в сердце, внезапно явиться и навсегда погубить человека! Это справедливо; но кто боится греха, кто не доверяет себе, тот безопаснее от греха. И потому, желая ознакомить возлюбленных братьев с тайнами греха для предохранения от него, мы не упускаем здесь указать на то страшное, невидимое опустошение, которое производит в душе страсть памятозлобия. «Бог любы есть» (1 Ин. 4, 8), — сказал святой Иоанн Богослов, следовательно, отвержение любви, или памятозлобие, есть отречение от Бога. Отступает Бог от памятозлобного, лишает его своей благодати, решительно отчуждается от него, предает его душевной смерти, если он не потщится благовременно исцелиться от убийственного нравственного яда, от памятозлобия.

В Антиохии, столице Востока, в первые века христианства жили два друга, Саприкий, пресвитер, и гражданин Никифор.

Долгое время пребывали они в теснейшей дружбе; потом сеятель зла, диавол, посеял между ними вражду, которая, возрастая, обратилась в непримиримую, ожесточенную ненависть. Из двух друзей Никифор опомнился — в себя пришел, сказано в жизнеописании, — и, уразумев, что ненависть посеяна и укреплена диаволом, искал примириться с Саприкием. Саприкий упорно отвергал предложение о примирении, не раз повторенное. При таком взаимном отношении этих двух лиц внезапно восстало в Антиохии гонение на христиан, в царство императоров римских Валериана и Галлиена. Саприкий, как христианин и пресвитер, был схвачен и представлен пред антиохийского игемона. Принуждаемый к принесению жертвы идолам, Саприкий исповедал Христа и, исповедуя Его, претерпел вышеестественно страшные муки. Когда разнообразные пытки не возмогли поколебать твердости Саприкия в исповедании Богом Иисуса Христа, тогда игемон повелел отрубить ему голову. Никифор, услышав о подвиге Саприкия и желая получить прощение и благословение мученика, совершившего свой подвиг и уже шедшего увенчать его смертью от руки палача, поспешил встретить мученика. Он пал мученику в ноги, говоря: «Мученик Христов! Прости меня, согрешившего пред тобою». Но Саприкий не дал даже ему никакого ответа, потому что имел сердце, объятое злобою. Сколько ни повторял Никифор молений, ожесточенный и ослепленный Саприкий отвечал на них одним исполненным ненависти молчанием и отвращением взора. Они достигли места казни. Здесь Никифор снова умолял Саприкия о прощении. «Умоляю тебя, мученик Христов, — говорил он, — прости меня, если я как человек согрешил пред тобою. Писание говорит: „Просите и дастся вам“ (Мф. 7, 7). Вот я прошу: даруй мне прощение». И на эту предсмертную мольбу не преклонился Саприкий. Внезапно благодать Божия, укреплявшая его в мученическом подвиге, отступила от него.

Когда мучители хотели отсечь ему голову, он вдруг обратился к ним с вопросом: «За что хотите вы казнить меня?» Они отвечали: «За то, что ты отказался принести жертвы богам и презрел царское повеление ради некоторого человека, называемого Христом». Несчастный Саприкий сказал им: «Не убивайте меня: сделаю то, что повелевают цари; поклонюсь богам и принесу им жертву». Услышав эти ужасные слова Саприкия, святой Никифор умолял его со слезами, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат, не делай! Не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа, не теряй венца небесного, который ты сплел себе терпением многих мук. Вот! У дверей стоит Владыка Христос, Который немедленно явится тебе и воздаст тебе вечным воздаянием за временную смерть, для принятия которой ты пришел на это место». Саприкий не обратил никакого внимания на эти слова и устремился всецело в вечную пагубу. Тогда святой Никифор, видя, что пресвитер окончательно пал и отвергся Христа, истинного Бога, начал, подвигнутый Божественною благодатию, взывать к мучителям громким голосом: «Я — христианин! Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, Которого Саприкий отвергся! Мне отрубите голову!» Желание святого Никифора было исполнено[213]. Очевидно: одному отвержение заповеди евангельской вменено Святым Духом, мгновенно отступившим от несчастного, в сердечное отвержение Христа; без сердечного исповедания Христа не возмогло устоять одно устное исповедание; другому тщательное исполнение заповеди доставило высокое достоинство мученика, в каковое внезапно возвела Никифора благодать Святого Духа, объяв его сердце, предуготованное для Духа Божия исполнением заповеди Божией.

Вот и другая повесть. В Киево-Печерской Лавре два инока, иеромонах Тит и иеродиакон Евагрий, жили в единомыслии

---

[213] Четьи-Минеи, 9 февраля.

и духовной дружбе. Их взаимная любовь была предметом назидания и удивления для прочих братьев. Ненавидящий добра враг, обыкший сеять плевелы посреди пшеницы и превращать пшеницу в плевелы, особливо когда человеки спят, то есть не внимают себе и не опасаются быть окраденными, полагая прочным и неотъемлемым приобретенное ими добро, превратил любовь иноков во вражду. Тит и Евагрий столько расстроились один против другого, что не могли даже смотреть друг на друга. Братья много раз упрашивали их, чтоб они помирились; но они и слышать не хотели о мире. По прошествии значительного времени их ссоры, иеромонах Тит тяжко заболел. Болезнь была так трудна, что отчаялись в его выздоровлении. Тогда он начал горько плакать о своем согрешении и послал к иеродиакону просить прощения, со многим смирением возлагая на себя вину. Тот не только не захотел простить, но и произнес об иеромонахе много жестоких слов, даже проклятий. Однако братья, видя Тита умирающим, насильно привели к нему Евагрия для примирения. Больной, увидев его, приподнялся на постели, поклонился пришедшему, упав к ногам его и сказав со слезами: «Прости меня, отец, и благослови». Евагрий отворотился от него и произнес пред всеми следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним, ни в сей век, ни в будущий». Сказав это, Евагрий вырвался из рук братьев, державших его, и упал. Братья хотели поднять его, но он оказался умершим: они не могли ни согнуть рук его, ни затворить уст, ни сомкнуть ресниц, а болевший иеромонах Тит встал с постели здравым, как бы никогда не был болен. Всех присутствовавших объял ужас, и они начали спрашивать исцелевшего пресвитера, каким образом совершилось его исцеление. Блаженный Тит отвечал им: «Когда я был тяжело болен, то увидел ангелов, что они удаляются от меня и плачут о погибели души моей, отравленной памятозлобием, а бесов, радующихся тому, что я гибну по причине гнева моего:

почему я начал умолять вас, чтоб вы пошли к брату и испросили у него мне прощение. Когда же вы привели его ко мне и я поклонился ему, а он отвратился от меня, то я увидел, что один из грозных ангелов, державший огненное копие, ударил им непростившего, от чего тот упал и умер, а мне этот же ангел подал руку и восставил меня, и вот я здоров». Братья много плакали об умершем страшною смертию Евагрии и похоронили его в том положении, в каком он окостенел, с отверстыми устами и распростертыми руками[214].

Братия! Устрашимся нашей немощи! Устрашимся греха, удобно обольщающего нас, удобно вкрадывающегося в нас, пленяющего, оковывающего нас! Устрашимся нашего падшего естества, не престающего произрастать из себя греховные плевелы! Надо постоянно внимать себе, поверять свое поведение и душевное состояние по Евангелию, никак не допускать никакому греховному увлечению усиливаться и плодиться в душе, признавая это увлечение маловажным. «Вводимый в начало зла, не скажи себе: оно не победит меня. Насколько ты введен, настолько уже и побежден», — говорит преподобный Марк Подвижник[215]. И то надо знать, что «малые согрешения диавол представляет еще меньшими, ибо иначе он не может привести к бóльшим согрешениям», — сказал тот же преподобный[216]. Никак не должно пренебрегать плевелами, возникающими из сердца, или греховными помыслами, являющимися уму. Помыслы должно немедленно отвергать и отгонять, а греховные чувствования искоренять и уничтожать, противопоставляя им евангельские заповеди и прибегая к молитве. Плевелы удобно исторгаются, когда они бессильны и молоды. Когда

---

[214] Четьи-Минеи, 27 февраля.

[215] Слово о духовном законе, глава 170.

[216] Там же, глава 94.

же они укоренятся от времени и навыка, тогда исторжение их сопряжено с величайшими усилиями. Помысл греховный, будучи принят и усвоен уму, входит в состав образа мыслей или разума и лишает его правильности, а греховное чувствование, закосневши в сердце, делается как бы его природным свойством, лишает сердце духовной свободы. Стяжем несомненное убеждение в непреложной истине: Бог печется неусыпно об иноке и о всяком православном христианине, предавшем себя всецело в служение Богу и воле Божией, хранит его, зиждет, образует душу его, приуготовляет его для блаженной вечности. Все скорби, наносимые нам человеками, постигают нас не иначе, как по попущению Божию, к нашей существенной пользе. Если б эти скорби не были нам необходимо нужны, Бог никак не попустил бы их. Они нам необходимы для того, чтоб мы имели случай прощать ближних и тем получить отпущение собственных своих согрешений. Они нам необходимы, чтоб мы усмотрели Промысл Божий, бдящий над нами, и стяжали живую веру в Бога, являющуюся в нас тогда, когда мы научимся из многочисленных опытов, что из скорбей и затруднительных обстоятельств изъемлет нас всегда всесильная десница Божия, а не наши ухищрения. Они нам необходимы для того, чтоб мы приобрели любовь к врагам, чем окончательно очищается сердце от яда злобы и соделывается способным к любви Божией, к приятию особенной, обильной благодати Божией. Союз любви к ближнему с любовию к Богу ясно усматривается в приведенных двух повестях. Из этих повестей видно, что любовь к врагам есть та высшая ступень в лествице любви к ближнему, с которой мы вступаем в необъятный чертог любви к Богу. Всеусильно понудим сердце наше, чтоб оно отпускало ближним все роды обид, какие они ни нанесли бы нам, чтоб получить отпущение наших бесчисленных согрешений, которыми оскорбили мы величество Божие. Не будем, побеждаясь неверием,

предаваться многообразным попечениям, соображениям, мечтаниям, ухищрениям для охранения себя от врагов наших, для действования против их злонамеренности. Это воспрещено Господом, сказавшим: «Не противитися злу» (Мф. 5, 39). Прибегнем, утесняемые скорбными обстоятельствами, с молитвою ко всесильному Богу, у Которого в полной власти и мы, и враги наши, и наши обстоятельства, и обстоятельства всех человеков, Который может самовластно распорядиться всем, мгновенно преодолеть и уничтожить все величайшие трудности. Будем тщательно молиться о врагах наших, изглаждая этою молитвою злобу из сердец наших, прививая к нему любовь. «Молящийся о человеках, обижающих его, сокрушает бесов; сопротивляющийся же первым, уязвляется вторыми», — сказал преподобный Марк Подвижник[217]. «Паче всего, — говорит апостол, — возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6, 16). Эти стрелы суть различные действия в нас демонов, приводящих в движение недуги падшего естества: воспаление сердца гневом, разгоряченные помыслы и мечтания, порывы к мщению, многопопечительные и многочисленные соображения, большею частью несбыточные и нелепые, о сопротивлении врагу, о побеждении и унижении его, о доставлении себе самого прочного, неподверженного никаким опасностям положения. Стяжавший веру стяжал Бога деятелем своим, встал превыше всех ухищрений не только человеческих, но и демонских. Таковой получает возможность коснуться истинной, чистой молитвы, не расхищаемой никакими попечениями о себе, никакими опасениями, никакими мечтаниями и картинами, представляемыми воображению лукавыми духами злобы. Верою своею в Бога благочестивый инок вручил себя Богу; он жительствует в простоте

[217] Слово о духовном законе, глава 45.

сердца и беспопечительности; он мыслит и заботится только об одном: о том, чтоб соделаться во всех отношениях орудием Бога и совершителем воли Божией.

ГЛАВА XLI
Значение слова «мир»

Слово «мир» имеет два значения в Священном Писании. 1) Словом «мир» обозначается всё человечество в следующих и им подобных выражениях Писания: «Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир» (Ин. 3, 16–17). «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1, 29). 2) Словом «мир» обозначаются те человеки, которые проводят греховное, противное воле Божией жительство, живут для времени, а не для вечности. Так надо понимать слово «мир» в следующих и им подобных выражениях: «Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были: мир убо свое любил бы. Якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир» (Ин. 15, 18–19). «Не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки» (1 Ин. 2, 15–17). «Прелюбодее и прелюбодейцы, не весте ли яко любы мира сего вражда Богу есть? Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» (Иак. 4, 4). Блаженный Феофилакт Болгарский определяет «мир» так: «Обычно Писанию называть „миром“ житие грешных и пребывающих в нем людей плотского мудрования: почему и Христос сказал ученикам Своим: „Вы несте от мира“. Они

составляли часть живущих в „мире“ человеков, но, не пребывая в грехе, не были от „мира“»[218]. Большинство человеков проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу: по этой причине и потому, что большинство врагов Божиих несоразмерно велико в сравнении с числом верных служителей Бога, большинство называется в Писании „миром“, относящееся к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова евангелистов: «Бе Свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир. В мире бе, и мир Тем бысть, и мир Его не позна: во своя прииде, и свои Его не прияша» (Ин. 1, 9–11). «Сей же есть суд, яко Свет прииде в мир, и возлюбиша человецы паче тму, неже Свет: беша бо их дела зла» (Ин. 3, 19). «Блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Горе, егда добре рекут вам вси человецы. По сим бо творяху лжепророком отцы их» (Лк. 6, 22 и 26). Не познало Спасителя большинство человеков, ненавидит и преследует злословиями и гонениями истинных слуг Божиих большинство человеков, — и так велико это большинство, что слово Божие признало правильным приписать отвержение Богочеловека и гонение служителей Его всему человечеству. Что очень мало человеков, живущих богоугодно, и очень много угождающих греховным и плотским похотениям своим, засвидетельствовал Господь: «Пространная врата и широкий путь, вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им, что узкая врата, и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» (Мф. 7, 13 и 14; ср.: Лк. 13, 23–24). «Оправдися премудрость» Божия «от» весьма немногих «чад своих» (Мф. 11, 19): немногие избранники познали ее, немногие отдали ей должную справедливость.

---

[218] Толкование на Мф. 18, 7.

Истинные служители истинного Бога! Изучите и узнайте установленное для вас Промыслом Божиим положение на время вашего земного странствования. Не попустите падшим духам обольстить и обмануть вас, когда они будут в приманчивой ложной картине представлять вам земное благосостояние и внушать желание его, стремление к нему, чтоб таким образом украсть и похитить у вас вечное сокровище ваше. Не ожидайте и не ищите похвал и одобрения от общества человеческого! Не ищите известности и славы! Не ожидайте и не ищите жительства бескорбного, пространного, вполне удобного! Это — не ваш удел. Не ищите и не ожидайте любви от человеков! Ищите всеусильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам. Довольствуйтесь тем, что немногие истинные служители Божии, с которыми по временам вы будете встречаться на пути жизненном, полюбят вас, с любовию и участием одобрят ваше поведение, прославят за вас Бога. Такие встречи не были часты и в цветущие времена христианства: в последнее время они сделались крайне редки. «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глаголаша кийждо ко искреннему своему» (Пс. 11, 2–3).

Преподобный авва Дорофей превосходно объясняет слова святого апостола Павла: «Мне мир распяся, и аз миру» (Гал. 6, 14). Монашествующим существенно нужно знать это объяснение. Вот оно: «Апостол говорит: „Мне мир распяся, и аз миру“. Какое между этим различие? Как „мир“ распинается человеку и человек „миру“? Когда человек отрекается от „мира“ и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние другим и приятие от них: тогда распинается ему „мир“, ибо он оставил его. Это и значат слова апостола: „Мне мир распяся“. Потом он прибавляет: „И аз миру“. Как же человек распинается „миру“? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самих услаждений, или против

самого вожделения вещей, против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается „миру“ и сподобляется сказать с апостолом: „Мне мир распяся, и аз миру“. Отцы наши, как мы сказали, распяв себе „мир“, предались подвигам и себя распяли „миру“. А мы думаем, что распяли себе „мир“, потому что оставили его и пришли в монастырь, себя же не хотим распять „миру“, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его; имеем пристрастие к снеди, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним, и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию производить в нас мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из „мира“ и придя в монастырь, оставили всё мирское; но и здесь, ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных удовлетворяем страстям нашим. Каждый из нас оставил, что имел: имевший великое, оставил великое, и имевший что-нибудь, и тот оставил что имел, каждый по силе своей. И мы, приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами питаем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать; но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам»[219]. После этого объяснения очень понятна причина, на основании которой святой Исаак Сирский, писавший свои наставления инокам самого возвышенного жительства, то есть безмолвникам, затворникам и отшельникам, определяет «мир» так: «„Мир“ есть общее имя для всех страстей. Если человек не узнает прежде, что есть „мир“, то он не достигнет узнать и то, сколькими членами он удалился от „мира“ и сколькими привязан к нему. Находится

[219] Поучение 1.

много таких, которые двумя или тремя членами отрешившись от „мира“ и в них отказавшись от общения с ним, возомнили о себе, что они чужды „мира“ жительством своим. Это случилось с ними оттого, что они не уразумели и не усмотрели премудро, что они умерли для „мира“ только двумя членами, а прочие члены их живут внутри плотского мудрования, принадлежащего „миру“. Впрочем, они не возмогли даже ощутить страстей своих: не ощутив их, не могли позаботиться об исцелении себя от них. По исследованию (духовного) разума, для составления общего имени, объемлющего отдельные страсти, употребляется слово „мир“. Когда хотим наименовать страсти общим именем, именуем их „миром“; когда же намереваемся распределить их по частным названиям их, тогда именуем их страстями. Каждая страсть есть частное действие по началам „мира“ (см. Кол. 2, 8). Где престают действовать страсти, там остаются без действия начала „мира“. Страсти суть следующие: вожделение богатства, стремление к собранию разных вещей; телесное наслаждение, от которого блудная страсть; вожделение чести, от которого происходит зависть; желание начальствовать; кичение благолепием власти, украшение себя пышными одеждами и суетными утварями; человеческая слава, служащая причиною памятозлобия; страх телесный. Где эти страсти престают действовать: там „мир“ умер. И насколько некоторые из этих частей оставлены, настолько подвижник пребывает вне „мира“, который настолько уничтожается, будучи лишен составных частей своих. Некто сказал о святых, что они, живя, были мертвы, ибо, живя во плоти, жили не для плоти. И ты всмотрись в себя, для каких из вышесказанных страстей ты жив? Тогда познаешь, насколько ты жив для „мира“ и насколько умер для него. Когда уразумеешь, что значит „мир“, тогда уразумеешь из вышеприведенных частных указаний, в чем ты связался с „миром“ и в чем отрешился от него. Короче сказать, „мир“ есть плотское

жительство и плотское мудрование[220]». «„Мир“ есть блудница, привлекающая к любви своей тех, которые устремляют взоры к ней с вожделением ее красоты. Тот, кто хотя отчасти увлечен любовью к „миру“ и опутан им, не может избавиться из рук его, доколе „мир“ не лишит его жизни (вечной). Когда „мир“ вполне обнажит человека и вынесет его из дому его в день его смерти, тогда познает человек, что „мир“ — льстец и обманщик. Подвизающийся выйти из тьмы „мира“, доколе находится еще среди него, не может видеть оплетений его. „Мир“ держит в оковах не только учеников, чад и пленников своих, но — вот! — он и нестяжателей, и подвижников, и возвысившихся превыше его начал уловлять на дела свои различными образами, попирает их и повергает под свои ноги»[221].

Основываясь на этих понятиях о «мире», преподаваемых нам Священным Писанием и святыми отцами, мы повергаем пред возлюбленными братьями нашими, иноками, совет и убедительнейшее моление: убоимся служения «миру», каковому служению могут подпасть даже подвижники, не внимающие себе строго, каковое служение может совершаться при посредстве ничтожных пристрастий к ничтожным предметам! Примем все меры, все предосторожности к предохранению себя от миролюбия! Не сочтем маловредным никакого, по видимому ничего не значащего пристрастия! Не сочтем маловажным никакого самомалейшего уклонения от евангельских заповедей. Не предадим забвению грозного изречения, которым возгремел святой апостол Иаков: «Прелюбодее и прелюбодейцы, не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть? Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» (Иак. 4, 4). Всякое пристрастие есть в духовном смысле прелюбодеяние для инока, долженствующего

---

[220] Святой Исаак Сирский. Слово 2.

[221] Слово 21.

любовь свою всецело устремить к Богу, как и псалмопевец возвестил: «Возлюбите Господа, вси преподобнии Его» (Пс. 30, 24). «Удаляющии себе от Тебе погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе» (Пс. 72, 27). При служении «миру» невозможно служение Богу, и нет его, хотя бы оно и являлось болезненному взору рабов «мира», представлялось существующим. Его нет! А то, что представляется, есть не что иное, как лицемерство, притворство, обман себя и других. Друг «мира» соделывается непременно, может быть, незаметно для себя злейшим врагом Бога и своего спасения. Миролюбие вкрадывается в душу, как тать, пользующийся мраком ночи, — нерадением и невниманием себе. Миролюбие способно совершать величайшие беззакония, величайшие злодеяния. Ужасный пример этого видим в иудейском духовенстве, современном земной жизни Богочеловека. Оно впало в миролюбие: оно заразилось расположением к почестям, к славе, к похвалам человеческим; оно пристрастилось к сребролюбию и любоимению; оно впало в сластолюбие и разврат; оно предалось грабительству и всякого рода неправдам, а для того чтоб охранить свое положение в народе, оно облеклось в личину строжайшего богоугождения, самого мелочного исполнения обрядовых постановлений и старческих преданий. Что было последствием миролюбия? Решительное отчуждение от Бога, перешедшее в ослепленную и исступленную ненависть к Богу. Иудейское духовенство противостало с ожесточением Богочеловеку, когда Он явил Себя «миру»; оно противостало Ему, имея полное убеждение в его Божественности, как это засвидетельствовал Никодим, один из членов верховного иудейского собора — синедриона (см. Ин. 3, 2). Иудейское духовенство решилось на богоубийство и совершило его, зная наверно, что оно действует против Мессии, и в омрачении своем высказывая это сознание в тех насмешках, которыми оно осыпало мироспасительную Жертву на Ее жертвеннике — кресте. «Иныя спасе, Себе ли

не может спасти!» — говорили архиереи, книжники, старцы и фарисеи (Мф. 27, 42), не замечая того, что они произносят осуждение на самих себя: они сознаются, что предали на распятие Того и ругаются Тому, Кто чудесным образом, Божественною силою и властью спасал других[222]. Иудейское духовенство едва услышало весть о рождении Богочеловека, как возненавидело Его, приняло меры избавиться от Него. Это ясно видно из Евангелия. Когда волхвы принесли в Иерусалим весть о рождении Царя Иудейского — Христа, тогда смутился наличный иудейский царь Ирод, смутилась вместе с ним и вся столица иудейская (см. Мф. 2, 3). Естественно было смутиться, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, наличному государю иудейскому вестию о рождении нового Царя Иудейского, который, следовательно, должен был завладеть его престолом и лишить власти или его, или потомство его. Но к чему смущаться Иерусалиму при вести о рождении Мессии, — Иерусалиму, который в течение многих веков ожидал обетованного Мессию, своего Избавителя, свою славу, — Иерусалиму, которого вся религия состояла в вере в грядущего Мессию и в приготовлениях к принятию Его? Иерусалим смутился оттого, что нравственность иерусалимлян была растленная. Столица поняла, достойно тонкому столичному чутью, что новый Царь, Царь правды, потребует отвержения безнравственности, потребует истинной добродетели, не обольстясь и не удовлетворясь добродетелию притворною, лицемерством. По причине миролюбия иерусалимлян для них был роснее, приятнее Царя-Бога — чудовище Ирод. Угадывая с верностью душевное отношение тирана, лицемера и лицедея, какими были

---

[222] Что иудейский синедрион совершил богоубийство при совершенном понимании дела, это засвидетельствовал и обратившийся в христианство иудейский священник Аффоний, современный Христу и Богоматери. Повествование об Успении Пресвятой Богородицы. Четьи-Минеи, 15 августа.

и члены синедриона, они, при первом вопросе о месте рождения Мессии, решительно, нисколько не остановившись и не задумавшись, указывают Ироду с точностью на место рождения Мессии, предают Мессию в руки убийцы. «Христос рождается в Вифлееме Иудейстем», — говорят они; чтоб усилить отзыв, присовокупляют: — «Тако бо писано есть пророком», — и объявляют поразительной ясности пророчество (см. Мф. 2, 5). Противное этому расположение заставило бы их дать ответ уклончивый, скрыть место[223]. Евангелие приписывает миролюбцам все злодеяния, совершенные человеками, начиная от убийства Каином Авеля (см. Мф. 23, 35). Миролюбцы во время земной жизни Богочеловека навершили свои злодеяния отвержением Христа и богоубийством (см. Мф. 23, 32), а в последние времена мира навершат принятием антихриста и воздаянием ему божеской чести (см. Ин. 5, 43). Страшное миролюбие! Оно входит в человека неприметным образом и постепенно, а, вошедши, соделывается его жестоким и неограниченным владыкою. Постепенно приготовились человеки и стяжали душевное настроение, способное к богоубийству: постепенно они приготовляются, стяжавают настроение и характер, способные к принятию антихриста (см. 2 Сол. 2, 7). Превосходно изложил суетность миролюбия и пагубные его последствия святой мученик Севастиан в беседе к тем мученикам, которые любовию к родственникам и семейству поколебались в подвиге. Святой Севастиан говорил им: «О крепкие воины Христовы! Вот, великодушием вашим вы мужественно уже приблизились к торжеству, а ныне хотите уничтожить вечный венец ради окаянного ласкательства ваших свойственников! Ныне да научится вами мужество Христовых

---

[223] О враждебном, убийственном расположении иудейского духовенства к новорожденному Младенцу-Господу смотри Четьи-Минеи, 29 декабря, в описании убиения Вифлеемских младенцев.

воинов вооружаться не железом, а верою. Не повергайте знамений победы вашей ради женских слез, и не послабляйте вые врага (диавола), находящейся под ногами вашими, чтоб он, восприяв силу, не восстал снова на брань. Если первое его восстание на вас было лютым, то последующее будет лютее. Он разъярен и раздражен (первым своим побеждением). Воздвигните от земных пристрастий славную хоругвь подвига вашего и не лишайтесь ее, ради пустого рыдания детей. Те, которых вы видите плачущими, радовались бы ныне, если б знали то, что знаете вы. Но они полагают, что только и есть та жизнь, которая в сем „мире", и что по окончании ее смертию тела нет жизни для души. Если б они знали, что существует другая жизнь, бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестанная радость, то поистине они потщались бы с вами перейти к ней и, вменив ни во что временную жизнь, возжелали бы вечной. Сия настоящая жизнь скоротечна и столько непостоянна и неверна, что не возмогла никогда соблюсти верности ниже к своим любителям. Всех, от начала „мира" надеявшихся на нее, — она погубила; всех, желавших ее, — обольстила; всем, гордящимся ею, — наругалась; всем солгала; никого не оставила в надежде своей не обманутым и в уповании не посрамленным, но вполне явила себя ложною. О, если б она только обманывала, а и не вводила в лютые заблуждения! Горестнее всего то, что она любителей своих приводит ко всем беззакониям. Она услаждает для чревоугодников объедение и пьянство, сластолюбивых подвизает к любодеянию и всякого рода осквернениям. Она научает вора красть, гневливого яриться, лжеца обманывать. Она посевает разлучение мужа с женою, вражду между друзьями, ссоры между кроткими, неправды посреди праведных, соблазны посреди братьев. Она отъемлет правосудие у судей, чистоту у целомудренных, разум у разумных, благонравие у нравственных. Воспомянем и лютейшие злодеяния, к которым она приводит своих любителей. Если когда

брат убил брата, сын отца, друг умертвил друга, то по чьему наущению совершились таковые беззакония? По чьему мановению? При каких надежде и уповании? Не ради ли настоящей жизни, которую человеки любя попремногу ненавидят друг друга и злодействуют друг другу, каждый ища самому себе благополучнейшего пребывания. По какой причине разбойник закалает путешественника, богатый насилует убогого, гордый обижает смиренного и всякий повинный злу гонит неповинного? Поистине всё это злое делают служащие этой жизни и желающие долгое время пребывать и наслаждаться в любви ее. Она, советуя всё злое своим рачителям и служителям, предает их своей дщери, от нее рожденной, вечной смерти, в которую низверглись первые человеки по той причине, что, будучи созданы для вечной жизни, вдались в любовь к временной, поработились чревоугодию, сласти и похотению очей, а оттуда ниспали во ад, не взяв туда с собою ничего из земных благ. Эта-то временная жизнь, — продолжал святой Севастиан, обратясь к родственникам мучеников, — обольщает вас возвращать вспять неправедным вашим советом ваших друзей, грядущих к вечной жизни. Она научает вас, о честные родители! — отвлекать вашими безумными рыданиями ваших сыновей от шествия к небесному воинству, к чести нетленной и к дружеству с вечным Царем. Она убеждает вас, о целомудренные жены святых! — чтоб вы ласканиями вашими развратили умы мучеников, отвели их от доброго намерения, доставили им советами вашими вместо жизни смерть, вместо свободы — рабство. Если они соизволят советам вашим, то поживут с вами малое время, потом должны же будут разлучиться с вами смертию, и разлучиться так, что свидание вам сделается возможным только в вечных муках, где пламень пожигает души неверных, где тартарские змеи снедают уста богохульные, где аспиды терзают груди идолопоклонников, где слышатся горький плач, тяжкие воздыхания, непрестанное рыдание в муках. Дайте

им избежать этих мук и самих себя потщитесь избавить от них! Допустите их снова устремиться к венцу, уготованному им. Не бойтесь: они не разлучатся от вас — они идут уготовать вам на небесах светлые обители, в которых вы вместе с ними и с чадами вашими будете наслаждаться вечными благами. Если вас утешают здесь каменные красивые домы, то сколько более будет утешать красота горних домов, где столы блистают чистым золотом, где чертоги сияют славою, будучи выстроены из красивых камней и убраны камнями драгоценными, где цветут сады присноцветущие цветами неувядающими, где злачные поля, кипящие сладкими потоками, где всегда воздух благорастворен, живительные ветры, облагоухающие чувства неизреченным благовонием, где день не меркнет, свет не заходит, радование не прерывается. Нет там ни воздыхания, ни плача, ни скорби, ниже какого-либо неблаголепия, оскорбляющего взоры; не обонявается там никакое зловоние, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса; взорам представляется всё прекрасное, обонянию — одни ароматы, уху — одно веселое. Там непрестанно воспевают лики ангелов и архангелов, согласно славословя бессмертного Царя. По какой причине такая жизнь бывает презираема, а временная любима? Для богатства ли? Но богатство скоро истощается. Тот же, кто хочет иметь его вечно при себе, да слышит, что говорит богатство: „Вы так любите меня, — говорит оно, — что желаете, чтоб я никогда не разлучалось с вами. По смерти вашей я не могу идти вслед за вами, но при жизни вашей могу вам предшествовать. Если вы пошлете меня пред собою, то да послужат вам примером корыстолюбивый заимодавец и прилежный земледелец. Один дает золото ближнему, чтоб с него получить свои деньги в двойном количестве; другой посевает различные семена в землю, чтоб взять их сторично умножившимися. Должник отдает заимодавцу золото в двойном количестве, а земля возвращает сеятелю семена его сторично умноженными“. Если

вы вверите ваше богатство Богу, то Он не воздаст ли вам его умноженным бесчисленно? Туда пошлите, вперед вас, богатство ваше и сами туда же тщитесь скорей прийти. Какая польза в этой временной жизни? Если б кто прожил и сто лет, но когда наступит последний день жизни, не оказываются ли тогда все прошедшие годы и все житейские сласти как бы никогда не бывшими? Остаются только следы ничтожные, воспоминание, подобное воспоминанию о путешественнике, пробывшем у нас в продолжение одного дня. О, по правде, тот, кто не любит превосходной вечной жизни, безумен, совершенно чужд познания истинных благ! О, по правде, безрассуден тот, кто боится потерять скоропреходящую жизнь для восприятия другой, присносущей, в которой наслаждения, богатство, радости так начинаются, что никогда не оканчиваются, но пребывают бесконечными вовеки. Кто не хочет быть любителем этой присносущей жизни, тот всуе погубляет и временную жизнь, впадает в вечную смерть, держится связанным во аде, где неугасимый огнь, всегдашняя скорбь, непрестающие муки, где живут лютые духи, которых глаза сверкают огненными стрелами, которых зубы величиною подобны слоновым, которых хвосты угрызают подобно хвостам скорпионов, которых гласы подобны гласам львов рыкающих, которых одно видение приносит великий страх, лютую болезнь и горчайшую смерть. О, если б было возможно умереть посреди этих страшилищ и мук! Но что всего лютее: там не престают жить для того, чтоб умирать непрестанно; не уничтожаются до конца, чтоб мучиться без конца; пребывают целыми, чтоб вечно пожираться угрызающими змеями; снедаемые уды снова обновляются, чтоб снова служить снедию для ядовитых змей и неусыпающего червя»[224]. Правильное употребление земной жизни заключается в приготовлении себя во время ее к жизни вечной.

---

[224] Четьи-Минеи, 18 декабря.

Братия! Совершим наше земное кратковременное странствование, занимаясь единственно богоугождением, заимствуя от «мира» только одно необходимое. «Есть, — сказал апостол, — снискание велие благочестие с довольством. Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель» (1 Тим. 6, 6—9). К такому же нравственному бедствию, к какому приводят человека сребролюбие, приводят славолюбие и сластолюбие: из этих трех главных страстей составляется «миролюбие».

ГЛАВА XLII
О хранении от знакомства с женским полом

Преподобные отцы наши, святые иноки всех времен, тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. Вход женскому полу в древние монастыри был воспрещен. Этот святой и благодетельный обычай сохраняется и ныне во всей Афонской Горе. Те из иноков, которые проводили особенно внимательную жизнь, с особенною тщательностию хранились от знакомства и обращения с женщинами, что видно из жития преподобных Арсения Великого, Сисоя Великого, Иоанна Молчальника и других возвышеннейшей святости отцов. Так поступали они не единственно по произволу, но по указанию необходимости, усмотренной ими, как в зеркале, в их внимательной жизни.

Некоторые иноки утверждают о себе, что они, находясь часто в обществе женщин, не чувствуют вреда. Этим инокам не должно верить: они или говорят неправду, скрывая свое душевное расстройство, или проводят жизнь самую невнимательную и нерадивую и потому не видят своего устроения, или же диавол

окрадывает их, отнимая понимание и ощущение вреда, чтоб соделать их монашескую жизнь бесплодною и уготовать им верную погибель. Превосходно рассуждал об этом предмете преподобный Исидор Пелусиотский в письме к епископу Палладию[225]: «Если „тлят обычаи благи беседы злы“ (1 Кор. 15, 33), по изречению Писания, то совершает это по преимуществу беседа с женами. Хотя бы предметом ее было и добро, но она достаточно сильна, чтоб растлить тайно внутреннего человека сквернымы помыслами, и в то время как тело пребывает чистым, душа оскверняется. Бесед с женами сколько можно убегай, благий муж. Если по какой нужде придешь к женам, то имей глаза опущенными вниз, и тех, к которым ты пришел, поучай смотреть целомудренно. Сказав им немного слов, могущих утвердить и просветить души их, немедленно удаляйся, чтоб долгая беседа не смягчила и не расслабила твоей душевной крепости. Скажешь: хотя и часто я беседую с женами, однако из этого не последует для меня никакого вреда. Пусть будет и так! Но я желаю, чтоб все были твердо уверены в том, что водами камни утончаваются и пробиваются каплями дождя, всегда падающими на них. Рассуди: что тверже камня и что мягче воды, особливо же водяной капли? Но всегдашним действием побеждается и естество. Если столько твердое естество преодолевается, страдает и умаляется от такой вещи, которая в сравнении с ним ничто, то как не быть побежденною и превращенною долгим обычаем воле человеческой, удобоколеблемой». Старец Серафим Саровский уподоблял благочестно живущего инока, хранящего целомудрие, невозжженной восковой свече; частое же обращение этого инока посреди общества женщин — этой же невозжженной свече, когда она будет поставлена между многими другими возжженными свечами. Тогда невозжженная свеча начинает таять от действия на нее

---

[225] Четьи-Минеи, 4 февраля.

теплоты, исходящей от стоящих вокруг нее возжженных свеч. Сердце инока, — говорил старец, — непременно должно подвергнуться расслаблению, если инок позволит себе частое обращение с женским полом[226].

Соединение полов в существующем виде его естественно (падшему естеству). Девство вышеестественно. Следовательно, желающий сохранить свое тело в девственности, должен непременно держать его вдали от того тела, соединение с которым требуется естеством. В тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая тело к телу. Приближающийся к жене непременно подвергается влиянию этой силы. Чем чаще сближение, тем учащеннее, а потому тем сильнее влияние. Чем сильнее влияние, тем слабее делается наше произволение, которым мы намереваемся победить, с Божиею помощию, естество. Образы жен, их взоры, их голос, их нежность напечатлеваются очень сильно в душах наших по действию естества, особливо, когда естеству содействует сатана. В то время, когда мы обращаемся с женщинами и когда производятся впечатления, мы этого не чувствуем; но когда удалимся в уединение, тогда впечатления, усвоенные душою, восстают в ней с необыкновенною силою и производят лютую блудную брань. Блаженный Иероним повествует о себе, что когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Но когда блаженный удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме жен, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неядением, бдением, трудами, появились юношеские вожделения. Победа была очень затруднительна, потому что падшему естеству предстало в помощь, как

---

[226] Наставление 9, издание 1844 года.

это обыкновенно бывает, явное содействие диавола. Совершившееся с блаженным Иеронимом совершается со всеми иноками, переходящими от общественной жизни к жизни безмолвной[227]. Они на опыте познают важность впечатлений, о которых преданные рассеянности не имеют никакого понятия. Все впечатления, которым подверглась душа посреди человеческого общества, восстают, как мертвецы из гробов, в безмолвнике и усиливаются совершать грех в помыслах и ощущениях, доколе милостию Божиею и Божиим определением не падут в пустыне все вооруженные мужи, вышедшие из Египта. Тогда новое израильское поколение входит в землю обетованную. С особенною удобностию подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не познавшие греха на деле. Их можно уподобить лакированным дорогим столам, стоящим в гостиных у вельмож и богачей: и маленькая царапина на таком столе делается очень приметною, нарушает его достоинство. Напротив того, людей, не сохранивших себя, можно уподобить столам, стоящим в кухне, на которых ежедневно рубят овощи и другие съестные припасы: десять, сотня новых рубцов не имеют для этих столов, покрытых бесчисленными рубцами, никакого значения. Чистую душу диавол старается заразить плотским впечатлением. Этим-то и объясняется причина, по которой святые отцы с таким усиленным тщанием убегали женщин. Преподобный Арсений Великий сказал много жестких слов знаменитой римлянке, приехавшей нарочно для него в пустынный Египетский Скит из великолепного Рима и внезапно представшей пред ним. Жесткие слова Арсений заключил жесткою, но святою откровенностию: «Молю Бога, — сказал он римлянке, — чтоб Он изгладил воспоминание о тебе из сердца моего». Этими словами преподобный выразил всю тягость и опасность борьбы с впечатлениями, борьбы, низводящей инока до врат

---

[227] Epistola 22 ad Evstochium.

адовых, борьбы, изведанной Арсением, очевидно, на опыте[228]. В том же смысле надо понимать и следующие слова преподобного Макария Великого: «Масло питает светильню зажженной лампады, и огнь любодеяния возбуждается обращением с женщиною. Лицо женщины — стрела лютая: наносит язву душе. Если хочешь быть чист, убегай, как яда, сообращения с женщиною, потому что в этом сообращении — сильное действие греха, подобное действию хищных зверей. Не так опасно приближение к огню, как приближение к молодой женщине. Избегай, доколе ты юн, буйного действия блудной страсти и сообращения с женщинами. Наполняющие чрево и вместе надеющиеся стяжать чистоту обманывают себя: ужаснее потопление от воззрения на прекрасное лицо, нежели потопление от морской бури. Лицо женщины, если изобразится в уме, то принудит презреть самое хранение ума. Вложенным в солому огнем производится пламень: так пребывающим воспоминанием о женщине воспламеняется страстное вожделение»[229]. Этого не мог бы сказать Великий Макарий, если б не вытерпел лютой борьбы с впечатлениями, принятыми неожиданно, в совершенном неведении. Весьма точно и верно сказал святитель Тихон Воронежский в наставлениях своих монашествующим: «Берегись, возлюбленне, жены, да не сожжешися. Ева всегда имеет свой нрав: всегда прельщает»[230]. Старец спросил ученика: «Отчего святые отцы воспрещают монахам, в особенности юным, короткое знакомство с женщинами?» Ученик отвечал: «Чтоб монах, познакомясь коротко с женщиною, не впал с нею в блуд». Старец:

— Так! Падение в блуд есть конец, венчающий воспрещенное

---

[228] Таким образом тогдашний архиепископ Александрийский Феофил объяснил слова и поступок преподобного римской знаменитости. Римлянка, услышав объяснение, удовлетворилась и успокоилась. Алфавитный Патерик.

[229] Отрывок послания к монахам. Библиотека Галланда, том 7, с. 242.

[230] Наставление монашеское 7, том 1.

монаху Святым Духом короткое знакомство с женщиною. Но это знакомство, не всегда оканчиваясь телесным падением, всегда сопряжено с расстройством и бесплодием душевным. Женщина руководится чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У нее разум — служебное орудие чувств. Увлекшись чувствами, она весьма скоро заражается пристрастием не только к иноку юному и зрелых лет, но и к старцу, — делает его своим идолом, а впоследствии сама по большей части делается его идолом. Женщина видит совершенство в своем идоле, старается его уверить в том и всегда успевает. Когда инок заразится, вследствие пагубных и непрестанных внушений и похвал, самомнением и гордынею, тогда отступает от него благодать Божия, он омрачается умом и сердцем, делается способным в слепоте своей к самому безрассудному поведению и к бесстрашному нарушению всех заповедей Божиих. Когда Далида усыпила в своих объятиях израильского судию, сильного Самсона, тогда лишила его условий, при которых соприсутствовала и содействовала ему Божественная благодать, предала Самсона на поругание и казнь иноплеменникам (см. Суд. 16, 4–21). Замечено, что женщина, познакомившись коротко с монахом, живущим в благоустроенном монастыре или пользующимся наставлениями духовного старца, первым долгом своим считает извлечь любимца из такого монастыря и отвлечь от старца, несмотря на очевидную пользу монастырской строгости и наставлений старца для инока. Она желает исключительно обладать предметом своей страсти. В безумии своем она считает себя способною и достаточною заменить старца, которого, наоборот, она признает и провозглашает самым недостаточным и неспособным. Она не щадит никаких средств к достижению своих целей: ни средств, доставляемых миром, ни средств, доставляемых сатаною. Пристрастие свое, а часто и порочную страсть, она называет живою верою, чистейшею любовию, чувством матери к сыну, сестры к брату,

дочери к отцу — словом, всеми святыми наименованиями, усиливаясь посредством их сохранить в неприкосновенности приобретенное достояние — несчастную душу вверившегося ей инока. В женщине преобладает кровь; в ней с особенною силою и утонченностию действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последнею прикрываются две первые.

Здесь отнюдь не порицается и не унижается женский пол! Он почтен Богом честью человечества и образа Божия, как и мужеский; он искуплен бесценною кровью Спасителя; искупленный и обновленный, составляет вместе с мужеским полом одну новую тварь о Христе (см. Гал. 3, 28). Здесь представлены женщины такими, какими они бывают тогда, когда действуют по беззаконным законам падшего естества, под водительством своей необузданной крови. Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, что Адам засвидетельствовал пред Богом о жене своей (см. Быт. 3, 12), они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая. Инок, обязанный любить всех ближних, а в числе их и женщин, любовью правильною, евангельскою, несомненно явит к ним эту любовь, когда, познав свою и их немощь, сохранит себя и их от вреда душепагубного, ведя себя с ними крайне осторожно, не вдаваясь в короткое знакомство, воздерживаясь от свободного обращения и храня чувства, в особенности зрение и осязание.

ГЛАВА XLIII
О падших ангелах

Святой апостол Павел говорит всем христианам: «Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным»

(Еф. 6, 12). Эта брань ужасна! Она — на живот и на смерть. Последствиями этой брани должны быть или наше вечное спасение, или наша вечная погибель. Духи злобы, зараженные лютою ненавистию к роду человеческому, ведут эту брань с величайшим ожесточением и адским искусством. Святой апостол Петр говорит: «Супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Но истинно любящих Бога никак не могут падшие ангелы отлучить от Бога (см. Рим. 8, 38), хотя и употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение. Они употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение, потому что в этом отлучении заключается наша погибель. Для того чтоб противостать духам злобы и победить их благодатию Божией, надо знать с точностию, кто они, надо знать с точностию образ борьбы с ними, знать условия победы и побеждения.

Духи злобы — падшие ангелы. Бог сотворил их вместе с прочими ангелами, сотворил непорочными, благими, святыми, ущедрил их многими естественными и благодатными дарованиями. Но духи, омрачившись гордостию, приписали самим себе свое обилие способностей, свои изящные свойства, самые дары благодати. Они исключили себя из разряда созданий, признали самобытными существами, забыв о своем создании, и на этом бедственном основании попрали свои священные обязанности к Богу-Создателю. К такому самомнению и самообольщению они были увлечены одним из главнейших ангелов, которого святой пророк Иезекииль называет херувимом (см. Иез. 28)[231], и вообще все святые причисляют к высшим ангелам. Этот херувим столько погрузился в самомнение и гордость, что счел себя равным Богу, явно возмутился против Бога (см. Ис. 14, 13–14), соделался противником Богу, исступленным врагом Бога. Духи, отвергшие повиновение Богу, низвергнуты с неба. Они пресмыкаются по

[231] По объяснению преподобного Кассиана Римлянина.

земле, наполняют пространство между небом и землею, отчего называются воздушными, или обитающими в воздухе, низошли во ад, во внутренность земли. Всё это засвидетельствовано Священным Писанием (см. Ис. 14, 12 и 15; Еф. 6, 12). Число падших духов весьма значительно. Некоторые полагают, основываясь на свидетельстве Апокалипсиса (см. Апок. 12, 4), что целая треть ангелов подверглась падению. Пали многие из высших ангелов, как видно из вышеприведенных слов апостола Павла: их-то он и называет началами и властями. Глава и князь царства тьмы, составленного из падших духов, — падший херувим. Он — начало, источник, полнота зла. Превышая всех прочих падших ангелов способностями, он превышает всех их злобою. Естественно, что увлеченные им и произвольно подчинившиеся ему духи должны постоянно заимствовать от него зло, следовательно, быть в служении ему. Но Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле, по всемогуществу Своему и премудрости, бесконечно превосходящей разум разумнейших тварей, не престает пребывать их верховным, полновластным Владыкою: они находятся в воле Бога как бы в несокрушимых оковах и могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им[232].

Взамен падших ангелов Бог сотворил новую разумную тварь — человеков и поместил их в рай, находящийся на низшем небе и состоявший прежде под ведомством падшего херувима[233]. Рай поступил в управление новой твари — человека. Весьма понятно, что новая тварь соделалась предметом зависти и ненависти падшего ангела и падших ангелов. Отверженные духи, руководимые вождем своим, покусились обольстить

---

[232] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, глава 7.

[233] Беседа о духах преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января.

новосозданных человеков, соделать их причастниками своего падения, своими единомышленниками, заразить ядом вражды своей к Богу, в чем и успели. Человек, хотя и обольщенный и обманутый, но произвольно отвергшийся повиновения Богу, произвольно согласившийся на демонскую хулу против Бога, произвольно вступивший в общение с падшими духами и в повиновение им, отпал от Бога и от лика святых духов, к которым он принадлежал не только душою, но и духовным телом своим, причислился к лику духов падших по душе, а по телу — к бессловесным животным. Злодеяние, совершенное падшими ангелами над человеками, окончательно решило участь падших ангелов: окончательно отступила от них милость Божия, они запечатлелись в своем падении. Духу суждено пресмыкаться в помышлениях и чувствованиях исключительно плотских и вещественных! Дух не способен приподняться от земли! Дух не может вознестись ни к чему духовному! Такое значение, по объяснению святых отцов, имеет приговор, произнесенный Богом над падшим ангелом вслед за тем, как этот ангел поразил вечною смертию новосотворенного человека. «На персех твоих и чреве ходити будеши, — изрек Бог демону, — и землю снеси вся дни живота твоего» (Быт. 3, 14). Человек, хотя причислился к лику падших ангелов, но падение его по способу, каким оно совершилось, получило совсем иной характер, нежели падение ангелов. Ангелы пали сознательно, намеренно, сами в себе произвели зло; совершив одно преступление, с остервенением устремились к другому: по этим причинам они вполне лишились добра, преисполнились злом, имеют единое зло своим качеством. Человек пал несознательно, ненамеренно, будучи обольщен и обманут: по этой причине его естественное добро не уничтожилось, а смешалось со злом падших ангелов. Но это естественное добро, как перемешанное со злом, отравленное злом, соделалось непотребным, недостаточным, недостойным Бога, Который есть цельное,

чистейшее добро. Человек наиболее делает зло, думая делать добро, не видя зла, облеченного личиною добра, по причине омрачения своих разума и совести. Падшие духи делают зло для зла, находя наслаждение и славу в творении зла.

Бог по неизреченной благости Своей даровал падшему человеку Искупителя и искупление. Но и искупленному человеку предоставлена свобода или воспользоваться дарованным искуплением и возвратиться в рай, или отвергнуть искупление и остаться сопричисленным к сонму падших ангелов. Время, в которое предоставлено человеку выразить свое произволение, — вся земная жизнь. Искуплением возвращено человеку общение с Богом; но для свободного выражения воли ему предоставлено пребывать в этом общении или нарушать его, и не отъята от него возможность общения с падшими духами, общения, в которое он вступил произвольно. При таком нерешенном положении человека во всё время его земной жизни, и благодать Божия не престает вспомоществовать ему до самой минуты перехода его в вечность, если он того захочет, и падшие ангелы не престают употреблять все усилия, чтоб удержать его в общении с собою, в плену греховном и своем, в вечной смерти и гибели. Отверженный дух нередко покушался искушать даже святых мучеников и преподобных отцов, по совершении ими величайших подвигов и знамений, пред самою кончиною их, в виду, так сказать, венцов небесных[234]. Весьма справедлива мысль, встречаемая у многих святых отцов, что монах до самого гроба находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная, откуда и в каком характере оно возникнет. Святая Церковь научает нас, что каждый христианин получает от Бога при Святом Крещении святого ангела

[234] Страдание святых мучеников Тимофея и Мавры. Четьи-Минеи, 3 мая. То же можно видеть и во многих других житиях.

хранителя, который, невидимо храня христианина, наставляет его на всякое благое дело в течение всей его жизни, напоминая ему заповеди Божии. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха[235]. Из изложенных здесь понятий явствует, что инок в течение всей своей земной жизни должен бодрствовать над собою, исполняясь вместе и страха и мужества. Он должен непрестанно быть в осторожности и страхе от своего врага и убийцы и вместе постоянно пребывать в мужестве и бодрости от убеждения, что непрестанно находится близ него могущественный помощник его — святой ангел. Преподобный Пимен Великий сказал: «Великая помощь Божия объемлет человека; но ему не попускается видеть ее»[236]. Не попускается видеть ее, конечно, для того, чтобы человек, возуповав на эту помощь, не вознерадел и не оставил посильных подвигов своих.

Падший ангел, присужденный пресмыкаться по земле, употребляет все усилия, чтоб и человек постоянно пресмыкался по ней. Человек, по причине гнездящегося в нем самообольщения, весьма склонен к этому. Он имеет ощущение своей вечности, но так как это ощущение повреждено лжеименным разумом и лукавою совестию, то человеку и представляется его земная жизнь бесконечною. На основании этого обольстительного, ложного, гибельного сознания человек предается исключительно заботам и трудам об устроении своего положения на земле, забывая, что он на ней кратковременный странник, что его постоянная обитель — или небо, или ад. Священное Писание говорит от лица

---

[235] Догматическое богословие Православной кафолической Восточной Церкви, § 106. Святой Иоанн Златоуст. Беседа на Деяния апостольские 26, Деян. 12, 15. Житие преподобного Василия Нового. Четьи-Минеи, 26 марта.

[236] Алфавитный Патерик.

падшего человека Богу: «Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему» (Пс. 118, 25). Из этих слов явствует, что пристрастие к земле умерщвляет душу вечною смертию; она оживляется словом Божиим, которое, отторгая ее от земли, возносит мысли и чувствования ее к небу. «Диавол, — так любомудрствует о падшем ангеле святой Иоанн Златоуст,— бесстыден и нагл. Он нападает снизу. Впрочем, в этом случае побеждает по той именно причине, что не стараемся сами подняться туда, где бы он не мог нас ранить. Ибо он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог устроил его таким в начале, тем более таков он ныне. Если же не знаешь, что значит нападать снизу: я постараюсь объяснить тебе этот способ борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земного, посредством наслаждений, богатства и всего житейского. Посему если диавол видит кого парящим к небу, то, во-первых, не в состоянии напасть на него, а во-вторых, если и отважится напасть, тотчас сам падает, потому что — будь безопасен — у него нет ног. Не страшись его: у него нет крыльев — ползает только по земле, пресмыкается между земными вещами. Не имей ничего общего с землею, тогда не нужен будет и труд. Диавол не умеет сражаться открыто, но как змей скрывается в терниях, так он всего чаще притаивается в прелестях богатства. Если посечешь сие терние, он скоро придет в робость и побежит. Если умеешь заговорить его Божественными заклинаниями, то легко ранишь его. И у нас, и у нас имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная»[237]. Преподобный Макарий Великий, узнав, что некоторый инок, Феопемпт, увлекается блудными помыслами, приносимыми диаволом, дал Феопемпту следующий совет: «Постись до вечера, так, чтоб тебе чувствовать голод, учи наизусть Евангелие и другие книги Священного

[237] Беседа 8 на послание к Римлянам.

Писания, чтоб тебе всегда пребывать в богомыслии. Если придет тебе злой помысл, не принимай его, никогда не попускай уму твоему быть сведенным вниз, но всегда устремляй его горé, и Бог поможет тебе»[238]. Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать, чтоб спастись и угодить Богу?» Старец отвечал: «Если хочешь угодить Богу, исступи из мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, соедини себя с Богом молитвою и плачем, и найдешь покой в сем и будущем веке»[239]. Преподобный Варсонофий Великий написал некоторому брату: «Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись к предлежащему, чтоб под предлогом доброго дела, диавол не вовлек тебя в безвременные заботы»[240]. Злохитрый змей, опытный в борьбе с человеками и в погублении их, не всегда прибегает к сильным средствам для достижения своей цели. К чему употреблять их, когда они могут возбудить в иноке усиленное сопротивление и доставить ему славную победу, как это доказано многими опытами? Средства слабые действуют вернее. Они большею частию не примечаются, а и примеченные пренебрегаются по наружной ничтожности, мнимой безгрешности своей. Вообще в современной брани диавола на христианство и иночество не видно в деле средств сильных, а видны одни средства слабые. Уже не нападают на православные монастыри агаряне и латиняне, не жгут и не режут иноков для уничтожения православного иночества. Оно уничтожается незаметными сетями, в которые уловляется по обычаю времени весьма удобно. Земные занятия, когда инок предается им с увлечением, способны и без явных грехов лишить его преуспеяния, опустошить его несчастную душу. Такая душа соделывается жилищем демонов,

---

[238] Житие преподобного Макария Великого. Четьи-Минеи, 19 января.

[239] Алфавитный Патерик.

[240] Ответ 69.

по свидетельству Евангелия (см. Мф. 12, 44–45). Когда сердце древа заразится тлением, тогда древо уничтожается постепенно и незаметно, между тем как наружность его в течение долгого времени продолжает сохранять благолепие, не выказывая живущей во внутренности и снедающей ее смерти. Слабые средства, не касаясь наружности монашества, уничтожают его сущность. Что такое монах, как не тот христианин, который отделился от всего, уединился умом и сердцем, чтоб принадлежать единому Богу, вступив в неразлучное общение с Ним. Где же монах, когда он чужд Бога и пригвожден к земле? К числу слабых средств, но действующих весьма сильно, принадлежат различные рукоделия и телесные труды, когда инок займется ими неумеренно и с пристрастием, а это случается сряду при занятиях самочинных, не по послушанию. При этих занятиях неприметно вкрадывается пристрастие к ним: сперва является к занятию особенное внимание и усердие; потом инок устремляет все силы души и тела к занятию, забывает, оставляет Бога. Между тем змей старается представить иноку его занятие невинным, даже душеспасительным, общеполезным. По злохитрости змея начинают отовсюду раздаваться одобрения и похвалы иноку за его занятие; он заражается самомнением; душа его, не освещенная словом Божиим, объемлется мраком неведения и неразумия; он поступает в полное владение падшего духа. Когда душа оставит подвиг духовный или, что то же, будет исполнять его с нерадением, поверхностно и холодно, займется единственно или преимущественно, с пристрастием и увлечением, земными занятиями, тогда страсти, принадлежащие падшему естеству, свободно пребывают в сердце, ничем не тревожимые; они растут, ширятся, крепнут на просторе и свободе. Тогда инок пользуется обманчивым спокойствием, утешаясь самомнением и тщеславием, признавая это утешение благодатным: не борющиеся со страстями не растревоживают их, а если и растревожатся на короткое время страсти,

то не привыкший к самовоззрению не обращает на это внимания и старается успокоить страсти каким-либо земным развлечением. Такое спокойствие, или, правильнее, усыпление души, чуждое умиления, чуждое воспоминания о смерти и суде, об аде и рае, чуждое заботы о благовременном умилостивлении Бога, о примирении и соединении с Ним, святые отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума при жизни тела[241]. Во время страшного душевного усыпления, страсти, в особенности душевные, вырастают до неимоверных размеров, стяжавают крепость и силу, превысшие естественных способностей: инок погибает неприметно для него.

Преподобный Кассиан Римлянин, посетивший египетские монастыри в конце IV или начале V века, в то время как монашество в Египте было необыкновенно многочисленно и сияло множеством духовных светильников, повествует, что иноки египетской пустыни Каламон или Порфирион, находившейся в весьма значительном расстоянии от мирских селений, почти неприступной по своему положению для мирян, оказывали гораздо меньшее преуспеяние в монашеской жизни, нежели иноки пустыни Скит, находившейся не очень далеко от мирских селений и даже от многолюднейшего города Александрии. Причину этого преподобный Кассиан видит в следующем: пустыня Скит была самая бесплодная, а потому иноки ее не были развлекаемы ни возделыванием земли, ни созерцанием красот природы, а пребывали в келейном безмолвии, занимаясь по келиям самыми простыми рукоделиями, постоянно пребывая в молитве, в чтении и изучении слова Божия, в рассматривании возникающих в себе помыслов и ощущений; проводя такое сосредоточенное жительство, они скоро приходили в преуспеяние, и преуспеяние их достигало высочайшей степени совершенства. Напротив того,

---

[241] Лествица. Слово 18.

пустыню Каламон составлял пространный, плодоноснейший остров, оазис, подобный раю, со множеством великолепных дерев, со множеством разнообразных растений, свойственных тропическому климату. Остров со всех сторон был окружен обширным песчаным морем — так со справедливостию можно назвать песчаную степь, среди которой уединился Каламон. Доступ к нему был крайне затруднителен. Иноки Каламона, увлеченные удобствами обитаемого ими места, много занимались садоводством и земледелием; много развлекались их взоры красотами окружавшей их природы: устремив внимание в значительной степени к земле, они не могли обращать его всецело к небу[242]. В жизнеописании святого Саввы, архиепископа Сербского, сказано, что когда он посетил святых отшельников Афона, то нашел их вполне чуждыми всех земных занятий: не занимались они ни земледелием, ни виноградниками, ни продажею своего рукоделия — не имели никаких житейских забот; единственным их занятием были молитвы, слезы, постоянное устремление ума и сердца к Богу[243]. Преподобный Арсений Великий столько остерегался увлечения чем-либо земным, увлечения, способного дать повод тончайшей страсти самомнения и тщеславия, что не писал ни писем, ни сочинений, хотя имел к тому всю возможность по своим способностям, учености и духовному преуспеянию[244]. Древние великие иноки, как то: Антоний Великий, Макарий Великий и другие, — обилуя по дару Божию силами душевными и телесными, занимались много рукоделием; но рукоделие их было так просто и навык к нему столько был усвоен, что оно нисколько не препятствовало заниматься вместе с рукоделием и молитвою. Они столько приучили себя к простому рукоделию,

---

[242] Sancti Cassiani collatio 24, cap. 4.

[243] Афонский Патерик, часть 1, с. 187. Издание 1860 года.

[244] Алфавитный Патерик.

что ум их свободно погружался в глубины молитвы, возносился в видение в то время, как руки не переставали машинально работать: работа была так проста и привычка к ней так велика, что она не требовала для себя от ума никакого внимания[245]. Весьма многие из древних иноков вили веревки, другие делали корзины или рогожи (циновки). Легко можно заметить при наблюдении и над современными рукоделиями, что некоторые рукоделия, по привычке к ним, весьма мало требуют внимания к себе, например, вязание чулок: привыкшие к этой работе производят ее вовсе не глядя на нее и во время ее свободно занимая ум посторонними предметами. Но другие занятия, например занятие живописью, требуют большего внимания к себе: привыкшие к живописи хотя и могут заниматься при ней молитвою, но им невозможно всецело углубляться в молитву, потому что рукоделие требует, чтоб внимание часто обращалось к нему. Живопись возбуждает большое сочувствие к себе в душе, которой стремление при этом не может не раздваиваться между Богом и рукоделием. По приведенным здесь образцам можно судить и о прочих рукоделиях. Надо чтоб сердце монаха было хладно к его рукоделию. В особенности занятия умственные способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему я. При таких занятиях надо с особенною тщательностию внимать, чтоб дело наше совершалось во славу Божию и для общественной пользы, а не для наших

---

[245] Упомянутые преподобные иноки пребывали в непрестанной молитве, и потому они занимались рукоделием вместе с молитвою — с чтением наизусть псалмов или с поучением, то есть с повторением какой-либо краткой молитвы, преимущественно Иисусовой, — вне того времени, которое определено было собственно на молитву или на совершение молитвенного правила. Вставая на молитву, они оставляли рукоделие, как свидетельствует святой Иоанн Лествичник: «Никому не должно при молитве заниматься рукоделием, в особенности же делом (делом здесь названо занятие, отвлекающее к себе внимание инока): этому ясно научил ангел великого Антония». Слово 19.

тщеславия и самолюбия. Невозможно работать Богу и вместе мамоне! Невозможно работать Богу и вместе поблажать своим увлечениям, пристрастиям, страстям.

На основании вышесказанного преподаем возлюбленным нашим братьям, инокам, совет, чтоб они наблюдали при земных занятиях крайнюю осторожность, ведая, что по земле пресмыкается злобный и коварный змей, всегда готовый уязвить нас и излить в нас свой смертный яд. Новоначальный инок должен заниматься возложенным на него послушанием со всею тщательностию, ради Бога и своего спасения, не любоваться успешным исполнением послушания, не хвастать этим, не развивать в себе тщеславия, самомнения и гордости, чрез что послушание из орудия во спасение претворяется в орудие и средство в погибель. Об успешном прохождении послушания надо постоянно молиться Богу, и успех приписывать единственно милости Божией. Когда же инок получит свободу употреблять значительную часть своего времени произвольно, то он должен охраниться от пристрастия к какому бы то ни было вещественному занятию и ко всему земному и тленному как от смертоносного яда. Он должен непрестанно возносить свою мысль горé. Возносить мысль горé не значит воображать небесные селения, ангелов, славу Божию и прочее тому подобное — нет! Такая мечтательность служит поводом к бесовской прелести. Без всякой мечтательности инок да возносится духовным ощущением на суд Божий, да исполняется спасительного страха от убеждения в вездесущии и всеведении Божиих, да плачет и исповедуется пред Богом, присутствующим в его келии и на него взирающим, да испрашивает себе благовременно прощение и помилование, помня множество грехов своих и неминуемую смерть. Если время, данное на покаяние и приобретение блаженной вечности, истрачено будет на временные занятия и приобретения, то в другой раз оно не дастся; потеря его невознаградима;

потеря его будет оплакиваться вечными и бесплодными слезами во аде. Если во время земного странствования человек не расторгнет общения с духами, то и по смерти останется в общении с ними, более или менее принадлежа к ним, смотря по степени общения. Нерасторгнутое общение с падшими духами подвергает вечной погибели, а недостаточно расторгнутое — тяжким истязаниям на пути к небу.

Посмотрите, братья, посмотрите, что совершил, совершает и совершит диавол, низводя ум человека от духовного неба к веществу, приковывая сердце человека к земным занятиям и к земле. Посмотрите и устрашитесь страхом спасительным! Посмотрите и остерегитесь осторожностию необходимою, душеполезнейшею! Падший дух занял некоторых иноков приобретением разных редких и дорогих вещей и, пригвоздив к ним мысль, отчуждил ее от Бога. Других занял изучением различных наук и художеств, лишь годных для земли, и, привлекши всё внимание к преходящим знаниям, лишил существенно нужного знания о Боге[246]. Иных занял приобретением для монастыря

---

[246] «Ведая враг, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — молитву нам убо сущу поборну, тому же наветну и отторгнути нас от сея тщася, в желание нас влагает еллинских словес, от них же отступихом, и о сем упражнятися подущает. Ему же да не повинемся, да не от осей своего земледельства заблудше, вместо смокв и гроздия, терние и волчцы оберем: „премудрость бо мира сего буйство у Бога“ (1 Кор. 3, 19) вменися». Многие святые отцы обладали значительною ученостию человеческою, но они приобрели ее до вступления в монашество. По принятии монашества они исключительно занялись, по заповеданию Господа (см. Мф. 13, 52), изучением Царства Небесного или богословия в обширнейшем значении этого слова. Святые отцы называют богословие, изучаемое монашескою жизнию, наукою из наук, художеством из художеств (преподобный Кассиан. Слово о рассуждении. Добротолюбие, часть 4). Тысячелетней жизни недостаточно для удовлетворительного изучения его. Оно необъемлемо, потому что предмет его — Бог — необъемлем и, сколько ни изучается, при всех познаниях о Нем пребывает непостижимым.

разнородного стяжания, постройками, разведением садов, огородов, пашни, лугов, скотоводства и принудил забыть Бога. Иных занял убранством келий, цветочками, картинками, деланием ложечек, четочек и отвлек от Бога. Иных привязал к токарному станку и научил вознерадеть о Боге. Иных подучил обратить особенное внимание на их пост и прочие телесные подвиги, дать особенное значение сухарям, грибам, капусте, гороху, таким образом разумные, святые и духовные подвиги превратил в бессмысленные, плотские и греховные, подвижника заразил и низложил плотским и лжеименным разумом, самомнением, презорством к ближним, в чем заключается уничтожение самого условия к святому преуспеянию и условие погибели. Некоторым внушил придать вещественной стороне церковных обрядов преувеличенное значение, затмив от них духовную сторону обрядов; таким образом он, для этих несчастных отъяв сущность христианства, оставил одну искаженную, вещественную оболочку, увлек их к отпадению от Церкви, к ложному и глупейшему суемудрию, к расколу. Столько удобен для падшего духа этот род брани, что он ныне употреблен повсюду. Столько удобен для диавола и человеческой погибели этот род брани, что диавол употребит его в последние дни мира для полного отвлечения всего мира от Бога. Употребит диавол этот род брани, и употребит с решительным успехом. В последние дни мира обымет человеков, по влиянию миродержителя, привязанность к земле и ко всему вещественному, плотскому: они предадутся земным попечениям и вещественному развитию; они займутся исключительно устройством земли, как бы она была вечным жилищем их; соделавшись плотскими и вещественными, они забудут вечность, как бы несуществующую, забудут Бога, отступят от Него. «Якоже бысть во дни Ноевы, — предвозвестил Господь, — тако будет и во дни Сына Человеческаго: ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и прииде потоп

и погуби вся. Такожде и якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от Содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе и погуби вся: по тому же будет и в день, в оньже Сын Человеческий явится» (Лк. 17, 26–30).

Чтоб противостоять падшим духам, надо видеть их. Борьба возможна только с таким противником, который подвергается чувствам тела или души. Когда не виден враг, когда не видны его орудия, когда никакое ощущение не свидетельствует о присутствии и действии его, тогда он равен врагу несуществующему. Какое же может быть тут сражение? Духи, не видимые для очей телесных, видимы для очей душевных, для ума и сердца; но святые отцы, достигшие чистоты и совершенства, видели духов и телесными очами. Нам, не видящим падших духов телесными очами, надобно научиться ви́дению их душевными очами. Для объяснения того, каким образом являются духи человекам и каким образом они могут быть видимы человеками, представим две нижеследующие повести. 1) Преподобный Макарий Великий проводил жизнь отшельника в Египетском Скиту. В некотором расстоянии от его келии пребывало многочисленное общество иноков, находившихся под руководством Великого и проводивших жизнь затворников. Келии их отстояли одна от другой на верженье камня. Однажды преподобный сидел на пути, ведущем к келиям иноков и внезапно увидел идущего демона в образе человека со множеством сосудов. Старец спросил его: «Куда ты идешь?» Диавол отвечал: «Иду возмутить братию». Старец спросил: «Что у тебя в этих сосудах?» Диавол отвечал: «Кушание для братьев». Старец сказал: «Во всех ли сосудах есть кушание?» Он отвечал: «Да. Если кому покажется неугодным одно кушание, то подаю другое, за ним третье и так далее по порядку все кушания, одно за другим, чтоб каждый вкусил хотя одного». Сказав это, демон пошел далее, а старец остался на пути, ожидать его возвращения.

Увидев его возвращающимся, старец сказал ему: «Здравствуй». «Какое здравствуй!» — отвечал тот. «Почему так?» — спросил старец. «Потому что, — отвечал диавол, — все монахи были ко мне неблагосклонны, и никто из них меня не принял». Старец сказал: «Итак, ты не имеешь между ними ни одного приятеля?» Диавол отвечал: «Имею там одного друга, который слушается меня: когда приду к нему и он увидит меня, так и начнет вертеться во все стороны»[247]. Старец спросил: «Как его имя?» Диавол сказал: «Феопемпт». Сказав это, он удалился. Преподобный Макарий отыскал Феопемпта и, вступив с ним в келейную беседу, нашел, что этот инок не узнавал демона, являвшегося ему, вступал в беседу с приносимыми им помыслами, услаждался ими, не понимая и не подозревая, что чрез это он вступил в общение и теснейшую связь с падшим духом. Святой научил Феопемпта борьбе с диаволом и из друга демонов превратил во врага[248]. Из этой повести явствует, что Феопемпт видел диавола, как и диавол засвидетельствовал об этом, но видел его лишь умом в разных греховных помыслах. Пришествие диавола к Феопемпту ознаменовывалось особенным наплывом навязчивых и обольстительных помыслов, с которыми он не знал что делать, приходил в состояние недоумения, беспокойства и смущения, вступал в беседу с помыслами, очевидно не понимая, что они предлагаются бесом, а полагая, что они возникают в его собственной душе, старался успокоить их рассуждением и словопрением и, наконец, увлекался и услаждался ими. 2) Другой великий угодник Божий, преподобный Макарий

---

[247] «Вертеться во все стороны»: так бывает с неискусными в борьбе с бесовскими помыслами. Преподобный Кассиан Римлянин описывает, что некоторый неискусный старец, ощутив внезапную сильную блудную брань, нанесенную демоном, по причине ее, «аки от пьянства, семо и овамо обращашеся». Слово о рассуждении. Добротолюбие, часть 4.

[248] Житие преподобного Макария Великого. Четьи-Минеи, 19 января. Также Алфавитный Патерик.

Александрийский, увидел однажды телесными очами бегающих и летающих по всей церкви малых отроков, черных, как эфиопы. Обычай в той обители был таков, что один инок протяжно читал псалмы посреди церкви, а все прочие братья сидя внимали ему[249]. Преподобный увидел, что при каждом иноке сидел эфиоп и издевался над ним. Иному эфиопы полагали пальцы на глаза, и он тотчас начинал дремать, другому полагали пальцы на уста, и он начинал зевать. Пред иными они предстояли в подобии женском, пред другими строили здания, приносили разные вещи и упражнялись в разных занятиях. По окончании Божественной службы святой Макарий, призывая к себе каждого брата, расспрашивал его наедине, о чем он думал и мечтал во время богослужения. Оказалось, что каждый думал и мечтал о том, что изображали пред ним духи[250]. Из этой повести явствует, что духи действуют на нас не только суетными и греховными помыслами, но и мечтаниями греховными и суетными, даже осязанием и различными прикосновениями. Всё это сделается вполне ясным иноку, проводящему внимательную жизнь по евангельским заповедям, в свое время из собственных опытов. «Бесы входят в чувства и члены, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — мучат плоть разжжением, устрояют страстно смотреть, слышать, обонявать, внушают говорить недолжное, исполняют очи прелюбодеяния, приводят в смущение, действуя извне и внутри нас»[251]. Чтоб несколько объяснить для всех и каждого, каким образом духи, эти газообразные

---

[249] Преподобный Кассиан повествует, что такой обычай существовал по всем общежительным монастырям Египта. О постановлениях общежитий, книга 2, глава 12.

[250] Житие преподобного Макария Александрийского. Четьи-Минеи, 19 января. «Тако преподобный Макарий, — говорит святой Дмитрий Ростовский в житии его, — познаваше помышления человеческая от воображаемых бесами вещей».

[251] Утешительные главы, глава 87. Добротолюбие, часть 4.

разумные существа, могут входить в члены нашего тела, производить в них свойственное себе действие, прикасаться к самой душе, влиять на нее, укажем на подобное действие некоторых газов: укажем на угар, который происходит оттого, что тяжеловесный углеродный газ входит невидимо для чувственных глаз посредством обоняния в головной мозг; укажем на винный спирт или газ (spiritus, дух, газ), который от употребления вина внутрь подымается из желудка сквозь тело в голову, непостижимым для нас образом, действует на мозг и на ум. Этот же винный спирт или газ, проникая, столько же непонятно для нас, из желудка в кровь, производит в ней разгорячение, или, что то же, приводит ее в физическое[252] соединение с теплородом, веществом газообразным, самым утонченным, подвергает влиянию этого вещества и тело и душу. Газообразные вещества имеют свойство входить в вещества твердые и в другие газы, проникать сквозь них: так луч солнечный проникает сквозь воздух и сквозь все известные газы, принадлежащие земле, сквозь воду, сквозь лед, сквозь стекло; теплород (то есть тепло или огонь в обширном значении этого слова) проникает удобно сквозь железо и сквозь все металлы, производит в них изменение — проникает он и сквозь те газы, сквозь которые проникает свет; воздух проходит сквозь дерево, не проходит сквозь стекло; пары воды, разные запахи, то есть газы, отделяющиеся от разных веществ, проникают сквозь воздух. Преподобный Макарий Великий говорит: «С того времени, как при посредстве преступления заповеди

---

[252] Физическим соединением вещества с веществом называется такое соединение, которое не уничтожает ни того, ни другого вещества; производя, однако, действие вещества на вещество. Таково соединение воды с солью или сахаром. Химическим соединением называется такое соединение, при котором соединенные вещества перестают быть тем, чем были до соединения, и образуют новое вещество. Так сера, будучи соединена с ртутью, производит киноварь (краску).

(в раю первыми человеками) зло вошло в человека, диавол получил свободный доступ всегда разговаривать с душою, как разговаривает человек с человеком, и влагать в сердце всё вредное»[253]. Разговаривает диавол с человеком, не употребляя голоса, но словами, потому что мысли суть те же слова, только не произнесенные голосом, не облеченные в звуки, без чего человек человеку не может сообщать мыслей. В том же слове великий Макарий говорит: «Диавол так хитро действует, что всё злое представляется нам как бы рождающимся само собою в душе, а не от действия чуждого (постороннего) духа, злодействующего и старающегося утаиться»[254]. Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его, ожесточение сердца, надменность, тщеславные помыслы, отвержение покаяния, забвение смерти, уныние, особенное расположение к земным занятиям. Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения. «Помыслы, происходящие от демонов, — сказал Великий Варсонофий, — прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрытно и тонко: ибо враги одеваются во одежды овчия, то есть внушают мысли по видимому правые, внутрь же суть „волцы хищницы“ (Мф. 7, 15), то есть восхищают и „прельщают сердца незлобивых“ (Рим. 16, 18) тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно»[255]. Подобно сему рассуждают все великие наставники монашества. С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани, не видимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению благодетельствующего нам

---

[253] Слово 2, глава 2.

[254] Глава 31.

[255] Ответ на вопрос 59.

Бога, вступают духи в борьбу открытую[256]. Будучи существами газообразными, без плоти и костей (см. Лк. 24, 39), они принимают различные виды зверей, скотов, гадов и насекомых, в размерах и очень великих, и очень малых, стараются устрашить инока, расстроить его, ввести его в высокое мнение о себе[257], даже ввергнуть в то гибельное состояние, которое называется бесовскою прелестию. Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают всё значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам. Внимание к ним и доверие всегда имеет последствием своим величайший вред, а часто и погибель инока. При правильной борьбе с духами является от этой борьбы обильная душевная польза, и инок приходит в особенное преуспеяние. Преподобный Макарий Великий говорит: «Князь века сего для младенцев по духу есть жезл наказующий и бич, дающий раны: но

---

[256] Это можно видеть из наставления о духах, которое произнес ученикам своим преподобный Антоний Великий и которое помещено в житии его (Четьи-Минеи, 17 января). Наставление в Четьих-Минеях сокращено: его можно прочитать в Vitae Patrum, Patrologiae tom. 73. Драгоценное наставление! Его изложил великий Антоний с необыкновенною ясностию из своего опытного, благодатного знания падших духов.

[257] Диавол особенно склонен и способен влагать в нас гордость и самомнение (преподобный Макарий Великий. Слово 4, глава 13). Когда же подвижник впадет в самомнение, тогда падший дух удобно вводит все страсти в сердце подвижника неприметным образом и делает это сердце своею обителию. К вовлечению в самомнение наиболее клонятся все видимые и невидимые брани диавола. Если рассмотреть поползновения подвижников, то ясно можно убедиться, что всякому поползновению предшествовало самомнение. Тот впал в блуд, кто признал себя не способным к блудной страсти и на основании этого самомнения отверг необходимое хранение себя. Тот заразился пьянственною страстью, кто, считая себя незаразимым ею, позволил себе неосторожное употребление вина, и так далее.

тем самым, как выше сказано, при посредстве озлоблений и искушений, доставляет им великую славу и умножение чести: ибо от сего соделывается то, что они достигают совершенства, а себе он уготовляет бóльшую и тягчайшую муку... Диавол, будучи раб и творение Божие, искушает не столько, сколько ему угодно, и наводит озлобления не в таком количестве, в каком бы он хотел, но сколько Божие мановение, чрез попущение, дозволит ему. Ибо Бог, совершенно ведая о всех всё и сколько каждый имеет сил, столько каждому допущает и быть искушенным»[258]. Верующий живою верою в Бога, с самоотвержением предавшийся Богу, пребывает несмущенным при всех искушениях, наносимых духами злобы, видит в духах лишь слепые орудия Промысла Божия: не обращая на них никакого внимания во время искушений, наносимых ими, он всецело предается воле Божией. В преданности воле Божией — тихое, успокоительное пристанище при всех искушениях и скорбях (см. Пс. 106, 30).

ГЛАВА XLIV
Первый образ борьбы с падшими ангелами

Изложив в предшествовавшей статье образ борьбы падших духов с человеками в доступной для нас подробности, которая наиболее нужна и постижима уже преуспевшим инокам, здесь предлагаем образ борьбы с духами, приличествующий новоначальным и почти единственно могущий быть известным для них по опыту. Образ борьбы новоначального с невидимым духом, видимым лишь уму в помыслах и мечтаниях, заключается в том, чтоб новоначальный инок немедленно отвергал помысл и мечтание греховные, отнюдь не входя ни в беседу, ни в прение с ними,

---

[258] Слово 4, главы 6, 7.

не обращая и не останавливая на них внимания, чтоб помысл или мечтание не успели напечатлеться в уме и таким образом усвоиться уму. На инока, имеющего некоторую духовную опытность и некоторое духовное преуспеяние, первоначально действует наиболее один безвидный помысл, приносящий только напоминание греха; потом уже, если ум вступит в беседу с представившимся помыслом, является к содействию помыслу мечтание греховное. Новоначальному иноку, в котором плоть и кровь очень живы, помысл и мечтание греховные являются вместе. Если он только укоснит малейшее время во внимании к ним и начнет беседу с помыслом, по видимому не соглашаясь с ним и противореча ему, то он непременно победится и увлечется им. Опытнейший инок, хотя бы он провел столетие в иноческих опытах, недостаточно опытен в сравнении с падшим ангелом, которого опытность в борьбе с служителями Божиими изощрена целыми тысячелетиями: какое же значение может иметь в борьбе с этим ангелом новоначальный, неопытный инок, не имеющий даже опытного, живого знания о существовании падшего ангела? Сражение с ним есть верное побеждение для новоначального инока. Праматерь наша Ева, несмотря на то что была в состоянии непорочности и святости, едва вступила в беседу с змеем, как и была увлечена его злохитростью в преступление заповеди Божией и в падение (см. Быт. 3). Ей отнюдь не следовало вступать в беседу с коварным змеем! Ей отнюдь не следовало вступать в рассуждение о достоинстве заповеди Божией! Она, не имея никакого опытного познания о зле, ни о лукавстве — лукавством и лицемерством злонамеренные существа обыкновенно прикрывают свою злонамеренность, — легко увлеклась советом убийцы, прикрывшего убийственный совет личиною благонамеренности: такому же обману и бедствию подвергаются неопытные иноки. «Душа наша, — говорит преподобный Исихий Иерусалимский, — простая и добрая, будучи такою создана от благого Владыки

своего, услаждается мечтательными прилогами диавола; обольщаемая, она устремляется к злу, представляющемуся ей добром, и перемешивает (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[259]. Все отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними. В особенности надо так поступать по отношению к блудным помыслам и мечтаниям. Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: «Завсегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу: тогда ты научишься попирать зловредные начинания змея, когда не постыдишься открывать их все без изъятия твоему старцу»[260]. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества. Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея[261], а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедовали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из Лествицы[262] и других отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостию, без которой невозможно спастись. Преподобный авва Дорофей говорит: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу.

---

[259] Слово о трезвении, глава 43. Добротолюбие, часть 2.

[260] Преподобный Кассиан Римлянин. О постановлениях общежитий, книга 4, глава 37.

[261] Житие это помещено при поучениях преподобного Дорофея, в начале их.

[262] Слово 4, главы 32, 39.

Некоторые говорят: от сего падает человек или от того; а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Увидел ли ты кого падшим? Знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего. Бог сохранил меня, и я всегда боялся этого бедствия»[263]. Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и усиленное исповедание греха в самых его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду. Такое исповедание, уничтожая двоедушие или колебание между любовию к Богу и любовию ко греху, дает благому произволению необыкновенную силу, а потому преуспеянию инока необыкновенную быстроту, в чем можно убедиться опять из жития преподобного Досифея. Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянною и учащенною исповедью греховных помыслов по неимению старца, действовали против него постоянною и учащенною молитвою, как, например, преподобная Мария Египетская[264]. Действие молитвою должно быть самое решительное, без всякого предварительного собеседования с помыслом, тем более без какого-нибудь услаждения им. Лишь ощутишь пришествие врага, вставай на молитву, преклоняй колена, воздевай руки к небу или распростирайся по земле; рази этою молнией врага в лицо его, и он не возможет устоять против тебя, вскоре приучится обращаться в скорое бегство. Отвержение двоедушия, то есть колебания между любовью к Богу и любовью ко греху

---

[263] Поучение 5, о том, чтобы не полагаться на свой разум. В этом поучении преподобный Дорофей, приводя вышеприведенную повесть об иноке Феопемпте, говорит, что сей инок именно потому был игралищем демона, что не имел обычая исповедовать приходивших ему помыслов.

[264] Житие преподобной Марии. Четьи-Минеи, 1 апреля.

необходимо: от этого сохраняется, возрастает, усиливается наше благое произволение и стремление к Богу, чем привлекается к нам особенная милость Божия. «Если будем постоянно держать меч в руках, — сказал Пимен Великий, — то Бог будет постоянно с нами; если будем храбры, то Он сотворит с нами милость Свою»[265]. Превосходный образец борения молитвою против греховных помыслов видим в подвиге преподобной Марии Египетской[266]. Говорит святой Исаак Сирский: «Если кто не прекословит помыслам, злохитро всеваемым в нас врагом, но отсекает беседу с ними молитвою к Богу, то это служит признаком, что ум его приобрел премудрость от благодати и что правильное разумение дела освободило его от многого (тщетного и излишнего) труда. Обретением краткого пути он отсек продолжительное парение (странствование) по пути растянутому. Не во всякое время мы имеем силу воспрекословить всем помыслам, противодействующим нам, и победить их; по большей части мы приемлем от них язвы, на исцеление которых нужно весьма значительное время. Ты выходишь на поединок с борцами, укрепленными шеститысячелетнею опытностью! Твое собеседование с ними доставит им возможность обдуманно нанести тебе поражение, превысшее меры премудрости и разума твоих. Если б ты и победил их, то ум твой остается оскверненным скверною помыслов, принесенных ими, и воня злосмрадия их в течение продолжительного времени остается в обонянии твоем. При употреблении же первого способа, ты пребываешь свободным от них и от их последствий. Нет иной помощи, кроме Бога»[267]. В особенности должно избегать собеседования и словопрения с блудными помыслами. В такое словопрение наиболее вдается подвижник, ошибочно полагая,

---

[265] Алфавитный Патерик.

[266] Житие преподобной Марии.

[267] Слово 30. Святой Исаак жил в VI веке по Р. Х.

что блудные помыслы и мечтания восстали сами собою в его душе и могут быть обузданы силою благоразумного увещания самому себе, — не понимая, по неопытности своей, пришествия к себе демона, который охотно вступает с нами в беседу и словопрение, наверно зная, что сладострастные помыслы и мечтания найдут сочувствие в душе новоначального, возбудят и разожгут живущее в ней сладострастие; он приманивает и завлекает нас к беседе и словопрению, то как бы уступая и удаляясь, то снова нападая, в полной надежде получить над нами решительную победу. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Не вздумай низложить блудного беса словопрением и противоречием, потому что он имеет благовидные предлоги как борющийся с нами на основании естества»[268]. «Восхотевший вступить в борьбу с своею плотию или победить ее сам собою, трудится тщетно, ибо если Господь не разорит дома плоти и не созиждет дом души, то всуе бодрствует и постится разоряющий»[269]. «Повергни пред Господом немощь естества твоего, сознай бессилие твое во всех отношениях, и примешь дарование целомудрия неприметным образом»[270]. «Этот демон гораздо более других демонов высматривает то время, в которое мы не можем противостать ему молитвою при участии в ней тела: тогда преимущественно нечистый этот нападает на нас»[271]. «Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, вспомоществует (в борьбе с блудным бесом) злострадание в телесной молитве, то есть воздеяние рук, биение в перси, частое устремление очей к небу, множество воздыханий, частое коленопреклонение. Этого они нередко не могут исполнить по причине присутствия других: тогда-то и покушаются бесы нападать на них,

---

[268] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, глава 25.

[269] Там же, глава 26.

[270] Там же, глава 27.

[271] Там же, глава 81.

а они, еще не имея возможности сопротивляться мужеством ума и невидимою силою молитвы, по необходимости, может быть, уступают нападающим на них. Уйди, если можно, вскоре, скройся ненадолго в тайном месте! Возведи горé, если можешь, душевное око, а если не можешь, то хотя телесное, воздей руки крестообразно и держи их так неподвижно, чтоб изображением креста посрамить и победить этого амалика. Воззови к Могущему спасти не хитросплетенною речью, но смиренными словами. Прежде всего начни с этих слов: „Помилуй мя, яко немощен есмь“ (Пс. 6, 3). Тогда на опыте познаешь силу Вышнего и невидимою помощию невидимо прогонишь невидимых. Навыкнувший бороться таким образом вскоре начнет отгонять врагов одною душою: второе есть праведный дар Божий делателям первого»[272]. «Возлегши на постель, тогда особенно да трезвимся, потому что тогда ум должен бороться с бесами без (помощи) тела, и если он сластолюбив, то делается предателем удобно»[273]. «Воспоминание о смерти и единопомышляемая молитва Иисусова да усыпают и да восстают с тобою»[274]. Блудный бес нападает с бесстыдством даже на святых и духоносных мужей, как это видно из жития преподобных Макария Александрийского, Пахомия Великого и других угодников Божиих. И для святых мужей не всегда было достаточно одной сердечной молитвы для сопротивления врагу, имеющему опору в падшем естестве нашем! И они должны были иногда во время усиленной брани прибегать к подвигу телесному, к вспомоществованию молитве сердечной участием в молитве тела, к обузданию тела работою до утомления его. На некоторых иноков весьма внимательной жизни, сохранивших девство по телу, блудный бес нападает с особенным ожесточением, как то

---

[272] Слово 15, глава 82 по московскому изданию 1855 года, по переводу старца Паисия.

[273] Там же, глава 54.

[274] Там же, глава 55.

случилось с юным иноком, расстроенным советом неопытного старца, о чем повествует преподобный Кассиан в слове о рассуждении[275]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Как царский оруженосец предстоит царю всегда готовым, так душе должно быть всегда готовою против блудного беса»[276]. По этой причине иноки, боримые сильными страстями, всегда должны быть готовыми к сопротивлению им; и на самое ложе для успокоения сном они возлегают одетыми и опоясанными, как бы вооруженные, точно будучи вооружены бодростию и ревностию, чтоб при появлении врага немедленно восстать и отразить его. По этой причине в некоторых благоустроеннейших монастырях Афонской Горы сохранился древний святой обычай, по которому всем братьям законополагается упокоеваться сном не иначе, как одетыми. Такой обычай указан самым Евангелием (см. Лк. 12, 35–38). Ведай, благочестивый инок, что в то время, как приходит к тебе сатана с искушением своим, присутствует тут вездесущий Господь твой, взирающий на тебя, на твои ум и сердце, и ожидающий, чем увенчается твой подвиг[277]: сохранением ли верности к Господу или предательством Его? Явлением ли любви к Господу и вступлением в общение с Ним или явлением любви к сатане и вступлением в общение с ним? То или другое непременно бывает последствием столкновения с невидимым врагом. Истинное монашество есть невидимое мученичество; жизнь инока есть цепь непрерывных борений и страданий: победителю дается живот

---

[275] Добротолюбие, часть 4.

[276] Алфавитный Патерик.

[277] В житии преподобного Антония повествуется следующее: во время сильнейшей бесовской брани преподобный внезапно освещен был неизреченным светом, причем демоны и искушение их исчезли. Познав пришествие к себе Господа, Антоний воскликнул: «Господи! Где был Ты доселе?» — и услышал голос: «Я был здесь, но желал видеть мужество твое», и прочее. Четьи-Минеи, 17 января.

вечный — обручение Святого Духа. Тому иноку, которого Бог хочет обогатить духовным разумом и духовными дарованиями, попускаются сильные брани. «Побеждаяй наследит вся, — говорит Писание, — и буду ему Бог, и той будет мне в сына» (Апок. 21, 7). Итак, да не унываем!

ГЛАВА XLV
Второй образ борьбы с падшими ангелами

Преподобный Нил Сорский, основываясь на наставлении святого Исаака Сирского, предлагает следующий способ борьбы с греховными помыслами, — разумеется, когда брань не сильно действует и уступает этому способу. Этот способ заключается в том, чтоб лукавые помыслы превращать в благие и добродетелями подменивать, так сказать, страсти[278]. Например, если придет помысл гнева или памятозлобия, то полезно вспоминать о кротости и незлобии, о заповедях Господа, с угрозою воспрещающих гнев и памятозлобие; если придет помысл и ощущение печали, то полезно вспоминать силу веры и слова́ Господа, Который воспретил предаваться боязни и печали, уверив и заверив нас Своим Божественным обетованием, что и власы главы нашей изочтены у Бога, что ничего не может случиться с нами без Промысла и попущения Божиих. Преподобный Варсонофий Великий сказал: «Отцы говорят: если демоны увлекают ум твой в блуд, напоминай ему о целомудрии; если же увлекают в чревообъедение, приведи ему на память пост. Таким образом поступай и в отношении других страстей»[279]. Так поступай, когда восстанут помыслы

---

[278] Слово 5. Преподобный Нил Сорский как в сем слове, так и во всем сочинении подробно и превосходно говорит о молитве как о главнейшем оружии против греха (в настоящем издании: т. 1, с. 406).

[279] Ответ 177.

сребролюбия, тщеславия и прочие греховные помышления и мечтания. Этот способ, повторяем, весьма хорош, когда он оказывается достаточно сильным; он указан нам Самим Господом (см. Мф. 4, 3–4 и 6–7). Но когда страсти взволнуются, ум омрачится и растеряется пред громадностию искушения, помыслы нападут с настойчивостию и неистовством, тогда не только против блудных помыслов, но и против помыслов гнева, печали, уныния, отчаяния — словом, против всех греховных помыслов самое надежное орудие — молитва с участием в ней тела. Пример этого показал и это заповедал нам опять Сам Господь. Объятый предсмертною тоскою, Спаситель мира молился, преклоняя колена, в саду Гефсиманском, — и ученикам, не понимавшим приближавшейся великой скорби, сказал: «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть» (Мф. 26, 41).

ГЛАВА XLVI
О сновидениях

Демоны употребляют для возмущения и повреждения душ человеческих сновидения; также и сами неопытные иноки, обращая внимание на свои сны, вредят себе: по этой причине необходимо сделать здесь определение значения сновидений в человеке, которого естество еще не обновлено Святым Духом.

Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении. Это отдохновение так полно, что человек во время его теряет сознание своего существования, приходит в самозабвение. Во время сна всякая деятельность, сопряженная с трудом и производимая произвольно под управлением разума и воли, прекращается: пребывает та деятельность, которая необходима для существования и не может быть отделена от него. В теле кровь продолжает свое движение, желудок варит пищу, легкие

отправляют дыхание, кожа пропускает испарину; в душе продолжают плодиться мысли, мечтания и чувствования, но не в зависимости от разума и произвола, а по действию бессознательному естества. Из таких мечтаний, сопровождаемых свойственным мышлением и ощущениями, составляется сновидение. Оно часто бывает странным, как не принадлежащее к системе произвольных и намеренных мечтаний и размышлений человека, но являющееся самопроизвольно и самонравно по закону и требованию естества. Иногда сновидение носит на себе несвязный отпечаток произвольных размышлений и мечтаний, а иногда оно бывает последствием нравственного настроения. Таким образом, сновидение само по себе не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказание своей будущности, или будущности других, или какое-нибудь другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины?

Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним. Такое доверие всегда сопряжено с самомнением, а самомнение делает наш умственный взгляд на нас самих ложным, отчего вся деятельность наша лишается правильности: это-то демонам и надо. Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть. Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатию, мы неспособны видеть

иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрости постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и мечтания из падшего естества или приносятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов. Как утешение наше во время бодрствования нашего состоит из умиления, рождающегося от сознания грехов своих, от воспоминания о смерти и о суде Божием — только эти помыслы возникают в нас от живущей в нас благодати Божией, насажденной Святым Крещением, и приносятся нам ангелами Божиими, сообразно нашему состоянию кающихся, — так и во сне весьма редко, при крайней нужде, представляют нам ангелы Божии или кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный суд. От таких сновидений мы приходим к страху Божию, к умилению, к плачу о себе. Но такие сновидения даются весьма редко подвижнику или даже и явному и лютому грешнику по особенному, недоведомому смотрению Божию; даются весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати — нет! — по той причине, что всё случающееся с нами вне общего порядка приводит нас в самомнение и колеблет в нас смирение, столько необходимое для нашего спасения. Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содействие спасению человеков нарушением общего порядка делается наиболее излишним и ненужным. Просившему воскрешения мертвецу и послания его к братьям для увещания их к переходу с широкого пути на тесный сказано: «Имут Моисеа и пророки: да послушают их». Когда же просивший возразил: «Ни!.. но аще кто от мертвых идет к ним, покаются», то получил в ответ: «Аще Моисеа и пророков не послушают, и аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры» (Лк. 16, 29—31). Опыт доказал, что многие, сподобившиеся во сне видения мытарств, Страшного Суда и других

загробных ужасов, — были потрясены видением на краткое время, потом рассеялись, забыли о виденном и вели жизнь беспечную; напротив того, не имевшие никаких видений, но поучавшиеся тщательно в законе Божием постепенно пришли в страх Божий, достигли духовного преуспеяния, и в радости, рождаемой извещением спасения, перешли из земной юдоли скорбей в блаженную вечность. Святой Иоанн Лествичник рассуждает об участии демонов в иноческих сновидениях нижеследующим образом: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмущать нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напасти. Верующий снам подобен гонящемуся за своею тению и покушающемуся поймать ее. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях пророками, предугадывая по пронырству своему будущее и его предвозвещая нам, чтоб мы по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие к дару предуведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые уничижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничего будущего не знают по предуведению: в противном случае и чародеи могли бы предсказывать нам смерть. Преобразуются демоны в ангелов света, принимают на себя часто образ мучеников и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся погружают в радость и возношение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения). Святые ангелы показывают муку, суд, смерть, — от чего мы, проснувшись, исполняемся трепета и сетования. Если начнем покоряться бесам в сновидениях, то они начнут издеваться над нами и в бодрственном

состоянии. Верующий сновидениям вполне неискусен, а не верующий никакому сну — истинно любомудр. Доверяй только тем снам, которые возвещают тебе муку и суд: если же по причине их зачнет тебя тревожить отчаяние, то и такие сны от бесов»[280]. Преподобный Кассиан Римлянин повествует о некотором иноке, уроженце Месопотамском, что он проводил самую уединенную и постническую жизнь, но погиб от обольщения бесовскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на свое развитие духовное, а устремил всё внимание на телесный подвиг и дал ему, а следовательно, и себе цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда инок утвердился в доверенности к своим сновидениям и к себе, то диавол представил ему в великолепном сновидении иудеев наслаждающимися небесным блаженством, а христиан томимыми в адских муках. При этом демон — разумеется, в образе ангела или какого ветхозаветного праведника — дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил[281]. Достаточно сказанного для объяснения возлюбленным братьям нашим, современным инокам, сколько безрассудно внимать, тем более доверять снам, и какой страшный вред может родиться от доверия к ним. От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним, и потому самое внимание строго воспрещается.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее и коснеющее в своем падении. Правитель человека обновленного — Святой Дух. «На них же осияла Божественного Духа благодать, — сказал преподобный Макарий Великий, — и во глубине ума их водворилася:

---

[280] Святой Иоанн Лествичник. Прибавление к слову 3.

[281] Слово о рассуждении. Добротолюбие, часть 4.

сим Господь яко душа есть»[282]. И в бодрствовании, и во сне они пребывают в Господе, вне греха, вне земных и плотских помышлений и мечтаний. Помышления и мечтания их, находящиеся во время сна вне управления разумом и волею человеческими, действующие в прочих человеках бессознательно по требованию естества, действуют в них под водительством Духа, и сновидения таких людей имеют духовное значение. Так, праведный Иосиф во сне был научен таинству вочеловечения Бога Слова; во сне повелено ему бежать во Египет и возвратиться из него (см. Мф. 1 и 2). Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

ГЛАВА XLVII
О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков

Необходимо знать возлюбленным братьям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собою, точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собою. По причине этого сродства произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собою естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первою. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. «Злоба, — сказали отцы, — не терпит пребывать

[282] Слово 7, глава 12.

бессупружною в сердце»[283]. Объясним это примерами. Кто отвергнул памятозлобие, тот естественно ощущает сердечное умиление; кто отказался от осуждения ближних, того помысл естественно начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних. Кто похвалил или извинил ближнего ради заповеди евангельской, тот естественно ощутил к ближнему благорасположение. Вслед за нищетою духа естественно является плач о себе; нищий духом и плачущий о себе естественно делается кротким. Уничижив-ший правду падшего естества и отрекшийся от нее естественно алчет и жаждет правды Божественной, потому что быть вовсе без правды несвойственно человеку. Напротив того, кто осудил ближнего, тот естественно ощутил презрение к нему; ощутивший презрение стяжал гордость. От презрения ближнего при высоком мнении о себе — а эти два состояния неразлучны — является ненависть к ближнему. От ненависти и памятозлобия является ожесточение сердца. По причине ожесточения сердца начинают преобладать в человеке плотские ощущения и плотское мудрование, а от этого возжигается блудная страсть, умерщвляется вера в Бога и надежда на Него, является стремление к корыстолюбию и славе человеческой, приводящие человека к совершенному забвению Бога и отступлению от Него. На основании этого сродства между собою как добродетелей, так и грехов Дух Святой законополагает истинному служителю Божию: «Ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех. От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя» (Пс. 118, 128 и 101). Путь неправды — помыслы и мечтания греховные: ими грех входит в душу.

Возлюбленный брат! Не сочти позволительными для себя никакой беседы с помыслами, никакого услаждения мечтаниями,

---

[283] Преподобный Марк Подвижник. Слово о покаянии и слово о крещении.

противными духу Евангелия. Согласие с врагами Господа, единение с ними не могут не сопровождаться нарушением верности к Господу, нарушением единения с Ним: «Иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во единем, бысть всем повинен» (Иак. 2, 10). Как нарушение одной заповеди есть вместе нарушение всего закона Божия или воли Божией, так исполнение одного совета диавольского есть вместе исполнение вообще воли диавола. Подвижник, исполнивший волю диавола, лишается свободы и подвергается насильному влиянию падшего духа в той степени, в какой исполнена воля диавола. Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, доколе человек не уврачует себя покаянием; увлечение помыслами и мечтаниями производит меньшие порабощение и разобщение, но производит их. И потому необходимо воздерживаться от всех помышлений и мечтаний, не согласных с учением Евангелия, а случающиеся увлечения немедленно врачевать покаянием. Умоляем возлюбленных братьев обратить внимание на это. Не знающие этого и не обращающие внимания на это терпят величайший вред и лишают сами себя духовного преуспеяния. Например, многие, хранясь от блудных помыслов и мечтаний, считают ничего не значащими услаждение помыслами и мечтаниями корыстолюбия и тщеславия, между тем как по духовному закону помыслы и мечтания об имуществе, о почестях, о славе человеческой суть те же блудные. Такое значение имеют все греховные помыслы и мечтания в отношениях человека к Богу, как отвлекающие человека от любви Божией. По закону духовному услаждающийся тщеславными и другими греховными помыслами и мечтаниями никогда не освободится от блудной страсти, сколько бы он против нее ни подвизался. Преподобный Макарий Великий говорит: «Должно хранить душу и всячески блюсти, чтоб она не приобщалась с скверными и злыми помыслами. Как тело, совокупляющееся с другим телом,

заражается нечистотою, так растлевается и душа, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь с ними заодно, с помыслами, которые приводят не к тому или другому греху, но которые ввергают во всякую злобу, как то: неверие, лесть, тщеславие, гнев, зависть, рвение. Это-то и значит „очистить себе самех от всякия скверны плоти и духа“ (см. 2 Кор. 7, 1). Знай, что и в тайне души содевается растление и блужение действием непотребных помыслов»[284].

ГЛАВА XLVIII
Об особенном противодействии падших духов молитве

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем евангельским заповедям, в особенности же молитве, как матери добродетелей. Святой пророк Захария видел в видении своем «Иисуса, иерея великаго, стояща пред лицем Ангела Господня, и диавол стояше одесную его, еже противитися ему» (Зах. 3, 1): так и ныне предстоит диавол неотступно каждому служителю Божию с намерением похищать, осквернять его духовные жертвы, не допускать до жертвоприношения, прекратить и уничтожить его. «Падшие духи терзаются завистию к нам, — говорил преподобный Антоний Великий, — и не престают приводить в движение всё злое, чтоб мы не наследовали прежних престолов их на небе»[285]. В особенности «очень завидует бес, — сказал преподобный Нил Синайский, — человеку молящемуся и употребляет всевозможные козни, чтоб расстроить его делание»[286]. Демон употребляет все усилия, чтоб воспрепятствовать молитве или чтоб

---

[284] Слово 7, глава 4.

[285] Vita Beati Antonii Abbatis. Patrologiae tom. 73, cap. 15. Четьи-Минеи.

[286] О молитве, глава 47. Добротолюбие, часть 4.

сделать ее бессильною и недействительною. Этому духу, низверженному с неба за гордость и возмущение против Бога, заразившемуся неисцельною завистию и ненавистию к роду человеческому, заразившемуся жаждою погибели человеков, неусыпно, день и ночь заботящемуся о погублении человеков, невыносимо видеть, что немощный и грешный человек молитвою отделяется от всего земного, вступает в беседу с Самим Богом и исходит из этой беседы запечатленным милостию Божиею, с надеждою наследовать небо, с надеждою увидеть даже свое бренное тело претворенным в духовное. Невыносимо это зрелище для духа, который навсегда осужден пресмыкаться как бы в тине и смраде, в помышлениях и ощущениях исключительно плотских, вещественных, греховных, который, наконец, навечно должен быть низвергнут и заключен в адские темницы. Он ярится, приходит в исступление, коварствует, лицемерствует, злодействует. Надо быть внимательным и осторожным: только по крайней нужде, особенно по требованию возложенного послушания можно отдать время, определенное для молитвы, другому занятию. Без важнейшей причины не оставляй, возлюбленный брат, молитвы! Оставляющий молитву оставляет свое спасение; нерадящий о молитве нерадит о спасении; покинувший молитву отвергся от своего спасения. Инок должен вести себя очень осмотрительно, потому что враг старается окружить его со всех сторон своими кознями, обмануть, обольстить, возмутить, совратить с пути, предписываемого евангельскими заповедями, погубить во времени и в вечности. Такое ожесточенное, злонамеренное и злохитрое преследование врага скоро усматривается при внимательной жизни; скоро мы заметим, что к тому самому времени, как надо заняться молитвою, он приготовляет другие занятия, представляет их и преважными, и не терпящими отлагательства, лишь бы отъять у инока молитву. Козни врага обращаются в пользу тщаливому подвижнику: видя непрестанно близ себя

убийцу с обнаженным и занесенным для удара кинжалом, беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с плачем к всесильному Богу о помощи и получает ее. Дух отверженный, когда не возможет отнять у молитвы времени, определенного для молитвы, тогда старается окрасть, осквернить молитву во время совершения ее. Для сего он действует помыслами и мечтаниями. Помыслы он наиболее облекает в личину правды, чтоб придать им более силы и убеждения, а мечтания представляет в обольстительнейшей живописи. Окрадывается и уничтожается молитва, когда во время совершения ее ум не внимает словам молитвы, но занят пустыми помыслами и мечтаниями. Оскверняется молитва, когда во время ее ум, отвлекшись от молитвы, обратит внимание к греховным помыслам и мечтаниям, представленным врагом. Когда явятся тебе помысл и мечтание греховные, нисколько не обращай внимания на них. Лишь увидишь их умом твоим, тем усиленнее затвори ум в слова молитвы и умоляй Бога теплейшею и внимательнейшею молитвою о прогнании от тебя убийц твоих. Дух лукавый устраивает с особенным искусством полки свои. Впереди у него стоят помыслы, облеченные во все виды правды, и мечтания, которые неопытный подвижник может принять не только за явления невинные, но и за вдохновения, за видения святые и небесные. Когда ум примет их и, подчинившись влиянию их, утратит свою свободу, тогда предводитель иноплеменнического войска выставляет для борьбы помыслы и мечтания явно греховные. «За бесстрастными помыслами, — сказал преподобный Нил Сорский, ссылаясь на прежде бывших великих отцов, — последуют страстные: допущенный вход первым бывает причиной насильственного входа вторых»[287]. Ум, как произвольно утративший свою свободу при столкновении

[287] Слово 2 (в настоящем издании: т. 1, с. 391).

с передовыми силами, обезоруженный, ослабленный, плененный, нисколько не может противостоять главным силам: немедленно побеждается ими, подчиняется, порабощается им. Необходимо во время молитвы заключать ум в слова молитвы, отвергая без разбору всякий помысл, и явно греховный, и праведный по наружности. Всякий помысл, каково бы ни было его одеяние и всеоружие, но если отвлекает от молитвы, этим самым доказывает, что он принадлежит к полку иноплеменническому и пришел, необрезанный, «поносити Израиля» (1 Цар. 17, 25). Невидимую брань (борьбу) свою с человеком собственно греховными помыслами и мечтаниями падший ангел основывает на взаимном сродстве грехов между собою. Брань эта не умолкает ни днем, ни ночью, но действует с особенным напряжением и неистовством, когда мы встанем на молитву. Тогда, по выражению святых отцов, диавол собирает отовсюду самые нелепые помышления и изливает их на нашу душу[288]. Во-первых, он воспоминает нам о всех оскорбивших нас; оскорбления и обиды, нанесенные нам, старается представить в яркой живописи; возмездие за них и сопротивление им выставляет требованием правосудия, здравого смысла, общественной пользы, самосохранения, необходимости. Очевидно, что враг старается поколебать самое основание молитвенного подвига — незлобие и кротость, — чтоб здание, воздвигаемое на этом основании, разрушалось само собою. Это так и бывает, потому что памятозлобный и не отпустивший ближнему согрешений его никак не может сосредоточиться при молитве своей и прийти в умиление. Помыслы гневные рассевают молитву; они разносят ее в стороны, как порывистый ветер разносит семена, бросаемые сеятелем на его ниву, и нива сердечная остается

---

[288] Художество и правило святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, глава 29. Добротолюбие, часть 2,

незасеянною, а усиленный труд подвижника — тщетным. Известно, что прощение обид и оскорблений, заменение осуждения ближних милостивым извинением их, обвинение себя — служат основанием успешной молитве. Весьма часто приносит враг при самом начале молитвы помышления и мечтания о земном преуспеянии: то в обольстительной картине представляет славу человеческую как справедливую или счастливую дань добродетели, как будто узнанной и признанной, наконец, человеками, отселе вступающими под ее руководство; то в столько же обольстительной картине представляет обилие земных средств, на основании будто бы которых должна процвести и усилиться христианская добродетель. Обе эти картины ложны! Изображаются в противность учению Христову, наносят страшный вред заглядывающемуся на них душевному оку и самой душе, любодействующей от Господа своего сочувствием к демонской живописи. Вне креста Христова нет христианского преуспеяния. Господь сказал: «Славы от человек не приемлю... Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете» (Ин. 5, 41 и 44). При творении всех ваших добрых дел «не будите яко лицемери» (Мф. 6, 16), делающие добро для славы человеческой, восприемлющие славу человеческую в награду за свою добродетель и отнимающие у себя право на награду вечную (см. Мф. 6, 1—18). «Да не увесть шуйца твоя», то есть твое собственное тщеславие, «что творит десница твоя», то есть твоя воля, направленная по евангельским заповедям, «и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» даром Святого Духа (Мф. 6, 3 и 18). Сказал также Господь: «Никтоже может двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит: или единаго держится, о друзем же нерадити начнет. Не можете Богу работати и мамоне», то есть имуществу, богатству (Мф. 6, 24). «Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик» (Лк. 14, 33).

Достойно замечания, что диавол, искушая Богочеловека, предложил Ему мысль тщеславную, прославиться публичным чудом, и мечтание самого развитого и могущественного положения. Господь отринул то и другое (см. Мф. 4; Лк. 4): Он возводит нас к высшему преуспеянию по тесному пути самоотвержения и смирения, и Сам проложил этот спасительный путь. Нам должно последовать примеру и учению Господа: отвергать помыслы земной славы, земного преуспеяния, земного обилия, отвергать радость, приносимую такими мечтаниями и размышлениями, уничтожающую в нас сокрушение духа, сосредоточенность и внимание при молитве, вводящую самомнение и рассеянность. Если мы согласимся с помыслами памятозлобия и осуждения, с помыслами и мечтаниями тщеславными, гордостными, корыстолюбивыми и миролюбивыми, не отвергнем их, но пребудем в них и усладимся ими, то вступаем в общение с сатаною — и сила Божия, нас защищающая, отступит от нас. Враг, увидев отступление от нас помощи Божией, устремляет на нас две тягчайшие брани: брань помыслами и мечтаниями блуда и брань унынием[289]. Побежденные передовою бранью, лишенные заступления Божия, мы не устаиваем и против второй брани. Это-то и значит сказанное отцами, что Бог попускает сатане попирать нас дотоле, доколе не смиримся. Очевидно, что помыслы памятозлобия, осуждения, земной славы и земного преуспеяния имеют основанием своим гордость. Отвержение этих помыслов есть отвержение гордости. Отвержение гордости совершается водворением смирения в душе. Смирение есть Христов образ мыслей и тот сердечный залог, происходящий от этого образа мыслей, которыми умерщвляются в сердце и извергаются из него все страсти[290]. Нашествию блудной страсти и страсти

---

[289] Преподобный Григорий Синаит, глава 110. Добротолюбие, часть 1.

[290] Лествица. Слово 25, заглавие .

уныния последует нашествие помыслов и ощущений печали, неверия, безнадежия, ожесточения, омрачения, хулы и отчаяния. Особенно тяжкое впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их сквернителями духовного храма Божия[291]. Если мы усладимся ими, то от нас надолго отступит благодать Божия и все греховные помыслы и мечтания получат сильнейшую власть над нами. Они будут дотоле томить и мучить нас, доколе мы искренним раскаянием и воздержанием от услаждения прилогами врага снова не привлечем к себе благодати. Всему этому не преминет научить внимательного инока опыт.

Узнав тот порядок, тот чин и устав, которого держится враг при борьбе с нами, мы можем устраивать соответствующее сопротивление. Не будем судить и осуждать ближнего ни под каким предлогом, будем прощать ближним все тягчайшие оскорбления, нанесенные нам ближними. Когда бы ни явился помысл памятозлобия против ближнего, будем немедленно обращаться с молитвою к Богу о том ближнем, испрашивая ему милость Божию во времени и в вечности. Отречемся душ наших, то есть искания славы человеческой, искания излишне удобного земного положения, искания всех земных преимуществ, и предадим себя всецело воле Божией, благодаря и славословя Бога за наше прошедшее и настоящее, возлагая на Него наше будущее. Такое поведение и направление наше да будет приготовлением к молитве нашей, основанием для молитвы нашей. Пред начатием молитвы смиримся пред ближними, обвиним себя, как соблазнившие и соблазняющие их согрешениями нашими, начнем молитву нашу молением о врагах, соединим себя в молитве со всем человечеством и будем умолять Бога

---

[291] Святой Иоанн Карпафийский. Утешительные главы, глава 55. Добротолюбие, часть 4.

о помиловании нас вместе со всеми человеками, не потому, чтоб мы достойны были молиться за человечество, а для исполнения заповеди о любви, которая законополагает: «Молитеся друг за друга» (Иак. 5, 16). Хотя истинному служителю Божию попускается борение с многообразными прилогами греха, приносимыми сатаною и возникающими из нашего поврежденного падением естества, но десница Божия непрестанно поддерживает и руководит его. Самое борение приносит величайшую пользу, доставляя подвижнику иноческую опытность, ясное и подробное понятие о повреждении природы человеческой, о грехе, о падшем ангеле, приводя подвижника в сокрушение духа, в плач о себе и о всем человечестве. Преподобный Пимен Великий поведал о преподобном Иоанне Колове, отце, преисполненном благодати Святого Духа, что он умолил Бога — и прекратилась в нем борьба, производимая недугами падшего естества или страстями. Он пошел и возвестил это некоторому преуспевшему в духовном рассуждении старцу, говоря: «Вижу себя в нерушимом спокойствии, без всякой брани». Рассудительный старец отвечал Иоанну: «Поди и умоли Бога, чтоб брани возвратились, потому что по причине брани душа приходит в преуспеяние, а когда придет брань, то не молись, чтоб она была взята, но чтоб Господь даровал терпение в брани»[292]. Предадимся всецело воле Божией, предадимся всецело исполнению воли Божией; непрестанною молитвою будем испрашивать у Бога дар исполнения воли Божией и тот дар, чтоб над нами всегда совершалась воля Божия. Кто предастся воле Божией, с тем неотлучно бывает Бог. Ощутит это и засвидетельствует истину этого всякий подвижник Христов, подвизающийся законно, подвизающийся под руководством Евангелия.

---

[292] Алфавитный Патерик, буква «И».

ГЛАВА XLIX
О хранении душевного ока от всего вредного для него

Спаситель мира сказал: «Светильник телу есть око». Светильником Спаситель наименовал словесную силу души человеческой, дух человека; телом наименовал Спаситель всю деятельность человека и качество его, образующееся и зависящее от этой деятельности. Значение, подобное приведенным словам Спасителя, имеют и следующие слова апостола: «Сам же Бог мира да освятит вас совершенных во всем: и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится» (1 Сол. 5, 23). Дух упомянут, во-первых, по той причине, что непорочность и совершенство души и тела находятся в полной зависимости от духа. Дух, или словесная сила, есть высшая способность души человеческой, которою она отличается от души животных, называемых по неимению этой способности бессловесными[293]. «Егда убо око твое просто будет», то есть когда словесная сила будет чужда смешения и общения с грехом и сатаною, тогда «всё тело твое светло будет», то есть деятельность твоя будет правильною, а качеством твоим будет святость. «Егда же лукаво будет, и тело твое темно: блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть» (Лк. 11, 34 и 35). Блюди, чтоб твой дух, который есть твой естественный свет и источник света для твоей жизни, не сделался тьмою и источником тьмы. Это око делается лукавым от усвоения себе лжи. Последствием такого усвоения бывает неправильная деятельность, а качеством — состояние греховности и самообольщения. От приятия ложных мыслей ум растлевается, совесть теряет верность в своих указаниях, все духовные ощущения сердца также заражаются неправильностию и греховностию. Человек делается непотребным, врагом своего спасения, убийцею души своей, врагом Божиим.

---

[293] Преподобный Макарий Великий. Беседа 8, глава 8.

Священное Писание, паче же Святой Дух, живущий в Писании и глаголющий Писанием, изрекает против таких человеков следующее определение: «Человецы растленни умом и неискусни в вере» (2 Тим. 3, 8), то есть человеки, растленные умом, вполне чужды веры. Человеку, растленному умом, никак невозможно быть причастником веры: у него место веры уже занято лжеименным разумом, и слово крестное служит для него предметом или соблазна, или насмешки, как видим это на современных Богочеловеку иудеях (см. 1 Кор. 1, 18). Растление ума всегда сопряжено с растлением прочих духовных свойств, почему растление ума и растление духа имеют тождественное значение по своему последствию. Принятием лжеучения или ложных мыслей о Боге, искажением откровенного Богом догматического и нравственного учения при посредстве лжеучения совершается растление духа человеческого, и человек соделывается сыном диавола (см. Ин. 8, 44); но и собеседованием, и смешением с помыслами, принадлежащими области сатанинской, без усвоения их себе, созерцанием мыслей и мечтаний, приносимых демонами, повреждается душевное око. Зрительная сила его утрачивает в некоторой степени, сообразно степени общения с сатаною, свою правильность и чистоту. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит: «Как мы вредим себе, смотря на вредное чувственными глазами, так вредим себе, смотря на вредное умом»[294]. По этой причине должно обращать особенное внимание на хранение душевного ока и особенно заботиться о хранении душевного ока, чтоб оно не повредилось, чтоб болезненное состояние его не сделалось причиною нашей душепогибели. В пример того, как испорченное душевное око действует вредно на наше спасение, приведем нижеследующее, виденное нами на опыте: некоторые начитались романов, по ним настроили свой

---

[294] Слово о трезвении, глава 77. Добротолюбие, часть 2.

ум и сердце. Впоследствии пораженные какою-либо превратностию жизни, или по собственному внутреннему проснувшемуся влечению, или даже по мановению милости Божией эти люди захотели проводить жизнь благочестивую. Тогда-то обнаруживалось гибельное действие настроения, полученного предшествовавшим чтением. Навык к наслаждению сладострастием постоянно отвлекал их от чувства покаяния и вводил в самый подвиг наслаждение сладострастием, столь мерзостное пред Богом, соделывающее душу человека неприступною для Святого Духа, удобоприступною для сатаны, обителию его. С особенною ясностью это заметно на женском поле. Те женщины, которые читали много романов, потом предались набожности и даже подвижничеству, наиболее хотят, чтоб их новая жизнь была также романом; они хотят быть по настроению души любовницами! Хотят, потому что воля, поврежденная неправильным употреблением ее, влечет их насильно к усвоившемуся сладострастию, а ум, ослабленный, помраченный, развращенный, плененный мыслями, сообщенными чтением, не имеет ни силы, ни способности руководствовать волею и удерживать ее от неправильного стремления. Напитанные чтением романов весьма способны к самообольщению и к бесовской прелести, как стяжавшие вкус к наслаждению сладострастием, которое может действовать не только грубым, но и самым утонченным образом, непонятным и неприметным для человека, еще не свергнувшего с себя ига страстей. Некоторый инок, во время своей мирской жизни, не зная, какие благоразумие и осмотрительность должны быть наблюдаемы при подвержении души впечатлениям, остающимся жить в ней, прочитал из пустого любопытства некоторые сочинения, составленные против христианской веры. Когда он вступил в монастырь и возложил на себя разумный иноческий подвиг, полученные впечатления начали обнаруживать свое присутствие в душе помыслами сомнения, недоумений, хулы,

доказывая тем, что душевное око засорилось общением с мыслями из области сатаны.

Святой апостол Павел сказал: «Храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия» (1 Кор. 3, 16–17; 6, 20). Хотя и тела наши суть храм Божий, но по преимуществу составляют собою храм Божий наша словесная сила, наш дух, наши ум и сердце. Под именем сердца разумеются все ощущения духа. Когда ум и сердце соделаются обителию Бога, а они-то первоначально и делаются Его обителью, тогда естественно делаются Его обителью и душа, и тело, как вполне зависящие от ума и сердца. Растлевается храм Божий, когда тело впадает в чувственный блуд; растлевается храм Божий, когда ум и сердце вступят в прелюбодейное общение с сатаною принадлежащими ему мыслями и ощущениями. Слова «растлит того Бог» значат, что Бог отступит от человека, растлившего в себе храм Божий, соделавшего себя не способным для жительства в себе Бога. Последствия такого отступления известны: смерть души, начинающаяся во времени, и погребение в темницах ада в вечности. Растлевается дух человека, поражается слепотою и мраком, как мы уже сказали, принятием лжеучения, учения, исходящего от мира и сатаны, учения, противного откровенному Божественному учению, учению Христову, учению Вселенской и Восточной Церкви. Лжеучением признаются следующие учения: учение, отвергающее бытие Бога, или атеизм; учение, отвергающее Христа и христианство; признающее бытие Бога, но отвергающее все отношения между Богом и человеками, или деизм; учения, не отвергающие прямо христианства, но искажающие Богооткровенное учение произвольным, человеческим, богохульным учением, которым уничтожается сущность христианства, каковы все ереси; учения, не отвергающие прямо

христианства, но отвергающие дела веры или нравственное евангельское и Церковное Предание, приемлющие деятельность языческую, этим умерщвляющие веру и уничтожающие сущность христианства. Таков наиболее и современный прогресс, или преуспеяние в безнравственности и в совершенном неведении христианства, а следовательно, в совершенном удалении и отчуждении от Бога. Не растлевается окончательно храм Божий, но оскверняется, не поражается око душевною слепотою, но повреждается, приемлет более или менее значительную язву, когда инок прочитает безнравственную или еретическую книгу, посетит безнравственное или неблагочестивое общество, подвергнет себя влиянию греховных соблазнов, когда побеседует с греховными помыслами и усладится ими, когда дозволит себе увлечение каким-либо обычаем мира, каковы все мирские игры и увеселения. Если же инок укоснит во всем этом и оправдает свое увлечение, вместо того чтоб сознаться и раскаяться в нем, то впадает в величайшее душевное бедствие. Он повреждает самое начало своего существа — словесную силу, свой дух, свои ум и сердце. Надо хранить душевное око и хранить. Всё, что ни сделаем вне евангельского учения и законоположения, непременно произведет на нас вредное впечатление. Каждое дело, слово и помышление, как благое, так и злое, непременно кладет на нас соответствующую себе печать. Надо это знать и знать.

ГЛАВА L
О покаянии и плаче

Начиная предлагать возлюбленным братьям наши убогие советы, мы сказали, что монашество есть не что иное, как обязательство с точностию исполнять евангельские заповеди, что монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства или

в глубочайшей пустыне. Наше уединение в Боге. В Боге нашем могут найти ум и сердце наши то надежное и тихое пристанище, на которое не действуют ни волны, ни ветры житейского моря. Без этого мир, враждебный Богу, будет сопутствовать нам в глушь лесов, в ущелия гор и в пещеры: там соделает нас своими служителями. Жительство иноческое, не основанное на евангельских заповедях, подобно зданию без основания: разрушится оно. Жительство иноческое, не одушевленное евангельскими заповедями, подобно телу без души: воссмердит оно смрадом фарисейства, и воссмердит тем более, чем более будет облечено по наружности в телесный подвиг или притворится имеющим этот подвиг. Разумный читатель найдет подтверждение этой истины во всех доселе изложенных советах наших.

Оканчивая эти убогие советы, мы признаем себя обязанными изложить пред возлюбленнейшими братьями важнейшее духовное делание, долженствующее обымать собою всю жизнь инока, долженствующее быть душою его жительства, душою его душевного и телесного подвига. Внимательно прочитавший предшествовавшие советы, конечно, усмотрел из них это делание; но мы считаем долгом нашим возвестить о нем отдельно и по возможности подробно. Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние. Нам непременно нужно погрузиться всецело в покаяние, если желаем не тщетно и не в осуждение себе носить имя и звание иноческие. Тогда только инок шествует правильно, когда он преисполнен и руководим чувством покаяния. Когда чувство покаяния отступит от его сердца, то это служит верным признаком, что инок увлечен ложными мыслями, внушенными сатаною или возникшими из падшего естества. Постоянное отсутствие покаяния служит признаком вполне неправильного настроения. Рукотворенный храм Божий при всяком молитвословии окуривается фимиамом: по этой причине воздух в храме постоянно преисполнен газами, происходящими от курящегося

фимиама; самые облачения и другие принадлежности пропитываются благовонным запахом, по необходимости дышат им все, приходящие в храм для молитвы и служения. Так и нерукотворенный Божий храм, созданный и воссозданный Богом, — христианин, в особенности же инок, — должен быть постоянно преисполнен чувством покаяния. Чувство покаяния должно возбуждаться при каждой молитве инока: оно должно сопутствовать, содействовать ей, окрылять ее, возносить ее к Богу; иначе она не возможет подняться от земли и исторгнуться из рассеянности. Чувством покаяния должно быть проникнуто всё поведение инока и самое исполнение им евангельских заповедей. Он должен исполнять их как должник, как раб неключимый (см. Лк. 17, 10), должен вносить их в сокровищницу Небесного Царя как ничтожную уплату своего неоплатимого долга, могущего быть уплаченным единственно милостию Царя Небесного. Сказал преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут закон Божий телесно, не понимая ни того, что говорят, ни того, на чем основываются»[295]. От падшего духа человеческого принимается Богом только одна жертва: покаяние. Прочие чувствования, самый усиленный подвиг, который можно назвать всесожжением, отвергнуты, как осквернённые грехом и нуждающиеся, прежде принесения в жертву, в очищении покаянием. Одну эту жертву падшего человека не уничижает Господь отвержением ее (см. Пс. 50, 19). Когда же посредством покаяния обновится Сион и созиждутся стены нашего духовного Иерусалима, тогда со дерзновением на алтаре сердечном принесутся жертвы правды — наши чувствования, обновленные Божией благодатию; тогда человек соделается способным и к богоугодному всесожжению (см. Пс. 50, 21). Священномученик Садок сказал: «Кто духовен, тот с радостию, желанием и великою любовию

[295] О законе духовном, глава 34. Добротолюбие, часть 1.

ожидает мученической смерти и не боится ее, будучи готов; плотскому же человеку страшен час смертный»[296].

Покаяние есть евангельская заповедь. Непосредственным последствием покаяния, по указанию Евангелия, должно быть наше вступление в Небесное Царство, и потому всё пространство времени от нашего усвоения Христу до вступления в вечность — причем Царство Небесное делается неотъемлемою собственностью удостоившихся спасения, — или вся наша земная жизнь, должны составлять собою поприще покаяния. Первая проповедь и заповедь, произнесенная вочеловечившимся Богом падшему человечеству, которое Он пришел спасти, была о покаянии: «Начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное» (Мф. 4, 17). По воскресении Своем, пред вознесением на небо, Господь отверз апостолам ум, и они уразумели Писания. Тогда Он сказал им, что, согласно с Писаниями, долженствовало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, «и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима» (Лк. 24, 45–47). Для уверования во Христа и для принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние. Когда расположившиеся к вере иудеи спросили святого апостола Петра, что им делать, то он отвечал: «Покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов» (Деян. 2, 38). Так же и апостол Павел повсюду проповедовал «еже к Богу покаяние и веру яже в Господа нашего Иисуса Христа» (Деян. 20, 21). Невозможно, пребывая в грехах и любя грех, усвоиться Христу: «Всяк делаяй злая ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть» (Ин. 3, 20). «Кое причастие правде

---

[296] Четьи-Минеи, 20 февраля.

к беззаконию? Или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром?» (2 Кор. 6, 14–15). Чтоб приступить ко Христу и вступить в единение с Ним посредством Святого Крещения, необходимо прежде покаяться. И по Святом Крещении нам предоставлена свобода или пребывать в единении с Господом, или нарушать это единение общением со грехом. Мало этого! В падшем естестве нашем не уничтожено Святым Крещением свойство рождать из себя смешанные зло с добром, чтоб наше произволение постоянно искушалось, чтоб избрание нами Божественного добра и предпочтение его злу и своему поврежденному добру было свободным, положительно доказанным подчинением всем скорбям пути крестного. Святым Крещением изглаждается первородный грех и грехи, содеянные до Крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами, которую он имел до нашего возрождения, даруется благодать Святого Духа, которою мы соединяемся с Богом во Христе и получаем силу низлагать и побеждать грех. По той причине, что мы не избавлены от борьбы с грехом, не можем во время всей земной жизни нашей быть вполне свободными от согрешений, и самый праведник «седмерицею...» (то есть часто) «...падет и восстанет» покаянием (Притч. 24, 16), — говорит Писание. Он падает по немощи и ограниченности своим, не всегда усматривая грех, тонко и неприметно возникающий из падшего естества, тонко и неприметно приносимый и влагаемый падшими духами; покаяние соделывается его неотъемлемым достоянием, его постоянным оружием, его неоцененным сокровищем. Праведник поддерживает покаянием свое общение со Христом; он врачуется покаянием от язв, наносимых грехом. «Аще речем, — говорит святой Иоанн Богослов, — яко греха не имамы, себе прельщаем; и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды. Аще речем, яко не согрешихом, лжа творим Его, и слово Его несть в нас» (1 Ин. 1, 8–10).

Это говорит Богослов о грехах невольных от немощи и ограниченности, о грехах маловажных, которых не могут избежать и святые; но о произвольной греховной жизни он говорит нижеследующее: «Всяк, иже в Нем...» (в Господе Иисусе Христе) «...пребывает, не согрешает: всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его. Чадца, никто же да льстит вас. Творяй правду праведник есть, якоже Он праведен есть; творяй грех от диавола есть: яко исперва диавол согрешает. Сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диаволя. Всяк рожденный от Бога греха не творит» (то есть не проводит греховной жизни, не впадает в грехи смертные и в грехи произвольные), «яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть. Сего ради явлена суть чада Божия и чада диаволя» (1 Ин. 3, 6–10). Чада Божии проводят жизнь по евангельским заповедям и приносят покаяние в поползновениях своих. Если случится служителю Божию по какому-нибудь несчастному случаю впасть в смертный грех, он исцеляется от язвы греховной покаянием и исповедью и потому не престает быть чадом Божиим. Проводящие греховную жизнь произвольно, по любви к ней, охотно впадающие во всякий грех, какой бы им ни представился, признающие наслаждением жизнью блуд в различных его видах и всякое другое преступление евангельских заповедей суть чада диавола, хотя бы и именовались христианами, хотя бы участвовали в некоторых церковных молитвословиях и обрядах, хотя бы прибегали к Таинствам, им в наругание, в осуждение себе.

Таково отношение покаяния к каждому христианину. Тем более оно составляет сущность иноческого жительства. Вступление в это жительство есть сознание своей греховности, а самое жительство есть ничем не прерывающееся поприще покаяния. Вступающий в иночество и желающий произнести пред Богом обеты иноческие, пред началом этого священного обряда излагает следующим образом исповедание своего сердечного залога:

«Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно мое иждих житие» (любовь сердца неправильно рассеяв и расточив по пристрастиям), «на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое да не презриши сердце, Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших на небо и пред Тобою»[297]. Величайшие святые отцы признавали покаяние своим единственным деланием. Вдавшись в это делание, они более и более распространяли его для себя, потому что покаяние не только очищает грехи, но изощряет зрение человека на самого себя. Когда некоторые греховные пятна очистятся покаянием с ризы душевной, тогда внезапно открывается на ней существование других пятен, менее грубых, не менее важных, остававшихся доселе не примеченными по причине тупости зрения. Наконец, покаяние возводит делателя своего к обширнейшим духовным виде́ниям: раскрывает пред ним его собственное падение и падение всего человечества, его страдание и страдание всего человечества под игом миродержца, дивное дело искупления и прочие тайны, с которыми да ознакомит читателя самый опыт; слово недостаточно к поведанию их. Преподобный Арсений Великий имел постоянным занятием своим покаяние и соединенный с ним, выражающий его плач; платок был всегда на коленях Арсения, и непрестанно на этот платок падали слезы в то время, как преподобный, занимая руки рукоделием, занимал ум молитвою покаяния[298]. Преподобный Сисой Великий просил у ангелов, пришедших разлучить душу его с телом и вознести ее на небо, чтоб они оставили его в теле и дали время на покаяние, а ученикам своим, свидетельствовавшим о его совершенстве, сказал, что он не знает о себе, положил ли он начало покаяния, — столько высокое понятие имел он о покаянии! Столько

---

[297] Последование малой схимы. Требник.

[298] Алфавитный Патерик.

высокое значение давал он ему! Очевидно, что преподобный назвал здесь всю монашескую жизнь покаянием и, сказав, что не начинал еще покаяния, этим выразил смиренное мнение свое о монашеской жизни своей. Стяжавшие истинное, духовное понятие о покаянии совокупляют в нем все свои подвиги и признают потерянным для себя тот день, в который они не плакали о себе, хотя бы они в этот день совершили какие другие добрые дела[299]. Нет сомнения, что преподобный Сисой был погружен в делание покаяния и плача: между свойствами этого делания находится и то, что оно не может насытить делателя, но чем больше насыщает его, тем большее возбуждает желание к себе, доставляя боголюбезную чистоту и вместе производя жажду чистоты еще более совершенной. Очищенные плачем продолжают признавать себя нечистыми. Мы уже упомянули совет, данный преподобным Сисоем брату, просившему у него душеспасительного совета. «Если хочешь угодить Богу, — сказал великий, — исступи мира, отступи от земли, оставь тварь, приступи ко Творцу, совокупи себя Богу молитвою и плачем — и найдешь покой в этом и будущем веке». Другому брату он сказал: «Пребывай в келии твоей с трезвением, представь себя Богу со многими слезами и в сокрушении сердца — и обретешь покой». Очевидно, что святой давал братии советы из своей святой опытности. Первому он посоветовал оставить всё мирское и всё земное, то есть все пристрастия, а второму посоветовал постоянное пребывание в келии, потому что при пристрастиях и при частых праздных выходах из келии такое покаяние и молитвенный плач невозможны. Надо чтоб сердце отрешилось от всего и ничем не развлекалось: тогда только оно может восплакать пред Богом и погрузиться в плач, как в бездну, как в жизнь. Когда брат спросил Пимена Великого о том, как должно пребывать в келии

---

[299] Лествица. Слово 5, глава 33, по переводу старца Паисия.

(разумно) безмолвствующему, великий отвечал: «Подобно человеку, погрязнувшему в смрадной тине по выю (шею), с бременем на выи и вопиющему к Богу: „Помилуй меня“». В этих словах все иноческие подвиги совокуплены в плач и молитву покаяния. Другому брату, вопросившему о том, какое ему иметь делание, этот же преподобный сказал: «Когда нам придет время предстать Богу, тогда что нас озаботит?» Брат отвечал: «Грехи наши». Пимен: «Итак, взойдем в наши хижины и, уединившись в них, воспомянем (с покаянием) о грехах наших, и Господь услышит нас». Другой брат спросил того же старца, какое ему иметь делание. Старец сказал: «Когда Авраам взошел в Обетованную Землю, то купил себе гроб и с гроба начал владение ею». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Пимен отвечал: «Это — место плача и рыдания». Опять брат спросил того же святого: «Что мне делать с грехами моими?» Великий Пимен отвечал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, и желающий сохранить себя от стяжания их плачем сохраняет себя. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые сказали: плачьте, потому что другого пути (ко спасению), кроме плача, нет». «Плач сугуб, — говаривал Пимен Великий, — делает и хранит». Однажды Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях Диолка; там они увидели на гробе женщину, бьющуюся и горько плачущую. Они остановились и прислушивались к ней. Когда же несколько отошли, то повстречался им один из тамошних жителей, и спросил его авва Пимен: «Что случилось с этою женщиною? Отчего она так горько плачет?» Тот сказал ему: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал ему: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских похотений и не стяжет подобного плача, то не может быть монахом, ибо всё жительство монаха состоит в плаче». Возвестили Пимену Великому о кончине Арсения Великого, он, прослезясь, сказал: «Блажен, авва

Арсений! Ты плакал о себе в этой жизни. Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно не плакать: или произвольно здесь, или невольно там, в муках»[300].

Некоторые, не занимаясь или занимаясь очень мало душевным деланием, а упражняясь в одном телесном, не без примеси фарисейства — одно телесное делание не может обойтись без фарисейства, — нисколько не чувствуют жала совести и обличений ее в греховности, по этой причине признают такое состояние своего спокойствия достойным одобрения. В мнении своем они поддерживаются и утверждаются многими явными добрыми делами своими и похвалою человеческою. На этом основании они считают такое состояние спокойствия прямым последствием деятельности богоугодной, жизни добродетельной, безукоризненной. Спокойствие обращается по временам в безотчетную радость: они не останавливаются признавать эту радость благодатною. Горестное самообольщение! Душепагубное ослепление! Самообольщение основано здесь на самомнении, а самомнение есть повреждение душевного ока, родившееся от неправильной деятельности и рождающее еще более неправильную деятельность. Возлюбленный брат, спокойствие, которым ты уверяешься в верности пути твоего, есть не что иное, как несознание и неощущение своей греховности, происшедшее и происходящее от нерадивой жизни, а радость, которая по временам рождается в тебе по причине наружного преуспеяния и человеческих похвал, отнюдь не есть радость духовная и святая: она — плод самомнения, самодовольства и тщеславия. Такое состояние мнимого спокойствия святые отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума прежде смерти тела[301]. Нечувствие

---

[300] Изречения Сисоя и Пимена Великих заимствованы из Алфавитного Патерика.

[301] Лествица. Слово 18, заглавие.

или умерщвление души состоит в отъятии и отступлении чувств покаяния и плача от нашего духа, в отступлении спасительного болезнования, называемого сокрушением, от нашего сердца. Безболезненность сердца, или мнимое спокойствие, есть верный признак неправильности образа мыслей, неправильности подвига, самообольщения. «Какое бы высокое жительство ни проходили мы, — сказал святой Иоанн Лествичник, — но если не стяжали болезнующего сердца, то это жительство — ложно (притворно) и тщетно»[302]. Безболезненность происходит от невнимательной жизни, от безвременных выходов из келии, от безвременных бесед, шуток, смехословия, празднословия и многословия, от насыщения и пресыщения, от пристрастий, от принятия и усвоения тщеславных помыслов, от высокоумия и гордости[303]. «Если не имеешь умиления, — сказали отцы, — то знай, что имеешь тщеславие; оно-то и не попускает душе прийти в умиление»[304]. Путь к достижению умиления есть внимательная жизнь. «Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, — как говорит святой мученик Вонифатий, — страх Божий отец есть внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и тако рождаются начатки и корения покаяния»[305]. Внимательная и правильная жизнь по евангельским заповедям хотя и служит начальною причиною покаяния, но дотоле признается не осененною Божественною благодатью и бесплодною, доколе из нее не прозябнут

---

[302] Лествица. Слово 7, глава 64.

[303] Лествица. Слово 18. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6, издание Оптиной пустыни 1852 года.

[304] Художество и правило святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, глава 28. Добротолюбие, часть 2.

[305] Старец Серафим Саровский. Духовное наставление 15. Москва, издание 1844 года.

сердечное сокрушение, умиление, плач, слезы, из чего всего составляется истинное иноческое покаяние. Для подтверждения этого важнейшего опытного учения приведем свидетельства святых отцов. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Исшедший из мира с тою целию, чтоб уничтожить бремя грехов своих, да подражает сидящему при гробах вне города, и да не престанет от теплых и горячих слез и безгласных сердечных рыданий, доколе он не увидит, что к нему пришел Иисус, отвалил камень ожесточения от сердца, разрешил ум наш — этого Лазаря — от уз и повелел слугам Своим, ангелам: „Разрешите его“ от страстей „и оставите ити“ (Ин. 11, 44) к блаженному бесстрастию. Если же сего не будет, то нет никакой пользы (от исшествия из мира)»[306]. Святой Исаак Сирский: «Вопрос: В чем заключаются достоверные приметы и знамения, от которых и при посредстве ощущения которых подвижник может понять, что он начал зреть в себе, в душе своей, сокровенный плод? Ответ: Когда он сподобится благодати многих слез, проливаемых без понуждения. Слезы положены для ума как некий предел между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Доколе не примет кто этого дарования, дотоле дела подвига его еще находятся во внешнем человеке, и он еще нисколько не ощутил таинственных действий духовного человека. Когда же он начнет оставлять телесное нынешнего века и окажется переступившим предел и вошедшим во внутренность того, что таится во внутренности естества, тогда немедленно достигает этой благодати слез. Слезы сии начинаются с первой обители сокровенного жительства и возводят подвижника в совершенство любви Божией. Сколько преуспевает он в этом жительстве, столько богатеет слезами, доколе от многого пребывания в них не начнет пить их и при употреблении пищи своей и пития своего. И это есть верный

[306] Слово 1, глава 6.

признак, что ум исшел из мира сего и ощутил тот мир духовный. Насколько человек приближается к миру сему (вещественному) умом своим, настолько умаляются эти слезы. Когда же ум совершенно погрузится в сей мир, тогда совершенно лишается этих слез. Это служит признаком, что человек погребен в страстях»[307]. Святой Симеон Новый Богослов: «Прежде плача и слез никто да не прельщает нас тщетными словами, ниже мы сами да прельщаем себя: нет в нас покаяния, нет истинного раскаяния, нет страха Божия в сердцах наших; мы не зазрели себя; душа наша не пришла в соощущение будущего суда и вечных мук. Если б мы зазрели себя, это стяжали и этого достигли, то немедленно произвели бы и слезы. Без них никогда не возможет ни жестокосердие наше умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение; мы не можем быть смиренными. Не соделавшийся таким не может соединиться со Святым Духом; не соединившийся Ему не может прийти в видение и разум Божий и недостоин таинственно научаться добродетели смирения»[308]. Внимательная жизнь приводит к умилению, а умилением, в особенности когда оно начнет сопровождаться слезами, доставляется сугубое, благодатное внимание. Плач и слезы — дар Божий: и потому при внимательной жизни испрашивай этот дар прилежною молитвою. «Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам... Отец ваш Небесный даст» духовные «блага просящим у Него» (Мф. 7, 7 и 11), даст дверь и ключ ко всем духовным благам — плач и слезы. «Я, — говорит святой Иоанн Лествичник, — прихожу в удивление, рассматривая самое то качество умиления: каким образом называемые плач и печаль содержат внутри себя радость и веселие, как соты мед! Чему из этого мы научаемся? Что такое умиление есть собственно дар Божий»[309].

---

[307] Слово 21.

[308] Глава 69. Добротолюбие, часть 1.

[309] Слово 7, глава 49.

Святой Симеон Новый Богослов весьма основательно сказал, что начальная причина плача и слез есть наше произволение[310]. От нас зависит оставить рассеянность, оставить скитание по братским келиям и по знакомым вне монастыря, оставить шутки, празднословие и многословие, положить начало внимательной жизни в молитве и чтении слова Божия, при воздержании чрева от излишеств и сластей. От такой внимательной жизни непременно прозябнут умиление и плач, особливо когда прилежными молитвами мы умолим Бога о даровании нам этого спасительного дара. Получив дар, надо хранить его как бесценное сокровище. Точно! Он — бесценное духовное сокровище и богатство. Он, и будучи приобретен, легко может быть потерян, если мы предадимся рассеянности, развлечению, служению нашим пристрастиям и прихотям, человекоугодию, миролюбию, чревоугодию, пересудам, злоречию, даже многословию. Неприметным образом от состояния умиления мы можем перейти в состояние нечувствия. Так важно состояние нечувствия для невидимого врага нашего, что он всячески старается удержать нас в нем и укрепить, не возмущая ни другими страстями, ни искушениями извне, потому что самомнение и самодовольство, которыми обыкновенно сопутствуется нечувствие, самообольщение и гордость, которые обыкновенно бывают последствиями укоренившегося нечувствия, достаточны для отъятия всех духовных плодов, для погибели. Нечувствие тем страшно, что обладаемый им не понимает своего бедственного состояния: он обольщен и ослеплен самомнением и самодовольством.

«Умиление, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — есть плод делания заповедей и причина всех духовных плодов. Оно — творец и содетель всех добродетелей, о чем свидетельствует всё Боговдохновенное Писание. И потому желающий

---

[310] Слово 6, вышеприведенное.

отсечь страсти и стяжать добродетели должен, прежде всех добродетелей и со всеми добродетелями, прилежно взыскивать умиление. Без него он никогда не увидит души своей чистою; если же он не стяжет души чистой, то никак не стяжет тела чистого. Осквернённая риза не может быть вымыта без воды, и без слез невозможно душе омыться и очиститься от скверн и нечистот. Не будем представлять извинений душевредных и суетных, правильнее же — вполне ложных, служащих причиною душепогибели, но вседушно взыщем царицу добродетелей. Кто ищет ее от всей души, тот находит ее; правильнее же — она приходит и находит взыскавшего ее с болезнию и, если он имеет сердце более жесткое, чем медь, чем железо, чем камень, соделывает его своим приходом мягче всякого воска. Она есть Божественный огнь, разрушающий горы и камни, все углаждающий и претворяющий, изменяющий в вертограды (сады) те души, которые примут ее. Она соделывается в недре этих душ источником, источающим воду жизни. Вода эта непрестанно, как бы из какого водоема (бассейна), нисходит на ближние и дальние (места сада) и преисполняет души, приемлющие слово с верою. Во-первых, она измывает причастников своих от скверн; потом отмывает страсти, оттирает их, как струпы, которыми покрываются раны, и отвергает их: говорю, отвергает лукавство, зависть, тщеславие и все другие, за этими следующие. Не только делает это, но и, как некий пламень, обходящий всюду, мало-помалу истребляет их, пожигая и попаляя их ежечасно, как терния. Сперва оно возбуждает в нас желание совершенных свободы и очищения от страстей, потом желание Богом отложенных и уготованных благ любящим Его. Все же это соделывает Божественный огнь умиления при содействии слез, правильнее же слезами. Без слез, как мы сказали, ни одно из этих благ никогда не было и не будет ни в нас, ни в ком другом. Невозможно найти в Божественном Писании, чтоб кто когда из человеков без слез и всегдашнего

умиления очистился, или соделался святым, или приял Святого Духа, или узрел Бога, или ощутил Его вселившимся внутри себя, или приял Его жителем в сердце свое. Ничего этого не могло совершиться, когда не предшествовало покаяние и умиление, когда слезы, изливаясь, как из источника, и постоянно наводняя очи, не вымыли душевной храмины и самой души, орошая и прохлаждая душу, объемлемую и воспаляемую неприступным огнем. Говорящие, что невозможно проливать слез и плакать каждую ночь, каждый день, свидетельствуют о себе, что они чужды всякой добродетели. Если наши святые отцы произнесли такое определение: „Хотящий отсечь страсти плачем отсекает их, и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их", — то из сего явствует, что не плачущий ежедневно ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, хотя и думает, обманываемый самомнением, совершать их. Что пользы, скажи мне, в орудиях какого-либо художества, когда нет художника, который бы знал дать должное употребление и орудию, и веществу? Какая польза от садовника, если он возделает весь сад, насадит и насеет в нем всякого рода растений, а не прольется свыше дождь на сад и он не будет напоен водою? Конечно, никакой пользы. Так и тот, кто совершает другие добродетели и трудится в них, не получит никакой пользы без этой святой и блаженной владычицы и совершительницы всех добродетелей. Как царь без подведомственного ему войска бессилен и всеми удобно побеждается и даже не признается царем, но обыкновенным человеком, так, наоборот, многочисленное войско без царя и военачальника их удобно расстраивается и истребляется врагами. Таково и отношение между плачем и прочими добродетелями. Под подобием войска разумей собрание всех добродетелей новоначального; под подобием царя и военачальника — блаженное рыдание и плач, которыми все войско устраивается в порядок, воодушевляется, поощряется, укрепляется, научается действовать оружием сообразно времени,

обстоятельствам, врагам... Плач всем этим распоряжается; без него множество людей (прочие добродетели) удобно побеждаются. Итак, братия, прежде всех деланий и со всеми деланиями да будет для всех нас деланием покаяние, с покаянием соединенный плач и плачу сопутствующие слезы. Нет плача без покаяния; нет слез без плача: эти три друг с другом соединились и связались, и невозможно одному из них явиться без двух других»[311].

Мысленный путь покаяния и плача имеет то важное достоинство, что он безопасен от бесовского обольщения или так называемой бесовской прелести. Падший дух, чтоб обольстить подвижника, старается сперва уверить его о достоинстве или достоинствах его, что видно из примеров, помещенных в предшествовавших советах, — как же он обольстит того, кто всеусильно ищет открыть свою греховность, рыдает над тою, которая открылась ему, по причине ее возжигается к открытию еще большей, кто всё стремление свое заключает в том, чтоб увидеть в себе одно и единственное достоинство грешника, чтоб и внешнею и внутреннею деятельностью приносить Богу сознание и исповедание своей греховности. «Когда диавол, — говорит преподобный Григорий Синаит, — увидит кого-либо живущим плачевно, не пребывает при нем, отвращаясь смирения, производимого плачем»[312]. Хотя враг искушает и плачущих, но удобно познается ими и отражается. Самомнительный, признающий в себе какое-нибудь достоинство, не может отразить бесовского обольщения извне, будучи объят и окован им внутри[313].

---

[311] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6.

[312] Главы зело полезные, глава о прелести. Добротолюбие, часть 1.

[313] Преподобного Лаврентия отцы Киево-Печерского монастыря не допустили вступить в затвор, опасаясь, чтоб он не подвергся бесовской прелести, как подверглись ей преподобные Исаакий и Никита. Для затворнической жизни Лаврентий перешел в монастырь великомученика Димитрия, где «все стрелы лукавого, разжженные, водою слез погашая, благодатию Божией уязвления бесовского странен пребысть». Патерик Печерский.

Невежественные и лицемерные подвижники признают себя достигшими своей цели, когда они увидят себя святыми, когда такими признает и провозгласит их мир; они радуются входящему в них самообольщению и самомнению, не понимая, как бедственно самомнение, не понимая, что похвала человеческая служит признаком лжепророка. Признак этот необыкновенно важен: он дан Самим Богочеловеком. «Горе, — сказал Господь, — егда добре рекут вам вси человецы. По сим бо твориху лжепророком отцы их» (Лк. 6, 26). Горе, душевное горе и бедствие, вечное горе! Истинный инок радуется тогда, когда он начинает усматривать грех свой, когда он по мнению своему о себе соделается ниже и грешнее всех ближних своих, когда начнет потрясать его страх суда Божия и страх вечных мук, когда явится в нем чувство преступника и осужденника, когда при молитвах его начнут изливаться потоки слез и исторгаться из груди воздыхания и стенания, когда ум его, очищенный слезами, будет предстоять пред Богом лицом к лицу и видеть Невидимого при посредстве сильнейшего ощущения Божия присутствия. О блаженное ви́дение! При нем преступник может принести истинное раскаяние в соделанных преступлениях, умилостивить Всемилостивого обильными слезами, смиренными глаголами, обнажением своего горестного состояния, испросить у человеколюбца Бога прощение, а с ним и множество бесценных, вечных, духовных даров. Величайший успех инока — увидеть и признать себя грешником! Великий успех инока — доказывать всею своею деятельностию искреннее и действительное признание себя грешником! «Когда ум начнет зреть согрешения свои, множеством подобные песку морскому, то это служит началом просвещения души и знаком ее здравия», — сказал священномученик Петр Дамаскин[314]. Тогда ум может увидеть грехи свои, когда прикоснется к нему благодать

[314] Книга 1, глава 2. Добротолюбие, часть 3.

Божия; омраченный падением, сам собою он неспособен видеть их. Зрение грехов и греховности своей есть дар Божий. Святая Православная Церковь научает чад своих испрашивать этот дар у Бога при посте и коленопреклонениях, преимущественно в дни святой Четыредесятницы. Дар зрения грехов своих, своего падения, общения падшего человека с падшими ангелами непостижимо обиловал в великих преподобных отцах и, несмотря на множество духовных даров, ясно свидетельствовавших о их святости, возбуждал их к непрестанному покаянию и плачу, к непрестанному омовению себя слезами. Изречения, произнесенные отцами из этого состояния, непостижимы для плотских умов. Так, Пимен Великий говаривал сожительствовавшим ему братьям: «Братия! Поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня»[315]. «Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется» (Лк. 18, 14), — сказал Господь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества

Внимательно читавший сочинения святых отцов о монашестве удобно заметит, что отцы составляли свои наставления, применяясь к обстоятельствам времени и к положению тех иноков, которым они посвящали труд свой. По этой причине почти все монашеские сочинения святых отцов имеют свою особенную цель, свою односторонность. По этой причине и в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе сряду всё, что написали отцы: тем более такое приложение невозможно в наши времена, и многие попытавшиеся сделать его потрудились много, приобрели очень мало. Приведем в пример

[315] Алфавитный Патерик.

книгу святого Иоанна Лествичника. Этот угодник Божий написал свои сочинения для общежительных иноков, которых главною добродетелью должно быть послушание; по этой причине он говорит с осторожностью, кратко и как бы нехотя о безмолвии, предохраняя от безвременного и неправильного вступления в него, а о послушании говорит очень подробно, восхваляя и превознося это жительство. Так поступает святой не потому, чтоб безмолвие, при известных условиях, не было душеспасительно, но чтоб не ослабить усердия общежительных иноков, чтоб укрепить и ободрить их в подвиге послушания, который они восприяли на себя, не дать им повода к двоедушию, к стремлению вступить в жительство, для которого они еще не созрели, ко впадению в самообольщение и бесовскую прелесть, столь близкую к юным и не юным самочинникам и самомнителям. Очевидно, что иноку, проводящему жительство вне общежития, от чтения святой «Лествицы» должно прийти смущение и последовать расстройство: ему непременно представится, что вне общежития и послушания нет монашеского преуспеяния. Такое действие этой боговдохновенной книги доказано опытом: преподобный Антоний Новый, живший отшельником в глубокой пустыне, прочитал «Лествицу»: вследствие этого чтения он оставил пустыню и вступил в общежительный монастырь[316]. Не всякому возможно переменить свое наружное положение! Что ж из этого? Инок, оставаясь по необходимости в своем положении и потеряв доверенность к положению, как неудобному для спасения, впадает в уныние, охладевает к монашескому подвигу и начинает проводить жизнь нерадивую. В наше время, когда мы отделены многими веками от обычаев и положения, в недре которых жительствовали и произнесли свое учение отцы, применение учения их к современному положению иночества в нашем

[316] Алфавитный Патерик, буква «А».

отечестве представилось особенно нужным и обещающим принести пользу. Такова была цель при изложении предложенных здесь советов. Уповаем, что они могут служить руководством для иноков нашего времени, по тому положению, которое им предоставлено Промыслом Божиим. Уповаем, что убогий труд наш может быть с пользою приложен и в общежительном, и в штатном монастырях, и к жизни инока на подвории или при часовне, и к жизни инока, странствующего на корабле по требованию и обычаю государственному, и к жизни инока, находящегося в долговременном послушании посреди мира, и к жизни инока, постриженного в монашество при духовном училище, занимающего при нем какую-либо ученую или административную должность, — даже к жизни мирянина, который захотел бы среди мира с особенным тщанием заняться своим спасением. Исполнение евангельских заповедей всегда составляло и ныне составляет сущность иноческого делания и жительства. Всякое место и положение представляют много удобств для этого делания и подвига. Братия! Примите приношение духовное и не осудите за скудость его. Скудость приношения свидетельствует о скудости имущества. Вашею верою и усердием восполните эту скудость, а молитвами и благословением вознаградите потрудившегося для своего и вашего спасения.

Богатый Домовладыка дал роскошный обед Своим многочисленным друзьям и знакомым и множеству тех, которых захотел пригласить к обеду, — тем включить их в число друзей и знакомых Своих. Безмерное количество духовных яств невообразимого и недомыслимого достоинства предстояло на духовной трапезе. По окончании ее гости щедро одарены духовными дарами. Когда приглашенные почетные лица вышли, Домовладыка заглянул за врата чертога и увидел[317] у этих врат толпу голодных

[317] Образ изложения заимствован из евангельской притчи, Мф. 22, 10.

нищих, которые были бы рады пользоваться крохами, оставшимися после чудной трапезы. Многомилостивый Владыка приказал слугам остановиться, не убирать стола. Он пригласил нищих, несмотря на то что нищие были в грязи и рубищах, не соответствовавших великолепию чертога, предложил им остатки яств. Робко и в недоумении взошли нищие в обширную залу, приступили к столу, встали около него как случилось, каждый взял и употребил то, что попало ему. Они подобрали все крохи. Разумеется, никто из них не вкусил ни одного цельного блюда, не видел ни стройного служения прислуги, ни той драгоценной посуды и утвари, которые были употреблены при столе, не слышал огромного хора певчих и громкого хора музыки, звуки которых оглашали вселенную и возносились до неба. По этой причине никто из нищих, хотя между ними и были люди с природным умом, не мог составить себе ясного, точного понятия об обеде. Удовлетворившись крохами для насыщения, они должны были удовольствоваться понятием гадательным и приблизительным о блистательной и насладительной трапезе, которою воспользовались почетные гости. Очистив со стола всё съестное, нищие пали ниц пред Домовладыкою, благодаря за пищу, которой они до сих пор не едали и не видали. Он сказал им: «Братия! При распоряжении Моем об обеде, Я не имел в виду вас[318], поэтому Я не представил вам обеда в должном виде и не даю вам подарков, которые все разошлись по прежде сделанному расчету, постижимому для Меня одного». Нищие воскликнули в один голос: «Владыка! До подарков ли нам! До пышного ли обеда! Несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!» Нищие разошлись, продолжая благодарить и благословлять милосердого Домохозяина. Тогда Он, обратясь

---

[318] Образ изложения заимствован из евангельской притчи, Мф. 22, 10.

к слугам, сказал: «Теперь уберите стол и заключите мой чертог. Уже гостей не будет, и что можно было предложить в пищу, предложено. Всё кончено!» (Лк. 13, 25).

«О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? Или кто советник Ему бысть? Или кто прежде даде Ему, и воздастся ему? Яко из Того и Тем и в Нем всяческая. Тому слава во веки. Аминь» (Рим. 11, 33–36).

Окончено 20 апреля 1861 года. Ставрополь Кавказский

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СВЯТЫХ ОТЦАХ, ТВОРЕНИЯ КОТОРЫХ ВОШЛИ В НАСТОЯЩИЙ СБОРНИК

Преподобный Нил Сорский (1433–1508)

Считается основателем скитского жития на Руси. До него в Русской Церкви существовало два вида иночества: общежительный и отшельнический, преподобный Нил положил начало третьему — скитскому. Преподобный Нил (в миру Николай Майков) происходил из дворянского рода Майковых, родился в Москве. Свою иноческую жизнь начал в Кирилло-Белоезерской обители, где пользовался советами мудрого и строгого старца Паисия (Ярославова), впоследствии игумена Троице-Сергиева монастыря (ныне Троице-Сергиева Лавра). Через некоторое время преподобный Нил вместе с учеником своим, монахом Иннокентием, совершил паломничество на Восток. Несколько лет провели они на Афонской Горе и в константинопольских монастырях, постигая все виды монашеского подвижничества, в особенности неизвестный им вид скитского жития. Преподобный Нил тщательно изучал наставления афонских старцев относительно умного делания, к которому еще в Кирилло-Белоезерском монастыре имел влечение. Вернувшись на Русь в Белоезерский монастырь, преподобный Нил не остался жить в нем, так как полюбил уединение. Поселился он в пятнадцати верстах от монастыря, на берегу реки Соры, и основал там пустынножительную обитель по скитским правилам, поэтому и почитается первым начальником скитского монашеского жития в России.

В составленном Нилом Сорским «Уставе» описана как внешняя сторона скитской жизни, так и внутренняя. Труд и подвиг скитского жития состоит преимущественно во внутреннем подвижничестве, строгом наблюдении над состоянием души, в умном делании. Иночество, по мнению Нила, должно быть не телесным, а духовным; оно требует не внешнего умерщвления плоти, а внутреннего духовного самосовершенствования. Почва монашеских подвигов — не плоть, а мысль и сердце. Главным деланием монахов должна быть молитва, а также борьба со страстями и помыслами, которые необходимо открывать старцу. Духовная польза от такой исповеди настолько велика, что откровения помыслов не следует оставлять даже опытным монахам. Преподобный Нил при скитском образе жизни исключал возможность земледелия, так как оно по сложности своей неприлично отшельнику, для которого главным должна быть внутренняя молитва, непрестанно совершаемая умом в сердце. Нил Сорский раскрывает в своем «Уставе» учение святых отцов о хранении ума и сердца, об очищении внутреннего мира человека.

Несмотря на любовь к уединенной жизни, Нил Сорский принял участие в обсуждении Церковью двух важнейших вопросов того времени: об отношении к ереси жидовствующих (на Соборе 1490 года) и о монастырском землевладении (на Соборе 1503 года). В деле о еретиках Нил Сорский и его учитель Паисий (Ярославов) не согласились с большинством русских иерархов (архиепископ Геннадий Новгородский, игумен Иосиф Волоцкий), выступавших за сожжение еретиков. Преподобный Нил настоял на более милосердном отношении к еретикам. На Соборе 1503 года Нил Сорский предложил, во исполнение обета нестяжания, освободить монастыри от управления вотчинами, что вызвало в Русской Церкви ожесточенные споры. Преподобный Нил считается основателем движения «нестяжателей». Нил Сорский известен не только как основоположник скитского жития

и преуспевший подвижник, но и как духовный писатель. Помимо «Устава» к литературным трудам Нила Сорского принадлежат: «Предание старца Нила Пустынника своим ученикам», послания, краткие отрывочные заметки, покаянная молитва и предсмертное «Завещание». В этих произведениях он развивает учение святых отцов о внутреннем трезвении, говорит о борьбе с помыслами, о терпеливом перенесении скорбей. В посланиях преподобный Нил рассказывает о своей жизни, предлагает различные духовные наставления, заповедует памятовать о смерти и дает советы о том, как бороться с греховными помыслами. Преподобный Нил отошел ко Господу 7 мая 1508 года, в возрасте семидесяти пяти лет.

Преподобный Василий Поляномерульский (1692–1767)

Иеросхимонах, основатель Поляномерульского скита в Молдавии, в котором процветало умное делание. Преподобный Василий родился в России, свою монашескую жизнь начал в Мошенских горах, недалеко от Киева. В 20-х годах XVIII века, когда для монашества в результате государственной политики секуляризации церковных земель наступили трудные времена, покинул Россию. На протяжении XVIII века многие русские и украинские иноки переселились в княжества Молдо-Влахии и были здесь благосклонно приняты гражданскими и церковными властями. Вместе с несколькими монахами преподобный Василий поселился в пустыни Валя-Шкьопулуй, потом перешел в Дэлхэуцкий скит, где был рукоположен в иерея. Поскольку инок обладал даром духовного наставничества и был богословски образован, вокруг него постепенно собралась монашеская община. Около 1730 года из-за увеличения числа братии Василий ушел из Дэлхэуцкого скита с двенадцатью иноками, подыскав себе уединенное место

у истоков речки Бузэу, вблизи изгиба Карпат. С согласия братии Рымникского монастыря, которая являлась владельцем тех земель, и с позволения господаря Валахии преподобный Василий начал строительство Поляномерульского скита с деревянным храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы (строительство завершено в 1733 году). Василий Поляномерульский, возглавивший братство, установил в скиту общежительные правила святителя Василия Великого, богослужение по афонскому уставу, старческое руководство и умное делание. Впоследствии Поляномерульский скит стал одним из самых значительных духовных центров Молдо-Влахии, под духовным руководством старца Василия находилось одиннадцать скитов и пустыней. В 1743 году в Валахию с Украины пришел рясофорный монах Платон (будущий преподобный Паисий Величковский), который прожил в братстве более трех лет и оставил свидетельства о подвижнической жизни учеников старца Василия.

Свои аскетические воззрения Василий Поляномерульский изложил в предисловиях к творениям преподобных Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Иерусалимского и Нила Сорского. Предисловия преподобного Василия представляют собой поучения об умной молитве. Старец, в частности, указывал на неправильность мнения тех, кто думает, будто бы умное делание прилично только подвижникам, достигшим бесстрастия и святости. У Священного Синода Румынии возникли сомнения по поводу каноничности поучений преподобного. В 1749 году он был вызван в Бухарест, где с ним беседовали Патриархи Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский, находившиеся тогда в Валахии. На все вопросы высокого собрания преподобный Василий дал исчерпывающие ответы на основе Священного Писания и святоотеческих творений. Его поучения о посте и умной молитве были рекомендованы как душеполезное чтение для монахов.

В 1750 году старец Василий прибыл на Афон изучать типиконы афонских монастырей, там он посетил преподобного Паисия, которого по его просьбе постриг в мантию. В 1764 году преподобный Василий разделил Поляномерульское братство на две части, так как братья румынского происхождения, которых в скиту стало большинство, просили старца, чтобы богослужение совершалось также и на их языке. Считая эту просьбу справедливой, старец Василий предложил румынским инокам остаться в скиту, а сам намеревался с учениками-славянами перейти в другое место. Однако румынские иноки решили уйти сами, признавая за преподобным Василием право остаться в основанной им обители. В Поляномерульском скиту активно действовал скрипторий (мастерская рукописной книги), благодаря чему в XVIII–XIX веках сочинения старца получили распространение во многих монастырях Румынии и России. Поучения Василия Поляномерульского оказали значительное влияние на русское и румынское монашество. Святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник признавали преподобного Василия, наряду с преподобным Паисием Величковским, писателем, авторитетным в вопросах аскетического делания, тонким изъяснителем умной молитвы. Святители рекомендовали чтение трудов старца всем, кто желал успешно заниматься Иисусовой молитвой. Скончался преподобный Василий в 1767 году. 5 октября 2003 года он был канонизирован решением Священного Синода Румынской Церкви.

Преподобный Паисий Величковский (1722–1794)

Настоятель нескольких молдавских монастырей, считается возродителем старчества и практики умного делания в России. Приобрел широкую известность благодаря своим переводам на церковнославянский язык греческих отцов Церкви (Иоанна Лествичника,

Феодора Студита, Никиты Стифата, Григория Паламы и многих других). Преподобный Паисий (в миру Петр Иванович Величковский) родился в городе Полтаве 21 декабря 1722 года в семье протоиерея. В семнадцать лет Петр поступил в Любечский монастырь (у местечка Любеча над Днепром), основанный преподобным Антонием Печерским, затем перешел в Николо-Медведовский монастырь, в котором в 1714 году был пострижен в рясофор с именем Платон. Из-за гонений на Православие от униатов, когда иноков принуждали принять унию, Платон покинул монастырь и направился в Валахию. Путь его странствования пролегал через кельи и пещеры пустынников Матроненского монастыря, скитов Кодрица, Долгоуцы и Трейстены, которые были окормляемы старцем Василием Поляномерульским (Мерлополянским). Поселился Платон в Трейстенском скиту, где пользовался советами и наставлениями старца Василия. Вскоре Платон перешел в скит Кырнул, более строгий горный скит во имя святого Архистратига Михаила, и там предался безмолвной жизни. Три года Платон пробыл в Валахии, научившись за это время под руководством опытных наставников послушанию и смирению, умной молитве, а также постоянному вниманию к себе и напряженной духовной борьбе. В 1746 году Платон с благословения старцев отправился на Афон, где долго искал себе опытного духовного руководителя, но так и не нашел. Три с половиной года инок Платон подвизался в безмолвии. В это время Афон посетил старец Василий Поляномерульский. Он постриг пустынника в мантию с именем Паисий. Вскоре вокруг Паисия образовался скит, в котором одним из послушаний было собирание аскетических книг и их переписка. В 1758 году Паисий в возрасте тридцати шести лет был рукоположен в священнический сан. На Афоне старец Паисий пробыл семнадцать лет и возвратился в Молдавию. В Молдавии нашелся пустовавший Драгомирнский монастырь, в котором с позволения господаря Григория и по благословению митрополита Ясского Гавриила и поселился отец Паисий с братией. За три года

число Драгомирнской братии утроилось. Устроитель братства отец Паисий написал и ввел в этом монастыре устав по чину святых Василия Великого, Феодосия Великого, Феодора Студита. Основными требованиями этого устава были: нестяжательность, отсечение своей воли, послушание, умная молитва, чтение книг, непрестанное рукоделие и внешнее благочиние, а также содержание образцовой больницы, странноприимницы, занятие церковными художествами и тому подобное. В монастыре старцем было организовано специальное послушание, которое состояло в переводе с греческого языка на церковнославянский творений святых отцов. После перехода территории монастыря к католической Австрии, отец Паисий переселился с братией в Секульский монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи, а потом с частью братии — в Нямецкий монастырь. Житие в Нямце было устроено отцом Паисием по образу Драгомирны и Секула: общежитие, умная молитва, переписка и чтение святоотеческих книг, ежедневное (утром и вечером) исповедание помыслов духовникам. В 1790 году отец Паисий был возведен в сан архимандрита.

Переводы святоотеческих творений с греческого на церковнославянский язык, выполненные старцем Паисием, долго были единственными в русской духовной литературе и читались повсюду. Им переведены: Добротолюбие, сочинения преподобных Иоанна Лествичника, Феодора Студита, Марка Подвижника, Нила Синайского, «Восторгнутые класы» (сборник творений святых отцов) и многое другое. Преподобный Паисий является возродителем на Руси школы старчества, которая на протяжении всего XIX века и позднее приносила свои благодатные плоды на ниве спасения чад церковных в Глинской, Оптиной пустынях и других монастырях Русской Церкви. Преподобный Паисий скончался 15 ноября 1794 года, в возрасте семидесяти двух лет. Погребен в Нямецком монастыре, в соборном храме Вознесения Господня у южной стены. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1988 году.

Преподобный Серафим Саровский (1754 или 1759–1833)

Один из самых почитаемых в России святых, ревностный подвижник, благодатный старец, чудотворец. Преподобный Серафим (в миру Прохор Исидорович Мошнин) родился 19 июля 1754 года (по некоторым источникам, 1859) в городе Курске в благочестивой купеческой семье Исидора и Агафии Мошниных. Прохор рано обучился грамоте, с детства полюбил чтение Священного Писания и житий святых, посещение церковных служб, молитву. В 1778 году он поступил послушником в Саровскую пустынь. Прошел многие послушания: был келейником старца, трудился в хлебне, просфорне, столярне, исполнял обязанности пономаря. В 1786 году Прохор был пострижен в мантию с именем Серафим. В том же году, в октябре, Серафим был рукоположен в иеродиакона, а 2 сентября 1793 года — в иеромонаха. В ноябре 1794 по благословению настоятеля монастыря Исаии (Зубкова) отец Серафим поселился для пустынножительства в лесу, на берегу реки Саровки, в пяти-шести верстах от монастыря. Это была «дальняя пустынька», где преподобный подвизался в строгом посте, безмолвии, телесном труде и непрестанной молитве. После пятнадцати лет пребывания в пустыне преподобный по требованию нового настоятеля Нифонта покинул пустыньку, 8 мая 1810 года пришел в монастырь, причастился Святых Христовых Таин и сразу же ушел в полный затвор в свою келью на пять лет, а затем несколько ослабил его. 25 ноября 1825 года, в день святых Климента и Петра Александрийских, Богоматерь в видении разрешила преподобному Серафиму оставить затвор. После выхода из него отец Серафим проводил свои дни в деревянной келье в двух верстах от монастыря (так называемой ближней пустыньке). Итогом долголетнего подвижничества отца Серафима стал подвиг старчества. К отцу Серафиму, обладавшему такими дарами, как прозорливость, духовное рассуждение, благодатные исцеления,

стало приходить множество людей, и всех он принимал с лаской и любовью. Целью прозорливого старца было пробуждение голоса совести у приходивших, их раскаяние в грехах, сердечное сокрушение. Сам проводя жизнь в особых иноческих подвигах, он советовал другим идти «царским», то есть срединным, путем и не брать на себя чрезмерно трудных деланий. Он являл людям плод опытного, а не книжного духовного познания. Старец учил, что цель христианской жизни — стяжание Духа Святого через исполнение заповедей и молитву, особенно молитву Иисусову. Путь непрестанной молитвы и чтения слова Божия должен возводить человека к добродетелям. Приобщаясь Святых Христовых Таин каждое воскресение и каждый праздник неопустительно, преподобный Серафим на вопрос, как часто следует приступать к причастию, отвечал: «Чем чаще, тем лучше». Преподобный Серафим отказался от настоятельства в двух монастырях, но в то же время принимал отеческое участие в устройстве женского Дивеевского монастыря, в пятнадцати верстах от Сарова. В 1825 году по указанию Божией Матери была создана в Дивееве отдельная девичья община, для которой отец Серафим стал не только духовным наставником, но и устроителем. Отец Серафим, несмотря на то что в эти годы никуда не отлучался из своей пустыньки, управлял общиной через своих духовных чад, посылая туда благотворителей и новых сестер, снабжая общину средствами. Он был подлинным отцом для сестер, обращавшихся к нему во всех своих духовных и житейских затруднениях. Святой Серафим не раз сподоблялся чудесных видений и особых проявлений милости Божией, подкреплявших его в подвигах любви. Святой старец по праву может быть назван учеником Божией Матери, Которая двенадцать раз в течение его жизни являлась ему, трижды исцеляла от смертельных болезней. Известны тридцать поучений отца Серафима, основанных на слове Божием, святоотеческих творениях и житиях святых, а также беседа с Н. А. Мотовиловым

о цели христианской жизни. Преподобный Серафим отошел ко Господу 1 января 1833 года. Причислен к лику святых 29 января 1903 года.

Преподобный Василиск Сибирский (ок. 1740–1824)

Монах-пустынник, благодатный делатель Иисусовой молитвы. Преподобный Василиск (в миру Василий Гаврилович Гаврилов) родился в середине XVIII века в семье крестьянина деревни Иванищи, Калязинского уезда, Тверской губернии. Отрок Василий с детства познал труд и нужду: просил милостыню, затем некоторое время был пастушком. С малых лет его отличала простота сердца, любовь к Богу и смиренный нрав. По настоянию отца Василий вступил в брак, но вскоре уговорил жену хранить жизнь чистую, по обоюдному согласию с женой оставил семью и начал вести монашеский образ жизни, сначала в миру, а затем в различных монастырях. В ранний период подвижнической жизни Василий в течение нескольких лет странствовал по российским монастырям, встречался со многими подвижниками благочестия, среди которых были и ученики преподобного Паисия Величковского. Один из них — отец Клеопа, который долгое время жил со старцем Паисием, затем ушел в Россию и стал настоятелем Островской Введенской пустыни Владимирской епархии. Именно отец Клеопа благословил Василия на безмолвное пустынное житие. Некоторое время Василий пребывал с двумя пустынножителями в чувашских селениях, а затем, опасаясь жить по своей воле, ушел в Брянские леса. Здесь Василий нашел себе духовного отца, старца Адриана (Блинского), и был им пострижен в монашество с именем Василиск. Здесь же он впервые встретил своего будущего сотаинника и преданнейшего ученика — отца Зосиму Верховского, который в то время носил еще мирское имя

Захарий. По прошествии трех лет отец Адриан призвал своего постриженника, отца Василиска, к себе в Коневский монастырь. Выстроив кельи на некотором расстоянии от монастыря, отец Василиск и отец Зосима подвизались в безмолвии в течение десяти лет. Отец Зосима открыл старцу Василиску святоотеческое учение о непрестанной Иисусовой молитве. Это учение, по горячей ревности и простоте смиренного старца, столь ему усвоилось, что в короткое время он достиг большого преуспеяния. Преподобный Василиск получил дар непрестанной молитвы и сподобился столь чрезвычайных Божественных откровений, что друг его Зосима составил особое повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска. Такое исключительное действие молитвы было даровано отцу Василиску не случайно. Имея от природы кроткий и мягкий нрав, он, приняв монашество, еще более преуспел в смирении и беззлобии. Молитвенное преуспеяние старца Василиска было отмечено уже некоторыми его современниками. Например, святитель Игнатий Брянчанинов в своем «Слове о смерти» пишет, что в его столетие ему известны только двое подвижников, которые сподобились зреть душу свою исшедшею из тела во время молитвы, и один из них — сибирский пустынник, монах Василиск.

Через десять лет старец Адриан перешел на жительство в московский Симонов монастырь, а своих духовных чад, Василиска и Зосиму, благословил удалиться в места более пустынные и посоветовал им идти в Сибирь. Поселившись в пятидесяти верстах от города Кузнецка, они прожили здесь в безмолвии двадцать четыре года. Затем под их руководством в 1822 году в городе Туринске был устроен женский монастырь, в котором старец Василиск и скончался в 1824 году. Время своего отшествия он предсказал с точностью, накануне исповедался и приобщился Святых Христовых Таин. За семь суток, протекших до его погребения, тело почившего не только не подверглось тлению, но стало еще благовиднее,

чем при кончине, было мягким, как у спящего. Святой старец был погребен близ алтаря монастырского собора. В 1913 году жители Туринска возвели над могилой часовню во имя мученика Василиска. В советское время храм и часовня были уничтожены, на их месте построены гаражи. В 2000 году во время демонтажа гаражей обретены святые мощи старца Василиска, которые ныне почивают в Ново-Тихвинском женском монастыре, в городе Екатеринбурге. В 2004 году Архиерейским Собором принято решение об общецерковном прославлении преподобного Василиска Сибирского.

Преподобный Зосима Верховский (1768–1833)

Русский исихаст, духоносный старец, основатель двух женских монастырей, духовный писатель. Преподобный Зосима (в миру Захарий Васильевич Верховский) родился 24 марта 1768 года в знатной дворянской семье смоленского вице-губернатора Василия Даниловича Верховского. В пятнадцатилетнем возрасте он был отправлен на военную службу и определен в гвардию. В 1786 году после смерти родителей Захарий отдал большое имение сестре, оставил военную карьеру и удалился в Рославльские леса, где встретился со старцем Василиском, направившим его в Коневский монастырь к старцу Адриану (Блинскому). Строгость устава стала хорошей школой иноческой жизни для начинающего подвижника. Ревностно и смиренно исполняя все послушания, Захарий приобрел любовь братии, он был пострижен в монашество старцем Адрианом с именем Зосима. В Коневском общежительном монастыре Зосима приобрел навык к послушанию, чистосердечному откровению помыслов старцу, ведению мысленной брани, смирению, а от опытного иеромонаха узнал о делании молитвы Иисусовой. По прошествии трех лет с благословения наставника Зосима приступил к отшельнической жизни. В 1789

году он вместе со старцем Василиском удалился в пустынный скит, неподалеку от Коневского монастыря. Вскоре, однако, богоугодная жизнь отшельников стала известной в округе, и к ним стали приходить люди за советом, наставлением и утешением. В поисках уединения Василиск и Зосима с благословения старца Адриана отправились в далекую Сибирь, где поселились в пятидесяти верстах от города Кузнецка и в суровых условиях прожили более двадцати лет. Но и сюда вскоре устремились люди за словом истины. Сподвижничество старцев Василиска и Зосимы продолжалось более тридцати лет, вплоть до кончины старца Василиска в 1824 году. Оставаясь на стезе смиренного ученичества, преподобный Зосима в то же время был и учителем старца Василиска: именно от него преподобный Василиск узнал об умной молитве Иисусовой, в которой достиг вскоре высокого преуспеяния. Будучи свидетелем благодатных действий, которых сподобился старец Василиск во время молитвы, отец Зосима оставил записи о них: «Повествование ученика Зосимы о старце Василиске».

В 1820 году несколько женщин с благословения старцев устроили в деревне Сидоровке, находившейся почти в пятидесяти километрах от келий подвижников, монашеское общежитие, которое в 1822 году было перенесено в окрестности города Туринска. Занимаясь внешним благоустройством обители, отец Зосима главное внимание уделял устроению духовной жизни сестринства, в ее основу было положено старческое окормление и умное делание. Через некоторое время из-за клеветы и последовавшего за ней смятения в обители отец Зосима покинул Туринский монастырь и прибыл в Москву. Митрополит Филарет (Дроздов) предоставил отцу Зосиме келью в Чудовом монастыре, а по прибытии из Туринска преданных старцу сестер благословил открытие новой обители в пределах Московской епархии, в Верейском уезде. В 1826 году на земле, пожертвованной благочестивой москвичкой М. С. Бехметьевой, отец

Зосима основал обитель, получившую позднее название Троице-Одигитриевой Зосимовой пустыни.

Старец Зосима известен и как духовный писатель. Ему принадлежат несколько произведений о жизни старца Василиска Сибирского, подвигах молодого подвижника Петра Мичурина, разнообразные поучения, наиболее значимым из которых является «Поучение о послушании», сохранились его письма к разным лицам. 24 октября 1833 года старец Зосима скончался, незадолго до этого приняв схиму. В 2000 году он был прославлен как местночтимый святой Московской епархии, а в 2004 году Архиерейским Собором принято решение об общецерковном прославлении преподобных старцев Василиска Сибирского и Зосимы Верховского.

Игумен Филарет Глинский (1777–1841)

Вошел в церковную историю как настоятель и возобновитель Глинской пустыни, которая за двадцать четыре года его управления превратилась в цветущую благоустроенную обитель. Филарет Глинский (в миру Фома Данилевский) родился на Западной Украине в семье благочестивого казака. Научившись грамоте, Фома начал помогать причетникам своего храма в чтении и пении, быстро и хорошо освоил Церковный Устав. Три года Фома прожил в Киево-Печерской Лавре при старце Трифиллии. Старец требовал от Фомы бескорыстного усердия в служении людям, любви к порядку и опрятности во всем. Отец Трифиллий стал для Фомы первым духовным наставником, первым старцем. Вскоре Киево-Печерская Лавра начала казаться Фоме слишком шумной и многолюдной, не позволявшей сосредоточиться в молитвенном самоуглублении. В 1802 году Фома Данилевский перешел в Софрониеву пустынь, где подвизался под руководством старца Феодосия (в миру Феодора Маслова),

воспитанника старца Василия Поляномерульского и друга преподобного Паисия Величковского. В этом же году Фома был пострижен в мантию с именем Филарет, а 8 февраля 1803 года посвящен в иеродиакона. В 1806 году иеродиакон Филарет, по представлению строителя монастыря Исихия, за безупречную нравственность, ревность и усердие в послушании был рукоположен в иеромонаха и назначен благочинным монастыря. После пятнадцати лет усиленных подвигов в Софрониевой пустыни отец Филарет 11 мая 1817 года был назначен на должность настоятеля Глинской пустыни.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь находилась в печальном состоянии запустения и разрухи. Отец Филарет сумел привести обитель в цветущее состояние, благоустроив как внешнюю ее жизнь, так и внутреннюю, введя старчество и умное делание. Глинская пустынь была единственной обителью, в которой устав предписывал всех поступавших в обитель поручать искусному старцу для духовного руководства. В деле старческого руководства отец Филарет особенное значение придавал ежедневному откровению помыслов, поскольку это делание является главным средством искоренения страстей, а также тому, чтобы прививать иночествующим истинное послушание через отсечение своей воли. Благодаря этому в Глинской пустыни был воспитан целый сонм выдающихся подвижников. Игумен Филарет совмещал в себе два разнородных таланта: талант администратора, умело справлявшегося со всеми хозяйственными делами большой обители, и талант духовного наставника. Заложив прочное духовное основание обители, отец Филарет начал и материальное ее восстановление. В течение 1821–1825 годов отцу Филарету пришлось совершить четыре поездки в Петербург, в это время он встречался с императорами Александром I и Николаем I, которые содействовали благоустройству Глинской пустыни.

В Петербурге отец Филарет неоднократно выступал среди русского образованного общества в защиту святоотеческого учения о духовной жизни, богообщении и молитве Иисусовой. Во время этих поездок отцу Филарету приходилось вступать в открытые дискуссии об истинной и ложной умной молитве с еретичествующими мистиками, а также вести полемику о монашестве. В этих спорах он одержал победу, благодаря чему последовало правительственное запрещение открывать тайные общества и масонские ложи. В 1839 году отец Филарет был возведен в сан игумена. Удивительно, что награждению известного всем настоятеля предшествовал такой длительный срок. Объяснить это можно только смирением отца Филарета, не искавшего чинов и наград. Он сам подавал пример ревности к благочестию, молитве, бдению, посту и труду. Отличался знанием святоотеческих писаний, обладал даром прозрения и непрестанной умносердечной молитвы, неоднократно сподоблялся благодатных видений. Для возобновленной обители отец Филарет составил несколько книг, переписанных или написанных им лично. Среди них — обширное поучение новопостриженному монаху. Им же написаны: поучение «До и после пострига», наставление «О должности духовника, служащего инокиням», записки об истории Глинской пустыни, нотные книги церковного пения и многочисленные уставы для других монастырей. Скончался игумен Филарет 31 марта 1841 года, в возрасте шестидесяти четырех лет.

Святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Епископ Кавказский и Черноморский, православный аскет и подвижник, духовный наставник, автор многочисленных творений. Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском,

Грязовецкого уезда, Вологодской губернии. Отец его принадлежал к старинной дворянской фамилии, родоначальником которой был боярин Михаил Бренко, оруженосец святого благоверного князя Димитрия Донского. Юный Димитрий был очень способен к обучению, поэтому получил прекрасное домашнее образование, рано полюбил чтение духовной литературы, имел склонность к уединенной сосредоточенной молитве, в которой находил отраду и утешение. В пятнадцать лет, по настоянию отца, Димитрий Брянчанинов блестяще сдал вступительные экзамены в Военное инженерное училище и при значительном конкурсе первым был зачислен сразу же во второй класс. Димитрий окончил училище в 1826 году в чине поручика. Перед юношей открывалась блестящая светская карьера, но он подал прошение об отставке, желая принять монашество. Прошение не было удовлетворено, и Дмитрий Александрович направился на службу в Динабургскую крепость, где вскоре тяжело заболел и был освобожден от прохождения службы. По выздоровлении, в 1827 году, он поступил послушником в Александро-Свирский монастырь. Затем перешел вместе со своим старцем иеромонахом Леонидом (Наголкиным) в Площанскую пустынь, а через некоторое время — в Оптину, однако вскоре по состоянию здоровья вынужден был уйти в Кирилло-Новоезерский монастырь, расположенный в Белозерском районе, на острове Огненном. Строгий устав обители был по душе послушнику Димитрию, но суровый, сырой климат местности отрицательно повлиял на его здоровье. Он заболел лихорадкой и для лечения был вынужден вернуться в Вологду и остановиться у своих родственников. Несколько окрепнув, он с благословения Вологодского епископа жил в Семигородской пустыни, а затем — в более уединенном Дионисиево-Глушицком монастыре. 28 июня 1831 года епископ Вологодский Стефан совершил постриг Димитрия в монашество с именем Игнатий. 4 июля 1831 года его рукоположили в иеродиакона, а 25 июля

этого же года — в иеромонаха. Вскоре он стал настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря. За короткое время отец Игнатий возродил эту обитель. 28 января 1833 года иеромонах Игнатий был возведен в сан игумена. В 1833 году ему было поручено управление пришедшей в запустение Троице-Сергиевой пустынью под Петербургом, с возведением его в сан архимандрита. Отцу Игнатию пришлось перестраивать в обители всё: храмы, корпуса, заводить сельское хозяйство. Он упорядочил богослужение в обители, собрал превосходный хор. Архимандрит Игнатий одновременно исполнял почти несовместимые должности: он был для братии обители прекрасным настоятелем, администратором и в то же время благостным старцем-духовником. В двадцать семь лет он уже имел дар принимать откровение помыслов и руководить духовной жизнью других людей. По собственному признанию отца Игнатия, служение живым словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. В Сергиевой пустыни он, несмотря на крайнюю занятость, написал и большинство своих произведений. С 1838 года архимандрит Игнатий был назначен благочинным всех монастырей Петербургской епархии и мог теперь оказывать благотворное влияние на монашествующих в них. Например, при его содействии в Валаамский монастырь был назначен настоятелем опытный в духовной жизни игумен Дамаскин, что привело к расцвету духовной жизни на Валааме.

В 1847 году архимандрит Игнатий, изнуренный болезнями, подал прошение об увольнении его на покой, но вместо этого получил длительный отпуск и поехал лечиться в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, в котором пробыл одиннадцать месяцев, а затем снова вернулся к своим многотрудным обязанностям. 27 октября 1857 года в столичном Казанском соборе архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского, а 4 января 1858 года он прибыл

в Ставрополь. В то время Кавказская епархия, недавно открытая, была весьма неустроенна. За четыре года управления епископ Игнатий посетил многие приходы своей обширной епархии, привел в порядок систему епархиального управления, содействовал улучшению положения местного духовенства, создал прекрасный архиерейский хор, построил архиерейский дом, благоустроил Духовную семинарию и внимательно следил за ее внутренней жизнью. Кроме того, он неустанно проповедовал. Но тяжкая болезнь не оставляла епископа Игнатия и на Кавказе, поэтому летом 1861 года он подал прошение уволить его на покой. В 1861 году прошение удовлетворили, и он вместе с несколькими преданными учениками переехал в Николо-Бабаевский монастырь. Здесь епископ Игнатий вел уединенную молитвенную жизнь, написал многие известные сочинения («Приношение современному монашеству», «Отечник» и другие), продолжал переписку с духовными чадами. В своих произведениях святитель Игнатий изложил учение святых отцов о христианской жизни применительно к современным условиям. В этом — важная особенность и достоинство его творений. Святитель Игнатий скончался 30 апреля 1867 года. В 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

Содержание

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ ИЕРЕЮ ДИМИТРИЮ* 3

ПИСЬМО ВТОРОЕ ИЕРЕЮ ДИМИТРИЮ* 21

ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ В МОНАШЕСКИЙ ЧИН*

Как должны иноки всегда воевать против трех врагов 24

Часть первая. О ежедневной брани и о том, как иноки должны ополчаться против этих трех врагов и побеждать их 25

Часть вторая. О начале иноческом и о том, что значит быть иноком 29

УСТАВ* 34

О принятии братьев в иночество, о больнице, о странноприимнице, о ремеслах 47

ПИСЬМО ОТЦАМ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКОЙ ОБИТЕЛИ* 55

ПИСЬМО НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ АРЗАМАССКОЙ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ОБЩИНЫ* 59

ПОСЛАНИЕ К ИГУМЕНУ СКИТА ЦЫБУКАН ФЕОДОСИЮ* 68

СЛОВО К ПРЕПОДОБНЕЙШЕМУ ГОСПОДИНУ ОТЦУ ФЕОДОСИЮ, АРХИМАНДРИТУ ПУСТЫНИ СОФРОНИЕВОЙ*

О любви своей к нему. И о том, чтобы не искать чести и богатства. И какую любовь отеческую подобает иметь настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании в обители. О том, чтобы иметь время для чтения отеческих книг и молитвы в келии. О книгах отеческих, переведенных с греческого языка. И еще о некоем хулителе умной молитвы 70

ПОСЛАНИЕ К НИКИФОРУ ФЕОТОКИ* 101

ДРУГОЕ ПОСЛАНИЕ ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СЕКУЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ, К ОТЦАМ, ОСТАВШИМСЯ В ДРАГОМИРНЕ* 104

ПОСЛАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СТАРЦА ПАИСИЯ ИЗ СВЯТОГО МОНАСТЫРЯ ДРАГОМИРНА К УЧЕНИКАМ СВОИМ, КОТОРЫЕ НАХОДИЛИСЬ НА ЖАТВЕ НА ХУТОРЕ (МЕТОХЕ) НЕКШАНЫ* 110

ТОГО ЖЕ ОТВЕТ СВОИМ УЧЕНИКАМ, ОТЦАМ ДОРОФЕЮ И ГЕРОНТИЮ, НАХОДЯЩИМСЯ В БУХАРЕСТЕ, ПОСЛАННЫМ ЕГО ПРЕПОДОБИЕМ В ШКОЛУ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ. О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ЕСТЬ МЯСА* 115

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИЙ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКИЙ

О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ БРАШЕН, ВОЗБРАНЕННЫХ МОНАХАМ* ... 120
Предисловие. О том, по какой причине собраны из Священного Писания эти ответы для разрешения вопросов о воздержании от брашен, возбраненных монашескому добровольному обещанию 120
Исследование. О воздержании и невкушении монахами мяса: откуда пошло этому начало? 122

ПРАВИЛА ДЛЯ ТРОИЦКОГО ОДИГИТРИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ 147

ИГУМЕН ФИЛАРЕТ ГЛИНСКИЙ

О ДОЛЖНОСТИ ДУХОВНИКА, СЛУЖАЩЕГО ИНОКИНЯМ 160

ДО И ПОСЛЕ ПОСТРИГА. ПОУЧЕНИЯ МОНАХАМ 165
Поучение новоначальному перед постригом 165
Поучение новопостриженному монаху 167

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ,
заключающее в себе правила наружного поведения для новоначальных иноков и советы относительно душевного иноческого делания 195
ПРЕДИСЛОВИЕ 195
ПРАВИЛА НАРУЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ НОВОНАЧАЛЬНЫХ ИНОКОВ 198
Введение 199
Правила 199
Значение монастыря (1) 199

О послушании в послушаниях (2–3) 199
О врачевании погрешностей (4) 201
О церковных молитвах и о поведении в церкви (5–18) 201
Об обязанностях чтецов (19–22) 204
О сходе (23) 206
О поклонах в церкви (24) 206
О снимании камилавок (25) 208
О сохранении строжайшего благоговения в церкви (26–27) 209
О поведении в трапезе и об употреблении пищи (28–30) 210
Об употреблении вина (31) 211
О поведении в келии (32–37) 211
Об одежде (38) 213
Об отношениях к монастырскому братству (39–44) 214
Об отлучках из монастыря (45–49) 216
О чествовании чудотворных икон и святых мощей, находящихся в монастыре (50) 218
Заключение 218

СОВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ДУШЕВНОГО ИНОЧЕСКОГО ДЕЛАНИЯ 223
Введение. Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его 223
Глава I. Об изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям 226
Глава II. Человеки будут судимы на суде Божием по евангельским заповедям 228
Глава III. Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям 230
Глава IV. О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях 231
Глава V. О хранении себя от соблазнов 233
Глава VI. Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом 236
Глава VII. О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому 238
Глава VIII. О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями 241
Глава IX. О чтении Евангелия и отеческих писаний 242
Глава X. Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни 245

Глава XI. Об отшельнической жизни 247
Глава XII. О жительстве в послушании у старца 265
Глава XIII. О жительстве по совету 271
Глава XIV. Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей 277
Глава XV. Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу 282
Глава XVI. Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему 285
Глава XVII. О молитве 288
Глава XVIII. О приготовлении к молитве 290
Глава XIX. О внимании при молитве 292
Глава XX. О келейном правиле 294
Глава XXI. О поклонах 295
Глава XXII. О применении келейного правила к монастырскому правилу 298
Глава XXIII. О молитве Иисусовой 301
Глава XXIV. Об упражнении молитвою Иисусовою 304
Глава XXV. О непрестанной молитве 306
Глава XXVI. О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной 307
Глава XXVII. О богомыслии 312
Глава XXVIII. О памятовании смерти 314
Глава XXIX. Тесный путь установлен Самим Богомдля истинных служителей Его 318
Глава XXX. Учение святых отцов о тесном пути 330
Глава XXXI. Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени 341
Глава XXXII. Источники иноческих скорбей 348
Глава XXXIII. О необходимости мужества при искушениях 352
Глава XXXIV. О трезвении 355
Глава XXXV. О пользе и вреде от телесных подвигов 363
Глава XXXVI. О ревности душевной и духовной 367
Глава XXXVII. О милостыне 371
Глава XXXVIII. О нестяжании 374
Глава XXXIX. О человеческой славе 379
Глава XL. О памятозлобии 387
Глава XLI. Значение слова «мир» 394
Глава XLII. О хранении от знакомства с женским полом 407

Глава XLIII. О падших ангелах 413
Глава XLIV. Первый образ борьбы с падшими ангелами 434
Глава XLV. Второй образ борьбы с падшими ангелами 442
Глава XLVI. О сновидениях 443
Глава XLVII. О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков 448
Глава XLVIII. Об особенном противодействии падших духов молитве 451
Глава XLIX. О хранении душевного ока от всего вредного для него 459
Глава L. О покаянии и плаче 463
Заключение. О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества 481

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СВЯТЫХ ОТЦАХ, ТВОРЕНИЯ КОТОРЫХ ВОШЛИ В НАСТОЯЩИЙ СБОРНИК 487
Преподобный Нил Сорский 488
Преподобный Василий Поляномерульский 490
Преподобный Паисий Величковский 492
Преподобный Серафим Саровский 495
Преподобный Василиск Сибирский 497
Преподобный Зосима Верховский 499
Игумен Филарет Глинский 501
Святитель Игнатий Брянчанинов 503

ТРЕЗВОМЫСЛИЕ

Том II

На обложке помещена
икона русских святых — наставников умного делания.
Написана сестрами Ново-Тихвинского монастыря

ББК 86.372.24
Т93

Трезвомыслие: в 2 т. / сост. схиигумен Авраам (Рейдман). —
Т93 Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвинского женского монастыря,
2009. — Т. 2. — 512 с.

ISBN 987-5-94512-089-1
ISBN 987-5-94512-091-4 (т. 2)

Лицензия Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций от 27.02.01 г. № 04117.
Издательство МПРО женский монастырь Ново-Тихвинский
Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат).
620144, г. Екатеринбург, Зеленая роща, 1.
Тел.: (343) 347-47-28, 348-48-41, 348-26-29.
E-mail: skit@sestry.ru, www.sestry.ru

Подписано в печать 27.02.2009. Гарнитура BodoniC.
Формат 70x100/16. Объем 32 п. л. Тираж 3 500 экз. Заказ № 1671
Адрес издательства Православный Паломник-М:
127994, Москва, ул. Сущевская, 21.
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова,14